

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г. Н. Пронин, В. Е. Соболев

**ДРЕВНИЙ СМОЛЕНСК.
АРХЕОЛОГИЯ
ПЯТНИЦКОГО КОНЦА
Выпуск 2**

Москва 2020

УДК 902/904
ББК 63.4
П81

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор:
П. Д. Малыгин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
Н. А. Кренке, Ю. Б. Стрикалов

Пронин Г. Н., Соболев В. Е.
П81 Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Выпуск 2. – М.:
Институт археологии РАН, 2020. – 336 с.
ISBN 978-5-94375-280-3

Монография продолжает публикацию результатов спасательных археологических работ в Пятницком конце древнего Смоленска. Раскопки были связаны с реконструкцией набережной Днепра к 1150-летию города. В 2011–2012 гг. на территории Пятницкого конца Смоленска была исследована площадь 560 кв. м (раскопы 3 и 4). В ходе работ изучены культурные напластования мощностью до 7 м. Полученные материалы отражают практически все стороны материальной культуры городского населения (домостроительство, керамическое и ювелирное производство, весь спектр используемого бытового и хозяйственного инвентаря, торговые связи, особенности погребального обряда на приходских кладбищах) в хронологическом отрезке от конца XI до XVIII в. и позволяют во многом корректировать представления о материальной культуре средневекового русского города.

Для археологов, историков, культурологов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-280-3
DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-280-3

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2020
© Пронин Г.Н., Соболев В.Е., 2020

*Елене Дубиной и Анне Соболю
с благодарностью и любовью...*

Введение

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой продолжение публикаций результатов археологических исследований в Пятницком конце Смоленска. Предшествующие раскопки в этой части города проводились в 2008–2009 гг. на двух участках, отведенных под современную застройку, – **раскопы 1 и 2**. Результаты этих изысканий были опубликованы авторами в монографическом исследовании в 2011 г. (Пронин, Соболев, Гусаков. 2011). Там же приведен краткий историко-архивный очерк о Пятницком конце древнего Смоленска.

В этой книге публикуются результаты новых – 2011–2012 гг. – исследований на территории Пятницкого конца – **раскопы 3 и 4** (Рис. 1).

В 2013 г. Смоленск отмечал свой 1150-летний юбилей. В связи с этим в городе были осуществлены несколько крупных строительных проектов, в основном культурно-социального направления. Среди них, пожалуй, наиболее амбициозным был проект реконструкции набережной реки Днепр (левый берег). В соответствии с действующим законодательством, работы по реконструкции набережной сопровождалась спасательными археологическими изысканиями. В ходе этих работ был заложен **раскоп 3** площадью 280 кв.м. Параллельно с этим проводились раскопки на участке частной застройки по ул. Студенческой – у пересечения ул. Б. Краснофлотская и Студенческая. Здесь располагался **раскоп 4**, также площадью 280 кв. м.

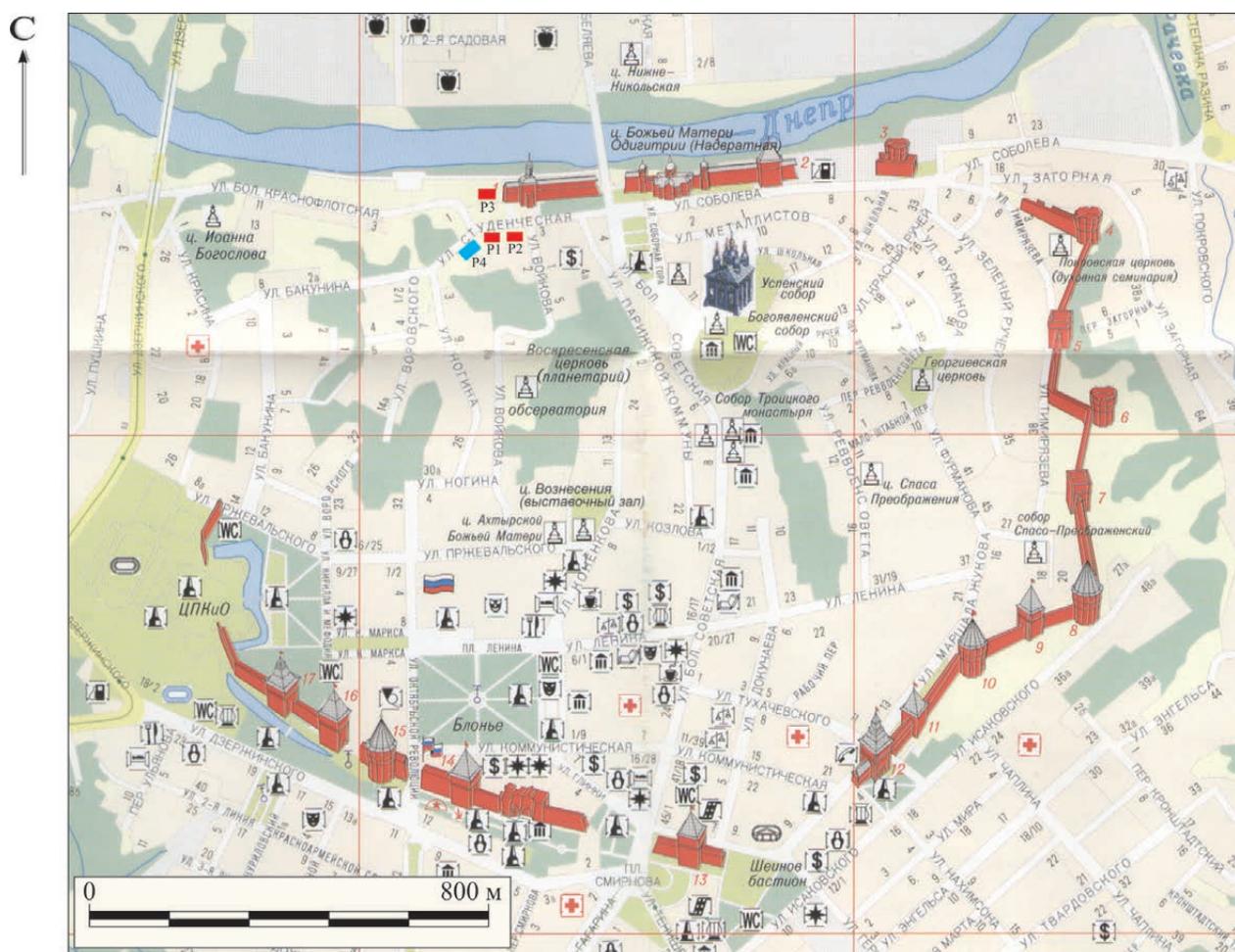

Рис. 1. Схема расположения раскопов (2008–2012 гг.) в Пятницком конце Смоленска

В целом за период с 2008 по 2012 г. на смоленском Подоле, в пределах Пятницкого конца, были исследованы культурные напластования на площади чуть более 1000 кв. м. Это наиболее масштабные археологические исследования прибрежного района города после работ конца 40-х – начала 50–70-х годов XX столетия Д. А. Авдусина.

Существенным является то, что исследования 2008–2012 гг. проводились в районе Пятницкой церкви и в пределах территории существовавшего здесь большого Торга. Это позволяет надеяться, что полученные результаты, введенные в научный оборот, послужат

весомой основой для последующих научных изысканий, в частности, в плане социальной топографии древнего Смоленска.

Авторы выражают признательность всем тем, кто так или иначе способствовал появлению этой книги. И в первую очередь сотрудникам Смоленской экспедиции ИА РАН: А. М. Алферову, В. В. Бегуновой, А. В. Горкунову, Е. В. Дубиной, М. В. Лукьяновой, Т. А. Папенковой, А. В. Пожилову, Ю. А. Соловьевой, А. Е. Шалаеву. Особая благодарность А. В. Кирсанову, оказавшему большую помощь в компьютерной обработке материалов.

Краткий очерк истории археологических изысканий в Смоленске

Смоленск – наряду с Ладогой, Новгородом и Киевом – один из древнейших русских городов. Основанный на берегах Днепра в X в., город изначально представлял собой перевалочный пункт на днепровском маршруте пути «из Варяг в Греки». Географическое местоположение Смоленска и его функциональное назначение как города-крепости неизбежно отразилось на его дальнейшей судьбе и археологически фиксируемых следах многочисленных и часто трагических эпизодах его истории.

История археологического изучения Смоленска насчитывает около 200 лет. Ее основные вехи и этапы достаточно полно освещены в ряде специальных публикаций разного времени (Мурзакевич. 1804; Елаховский. 1826; Никитин. 1848; Акты...1846–1853; Писарев. 1882–1894; Орловский. 1902, 1905, 1907; Клетнова. 1912; Андреев, Маковский. 1948; Милонов. 1948; Авдусин. 1952–1991; Воронин, Раппопорт. 1963, 1979; Раппопорт. 1956–1976; Алексеев. 1977, 1980, 2002 и др.).

Первоначально объектами исследования были памятники древнерусской архитектуры (Писарев. 1894; Клетнова. 1912). И задачи собственно археологического изучения города не ставились (Воронин, Раппопорт. 1979). Эта тенденция, проявившись в середине – второй половине XIX в., продолжалась вплоть до конца 40-х годов XX столетия (Каргер. 1964).

В это же время – с середины – второй половины XIX в. – начались интенсивные раскопки памятников сельской округи – преимущественно городищ и курганных могильников (Спицын. 1899, 1903, 1905; Ляпушкин. 1971; Третьяков, Шмидт. 1963; Седов. 1974–1978).

Изучение городского культурного слоя было начато Д.А. Авдусиным в 1951 г., а затем продолжено его учениками – Т.А. Пушкиной, Е.В. Каменецкой, Н.И. Асташовой, Н.В. Сапожниковым и др. И с перерывами продолжались вплоть до конца 90-х годов XX столетия. Несмотря на протяженность во времени этих работ, все они носили локальный характер и были сосредоточены в начале 50-х годов – на Соборной

Горе, затем в основном на Подоле – районе современной ул. Соболева (Авдусин. 1951–1959.1972; Архив ИА: № 618, 702, 1027, 1111, 1623–1625, 1824, 1971, 4927; Асташова. 1973, 1982–1983, 1985–1990; Авдусин, Асташова, Пушкина. 1974. № 5318; Авдусин Асташова, Каменецкая. 1975. Архив ИА. № 5913; Авдусин, Пушкина. 1987. Архив ИА № 12251; Сапожников. 1978. Архив ИА № 8547; 1980. Архив ИА № 8719; 1983–1986. Архив ИА №№ 9345, 10591, 11053, 11523; 1989–1993. Архив ИА №№ 14606–14608, 15328–15329; 16091; 17476–17477; 22687).

Выбор Д.А. Авдусиным мест раскопок был далеко не случаен (Авдусин. 1952). Раскопки на Соборной Горе были обусловлены желанием обнаружить место изначального расположения древнего Смоленска и городских слоев IX–X вв. В основе этого поиска было предположение о наличии на Соборной Горе (а может быть, на какой-либо соседней из смоленских возвышенностей) остатков городища, по времени непосредственно предшествующего летописному городу. Однако ни каких-либо достоверных следов наличия укрепленного поселения, ни слов IX–X вв. найдено не было.

Раскопки в районе современной улицы Соболева были обусловлены необходимостью выяснения вопроса «...о характере и времени возникновения смоленского посада» (Авдусин. 1952. С. 224). Общая площадь трех раскопов на ул. Соболева не превышала 700 кв. м, а вместе с разведочными шурфами на Соборной Горе – составляла не более 1000 кв. м (Асташова. 1979).

Если небольшие по площади разведочные раскопки на Соборной Горе практически не дали весомых результатов – слой был разрушен позднейшими перекопами до материка, то, напротив, раскопы на ул. Соболева принесли очень интересные материалы, в том числе и берестяные грамоты. В начале 90-х годов прошлого века результаты этих раскопок были введены в научный оборот (Авдусин. 1991).

В 80-х годах XX в. Смоленской археологической экспедицией МГУ и Смоленской экспедицией ГИМ производилась шурфовка

в районе современной Б. Краснофлотской улицы. Общая площадь до 100 кв. м и небольшие разведочные раскопки в Заднепровье на Старомосковской улице у Нижне-Никольской церкви (Асташова. 1974, 1991). Необходимо отметить работы Н. В. Сапожникова по исторической топографии Смоленска, определению мощности культурных напластований и их распределения в пределах старого города, основанные на данных раскопок и материалах геологического бурения (Сапожников. 1983а). Проведенные им изыскания до настоящего времени остаются основой современных знаний по истории развития городской территории и особенностям культурного слоя исторических районов Смоленска, хотя результаты исследований последних десятилетий дают возможность корректировки устоявшихся представлений (Сапожников. 2016).

Новый этап археологического изучения Смоленска начинается на рубеже столетий и связан с работами Деснинской экспедицией Отдела охранных раскопок Инсти-

тута археологии РАН. В 2000 г. были проведены небольшие охранные раскопки в Заднепровье на ул. Кашена (Гусаков. 2000. Архив ИА. 2001), в левобережной части города в районе улицы Красный Ручей (Зубарев. 2000. Архив ИА. 2001), на ул. Металлистов (Нигматуллин. Архив ИА. 1999; Атавин, Нигматуллин. Архив ИА. 2002 и др.). За весь период работ Деснинской экспедиции ИА РАН было раскопано около 2500 кв. м, что значительно расширило источниковедческую базу. В 2005–2007 гг. археологические работы в Смоленске проводил Олейников О. М. (раскопки 2055 г. по ул. Ленина, 15, – исследована площадь 640 кв. м; ул. Дохтурова, д. 20, – 2006 г. – 156 кв. м; 1-й Краснофлотский пер., – ул. Вяземская – 2006 г. – 280 кв. м; ул. Ленина, д. 8а, – 2006 г. – 300 кв. м и др.)¹.

В 2007–2012 гг. археологические исследования вела Смоленская экспедиция Отдела охранных раскопок ИА РАН (Гусаков, Пронин, Леонтьев, Соболев – Архив ИА, полевые отчеты 2007–2012 гг.). С 2014 г. работы в городе были продолжены Н. А. Кренке.

¹ См. отчеты Олейникова О. М. за 2005–2007 гг. Архив ИА РАН.

Природно-ландшафтная характеристика зоны археологических работ²

Смоленск расположен по обоим берегам верхнего течения р. Днепр. Русло реки здесь глубоко врезано в Смоленскую возвышенность, которая является западной частью Смоленско-Московской гряды. Перепад высот на территории города составляет более 60 м.

Рельеф местности на территории Смоленска разнообразный и сложный. Расположенная по течению реки поверхность пригородной зоны ниже на 30–40 м, чем на городских холмах. Большая часть города сильно расчленена многочисленными оврагами, долинами небольших рек и ручьев – притоков Днепра. Крутые склоны берегов, изрезанные разветвленной сетью оврагов, придают территории города вид увалистой, гористой местности. Участки с высоким рельефом на территории города с отметками -230 – -250 м от уровня Балтийского моря сформировались в период предпоследнего днепровского оледенения. Они представлены полого-волнистой моренной равниной. Межовражные и межречные высокие увалы жители города издревле называют «горами» – Покровская, Казанская, Воскресенская, Соборная и др.

Пойма Днепра в большей части города узкая и лишь на восточной и западной его окраинах заметно расширяется. Первая надпойменная терраса высотой 10–12 м над урезом воды хорошо выражена по обе стороны Днепра. На правобережье она более широкая. На левом берегу, на участке проектируемой реконструкции набережной, по верхней площадке первой надпоймы сейчас проходят улицы Б. Краснофлотская, Студенческая, Соболева.

Вторая надпойменная терраса (высота около 20 м над уровнем воды) и третья надпойма (высота около 30 м) сохранились в пределах города лишь местами. Большая часть поверхности водоразделов на территории города сложена лессовидным суглинком толщиной до 5–6 м. На склонах овра-

гов и речных долин представлены в разной степени смытые почвы, а у подножия холмов – намывные отложения. В пойменных низинах Днепра и притоков залегают дерново-глеевые, а также торфянисто-глеевые почвы. Пойменные торфяные грунты встречаются редко.

Оба объекта археологических исследований – участок реконструируемой набережной (**раскоп 3**) и котлован под застройку на ул. Студенческая (**раскоп 4**) – находятся рядом (Рис. 1). Однако между ними есть существенные различия как в топографии, так и в характере и структуре культурных напластований.

Территория реконструируемого участка набережной, в том числе место **раскопа 3**, лежит на верхней площадке первой надпойменной террасы и склоне левого берега Днепра. Немного забегаая вперед, отметим, что площадка, на которой был заложен раскоп 3 (у дома № 6 по ул. Студенческой), представляла собой практически ровную задернованную лужайку, свободную от растительности. Но это современный рельеф, сложившийся преимущественно в середине – второй половине XX века. В древности же, как показали раскопки, характер берегового рельефа был более разнообразен и берег, так же как в случае с раскопом 4, имел довольно резкий – 1,5 и более метров – уклон в северном направлении в сторону реки.

Раскоп 4 находится частично на склоне и у подошвы 2-й надпойменной террасы левого берега р. Днепр, на северном склоне Воскресенского холма (горы). Резкое падение рельефа местности прослеживается в северном – СВ и СЗ направлениях – к реке.

Обращение к городским планам XIX – начала XX в. показывает, что современная поверхность является результатом искусственной планировки отдельных участков на протяжении последнего столетия и всей прибрежной зоны во время предыдущей реконструкции набережной в 1980-х гг.

² По данным геодезических изысканий, имеющимся в открытом доступе.

Обобщенная характеристика антропогенных напластований на Подоле Смоленска

Мощность антропогенных напластований в прибрежной части города колеблется от 2,5 до 8 м. Культурные напластования близ береговой линии характеризуются повышенной насыщенностью влагой. Вследствие этого в слое хорошо сохраняются изделия из органики, а также элементы жилой и хозяйственной (деревянной и каменной) застройки, мостовые, частоколы изгородей, следы оборонительных сооружений древнего Смоленска, городских усадеб и т. д. и многочисленные предметы материальной культуры городского населения различных эпох – вплоть до конца XVIII столетия.

Последние (2008–2009 гг.) археологические раскопки на ул. Студенческой – в непосредственной близости к участку реконструируемой набережной и раскопу 4 по ул. Студенческой – также зафиксировали культурные наслоения XII–XVIII вв. мощностью до 6 м (Пронин, Соболев, Гусаков. 2011).

В 2010 г., в ходе предпроектных изысканий, на всей площади проектируемой реконструкции набережной р. Днепр проводились буровые работы с целью получения геоморфологической характеристики грунтов в месте проведения проектируемых работ (Рис. 2). Результаты геобурения показали, что практически на всем протяжении реконструируемого участка набережной верхние горизонты антропогенных напластований представлены мощным слоем балласта, в виде переотложенных слоев строительного мусора. Толщина балластного слоя в некоторых скважинах достигала 8 и более метров. Ниже приводится описание результатов бурения двух удаленных друг от друга скважин западной и восточной частей набережной, на наш взгляд, достаточно представительных для данного участка местности (номера скважин соответствуют номенклатуре соответствующего раздела проектной документации).

Скважина № 12. Находилась с внешней стороны крепостной стены в 90 м к ЮЗЗ от западного края ее сохранившегося участка. Выявленная стратиграфия:

0–0,2 м – слой асфальта;

0,2–0,5 м – желтый крупнозернистый песок – «подушка» под асфальтовое покрытие;

0,5–1,5 м – светло-серая супесь – подсыпка склона;

2,5 м – прослойка красной глины;

3,2 м – темно-серый суглинок с битым кирпичом и мелкими фрагментами позднесредневековой керамики – культурный слой;

3,7 м – темно-серый суглинок с обильными включениями битого кирпича, известковой крошки, углей – культурный слой;

5,0–5,7 м – интенсивно черный суглинок, насыщенный известковой и кирпичной крошкой и углем, – культурный слой;

6,8 м – черный суглинок с включениями угля, древесного тлена и мелкими фрагментами керамики. Кирпичной крошки нет – культурный слой;

7,5 м – темно-серый суглинок с включениями желто-серой супеси, насыщен древесным тленом, кирпичной крошкой и углем – культурный слой;

7,8–7,9 м – прослойка серой сильно увлажненной супеси с включениями мелкого гравия;

9,7–11,0 м – темно-коричневый «мокрый» суглинок, интенсивно насыщенный щепой, древесным тленом, углями, – культурный слой;

11,0–11,2 м – светло-серые мелкодисперсные торфянисто-глеевые почвы – материк.

Таким образом, толщина подсыпки перемещенным грунтом и современного благоустройства составляет 3,2 м, а мощность залегающих ниже культурных напластований по кернам из скважины № 12 достигает 7,8 м.

Скважина № 29. Находилась в 400 м западнее скважины 12 напротив дома № 11 по Б. Краснофлотской ул., на краю обрыва 1-й надпойменной террасы р. Днепр. Выявленная стратиграфия:

0,5 м – перемешанный насыпной серый грунт с кирпичным боем и крошкой – нивелировка склона;

3,0 м – светло-коричневый суглинок с незначительными вкраплениями кирпичной крошки – нивелировка склона;

3,1–3,9 м – темно-серый суглинок с включениями кирпичной крошки и древесного тлена – культурный слой;

4,9 м – светло-серые аллювиальные отложения – материк;

5,2–6,3 м – желтый крупнозернистый песок с гравием – материк.

Бурение показало, что на исследованном участке грунты представлены преимущественно балластными наслоениями общей мощностью 3 м. Толщина культурного слоя в месте заложения скважины не превышает 1,0–1,2 м.

Таким образом, данные бурения и раскопок показывают, что мощность сохранившегося культурного слоя в прибрежной части Пятницкого конца Смоленска колеблется от 2,5 до 8,0 м с тенденцией уменьшения к западу, причем первоначальные отложения домонгольского периода (XII–XIII вв.) той или иной степени сохранности присутствуют в этой зоне повсеместно.

Слой балласта на площадке **раскопа 3** имел мощность не менее 1,5–2,0 м и представлял собой напластования строительного мусора (и остатки фундамента) от разрушенной кирпичной малоэтажной пристройки, торцом примыкавшей к зданию бывшей гимназии (ул. Студенческая, 6). С точки зрения сохранности культурного слоя, это крайне позитивный фактор, так как строительный мусор после деструкции постройки перекрыл и консервировал нижележащие культурные напластования практически в нетронутom виде.

Несколько иная картина верхних горизонтов культурного слоя наблюдалась

на **раскопе 4**. Здесь в довоенное время стояло кирпичное здание. Оно было сложено из красного хорошо обожженного кирпича. На некоторых целых его образцах сохранилось заводское клеймо в виде двух букв «ТИ». Из архивных источников известно, что в 90-е гг. XIX в. смоленский купец Тарас Игнатьев открыл на правом берегу в Заднепровье кирпичный завод. Кирпич этого завода и был использован при строительстве дома на ул. Студенческой в конце XIX – начале XX века. Во время войны 1941–1945 гг. здание было разрушено. Однако его фундамент и остатки в виде строительного мусора сохранились в земле на площади 96 кв. м, что составляет около 35% площади раскопа. Таким образом, верхние отложения на месте раскопок представляют собой балласт, который состоит из остатков фундамента и строительного мусора от разрушенного здания в виде битого кирпича, камней, кусков горелого дерева, включений извести, песка, углей и т. д. Мощность его в пределах площади раскопа достигала местами 2,5 м. Под остатками разрушенного строения также сохранился культурный слой с артефактами в диапазоне от XVII – первой половины XVIII в. до слабо выраженных следов напластований древнерусского времени. К сожалению, здание имело мощный фундамент, заглубленный в материк, что привело к значительному нарушению нижних слоев.

Глава 1

Стационарные изыскания (2012–2013 гг.)

Выше мы уже упоминали о существенных различиях между раскопом 3 (Набережная) и раскопом 4 (ул. Студенческая), несмотря на близость их расположения на местности. Это – разная геоморфология двух участков исследований (раскоп 3 – верхняя площадка и склон 1-й надпойменной террасы, раскоп 4 – склон второй надпойменной террасы), различная мощность и структура культурных напластований, существенная временная и количественная разница зафиксированных строительных горизонтов и ряд других моментов. Все это обуславливает дальнейшую раздельную характеристику и описание каждого из двух объектов.

Раскоп 3. Преамбула

Для раскопок был выбран участок к западу от дома № 6 по ул. Студенческой (Рис. 1), рядом с несохранившейся частью крепостной стены конца XVI – начала XVII в. с Иверовской башней. Место будущих раскопок представляло собой травяной газон с относительно ровной поверхностью (Рис. 3). Благоустроенная поверхность скрывала перекрытый сверху нивелирующим слоем грунта при обустройстве предыдущей набережной в 1980-е гг. слой строительного мусора и остатков фундамента кирпичного дома, мощность которых составляла 1,5–2 м, – от разрушенной кирпичной малоэтажной пристройки, торцом примыкавшей к зданию бывшей гимназии (ул. Студенческая, 6). Балластные напластования в пределах площади будущего раскопа неоднородны. На глубину до 1,6–1,8 м залегал грунт светло-коричневого цвета. В его структуре много кирпичного боя, камней, прослоек извести, глины и песка. В южной стенке котлована выявлен фундамент кирпичного здания конца XIX в., а также – на глубинах 1,0 и 1,8 м – сохранившиеся от довоенного

времени трубы – железная водопроводная и керамическая канализационная. В слое балласта зафиксировано несколько прослоек пожара. Верхняя прослойка горелого дерева и углей относится ко времени Второй мировой войны.

В пределах котлована, после выемки балластного слоя, на уровне зачищенной площадки глубиной 2,0 м от современной дневной поверхности, был разбит раскоп 3 площадью 280 квадратных метров (Рис. 4). Ориентирован по сторонам света. Его длинная сторона с запада на восток имела протяженность 20 м, короткая – с севера на юг составляла 14 м³.

Общая характеристика стратиграфии культурного слоя

Мощность культурных напластований на исследованном участке составляет от 5,3 м до 6,8 м. Столь большая разница в толщине отложений объясняется сильным понижением уровня древней поверхности в северо-восточном направлении. Культурный слой на разных глубинах залегания имеет разный цвет, структуру и содержит различные по времени комплексы находок и остатков жилых и хозяйственных построек и конструкций.

Стратиграфически выделяются **четыре** основных вида разных по времени формирования наслоений. Каждый из них имеет свое более дробное стратиграфическое членение, обусловленное наличием в общем массиве того или иного вида напластований многочисленных прослоек, линз и включений песка, глины, щепы, угля, извести, камней и остатков деревянной застройки. В свою очередь эта микростратиграфия напрямую увязывается с функционированием строительных горизонтов. **Под строительным горизонтом** в контексте последующего изложения понимается комплекс жилых и хозяйственных построек, других сооружений, уличных и дворовых настилов, оград и т.д.,

³ Вся площадь раскопа разбита на 70 квадратов размером 2×2 м. Нумерация квадратов буквенно-цифровая. Культурный слой исследовался по пластам (20 см). Все отсчеты проводились от единого нулевого репера, за который была принята точка дневной поверхности на северо-западном углу дома № 6 по улице Студенческой – отметка 178,4 м в Балтийской системе высот (Рис. 2).

Рис. 2. Схема расположения объектов исследований в ходе реконструкции набережной реки Днепр (буровые скважины, участки надзорных работ, раскоп 3)

Рис. 3. Набережная. Раскоп 3. Общий вид с юго-востока на площадку будущего раскопа

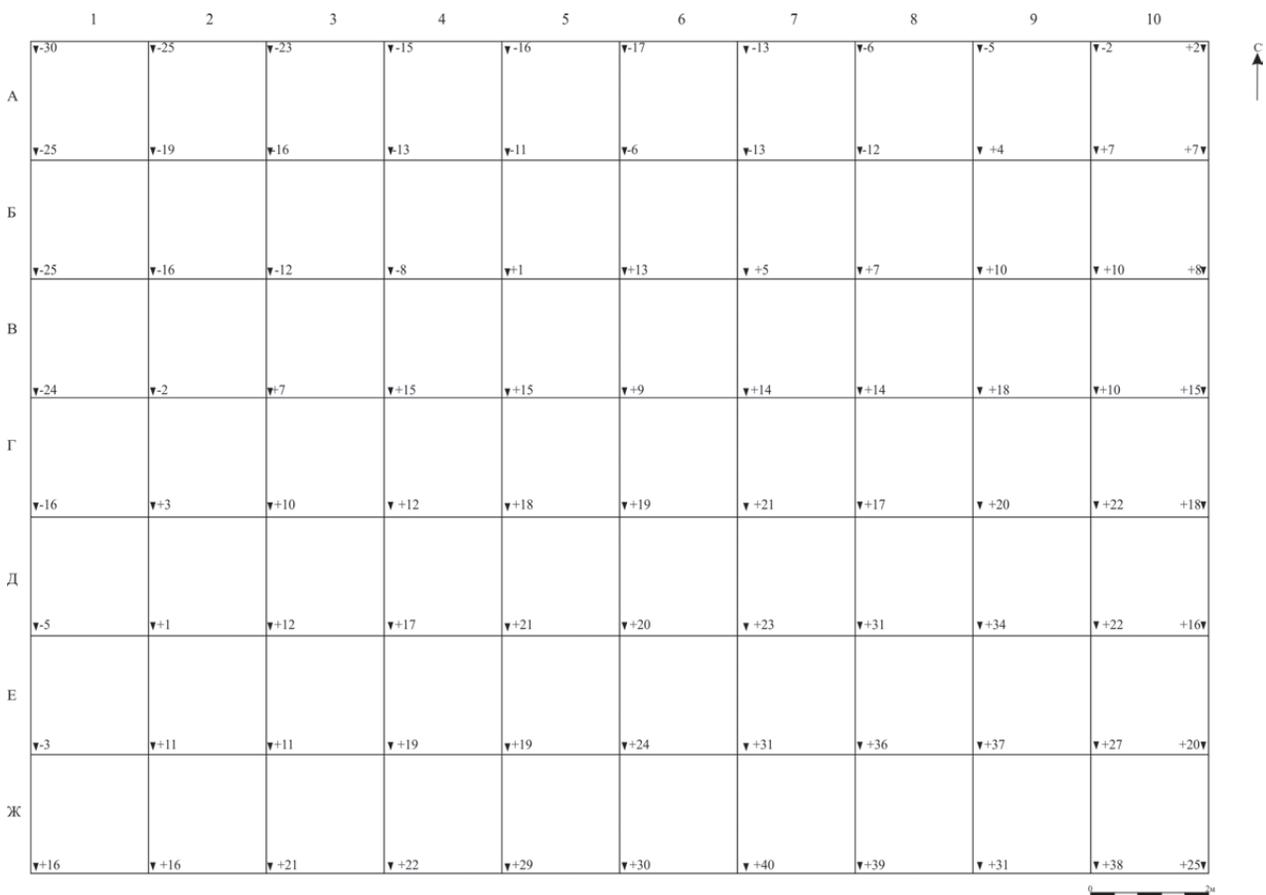
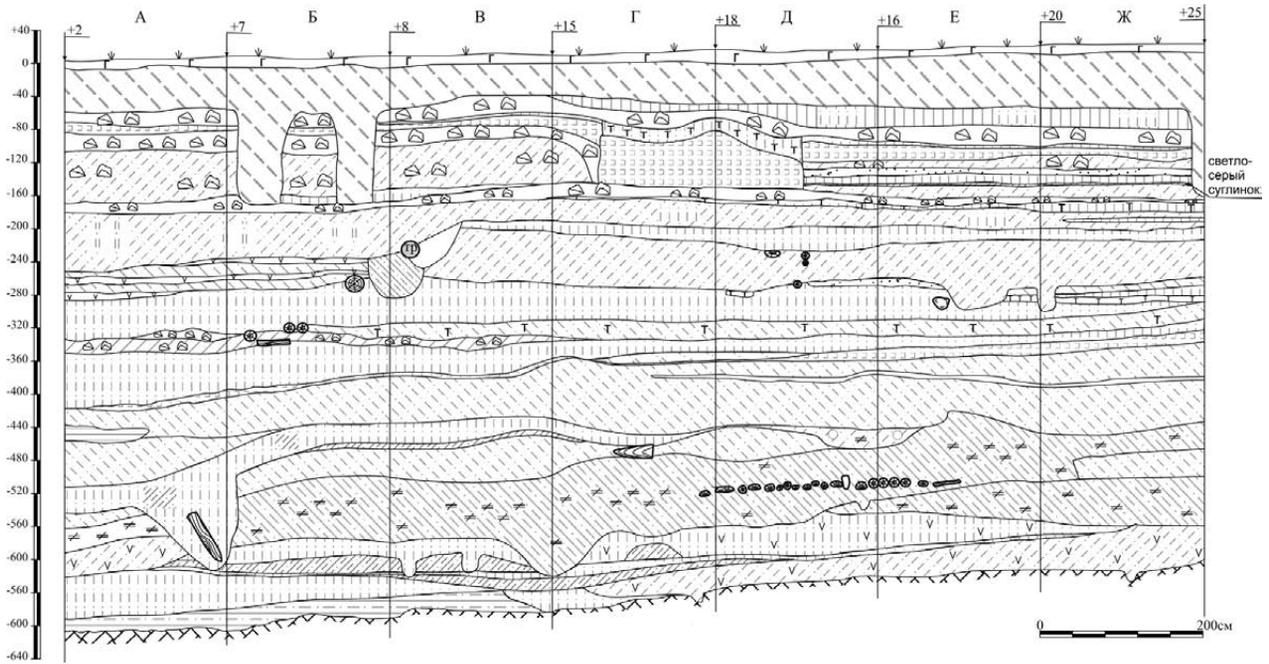

Рис. 4. Набережная. Раскоп 3. План нивелировки дневной поверхности площадки раскопа

Условные обозначения:

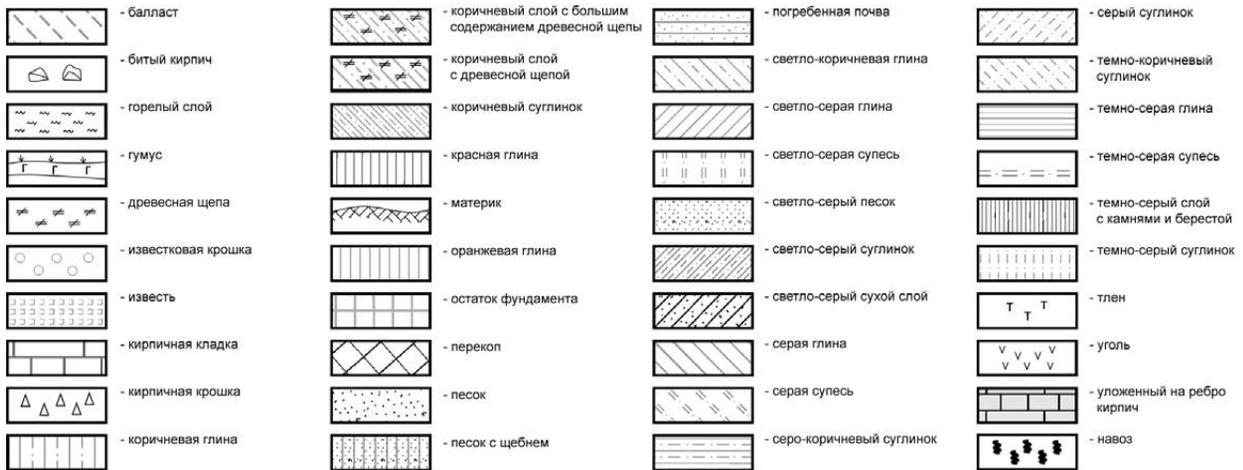

Рис. 5. Набережная. Раскоп 3. Восточный профиль

зафиксированных в одном, а чаще в нескольких пластах культурного слоя, вкпе с сопутствующими индивидуальными находками и массовым материалом (керамикой).

Ниже приводится краткая обобщенная характеристика стратиграфии культурного слоя (Рис. 5–10).

1. Дневная поверхность на месте раскопа – травяной газон с прослойкой черного гумуса толщиной 10 см. Под тонким дерновым слоем залегает слой балласта (см. выше). В профиле восточной стенки раскопа выявлено творило в виде деревянного короба, в котором готовили строительный известковый раствор (Рис. 5–6). В слое балласта за-

фиксированы остатки фундамента кирпичного здания конца XIX в. (Рис. 11). Дом был сложен из красного кирпича, на котором стояло клеймо «ТИ». В слое балласта встречаются многочисленные находки по большей части XX в.: фрагменты фаянсовой посуды с клеймами советских заводов, бутылочное стекло, разный металлический хлам. Толщина балласта в пределах раскопа колеблется от 1,4 до 1,6 м.

2. Наиболее мощными в раскопе являются темно-серые культурные наслоения. Они залегают в раскопе на глубинах от 1,4–1,6 до 4,3–4,8 м (Рис. 5–10). Толщина этих наслоений колеблется от 2,8 до 3,4 м.

Рис. 6. Набережная. Раскоп 3. Профиль восточной стенки раскопа. Вид с запада

Этот слой представляет собой суглинок с разными примесями и включениями в своей структуре. По находкам многочисленных монет и других датирующих вещей можно утверждать, что темно-серый слой формировался на протяжении XVI – первой половины XIX в. Он имеет свою более дробную по хронологии стратиграфию. В слое выявлено пять разных по времени существования строительных горизонтов.

3. Под темно-серыми культурными наслоениями залегает культурный слой более раннего времени. Он отличается темно-коричневым цветом. В его структуре присутствует много древесного тлена, коры, щепы и обильные включения навоза. В описываемых наслоениях также зафиксированы остатки городской застройки разного времени. В северной части раскопа темно-коричневый слой зафиксирован на глубинах

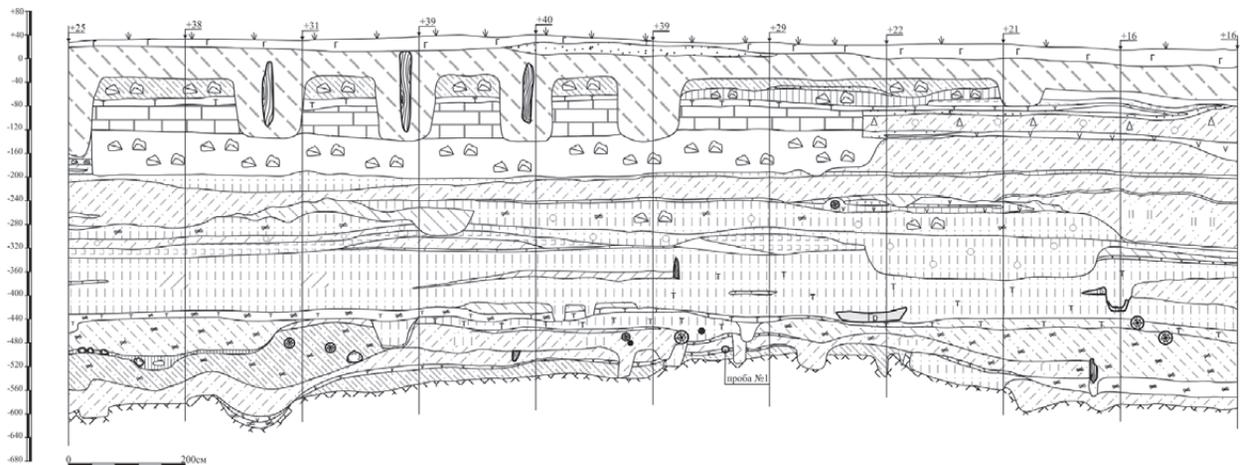

Рис. 7. Набережная. Раскоп 3. Южный профиль (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

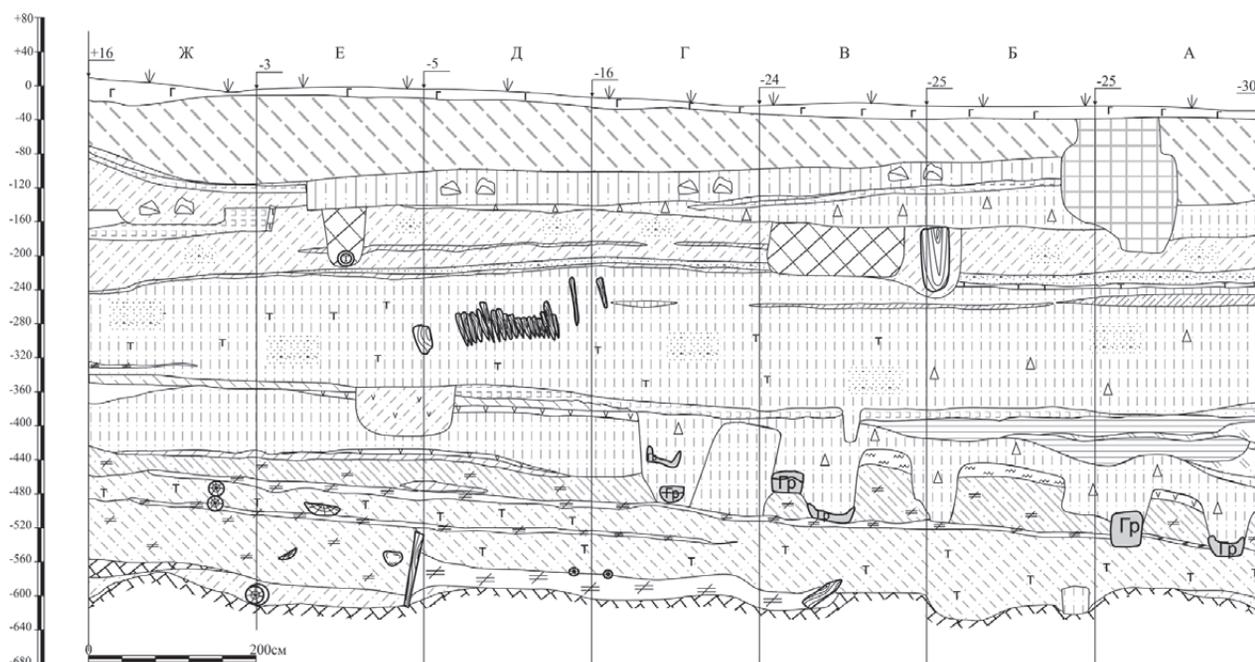

Рис 8. Набережная. Раскоп 3. Западный профиль (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

от 4,4–4,8 до 5,2–6,0 м, а в южной он залегает на отметках от 4,3–4,7 до 5,2–5,6 м (Рис. 7). Толщина этих наслоений колеблется от 1,0 до 1,4 метра. Как и предыдущий, темно-коричневый слой делится строительными горизонтами на более мелкие хронологические периоды. Этот третий «вид» культурных напластований сформировался на протяжении длительного отрезка времени – от второй половины XII до начала XVI в.

4. Самые нижние и древние наслоения в раскопе залегают в его северной части

в 20–21-м пластах. Они имеют отметки глубины от -580 до -620 см. В наслоениях выявлены остатки деревянной жилой постройки 10-го строительного горизонта. Культурный слой здесь представляет собой однородный суглинок преимущественно серого цвета. В его структуре присутствует местами примесь светло-серого материкового суглинка, линзы красной глины и древесные угли. Наслоения описываемого горизонта датируются рядом находок, позволяющих отнести его формирование ко второй половине XI – началу – первой половине XII в.

Рис. 9. Набережная. Раскоп 3. Западный профиль раскопа. Вид с востока

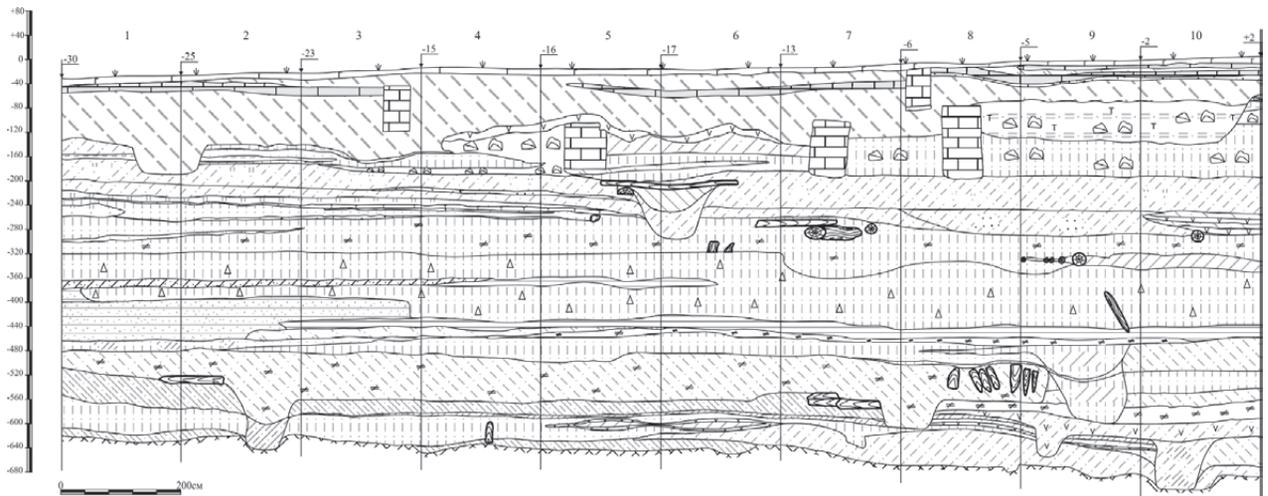

Рис. 10. Набережная. Раскоп 3. Северный профиль (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

Строительные горизонты – характеристика, инвентарь и датировка

Действующая методика производства раскопок уже на протяжении многих десятиле-

тий рассматривает «пласт» как основной критерий стратиграфического и хронологического членения культурных напластований (особенно это касается памятников с мощным культурным слоем) и полевой научной фиксации выявленных в ходе раскопок артефактов.

Рис. 11. Набережная. Раскоп 3. Верхний уровень 1-го строительного горизонта. Вид с запада

Строит. горизонт	Пласты	Постройки и другие элементы застройки	Датирующие комплексы инв.	Век	№ спила	Место спила	Дендродата основная/другие
I	0–1	Фрагмент дощатого настила	Фр-ты фаянсовой посуды, черепица, поздние печные изразцы, помадные банки, монеты XVII столетия	XVIII – начало XIX в.	1	лага под настил	1813/1689, 1626, 1464
II	2–3	Фрагмент дренажного желоба, остатки постройки, отдельные столбы	Монеты 2-й половины XVII – нач. XVIII в.	Конец XVII – начало XVIII в.	2 3 5	столб желоба столб желоба постр. № 4 – бревно венца	1833 1833 не определена
III	3–6	постройка № 1 постройка № 2 постройка № 3 постройка № 4 постройка № 5 фрагмент настила № 2	Монеты 2-й половины XVII в., курительные трубки, печные изразцы XVII в., игрушки-свистульки, керамическая плитка	Вторая половина XVII в.	4, 6–10, 11–12, 14	постр. № 1 – 6, 7–8, 14 постр. № 2 – 9, 12 постр. № 5 – 10–11, 13	1666, 1664/1878, 1447, 1512, 1720, 1731, 1750, 1642, 1716, 1583/1726, 1585, 1527, 1475, 1567, 1431, 1609, 1584, 1628, 1624, 1424, 1747, 1542, 1718
IV	6–9	постройка № 6 творило, отдельно стоящие столбы	Монеты 1-й половины XVII в., ядра, свинцовые пули, портупейные кольца, пуговицы военного мундира, обувные подковки, курительные трубки	Конец XVI – первая половина XVII в.	15 16 17 18	столб отд. столб отд. постр. № 1 – стул постр. № 1 – стул	1582, 1619/1692 1643/1729, 1505, 1691, 1647, 1509, 1572
IV-а	7–9	Прослойка строительного мусора толщиной 10–15 см (битый кирпич, известковый раствор, глина, песок, гравий)		Время строительства Смоленской крепости – 1596–1602 гг.			
V	9–11	блокгауз колодец постройка № 7 фрагмент настила заготовки бревен	Монеты XVI в., чернолощенная керамика, обувь с каблучками и подковками	Начало – 3-я четверть XVI в.	19 20 21 22 23	столб отд. бревно настила лага настила лага настила отд. лежащее бревно	1562, 1608/1618, 1682, 1617/1446, 1740, 1501 1626
VI	12–13	постройка № 8 постройка № 9 постройка № 10 фрагмент настила	Монеты конца XIV – XV в.	Конец XIV – XV в.	28	постройка № 9, бревно венца	1655/1607, 1748
VII	14–15	постройка № 11 постройка № 12 постройка № 13 постройка № 14 постройка № 15 постройка № 16 фрагмент частокола	Монеты XV–XVI вв.	Рубеж XIII – XIV – начало XV в.	24, 27, 29 30-31	постройки №№ 9, 12, 14	1493, 1544/1642, 1645, 1659/1745, 1558, 1504, 1494/1706, 1687, 1574 1471
VIII	16–17	постройка № 17 постройка № 18 остатки 2 частоколов заготовки жердей	стеклянные браслеты, шиферные пряслица, товарные пломбы, фр-ты амфор, куски плинфы	Вторая половина XII – начало XIII в.	32 33 34	столб отд. столб отд. бревно постр.	1517/1561, 1627 дуб 1506/1651, 1526
IX	18–19	постройка № 19 остатки ограды фрагмент частокола остатки плетня		Рубеж XI–XII – первая половина XII в.	35 36 37 38 39 49	отд. столб отд. столб отд. столб отд. столб отд. столб бревно венца – постр. № 19	1662/1577 дуб не установлено 1565/1547, 1457 1457/1420, 1663 не установлено
X	20–21	фрагмент постройки № 20		Конец XI – начало XII в.	40 41 43 48	столб частокола столб частокола отд. столб бревно венца – постр. № 20	1679/1453, 1507 1726/1446, 1552 1620–1630 1581/1562, 1606

Примечание: Даты в графе "Дендродаты" не везде коррелируются с датировкой горизонтов. Приводятся лишь для иллюстрации весьма не утешительных результатов датирования по спилам (см. ниже по тексту).

Рис. 12. Набережная. Раскоп 3. Хронология строительных горизонтов

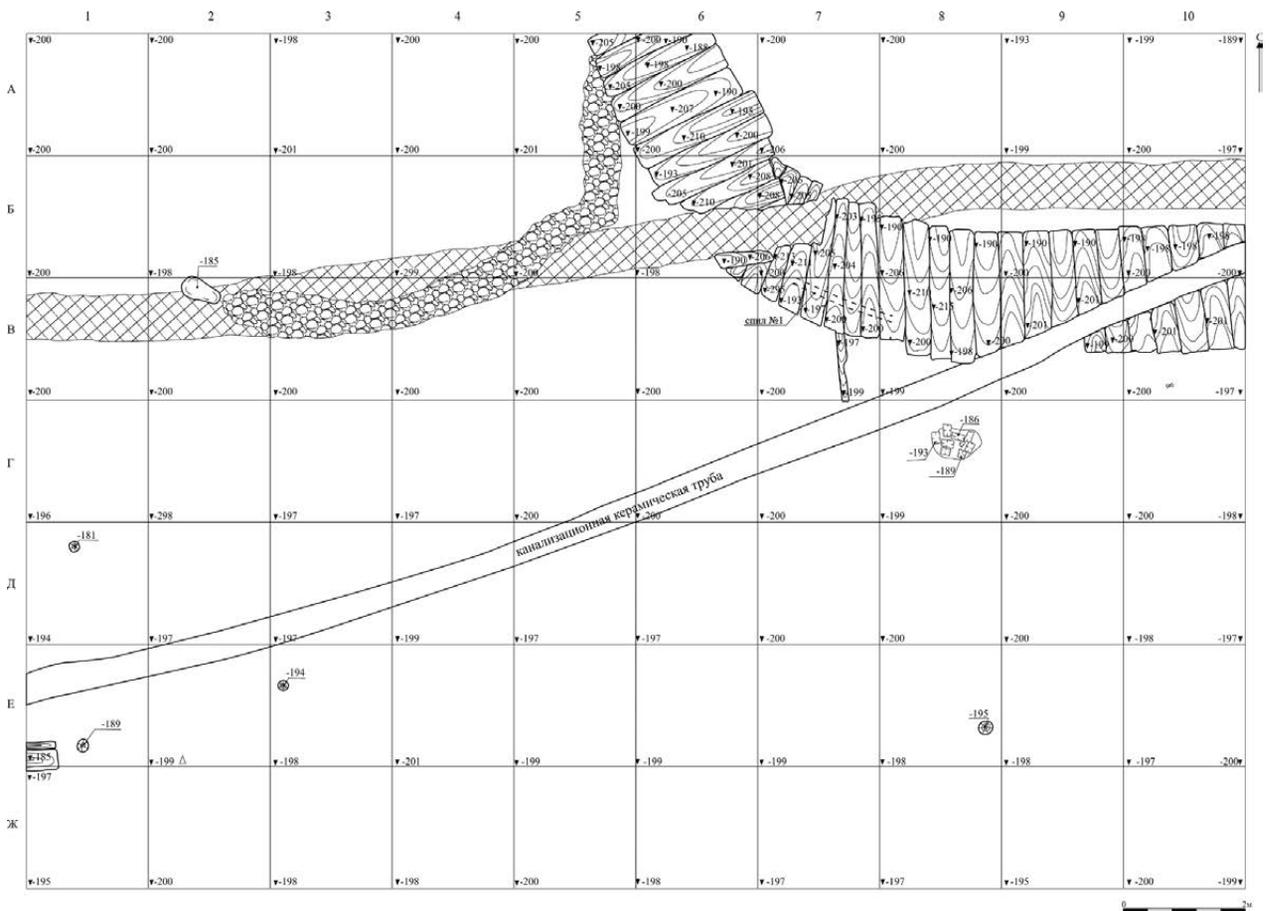

Рис. 13. Набережная. Раскоп 3. 1-й строительный горизонт

В то же время каждый исследователь осознает, что «пласт» – единица в значительной мере условная, далеко не всегда удобная и приемлемая в ходе тех или иных работ. Это, в частности, касается исследований городских слоев. Например, древнего Новгорода, где уже давно основой научной фиксации материала является «ярус». И, как теперь уже можно утверждать, культурного слоя Смоленска, для которого, на наш взгляд, наиболее приемлемым является понятие «**строительного горизонта**». Во всяком случае, для тех участков древнего города, где мощность культурного слоя исчисляется метрами. Таким образом, пластовое деление слоя фиксирует лишь последовательность хода работ и является базисом для анализа полученных материалов.

В ходе исследований в раскопе 3 были выявлены остатки деревянной застройки Смоленска от второй половины XI до первой половины XVIII в. Фрагменты жилых и хозяйственных построек, уличных, дво-

ровых настилов и оград залегали на разных глубинах в более чем шестиметровой толще культурных отложений. Используя данные стратиграфии культурного слоя и датирующий инвентарь, удастся вычленить **10 разных по времени строительных горизонтов** (Рис. 12)⁴. Как уже говорилось, каждый строительный горизонт объединяет в себе

1–2 пласта культурного слоя (реже больше). Что вполне объяснимо, так как в ходе раскопок, как правило, удастся фиксировать не более 1–2 нижних венцов построек.

1-й строительный горизонт (XVIII – начало XIX в.)

Стратиграфически залегает на стыке нижней границе 0-го пласта и в 1-м пласте культурного слоя. Представлен в раскопе остатками дощатого настила первой половины XVIII в. (Рис. 13). Настил имеет продолжение в северном и восточном направлении, выходя за пределы раскопа в квадратах

⁴ Нумерация горизонтов идет по ходу раскопок сверху вниз.

Рис. 14. Набережная. Раскоп 3. 1-й строительный горизонт. Настил из дубовых плах в линиях кв. А–В. Вид с востока

А5–А6 и В10, В10. Выложен из колотых дубовых досок шириной 28–40 см. Торцы досок отрезаны пилой. Под настилем обнаружены остатки лаги в виде плахи. Его ширина составляет 2,1–2,15 м при толщине досок 5–6 см (Рис. 14). В двух местах настил поврежден вырубками при укладке в XX в.

керамической трубы ливневой канализации и железной трубы водопровода. Очевидно, он служил для прохода от Пятницких водяных ворот к Иверовской башне смоленской крепости. Доски настила частично перекрывают остатки каменного фундамента (?) какой-то более ранней постройки (Рис. 15).

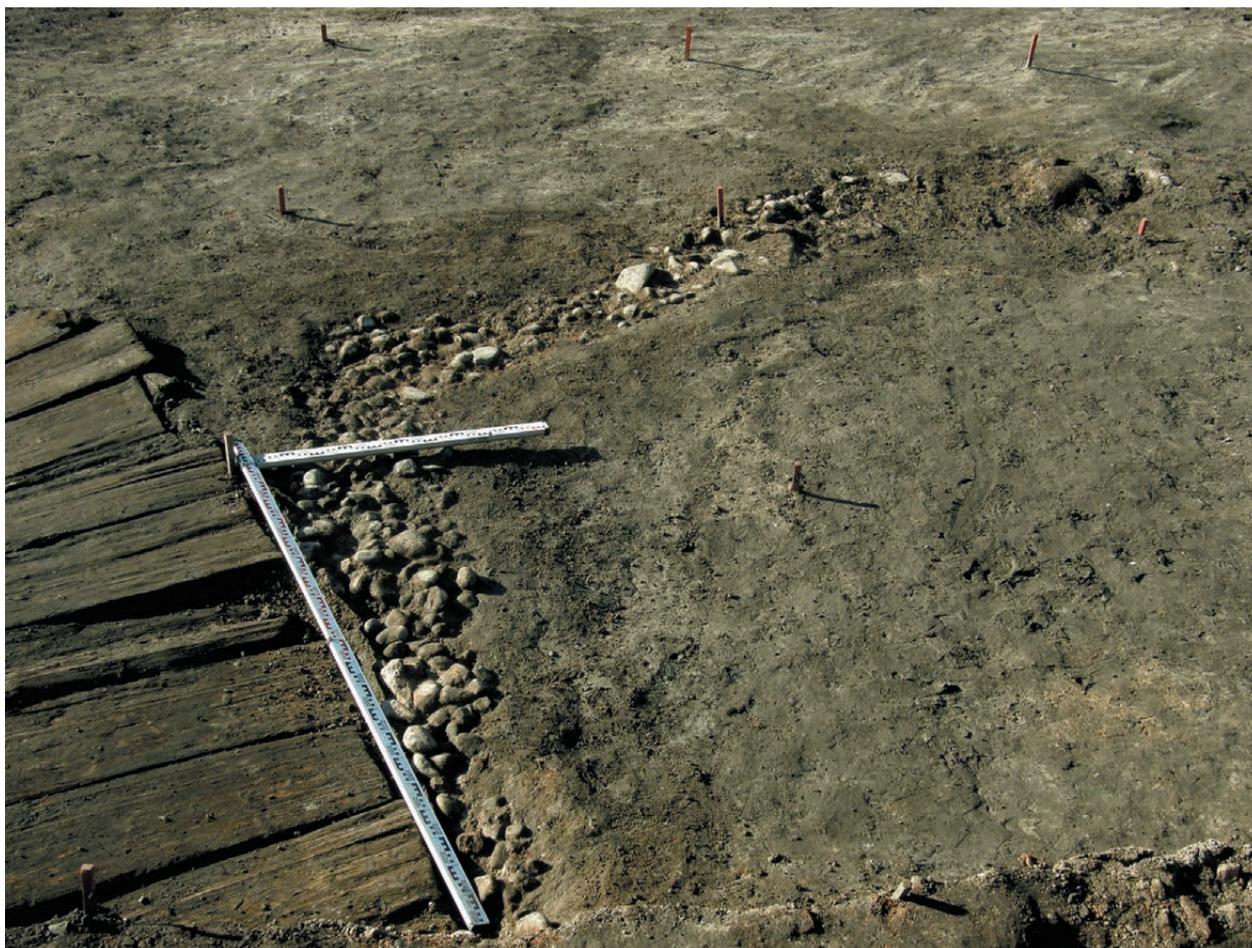

Рис. 15. Набережная. Раскоп 3. 1-й строительный горизонт. Фундамент постройки под настилом вымостки первой половины XVIII в. Вид с севера

Фундамент постройки сложен из мелких камней 6–10 см в поперечнике. Между камнями присутствует мелкий кирпичный бой. Камни фундамента связаны между собой известковым раствором с большим содержанием песка. Толщина кладки 0,55–0,6 метра. В культурном слое горизонта над настилом и возле него найдены фрагменты костей со следами обработки (4 экз.), две железные обувные подковки, медная и костяная пуговицы и российская полушка чеканки 1731 года.

Подавляющее большинство находок из слоя этого строительного горизонта составляет керамика – фрагменты бытовой посуды, печных изразцов и кровельной черепицы.

Среди бытовой керамики наиболее широко представлена кухонная посуда. Самой распространенной ее формой является горшок. Большинство сосудов сформовано из серой или красной глины с добавлени-

ем в тесто чаще всего песка. Орнаментация у горшков, как правило, отсутствует.

Наиболее характерные приемы оформления венчиков кухонных горшков XVIII в.: вертикальная постановка венчика (Рис. 16; 1), слегка отогнутый наружу край венчика (Рис. 16; 2, 5). У некоторых изделий верх оформлен в виде валика (Рис. 16; 6–7) или карнизика (Рис. 16; 4) либо украшен рифлением (Рис. 16; 3). У отдельных сосудов зафиксировано одно или два уха. Диаметры венчиков горшков от 9 до 27 см. Крышки горшков в большинстве своем покрыты глазурью. У отдельных не поливных крышек диаметр достигал 18–21 см (Рис. 17; 5–7).

Миски по своей форме напоминали углубленные тарелки (Рис. 17; 1–2). У некоторых из них диаметр составлял всего 10–12 см. Другие изделия имели дугообразные выпуклые стенки (Рис. 17; 3–4). Чаще всего они не были покрыты глазурью. Стенки многих из них сильно закопчены и имеют

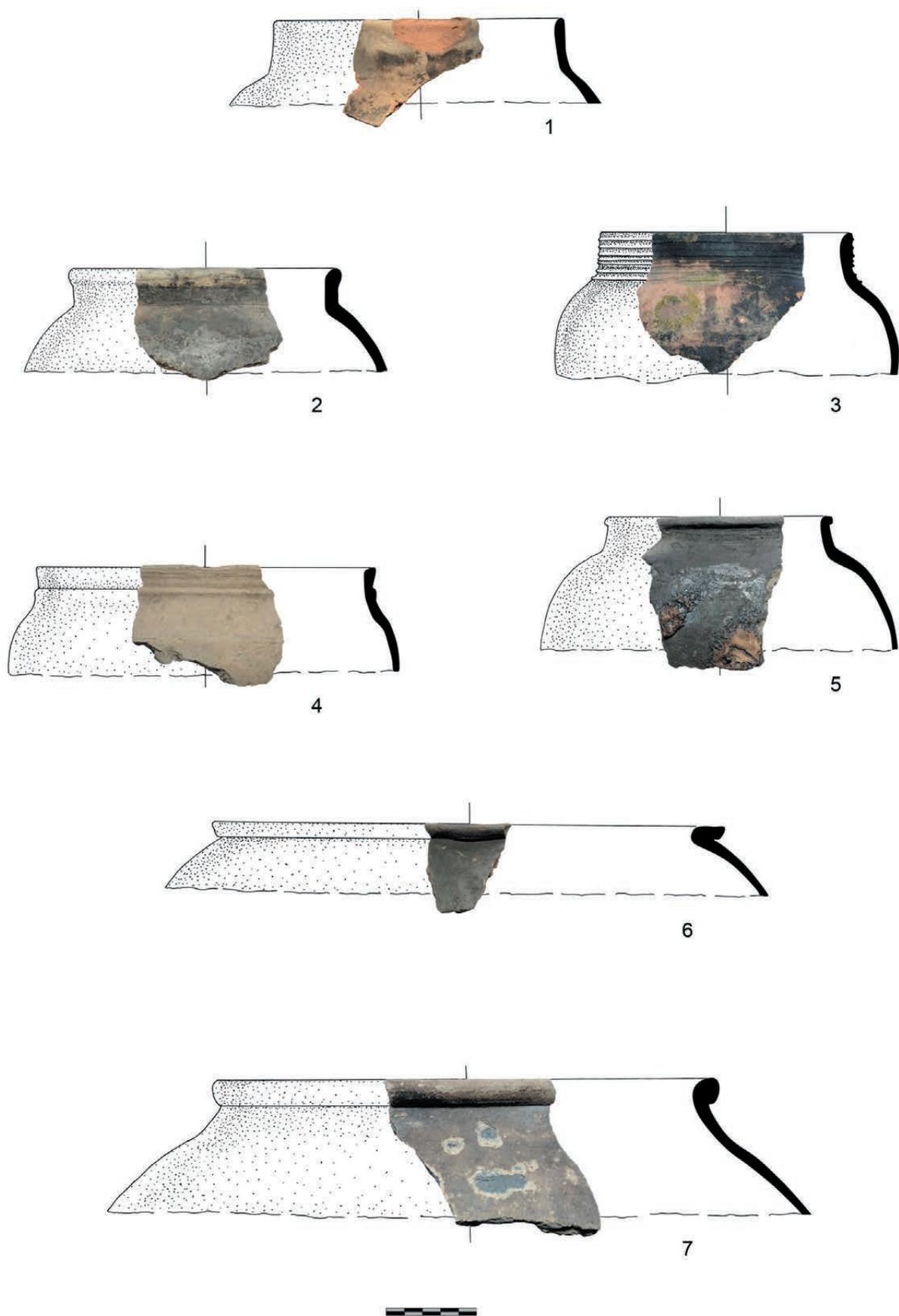

Рис. 16. Набережная. Раскоп 3. Керамика 1-го строительного горизонта: 1–7 – формы кухонных неглазурованных горшков

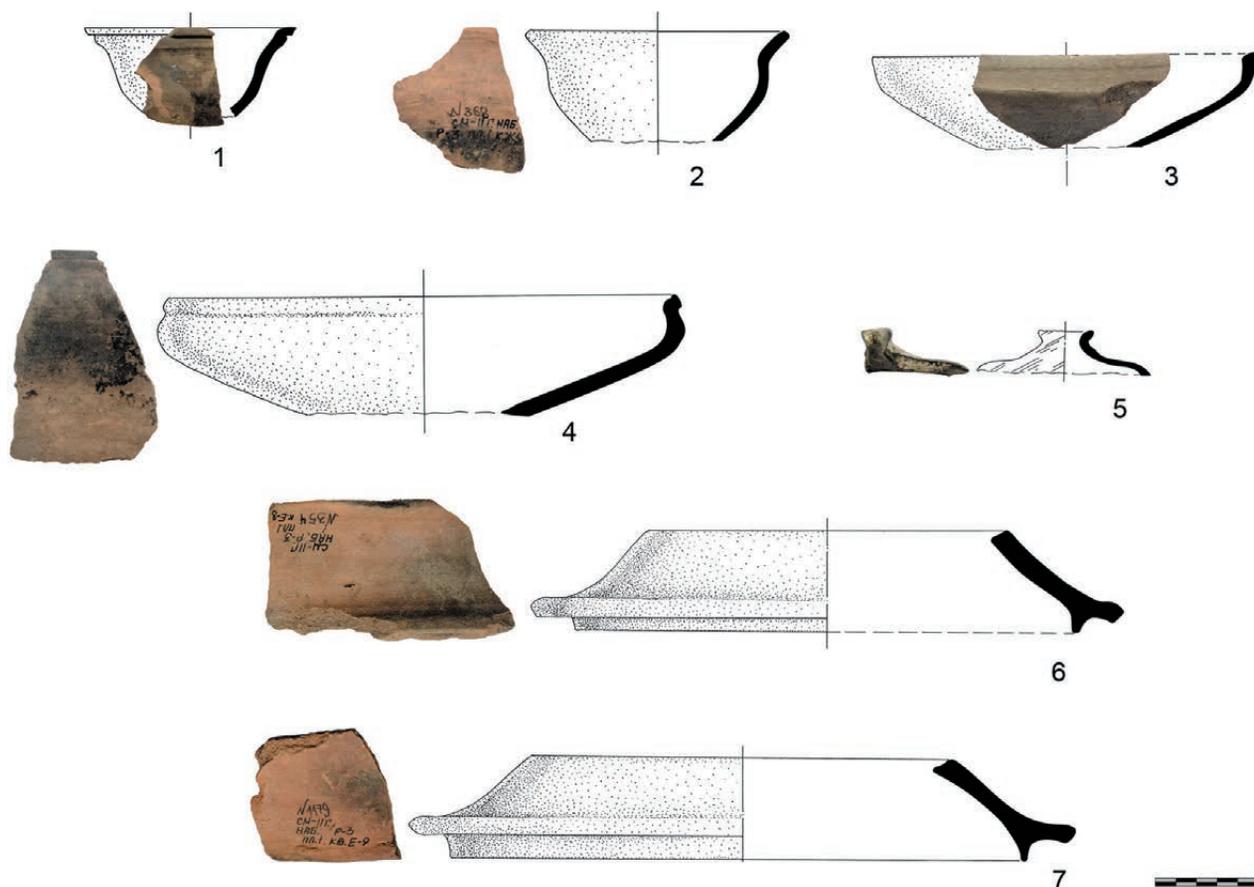

Рис. 17. Набережная. Раскоп 3. Керамика 1-го строительного горизонта: 1–4 – основные формы мисок; 5–7 – крышки кухонных горшков

нагар. Вероятно, в них могли готовить какие-то блюда на огне, то есть они выполняли функции сковород. Диаметр таких мисок колебался от 10 до 25 см.

Тарелки формовались из красной глины и покрывались глазурью с внутренней стороны (Рис. 18; 5–6). Некоторые экземпляры по бортику украшены узором в виде прочерченного многорядного зигзага (Рис. 18; 4). Диаметры тарелок разные. Среди них некоторые экземпляры изготовлены в технике так называемого «черного люстра».

Отличительным признаком кувшинов было наличие ручки (Рис. 18; 1). Крышки, напротив, ручек и слива не имели (Рис. 18; 2).

Кружки – цилиндрической формы с боковой ручкой. Как правило, глазурированные. Некоторые сосуды были на поддоне и сверху под венчиком украшены прочерченным линейным орнаментом. Среди находок есть фрагмент керамической вазочки, глазурированной изнутри (Рис. 18; 3).

От глиняных чайников обычно сохраняются лишь фрагменты носиков – также глазурированные. Широко бытовали помадные банки – цилиндрической формы с покрытием эмалью, различные модификации миниатюрных сосудов, вероятно, для хранения специй.

В культурном слое 1-го строительного горизонта найдены более двухсот фрагментов печных изразцов. В основном обломки румп. По ряду технологических признаков и приемам орнаментации все они относятся ко второй половине – концу XVII – середине XVIII в.

Датирующим материалом являются также несколько фрагментов так называемой «голландской» черепицы с характерным волнистым профилем, получившей распространение в XVIII в. Ассортимент изделий из глины дополняется находками фрагмента курительной трубки (Рис. 19; 4), а также фрагменты детских игрушек в виде стилизованной че-

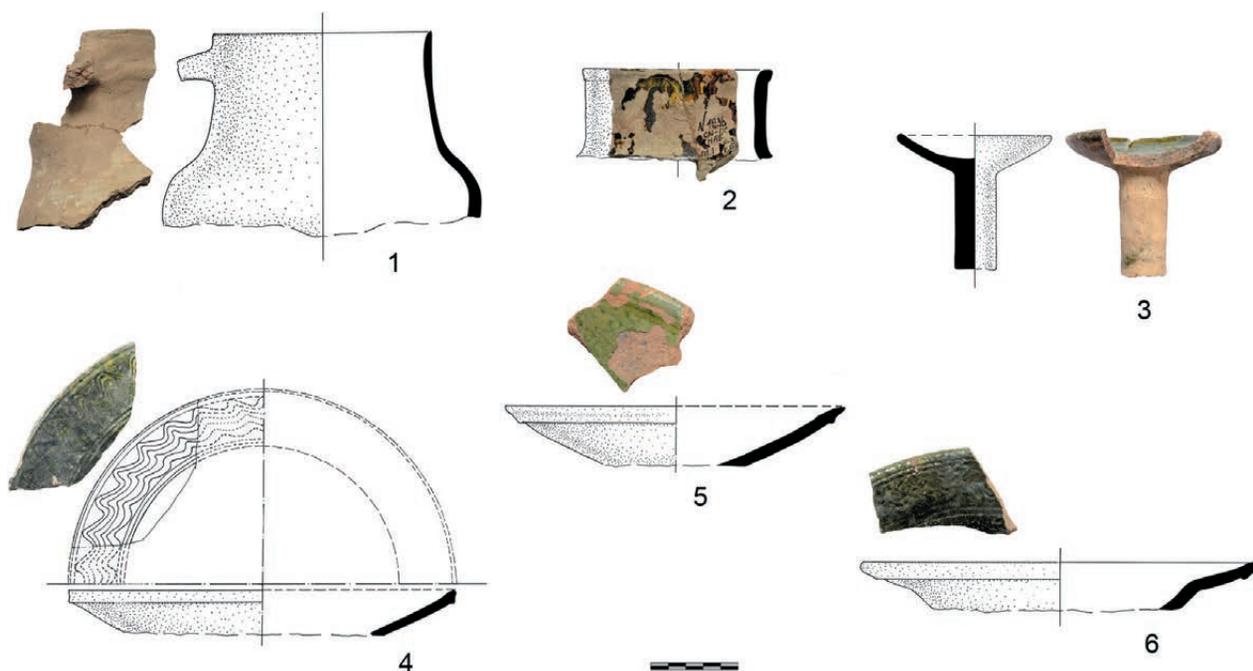

Рис. 18. Набережная. Раскоп 3. Керамические изделия из слоя 1-го строительного горизонта: 1 – фрагмент неглазурованного кувшина; 2 – крышка со следами полихромной подглазурной росписи; 3 – глазурованная «вазочка» (?); 4–6 – фрагменты глазурованных тарелок

ловческой головы (Рис. 19; 3) и глазурованной утки-свистулки (Рис. 19; 6).

Индивидуальные находки 1-го строительного горизонта включают предметы бытового и хозяйственного назначения: железные ножи (Рис. 20; 1, 6), рыболовные блесны (Рис. 21; 2, 4), шило с деревянной ручкой (Рис. 21; 1), железный ковшик, возможно ювелирного назначения (Рис. 21; 6), латунный наперсток, обувные трехшипные подковки (Рис. 20; 3, 5). В слое обнаружены две столовые вилки. Двухзубая имела костяную ручку (Рис. 21; 3), а трехзубая деревянную (Рис. 20; 7). Из сплавов цветных металлов изготавливались детали костюма – пуговицы (Рис. 22; 1–10), пряжки (Рис. 20; 2). А также ювелирные изделия – запонка из желтого сплава (Рис. 23; 12), перстень со сложносоставным щитком и вставками из стекла (Рис. 23; 11), крестельник (Рис. 23; 10).

Предметы вооружения представлены находками фрагмента железного ядра (скорее всего, времени войны 1812 г.), 5 свинцовыми пулями (Рис. 22; 12–13) и фрагментом кремня, может быть, для высекания огня

в кремневых замках огнестрельного оружия (Рис. 24; 2).

В единственном экземпляре найдена каменная подвеска-амулет. Явно происходит из древнерусского слоя (Рис. 24; 1).

Сравнительно немногочисленны изделия из органики: ложка, фрагмент щетки, фрагмент кожаного поясного ремня, фрагмент кошелька и целый кожаный чехол для хранения двустороннего костяного или деревянного гребня (Рис. 24; 7–8). А также кости животных со следами обработки (Рис. 24; 3–6).

Обычной находкой в культурном слое 1-го горизонта являются фрагменты стеклянной посуды: стопки с утолщенным донцем диаметром 4,5 см, штофы для хранения напитков и жидких лекарственных форм. Они имели невысокое узкое горлышко.

Основанием датировки 1-го строительного горизонта XVIII – началом XIX столетия служит нумизматический материал. Найдено 10 монет (Рис. 23; 1–9). Семь из них относятся к первой половине XVIII столетия. Этому не противоречит и весь комплекс индивидуальных находок и массового материала.

Рис. 19. Набережная. Раскоп 3. 1-й строительный горизонт (пласт 0). Индивидуальные находки: 1 – декоративная накладка цветного металла; 2–3 – фрагменты глиняных игрушек; 4 – курительная трубка; 5 – фрагмент печной перемычки со штампом; 6 – глазурованная игрушка-птичка

Рис. 20. Набережная. Раскоп 3. Индивидуальные находки 1-го строительного горизонта: 1, 6 – железные ножи с обкладками рукоятей; 2 – поясная пряжка; 3, 5 – обувные подковки; 4 – неопределенный железный предмет; 7 – вилка

Рис. 21. Набережная. Раскоп 3. Индивидуальные находки бытового назначения 1-го строительного горизонта: 1 – шило с деревянной обкладкой рукояти; 2, 4 – рыболовные блесны; 3 – двузубая вилка; 5 – обувная подковка; 6 – ковшик железный ювелирный (?); 7 – окантовка деревянной лопаты

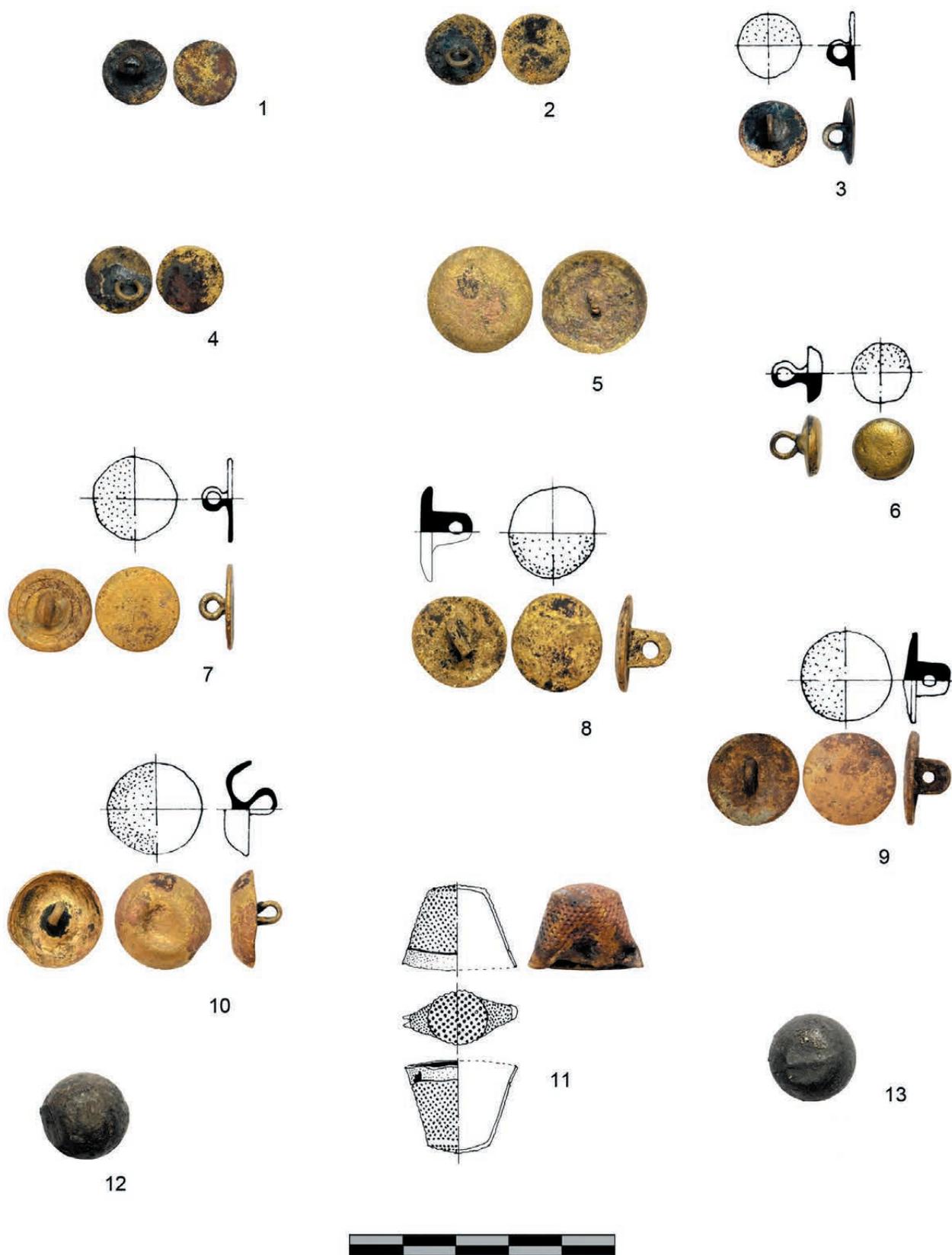

Рис. 22. Набережная. Раскоп 3. 1-й строительный горизонт. Индивидуальные находки из металла: 1–10 – одежные пуговицы цветного металла; 11 – медный наперсток; 12–13 – свинцовые пули

Рис. 23. Набережная. Раскоп 3. Монеты и индивидуальные находки из слоя 1-го строительного горизонта: 1 – «чешуйка» медная; 2–7 – полушки 1730-х гг.; 8 – денга 1731 г.; 9 – 2 копейки 1798 г.; 10 – крест-тельник белого металла; 11 – перстень со вставками в щитке; 12 – запонка цветного металла

Рис. 24. Набережная. Раскоп 3. Изделия из камня, кожи и кости 1-го строительного горизонта: 1 – подвеска из сланца; 2 – ружейный кремь; 3–6 – кости со следами обработки; 7–8 – кожаные изделия

2-й строительный горизонт (конец XVII – начало XVIII в.)

Залегают на глубинах с отметками от -220 до -248 см и включает фрагмент дренажного желоба, жилую постройку (№ 3) и отдельно стоящие столбы (Рис. 25).

Дренажный желоб сохранился на длину 19,5 м. Его ширина составляет 0,45–0,5 м. Имеет простую конструкцию. На парно вкопанные вертикальные столбы диаметром 12–18 см снаружи опираются горизонтально уложенные жерди боковых стенок желоба. Диаметр жердей составляет 8–12 см при их длине 3,8–4,0 м. Торцы жердей стыковались между собой у парных столбов (Рис. 26; 1–2). Дно желоба было дощатое. Использовался для отвода дождевых и талых вод в Пятницкий ручей.

Фрагмент **постройки № 3**, погибшей в пожаре, частично выступает из южной стенки раскопа на ширину до 2 метров. Жилой дом состоит из двух срубов, соединенных между собой узкими сенями. Длина северного бревна сруба в квадратах Ж2–Ж4 составляет

3,6 м. Северная стенка другого сруба в квадратах Ж4–Ж6 имеет длину 3,4 м. Оба сруба сохранились на высоту одного венца, рублены из сосновых бревен диаметром 18–22 см в чашку с остатком. Чашка вырубалась в верхней части бревна. Длина остатков колеблется от 11 до 16 см. В обоих помещениях выявлены следы печей в виде пятен красной прокаленной в огне глины с примесью древесных углей. Пол в обоих срубах уложен на уровне нижнего венца. Его колотые доски покоятся на поперечных лагах-брусках шириной 15–18 см (Рис. 27). Под некоторыми из них сохранились подкладки в виде кусков красного кирпича с налипшим известковым раствором. Доски пола шириной 15–22 см при толщине 5–6 см обрезаны пилой на торцах. Они уложены в обоих срубах дома в направлении запад – восток впритык к бревнам нижнего венца. Сени шириной до 0,8 м также сохранили остатки дощатого пола на лагах. С северной стороны к западному срубу жилой постройки примыкает скопление жердей диаметром 5–7 см и тонких (1,5–2,0 см) досок длиной до 2,1 м

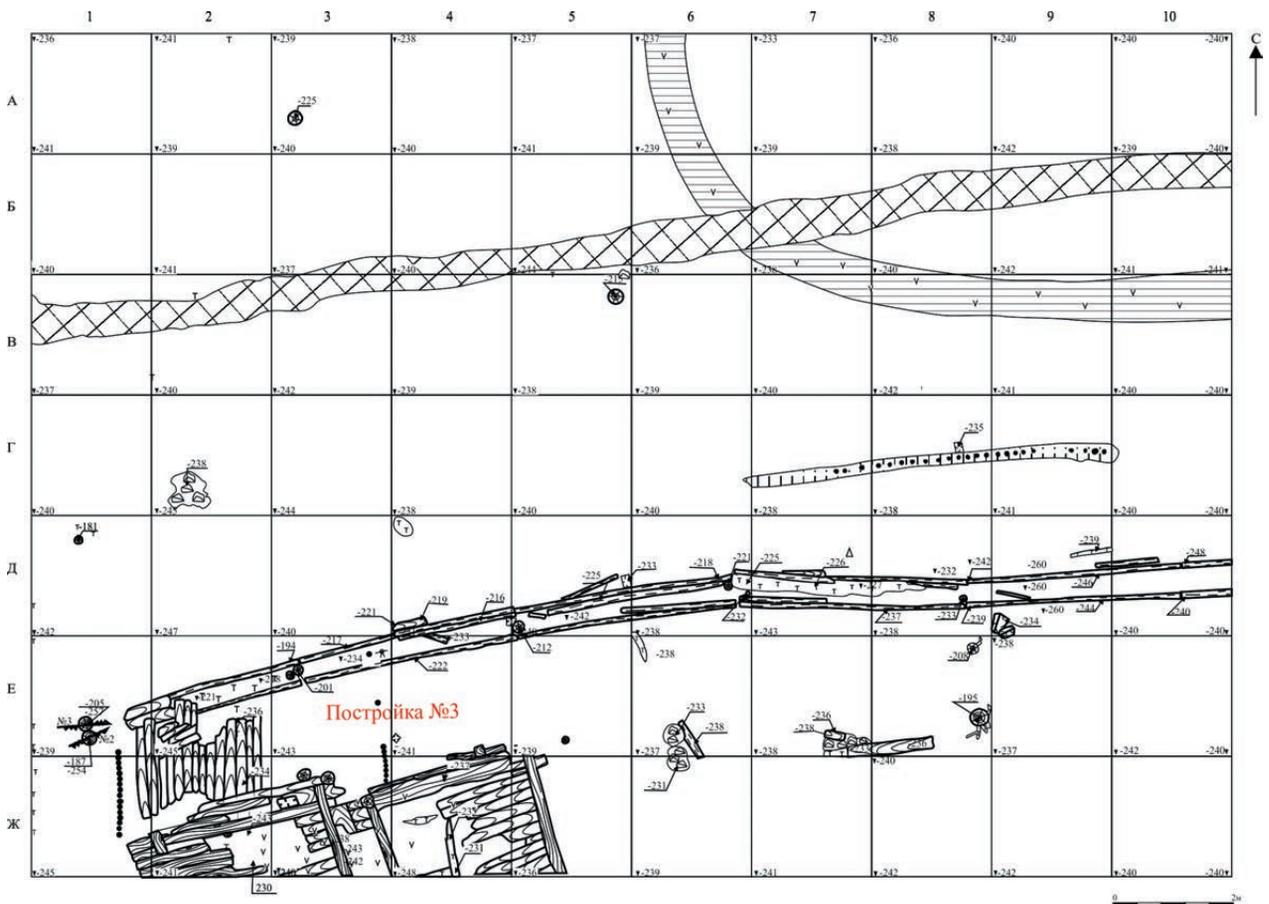

Рис. 25. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт

(Рис. 27). Их ширина 14–21 см. Очевидно, это остатки северного ската крыши сгоревшего дома. Жерди обрешетки лежат под досками крыши перпендикулярно их направлению. С западной стороны к дому примыкает частокол. Его фрагмент длиной 1,4 м состоит из вертикальных кольев толщиной 4–6 см. Коля частокола заточены внизу топором. Они сохранились на высоту 44–49 см.

В слое, на уровне пола внутри постройки № 3, найдены: российская монета деньга 1706 г., медная копейка чеканки времен правления Алексея Михайловича, фрагменты двух глиняных игрушек-свистулек, три железные обувные подковки, нож, фрагмент удила, лошадиная подкова, а также ряд изделий из цветных металлов – подвески и накладки (Рис. 28; 1–13). Вещевой комплекс датируется концом XVII – началом XVIII в.

Не противоречит этой датировке и весь комплекс инвентаря из слоя 2-го строительного горизонта.

Керамика представлена широким ассортиментом изделий – горшки, миски, тарел-

ки, кувшины, макитры, дуршлаг, крынки, глики, кружки, помадные банки, рукомои, сосуды для специй, горшкообразные сосуды для питья, сковороды.

Самая многочисленная группа посуды – горшки (более 700 фрагментов только венчиков сосудов, из них лишь 19 – глазурированные). Подавляющее большинство сосудов изготовлено из серой или красной глины с примесью главным образом песка в тесте. Диаметры устья горшков колеблются от 12 до 28,5 см., однако чаще встречаются сосуды с диаметром 16–23 см. Кухонные горшки этого времени лишены какой-либо орнаментации.

Преобладают сосуды, имеющие валикообразный венчик, посаженный на одутловатое тулово (Рис. 29; 1, 3). Диаметр устья таких горшков может достигать 26–28 см. Популярными в это время были также горшки с вертикальной профилировкой венчика (Рис. 29; 2, 4). У некоторых из них присутствует между венчиком и туловом ярко выраженная шейка (Рис. 29; 7–8). При этом

Рис. 26. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт: 1 – дренажный желоб – общий вид с запада; 2 – дренажный желоб, деталь конструкции – крепеж и стыковка продольных лаг желоба

край венчика может быть отогнут горизонтально наружу (Рис. 29; 8, 10). У ряда сосудов с вертикальным венчиком снаружи имеется утолщение с продольной канавкой посередине (Рис. 29; 6–5).

Крышки горшков также были в основном неполивные. Из 18 фрагментов, найденных в горизонте, только одна была покрыта глазурью. Некоторые из крышек имели сверху ручку-ухо (Рис. 30; 1–3). Диаметр крышек 20–26 см.

Кухонной посудой также были макитры. Они служили для растирания продуктов при приготовлении пищи. Всего найдено восемь фрагментов этой формы посуды. Макитры имели форму банки со слегка расширяющимся кверху туловом. Диаметр сосудов мог достигать 29 см.

Найдено несколько десятков фрагментов сковород, часто – со следами копоти и нагара на внешних стенках. Высота этих изделий была небольшой – 5–6 см, а диаметр обычно более 20 см (Рис. 30; 4–5). Находки

фрагментов горшков-рукомоев немногочисленны. Среди них встречаются экземпляры с глазурованной внутренней поверхностью (Рис. 30; 6–8).

В ассортимент столовой посуды входят тарелки, миски, кувшины, кружки и некоторые другие виды изделий. Диаметр тарелок составляет в среднем 22–30 см. Внутренняя поверхность обычно покрыта глазурью – чаще зеленого цвета, реже коричнево-зеленого или светло-коричневого оттенка. Некоторые экземпляры имели широкие бортики со слегка загнутым краем. У других край бортика был оформлен в виде каймы. Встречались тарелки просто с отогнутым почти горизонтально бортиком (Рис. 31; 1–4).

Большинство мисок, как и сковороды, имели дугообразные выпуклые наружу стенки (Рис. 31; 6, 9). Однако высота их была значительно больше – 7–10 см. Некоторые миски имели снаружи под венчиком кайму в виде пальцевых вмятин (Рис. 31; 8).

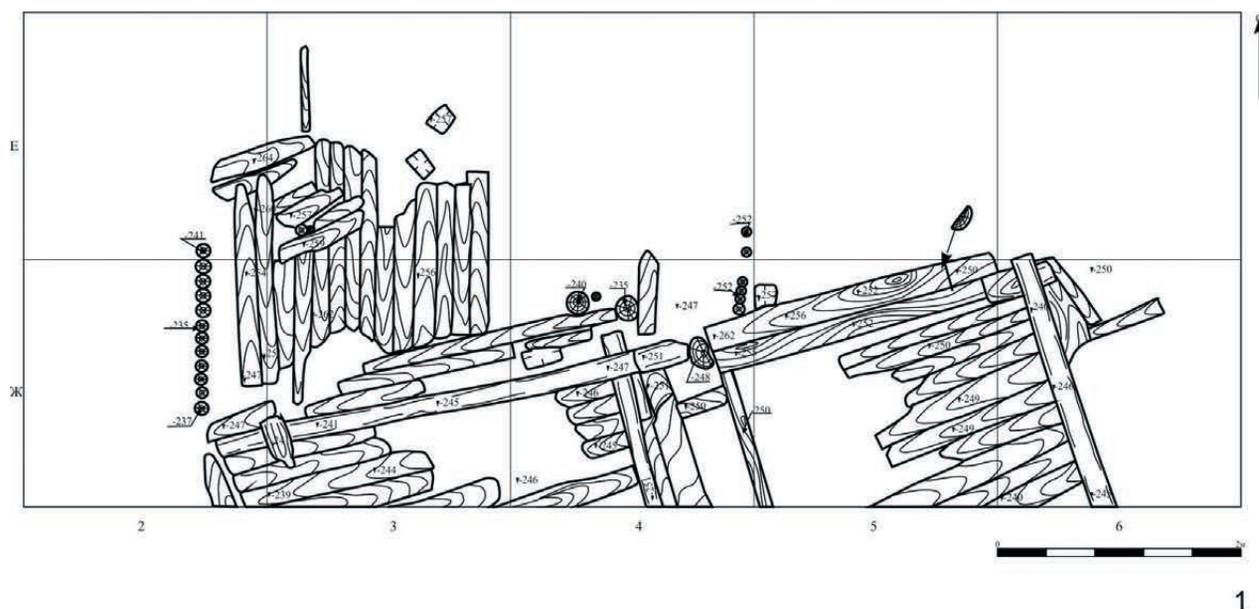

Рис. 27. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Постройка № 3: 1 – план постройки; 2 – конструктивные детали устройства полов. Вид с севера

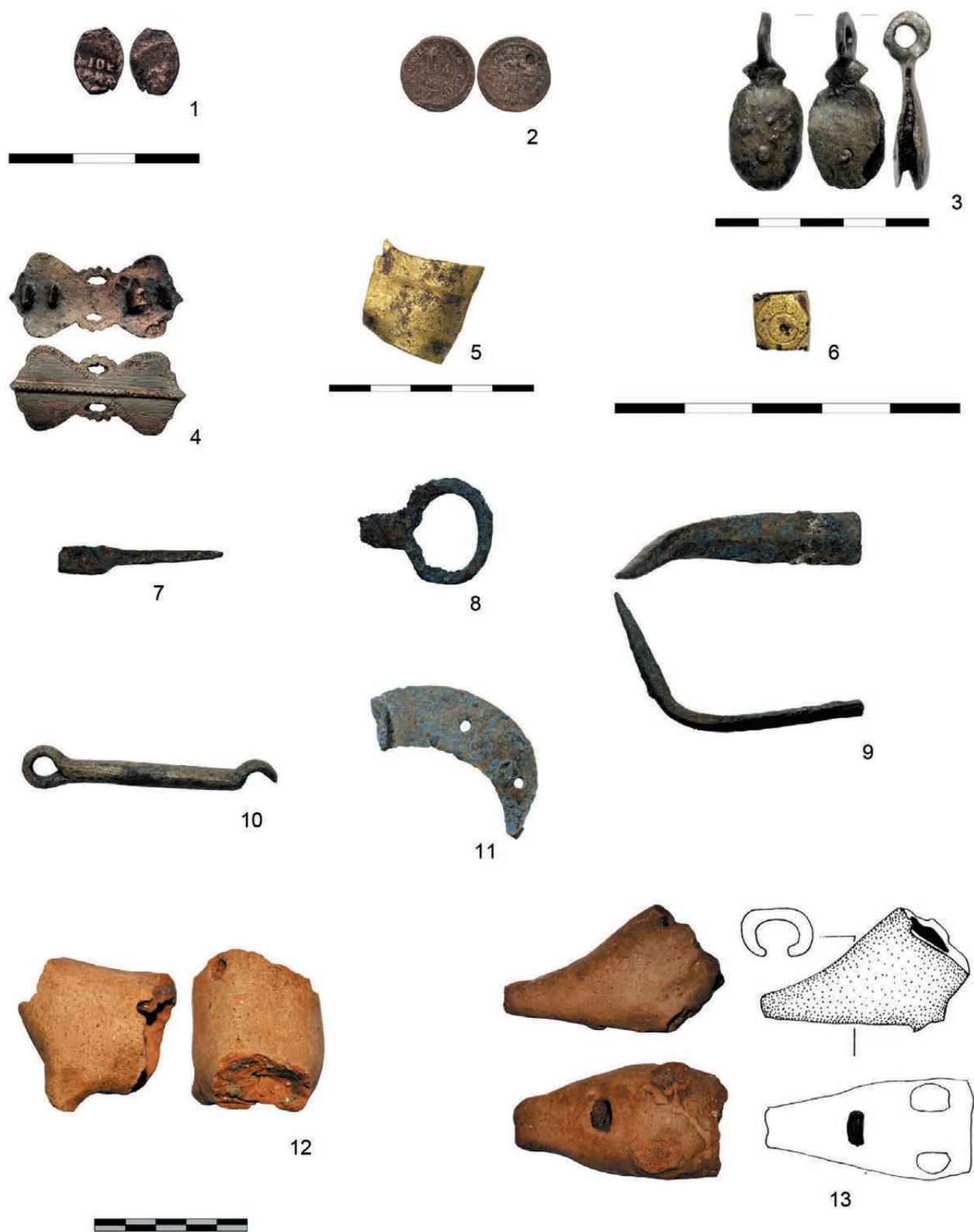

Рис. 28. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Комплекс находок из постройки № 3: 1 – медная копейка Алексея Михайловича – 1655–1663 гг.; 2 – денга 1706 г.; 3 – подвеска цветного металла (от упряжи?); 4 – накладка цветного металла; 5–6 – накладки из цветного металла; 7 – фрагмент ножа; 8 – обломок ключа; 9 – фрагмент наконечника копья; 10 – деталь железных удил; 11 – фрагмент конской подковы; 12–13 – глиняные игрушки

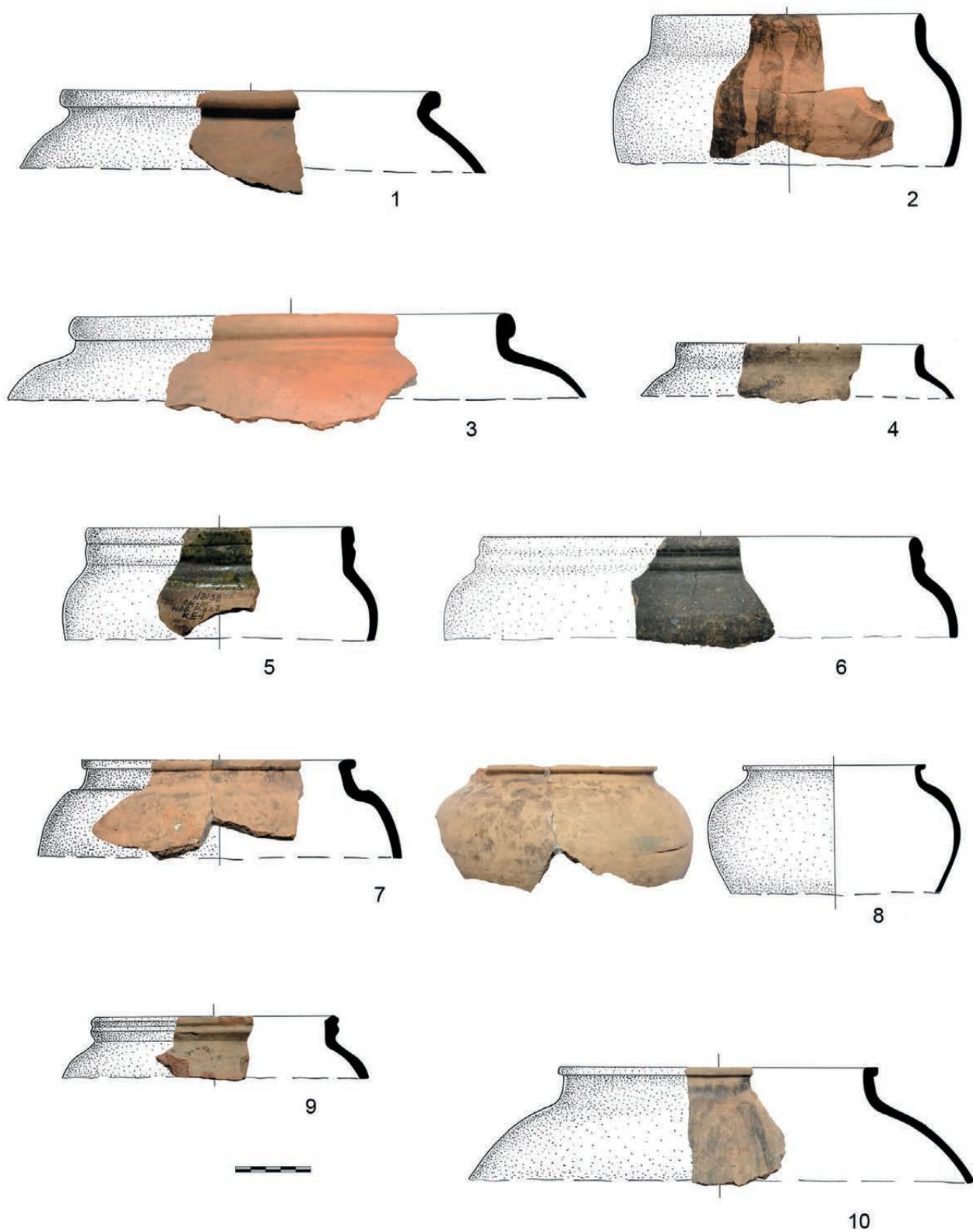

Рис. 29. Набережная. Раскоп 3. Характерные виды профилировки кухонных горшков 2-го строительного горизонта

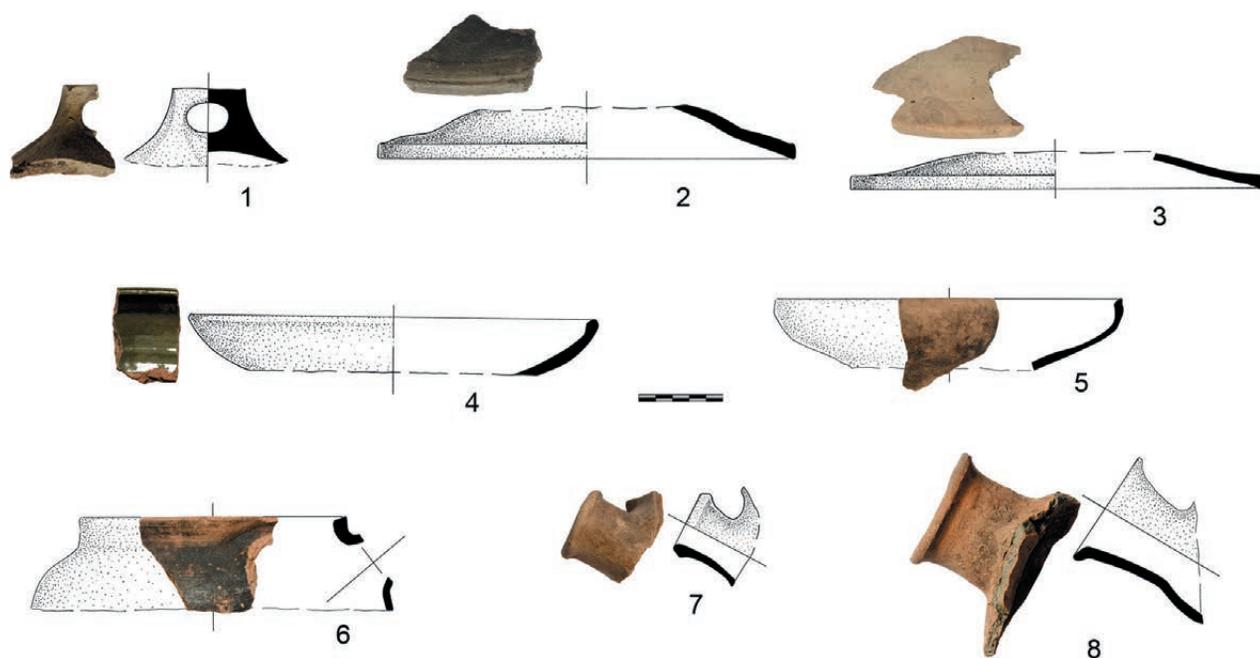

Рис. 30. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Другие виды кухонной керамики: 1–3 – крышки кухонных сосудов; 4–5 – сковороды (?); 6–8 – рукомои

Диаметр мисок составлял 16–27 см. Маленькие миски с диаметром 12–14 см, вероятно, были детской посудой. Большинство мисочек не было покрыто глазурью. Но встречаются и поливные внутри изделия (Рис. 31; 5, 7, 9).

Кружки – цилиндрической формы, всегда с боковой ручкой (Рис. 32; 7–8). Диаметр их составлял 7–9 см. Встречаются и поливные и неглазурованные экземпляры. В качестве сосудов для застолья широко использовались горшковидные сосуды со сливом (Рис. 32; 9–10) и стопки. (Рис. 32; 11–12).

Кувшины для хранения жидкостей имели ручки и слив. Как правило, глазуровались. Их горло цилиндрической формы диаметром 9–11 см иногда украшалось каймой либо многорядной прочерченной линией. Ручки глазурованных кувшинов часто были украшены дорожками из пальцевых вмятин (Рис. 32; 1–4). Крынки в отличие от кувшинов не имели ручки и слива и редко были поливными. Диаметр их устьев составлял 9–14 см (Рис. 32; 5–6).

Из других керамических изделий упомянем находки двух небольших сосудиков для специй – в форме усеченного конуса, два фрагмента помадных банок, фрагменты мундштука и чубука курительных трубок, а также глиняных игрушек-свистулек. Кроме

того, в культурном слое 2-го строительного горизонта найдены полтора десятка фрагментов столовой фаянсовой посуды.

В слое широко представлены печные изразцы (более 100 фрагментов) – лицевые, карнизные, обломки румп. Все изразцы сформованы из красножгущихся глин. Среди этих изделий второй половины XVII столетия подавляющее большинство – глазурованные «муравленные» рамочные экземпляры, декорированные различными мотивами растительного орнамента (Пронин, Соболев, 2013). Реже встречаются другие виды орнаментации, например, с изображением орла, помещенного в 8-угольную рамку (Рис. 33; 2). Карнизные профилированные изразцы также украшены стилизованными растительными орнаментальными мотивами (Рис. 33; 1–3, 5–6). У изделий первой половины XVIII в. еще присутствует рельефный орнамент, но уже исчезает обрамляющая лицевую пластину рамка. Для изразцов второй половины XVIII в. характерна гладкая лицевая пластина. В это же время распространение получает прием полихромии декора (Рис. 33; 4).

Индивидуальные находки из слоя 2-го строительного горизонта представлены стандартным набором предметов бытового и хозяйственного назначения. Это изде-

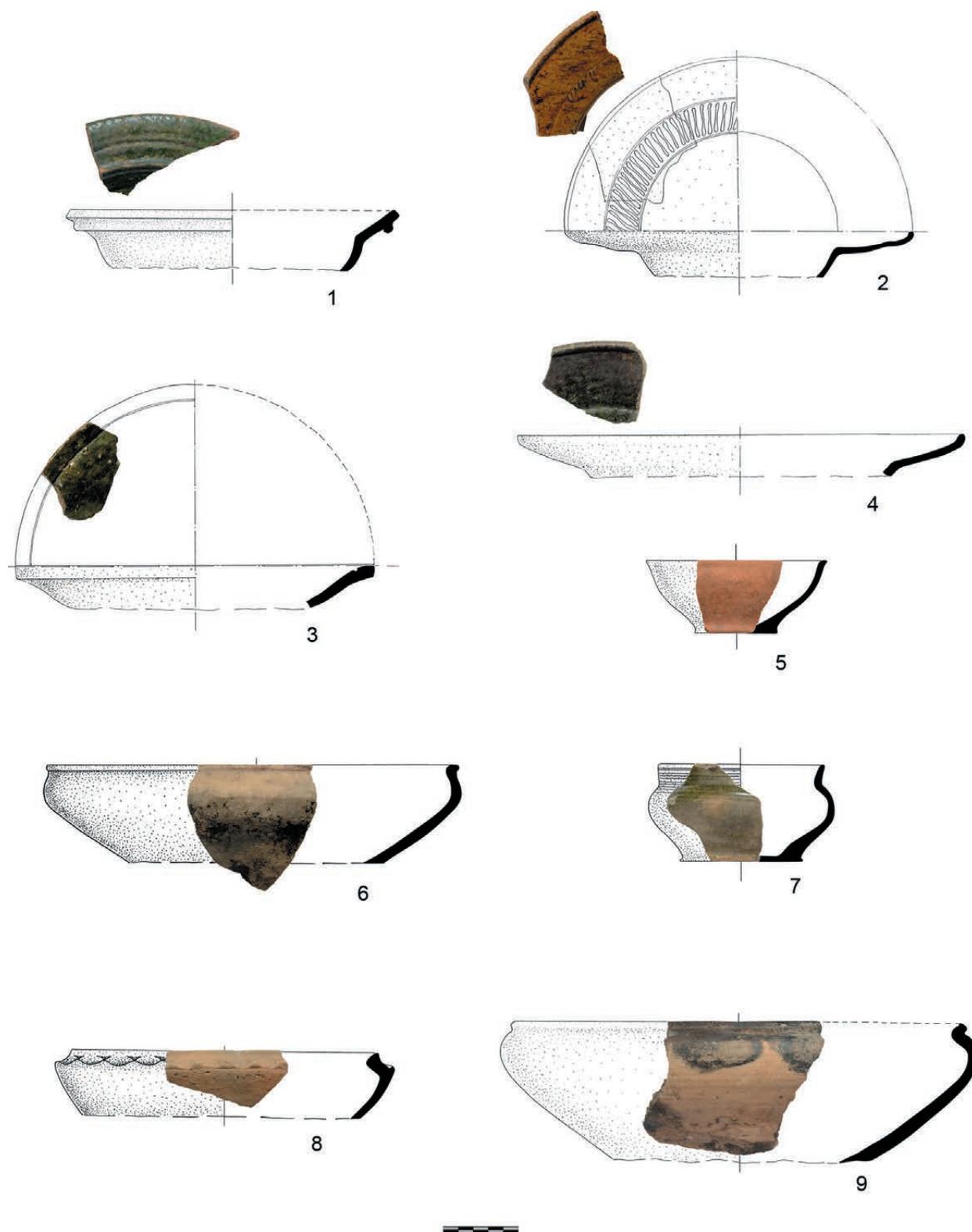

Рис. 31. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Столовая посуда – тарелки и миски

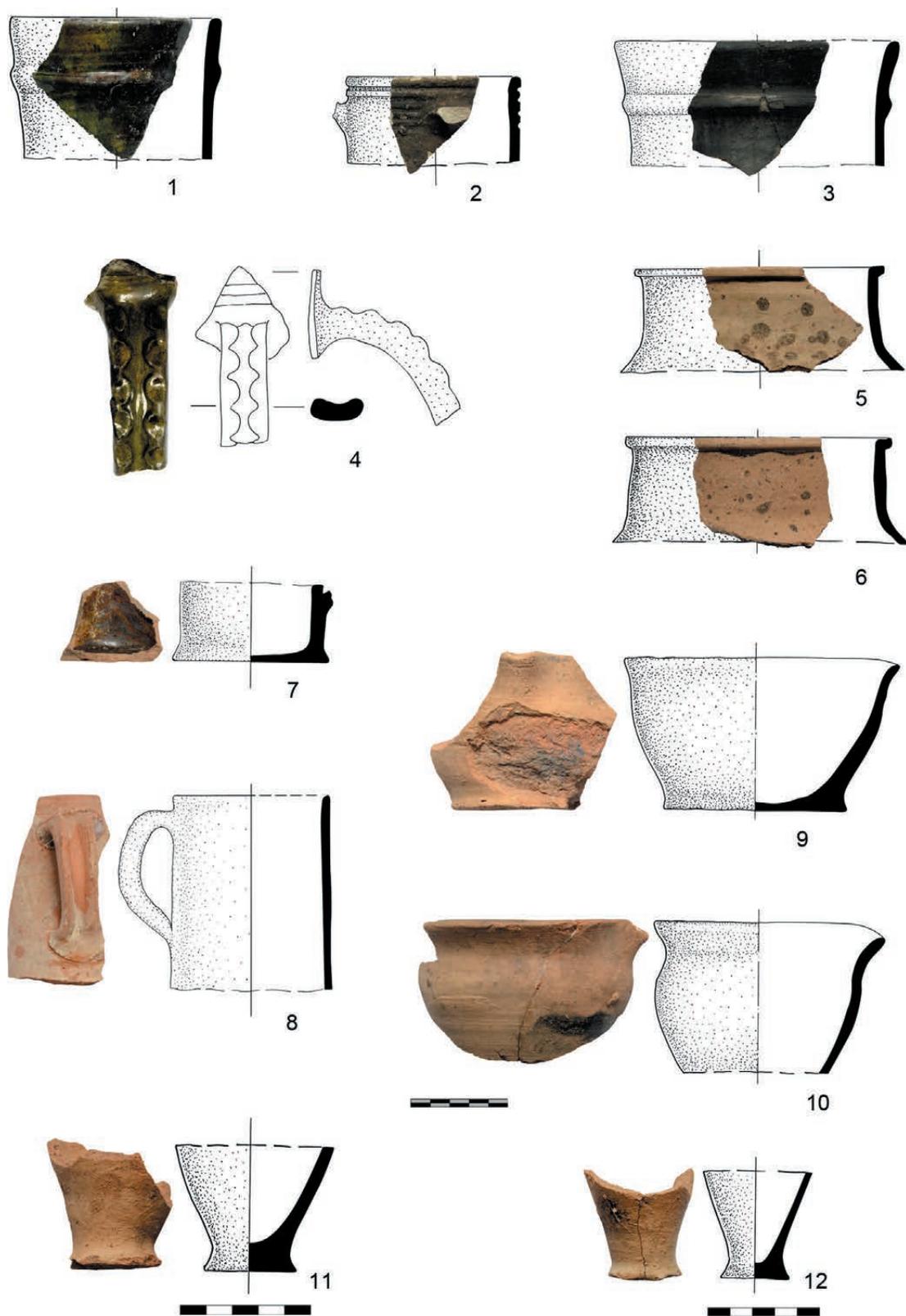

Рис. 32. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Другие формы керамики: 1–4 – кувшины; 5–6 – крынки; 7–8 – кружки; 9–10 – сосуды для разлива напитков; 11–12 – стопки

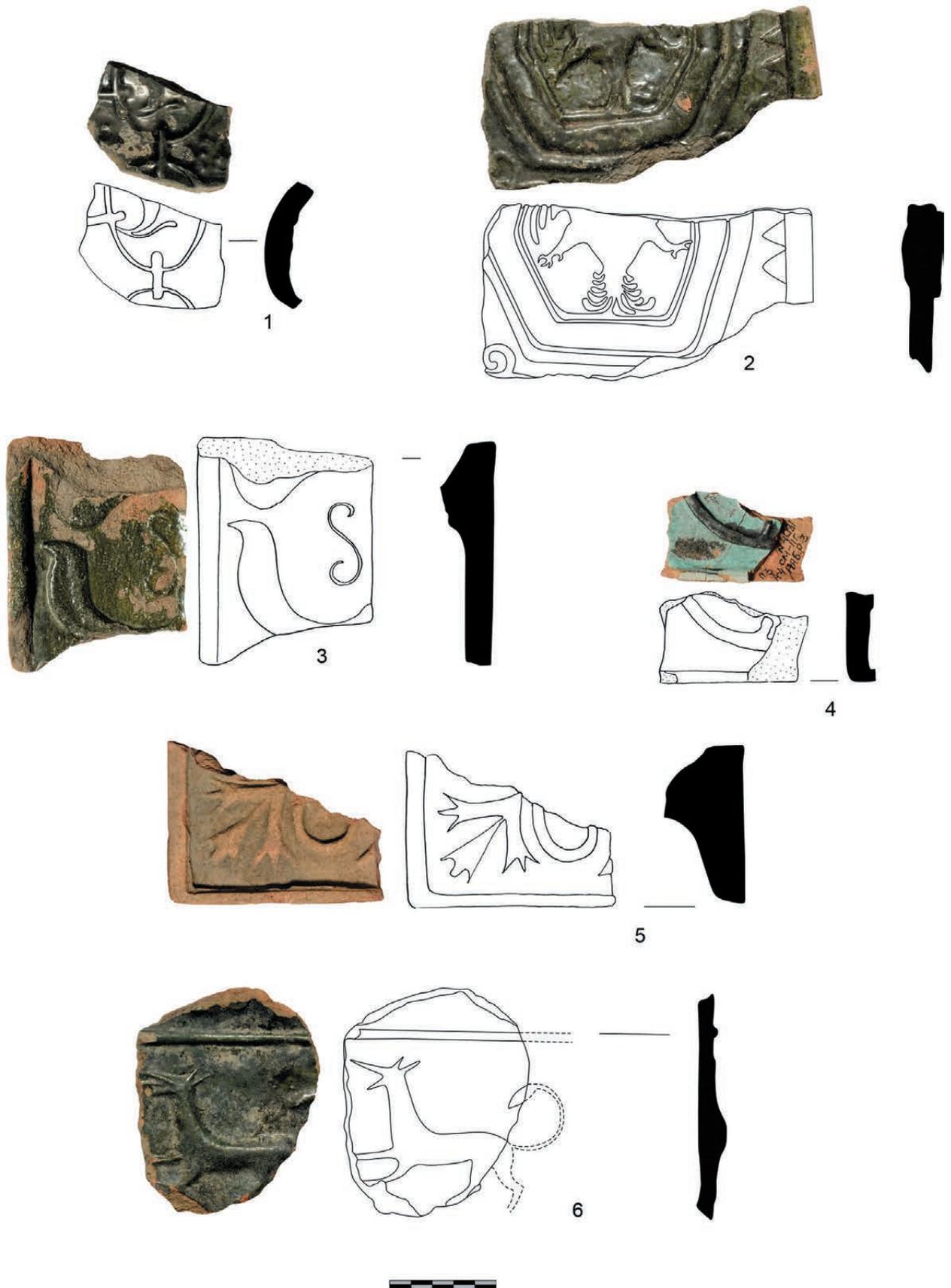

Рис. 33. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Изразцы: 1–3, 5–6 – поливные и терракотовые изразцы конца XVII – начала XVIII в.; 4 – расписной полихромный изразец середины XVIII в.

Рис. 34. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Бытовой инвентарь из черного металла: 1, 4 – железные декоративные гвозди; 2 – замочная личина; 3 – фрагмент ключа; 5 – нож; 6 – дверной замок; 7 – скоба; 8 – фрагмент железного котла

Рис. 35. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Изделия из цветных металлов, кожи и кости: 1–2 – пуговицы из цветного металла; 3 – запонка со стеклянной вставкой; 4 – лопасть креста-гельника; 5 – костяная запонка; 6 – книжная застежка; 7 – поясная пряжка; 8 – игральная кость-астрagal (?); 9 – женская туфля

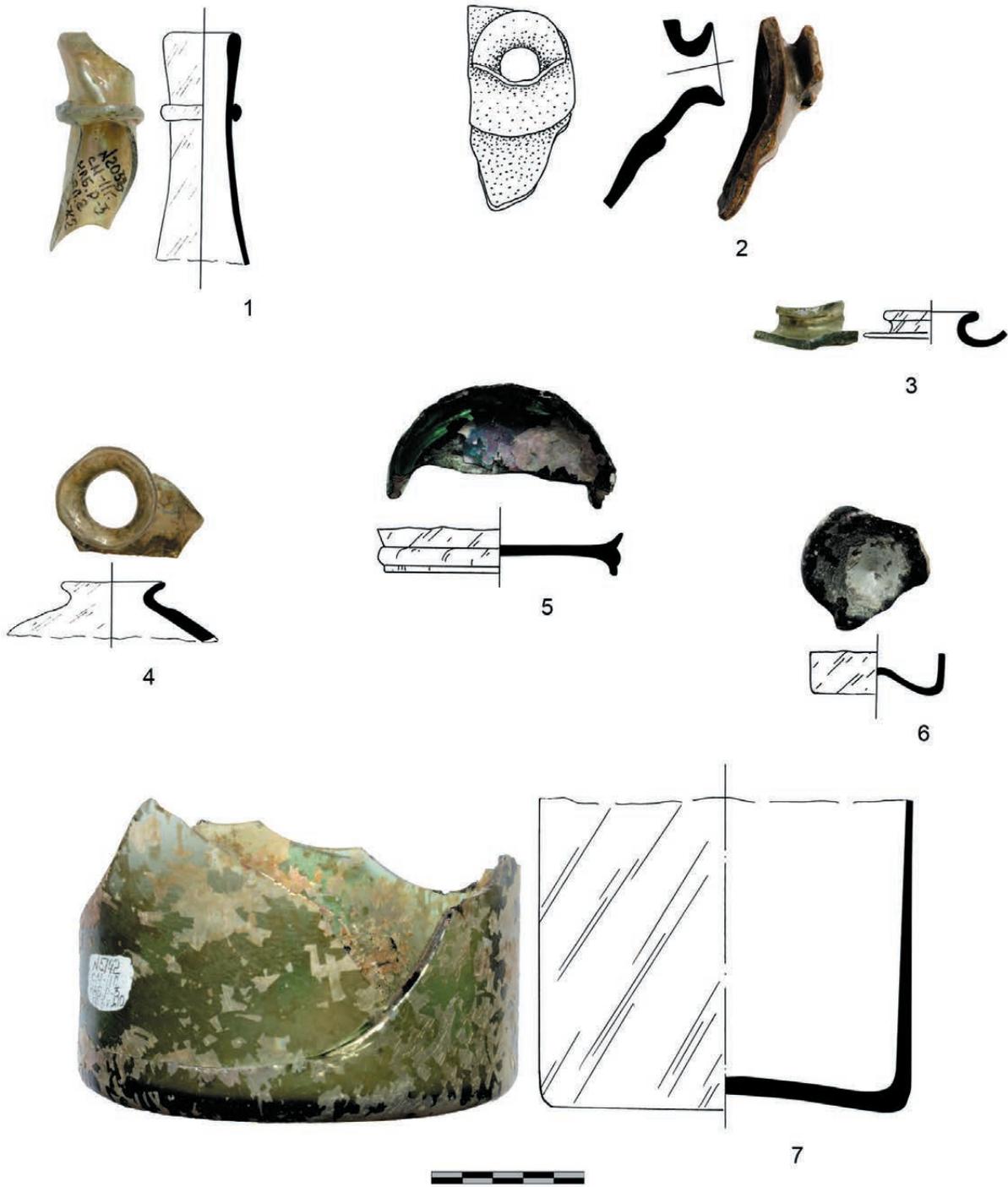

Рис. 36. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Изделия из стекла

лия из черного и цветного металла: ножи (Рис. 34; 5), швейные иглы, оковка деревянной лопаты, два декоративных гвоздя (Рис. 34; 1, 4), две железных скобы (Рис. 34; 7), латунная обоймица, дверной пробой, несколько фрагментов железных котлов (Рис. 34; 8), дужка ведра. Найдены также треугольный по форме навесной замок

(Рис. 34; 6), накладка от замка (Рис. 34; 2) и фрагмент ключа (Рис. 34; 3). Во всех слоях обычны находки кованых железных гвоздей. Ширина их шляпок порой доходила до 2,0 см.

Предметы военного назначения: фрагмент клинка холодного оружия крайне плохой сохранности и пять свинцовых пуль.

Рис. 37. Набережная. Раскоп 3. 2-й строительный горизонт. Нумизматический материал

Из цветных металлов изготовлены несколько пуговиц (Рис. 35; 1–2), запонка со вставкой из стекла (Рис. 35; 3), фрагмент поясной пряжки (Рис. 35; 7), несколько обувных подковок, латунная бляшка, накладки из цветного металла, лопасть креста-тельника (Рис. 35; 4). Кроме того, в слое 2-го строительного горизонта встречены изделия из кости, в том числе изящная костяная запонка (Рис. 35; 5), обувь – женская туфля с ажурным верхом, многослойной подошвой с рантом и твердым задником (Рис. 35; 9). Изделия из камня ограничиваются находками двух фрагментов сильно сработанных оселков из серого песчаника.

По-прежнему присутствуют изделия из стекла (Рис. 36; 1–7): горло бутылки с накладным жгутиком, фрагменты штофов с характерным низким горлышком диаметром 2,5–3,2 см. В сечении эти сосуды имели прямоугольную форму. Найдены также донце стакана диаметром 4,0 см и фрагмент бокала на высоком поддоне, а также осколки оконного стекла толщиной 1,5–2,0 мм.

В слое 2-го строительного горизонта найдены девять монет России и Речи Посполитой, дата чеканки которых не выходит за рамки конца XVII – начала XVIII в. (Рис. 37; 1–9).

3-й строительный горизонт (вторая половина XVII в.)

Зафиксирован в 3–6-м пластах на глубинах с отметками от -240 до -300 см. Представлен усадьбой, состоящей из четырех построек.

Постройка № 1 представляет собой жилой, трех камерный, двухэтажный деревянный дом. Постройка размером 8,8×4,2 м сохранилась на один, местами два венца. Залегает на глубинах, имеющих отметки от -251 до -294 см (Рис. 38–39). Погибла при пожаре. Бревна сруба и доски пола частично обуглены. Дом ориентирован северо-запад – юго-восток. Возведен с использованием разных строительных приемов. Поскольку постройка рубилась на насыпном грунте, то под ее углы вкапывались вертикальные столбы-стулья. Они препятствовали усадке сруба в грунт. Столбы имели высоту до 1 метра при диаметре 24–27 см. Углы венцов соединялись рубкой в чашку с остатком. Чашка традиционно вырубалась в верхней части бревна (Рис. 40). Длина остатков бревен со-

ставляла 15–20 см. Для строительства дома использовались бревна сосны диаметром 21–27 см. Пазы между бревнами венцов и дно чашек конопатились болотным мхом.

Дом состоял из трех помещений. Северное имело размер 4,2×4,0 м, южное помещение было меньше – 4,2×2,85 м. Между ними находились сени размером 4,2×1,8 м.

В северном помещении целиком сохранился деревянный пол из досок (Рис. 38, 41). Он уложен в продольном по отношению к входу направлении. В южном помещении горелые доски пола выявлены только у западной стенки. Пол настилался на уровне первого венца из колотых топором досок шириной 18–24 см, торцы отрезаны пилой. В обоих помещениях дома сохранились остатки глиняных печей. В северном помещении печь стояла в юго-восточном углу. Ее основание покоилось на сделанной из деревянных брусьев раме размером 1,8×1,6 м (Рис. 42). Толщина брусьев равнялась 23–24 см. Брусья между собой на углу соединены в замок, который выпилен на половину толщины брусьев. Под

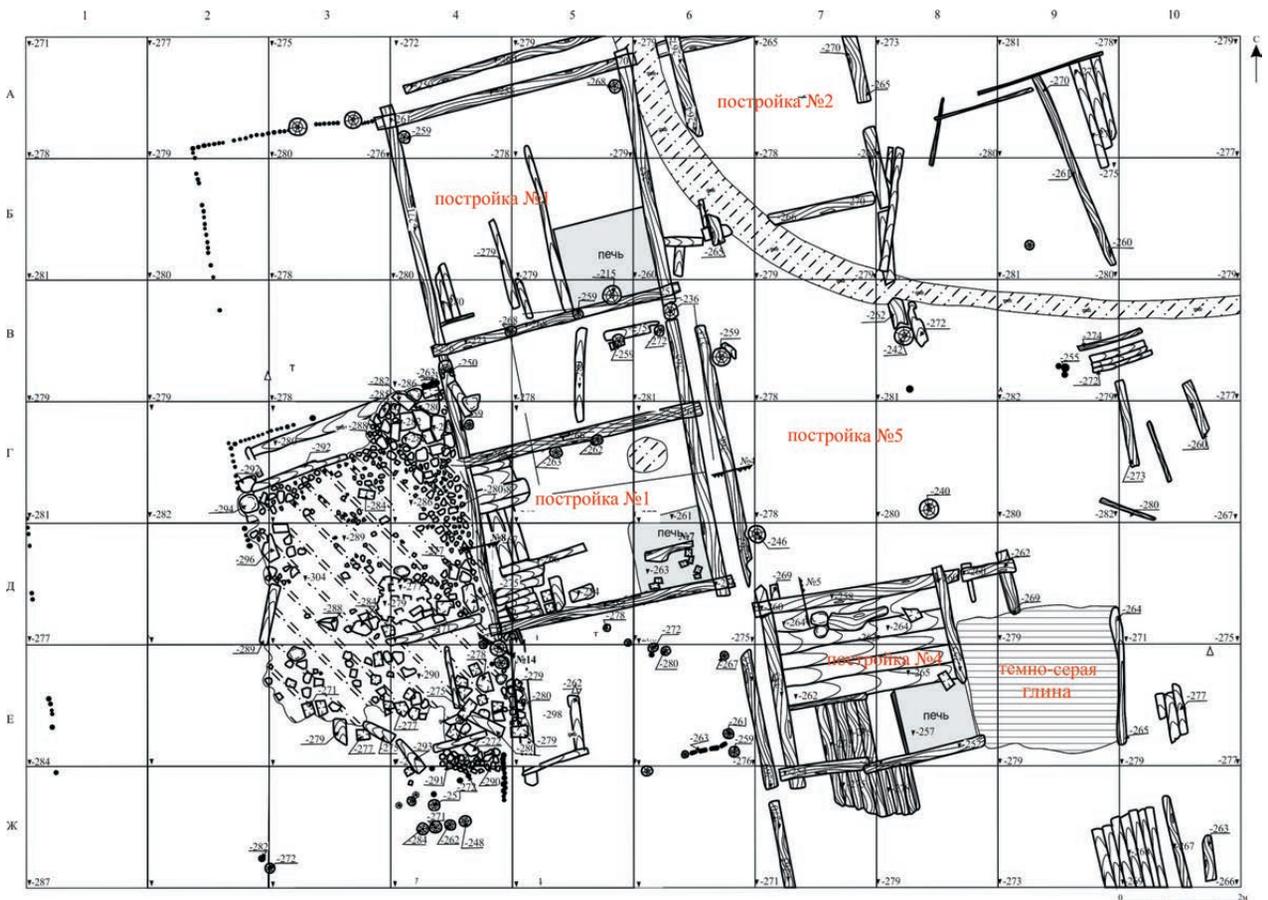

Рис. 38. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт

Рис. 39. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Усадьба XVII в. Вид с северо-запада

печи выложен из красного кирпича форматом 24,5–27,2×12–13×5,5–6,2 см (Рис. 43). На уровне пода внутри печи собрано много фрагментов кухонной и столовой глиняной посуды XVII в. Судя по обилию фрагментов битого кирпича, можно говорить о том, что печь была сложена из кирпича, обмазана красной глиной с добавлением мелкого

дробленого щебня и обложена рамочными коробчатыми изразцами. Устье печи находилось с северной стороны. Оно обозначилось в культурном слое серым пятном размером 0,8×0,6 м, которое было насыщено древесным тленом и углем. В слое глиняной обмазки найдена дугообразная керамическая плитка, служившая для выкладки устья

А

Б

Рис. 40. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1: А – «чаша» соединения венцов сруба – вид с востока; Б – фрагмент конструкции

Рис. 41. Набережная. раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1 – пол в северной камере – вид с севера

печного свода. Заметим, что печи не примыкали вплотную к стенкам сруба. Между печами и стенками оставался зазор 10–20 см шириной. В досках пола северного помещения возле западной его стенки выявлены две пары выдолбленных углублений. Очевидно, в них закреплялись ножки скамьи, либо полатей.

В южном помещении дома печь также находилась в юго-восточном углу. Она имела в основании размер 1,2×1,2 м (Рис. 44).

Вход в оба жилых помещения дома был из сеней. Он обозначен парами столбов. В северном помещении они врублены в пазы южного бревна нижнего венца. Ширина дверного проема составляет 0,9 м. В южном помещении дверные столбы были врыты в землю возле северного бревна нижнего венца. Ширина входного проема здесь была 0,6 м. В сенях дома деревянный пол отсутствовал. Вместо него был насыпан слой мелкой кирпичной крошки, смешанной с красной глиной,

толщиной 10 см. Кстати, под полом обоих помещений дома был зафиксирован такой же слой кирпичной крошки. По-видимому, перед началом строительства дома площадка под его нижние венцы была засыпана кирпичной крошкой, смешанной с глиной. Благо битого кирпича после войны 1609–1611 гг. вблизи крепостной стены было много.

В сенях рядом с восточной стенкой обнаружен нижний опорный брус лестницы, которая вела на второй этаж. Брус длиной 0,95 м имел на концах врубки. В них были обнаружены остатки наклонных брусков, квадратных в сечении, размером 14×14 и 16×18 см с пазами для крепления досок ступенек. В сенях в нижних бревнах их восточной и западной стенок были врублены вертикальные столбы с выдолбленными с южной стороны продольными пазами. В них впускались шипы бревен венцов южного помещения дома. Вход в постройки был с западной стороны дома. Он обозначен парой

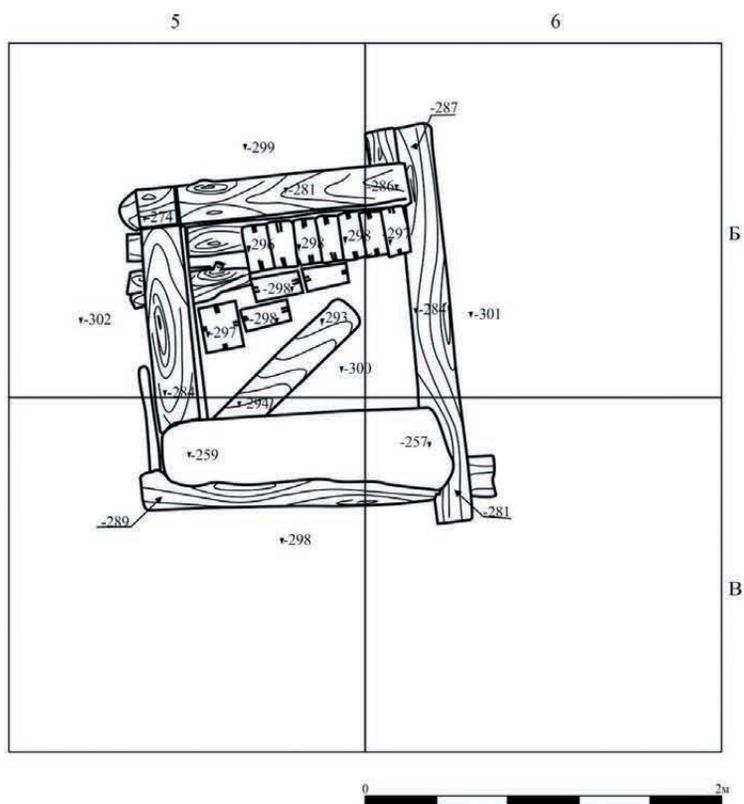

Рис. 42. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1 – чертеж и фото основания печи в северной камере постройки (вид с запада)

Рис. 43. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Печь в северной камере постройки № 1. Вид с севера

столбов-брусьев. Один размером 24×21 см с продольным пазом был впущен в нижнее бревно. Ширина паза 12 см. Его глубина 9–10 см. Другой, размером 14×10 см, был вкопан в грунт внутри сеней. Ширина дверного проема составляла 0,9 м. Дверь открывалась внутрь сеней, справа налево. К входной двери дома снаружи вела дорожка шириной

1,2 м. Она зафиксирована на длину 3,6 м (Рис. 45). Выложена из мелкого камня и кусков белого известняка. Перед домом с западной стороны его южного помещения зафиксировано скопление мелких камней и битого кирпича в виде отмотки (Рис. 46). К северо-западному углу дома примыкает частокол, который затем на расстоянии 3,2 м идет вдоль

Рис. 44. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1: 1 – развал печи в южной камере – вид с запада; 2 – деревянная конструкция основания печи – вид с запада

Рис. 45. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1 – дорожка ко входу в сени с опорными брусками для крепления лестничных маршей – вид с запада

его западного главного фасада (Рис. 47). Часток с севера на юг прослеживается на расстоянии более 10 метров. Он состоит из кольев толщиной 5–8 см, заточенных топором в нижней части. Пространство, огороженное частоколом, предназначалось, скорее всего, для содержания мелкого скота.

С западной и восточной сторон дома в культурном слое найдены остатки жердей обрешетки и тонкая кровельная доска толщиной 1,5–2,0 см. В архивных источниках такая доска называется «дор». Можно предположить, что двухэтажный жилой дом был крыт дощатой крышей, лежащей на дере-

вянной обрешетке из жердей. В 5-м пласте в культурном слое возле дома зафиксировано много строительной щепы и древесных обрубков.

В постройке № 1 найдено несколько тысяч фрагментов керамики, в основном на уровне пола – в развалах обеих печей и в подпечных ямах. Ее ассортимент представлен кухонной посудой, а также большим количеством сосудов для питья и хранения напитков, из чего напрашивается вывод, что часть строения использовалась как питьевое заведение. Подавляющее большинство керамики – гладкостенная неполированная.

Рис. 46. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1 – каменная и кирпичная вымостка перед входом в постройку. Вид с севера

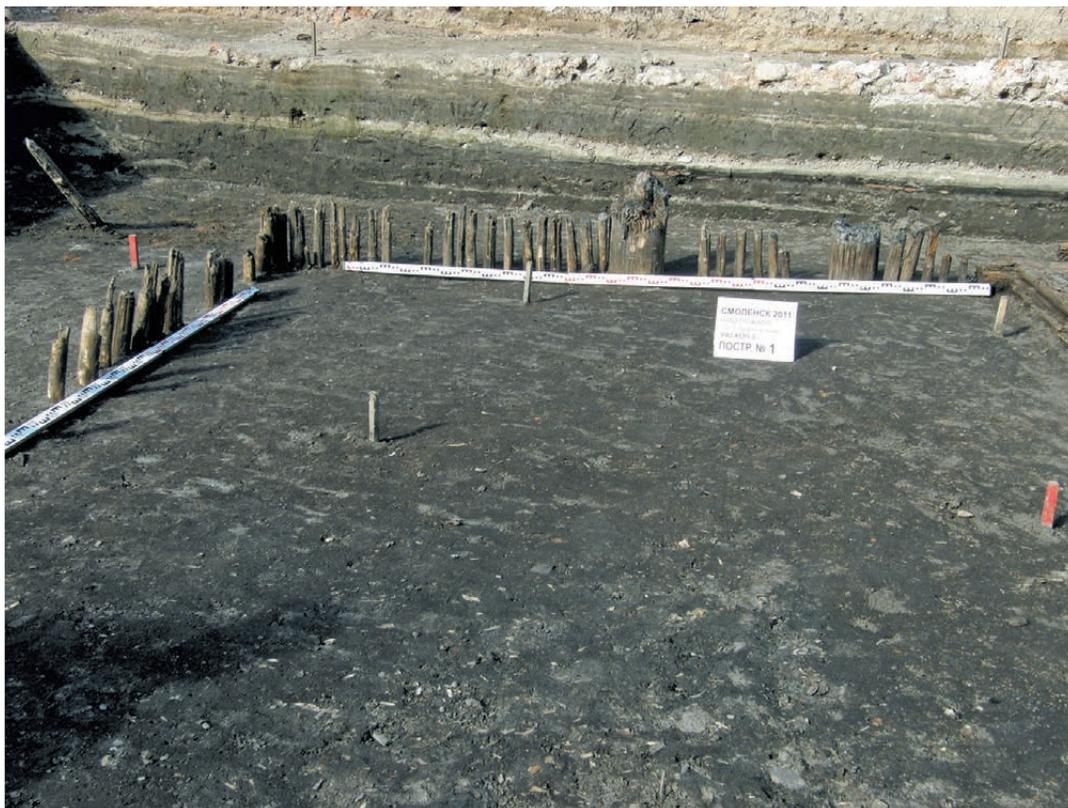

Рис. 47. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1 – частокол около северной камеры постройки № 1. Вид с юга

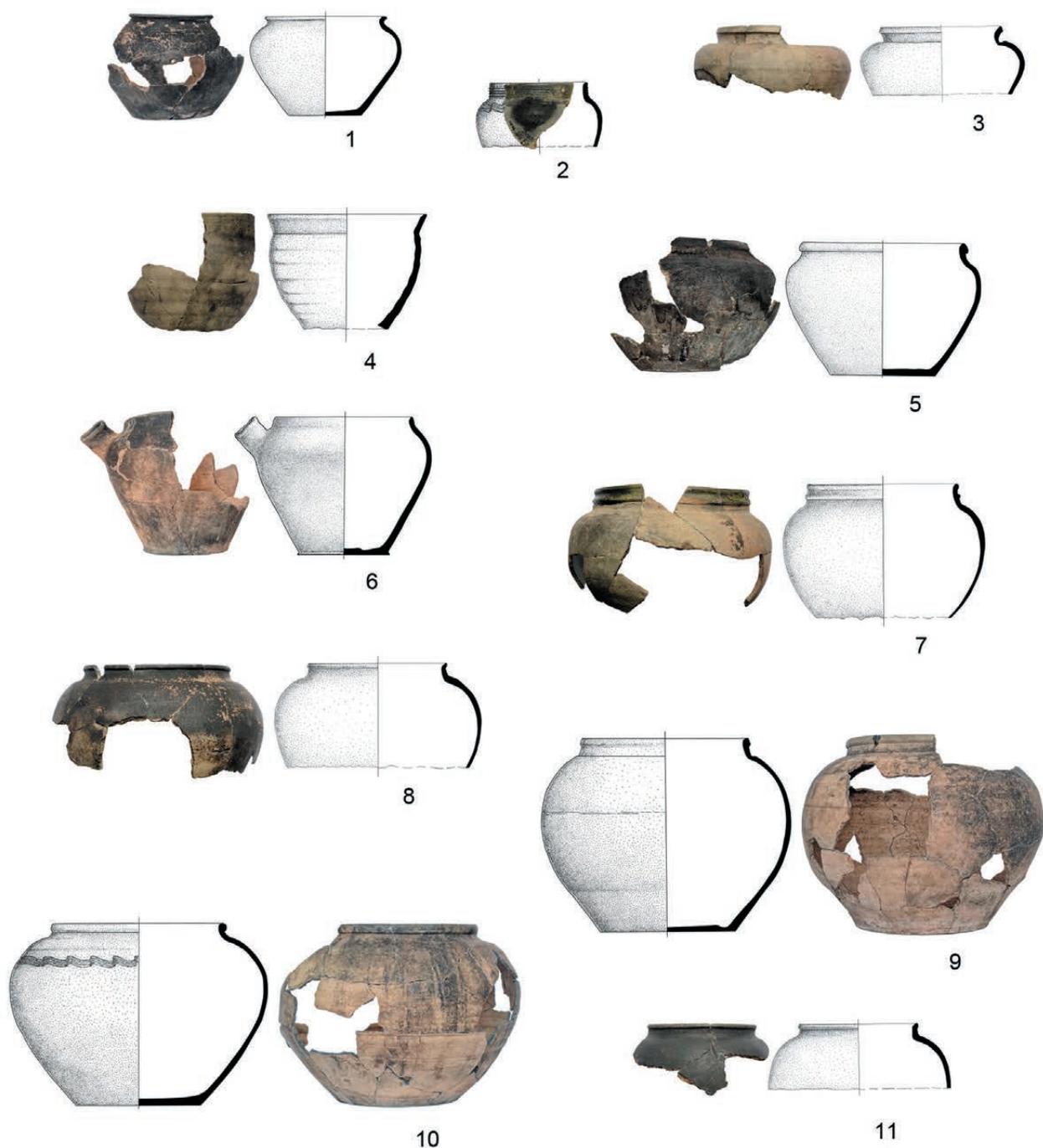

Рис. 48. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1. Основные формы кухонных горшков

На долю глазурованной посуды приходится не более 5–6%. Чернолощенная керамика практически отсутствует – в целом в культурном слое 3-го строительного горизонта ее не более 1%.

Преобладающий тип кухонных горшков – сосуды с одутловатым туловом и валикоподобным венчиком, в ряде случаев с четко профилированной шейкой (Рис. 48; 1,

3, 5, 9–10). Другая распространенная форма – сосуды с вертикальным или слегка отогнутым наружу прямым венчиком (Рис. 48; 2, 7–9, 11). Встречены также и единичные формы (Рис. 48; 4) и сосуд стандартной профилировки с носиком для слива (Рис. 48; 6). Орнаментация в целом не характерна (Рис. 48; 2, 10). Наиболее частыми в употреблении были сосуды с диаметром устья 16–22 см.

Столовая посуда – это более двадцати целых и реконструируемых форм в основном маломерных сосудов для питья и разлива жидкости. Большинство из них изготовлены из красножгущейся глины, сформованы небрежно, на скорую руку. По профилировке – мисообразные сосуды со сливом (Рис. 49; 1–6). К разряду столовой посуды относятся также несколько фрагментов мисок (Рис. 49; 9–10) и большое количество фрагментов красноглиняных стопок (Рис. 49; 7–8). Встречены обломки крышек (Рис. 49; 13), а также фрагмент дна глиняного бокала или стакана на высоком поддоне с глубоким рифлением у основания (Рис. 49; 12). Сосуды для хранения жидкостей, как правило, глазурованы и имеют носик для слива (Рис. 49; 11, 14, 16). Найден единичный фрагмент верхней части узкогорлого гьяка, целиком покрытого зеленой глазурью с рифленным орнаментом на плечиках (Рис. 49; 15).

Помимо керамики, в пределах границ контура постройки найдены индивидуальные находки, позволяющие датировать комплекс XVII в.⁵: три монеты – две российские копейки 1655–1663 гг. (Рис. 50; 1–2) и польский солид 1660 г. (Рис. 50; 3), 10 железных обувных подковок, фрагмент креста-энколпиона (Рис. 50; 12), два креста-тельника (Рис. 50; 5–6), фрагменты глиняных курительных трубок (Рис. 50; 10–11), костяной гребень (Рис. 50; 13), одежная пряжка (Рис. 50; 7), серьга из цветного металла (Рис. 50; 8), обоймица для оконного стекла (Рис. 50; 9). А также бытовые предметы: два ножа, декоративные гвозди, свинцовый грузик, кусок ткани и войлока, железная окантовка лопаты (Рис. 51; 1–7).

Постройка № 2 (размером 3,15×3,2 м) Находилась на расстоянии 0,8–1,0 м к востоку от жилого дома (Рис. 38). Представляет собой однокамерный наземный сруб. Постройка сохранилась на один нижний венец (Рис. 52). Рублена в чашку с остатком из толстого хвойного дерева диаметром 25–29 см. Чашки вырублены в верхней части бревен. Их дно конопачено болотным мхом. Концы остатков бревен выдаются на 10–24 см. Ее

западное и южное бревна повреждены перерубами перекопов более позднего времени. Следов деревянного пола и печи в срубе не найдено. Вход в постройку был, по-видимому, с восточной стороны. Он имеет ширину всего 0,45 м.

В культурном слое внутри постройки находок мало. Весь керамический материал происходит с горизонта зачистки на уровне 3-го пласта, когда контуры постройки № 2 только-только начали выявляться. Так что собственно к постройке имеют отношение чисто гипотетически. Тем не менее из исключительно фрагментарного керамического материала удалось реконструировать несколько целых форм сосудов. Среди них кухонные неглазурованные горшки – приземистые, округлобокие, с резко раздутыми плечиками в верхней трети высоты тулова (Рис. 53; 5, 7), горшок с резко профилированной шейкой и коротким прямым вертикальным венчиком, украшенный по тулову редким врезным линейным орнаментом (Рис. 53; 4), мисообразный сосуд с коротким прямым венчиком, резко отогнутым наружу, и подчеркнутой низкой шейкой, переходящей в плечико в виде ребра, украшенного невыразительными пальцевыми вдавлениями (Рис. 53; 4). А также реставрированная форма целого кувшина с зеленой глазурью по внутренней стороне горла (Рис. 53; 6).

Среди индивидуальных находок – медная копейка времен Алексея Михайловича (Рис. 53; 1), обувная железная подковка (Рис. 53; 2), кусок войлока и фрагмент пластины из цветного металла. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что данный сруб был хозяйственной постройкой, которая могла служить клетью либо использовалась для хранения сена.

Постройка № 4 – двухкамерный наземный сруб размером 4,2×3,3 м (Рис. 38). От сруба сохранился только один его нижний венец. Постройка сооружена из толстого, 20–25 см в диаметре, плохо обработанного дерева. На его поверхности сохранились обрубки веток. Рублена в чашку с остатком,

⁵ Здесь настало время дать некоторые пояснения. Поскольку материал из строений того или иного горизонта и сопутствующего слоя идентичен, чтобы избежать неизбежных повторов в тексте, для датировки мы в основном используем комплексы инвентаря из построек, привлекая дополнительный материал из слоя лишь по необходимости. Также по ходу работ брались везде, где только можно, спилены на дендрохронологию.

Рис. 49. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка 1. Столовая посуда

который выступает наружу на 12–26 см. Чашка расположена в верхней части бревен. Постройка состоит из двух помещений – предбанника с внутренним размером 2,6×0,9 м, который в его юго-восточной части разрушен более поздним перекопом, и основного

помещения. Вход в постройку находился с восточной стороны. Его ширина не прослеживается из-за разрушений. Предбанник, по-видимому, имел деревянный пол. От него сохранился фрагмент лаги длиной 0,42 м при толщине 10 см. В основном помещении

Рис. 50. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1. Индивидуальные находки: 1–2 – медные пуло; 3 – солид; 4 – одежный крючок (?); 5–6 – фрагменты крестов-тельников; 7 – поясная пряжка; 8 – серьга из белого металла; 9 – декоративная накладка; 10–11 – керамические чубуки голландских трубок; 12 – накладная личина замка; 13 – костяной гребень

Рис. 51. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1. Инвентарь бытового и хозяйственного назначения

Рис. 52. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 2. Вид с востока

сруба размером 2,8×2,6 м в юго-восточном углу находилась печь размером 1,2×0,95 м. Она была сложена из красного кирпича, булыжника и обмазана светло-коричневой глиной. Ее топка находилась с западной стороны. Основание печи имело по периметру деревянный бордюр, который отделял его от пола постройки. В северной части помещения сохранился деревянный дощатый пол, который покоился на остатках более раннего по времени настила. Его пять колотых топором досок имели ширину 25–30 см при толщине 5–6 см. Торцы досок обрезаны пилой. В досках пола при северной стене постройки были углубления для ножек скамьи либо банного полка. Постройка, вероятно, была баней (Рис. 54–55).

На уровне пола в пределах сруба найдены: фрагмент женского украшения – серьги из цветного металла с пастовой бусиной на конце (Рис. 56; 1), обломок мундштука глиняной курительной трубки (Рис. 56; 3), фрагмент керамической игрушки (Рис. 56; 8), мед-

ная российская деньга 1737 г. (Рис. 56; 2), железная обувная подковка, костяная пуговица, фрагменты железного ключа и полосы дверной жиковины (Рис. 56; 4).

Находки керамики немногочисленны. Это фрагменты горлышек двух крынок (Рис. 56; 5–6), обломок рельефного узкорамочного муравленого изразца (Рис. 56; 7) и глазурованной тарелки (Рис. 56; 9).

Постройка № 5 представляла собой навес (размером 3,3×3,15 м.) на четырех столбах из бревен диаметром от 22 до 30 см (Рис. 38). Располагается на 2 метра южнее постройки № 2 и на 0,4 м восточнее жилого дома. Сохранилось одно бревно ее западной стенки с вырубленными чашками в местах прилегания ее к столбам. Диаметр бревна 25 см. Дощатый пол отсутствует. Постройка, по-видимому, была навесом для дров, телег, саней, либо крытым стойлом для домашних животных. В темно-коричневом слое в пределах ее контуров есть включения навоза.

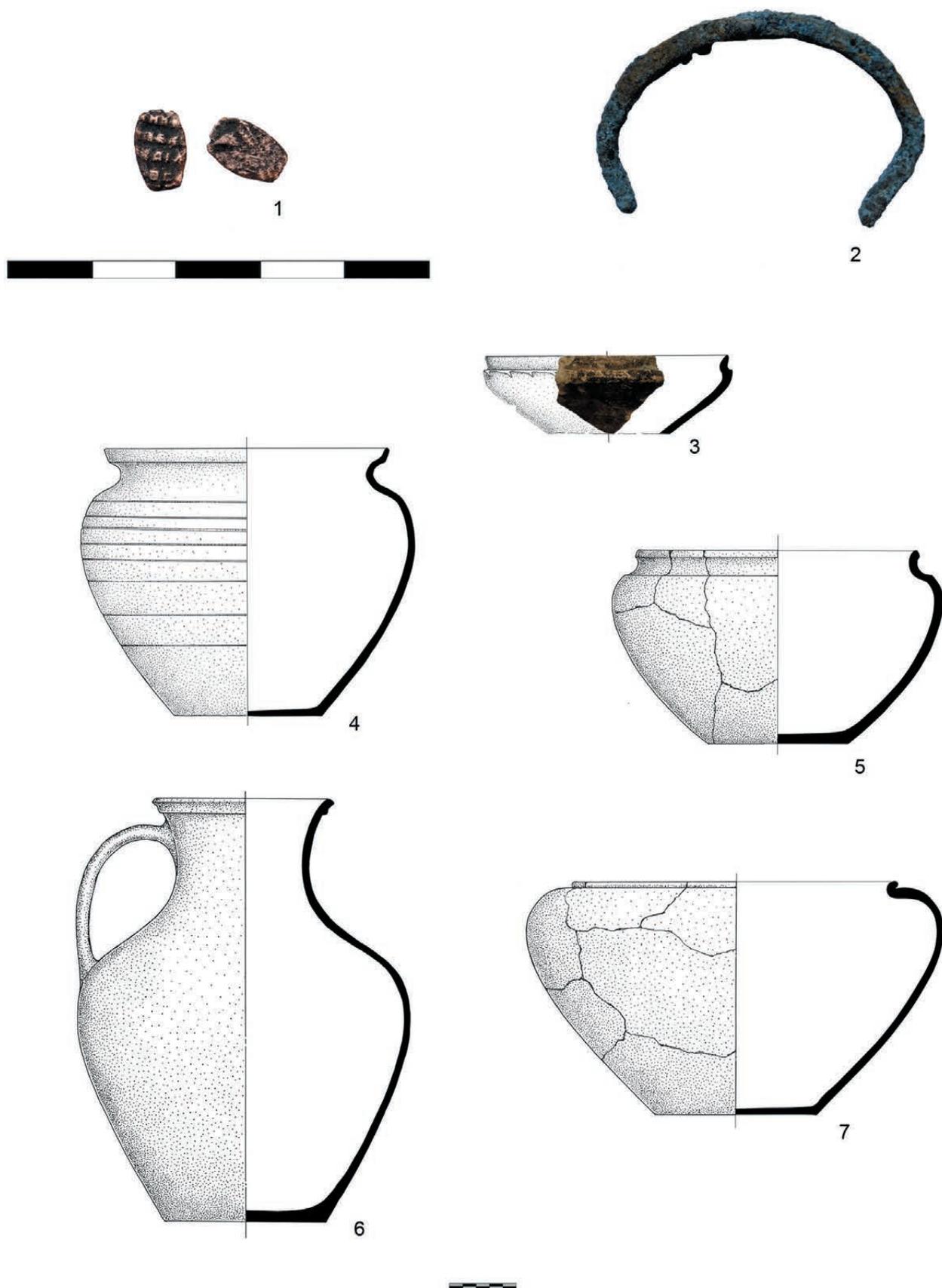

Рис. 53. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 2. Инвентарь из постройки

Рис. 54. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 4. Вид с юга

Рис. 55. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 4. Деталь конструкции – вид с севера

Рис. 56. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 4. Комплекс находок из заполнения постройки

Рис. 57. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 5. Комплекс находок из пределов контуров постройки

В культурном слое в пределах постройки найдены литовский солид чеканки 1665 г. (Рис. 57; 3), российская серебряная копейка 1613–1645 гг. (Рис. 57; 1), большое московское пуло 1533–1535 гг. (Рис. 57; 2). Кроме того, обнаружены три сапожные подковки (Рис. 57; 4–6), железный нож (Рис. 57; 8) и деталь металлической пряжки (Рис. 57; 7).

Но, несомненно, датировка 3-го горизонта базируется не столько на весьма скудном вещевом материале из построек усадьбы, сколько на нумизматическом материале из сопутствующего слоя. В пластах 3–5 найдена 21 монета Русского государства и Речи Посполитой (Рис. 58; 1–11) этого времени.

Рис. 58. Набережная. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Нумизматический материал из культурного слоя горизонта: 1–6 – монеты Русского государства; 7–11 – солиды Речи Посполитой

4-й строительный горизонт (конец XVI – первая половина XVII в.)

Залегает в 6–7-м пластах в темно-сером культурном слое и включает строительную яму (творило) – постройка № 6 и фрагмент постройки № 7.

Строительная яма – постройка № 6 (творило) для хранения очищенной коричневой глины (Рис. 59). Представляет собой деревянный, срубленный из плах ящик размером 1,8×1,4 м. Толщина плах составляет 15–16 см. Плоские поверхности его стенок обращены внутрь ящика. Высота двух венцов этого короба достигала 0,65 м. Плахи на углах соединены между собой в лапу. Творило внутри оказалось заполнено слоем очищенной глины толщиной до 0,5 м (Рис. 60). Глина использовалась при строительстве крепостной стены в конце XVI – начале XVII в.

Жилая **постройка № 7** зафиксирована частично (Рис. 59). Размеры ее установить трудно. Из северной стенки раскопа бревно западной стенки сруба выдается на 2,3 м, а из восточной стенки выступает на 3,0 ме-

тра. Рублена из бревен сосны диаметром 19–20 см в чашку с остатком. Длина выступающих остатков на ее юго-западном углу составляет 11 и 14 см. Чашка шириной 21 см вырублена в верхней части бревна на глубину в половину бревна (Рис. 61–62). Сохранился только один ее самый нижний венец. Постройка имела деревянный пол из колотых досок. Толщина досок 5–6 см. Они уложены на подсыпку из светло-серого суглинка толщиной до 10 см и куски красного кирпича (Рис. 61). Кирпич имел ширину 13–15 см при толщине 8–9 см. Аналогичный строительный материал использовался для облицовки крепостной стены. Вход в постройку был, видимо, с западной стороны. Здесь в квадратах А8–А9 сохранился фрагмент дворового настила длиной 1,4 м. Его девять бревен диаметром 12–18 см уложены на две параллельные лаги – бревна толщиной 11–12 см. Видимая ширина настила достигает 2,4 м (Рис. 59). Стратиграфически и по комплексу инвентаря постройка датируется рубежом XVI–XVII вв., т. е. временем строительства смоленской крепостной стены.

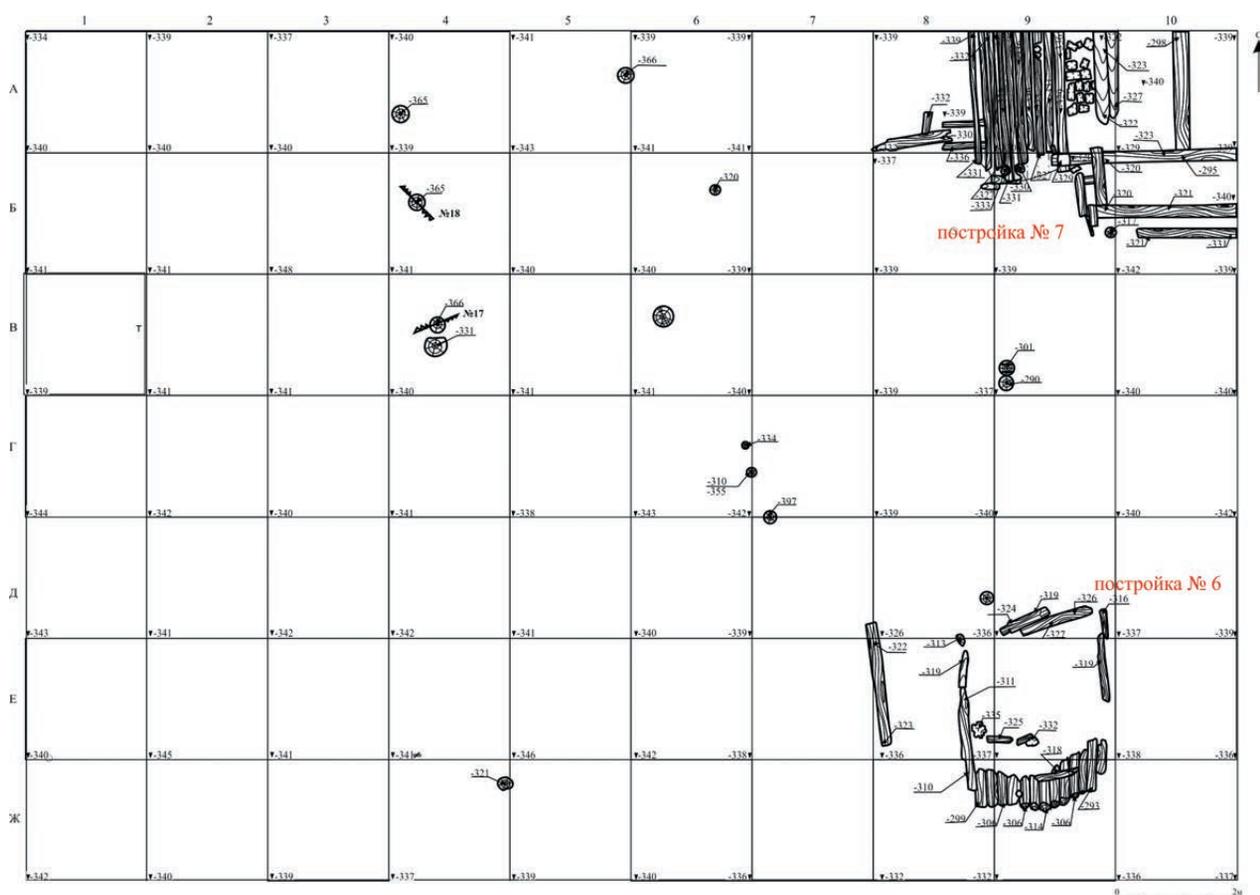

Рис. 59. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт

Рис. 60. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Постройка № 6 – вид с севера

На уровне пола в пределах постройки найдены две железные обувные подковки (Рис. 63; 1, 5), два фрагмента ножей (Рис. 63; 2–3), железное ядро (Рис. 63; 6), накладка из цветного металла (Рис. 63; 4), а также куски войлока и мешковины.

Датировка 4-го строительного горизонта рубежом XVI–XVII – первой половиной XVII в., помимо стратиграфии, основывается на комплексе массового материала и индивидуальных находок, в том числе серии монет, из культурного слоя 6–8 пластов.

В ходе раскопок в культурном слое горизонта найдено 11164 фрагмента глиняных изделий. Подавляющее большинство – неполированная керамика. Глазурированная посуда не превышает 5–7% от общего количества материала из слоя горизонта. Отметим некоторое увеличение в процентном отношении чернолощеной керамики – до 7,5–10% от общего числа.

Как обычно, самой массовой находкой являются горшки. Большинство горш-

ков сформовано из серой или красной глины с добавлением в тесто в качестве примесей песка. Преобладают неполированные сосуды одутловатой формы с различным оформлением венчика (Рис. 64; 1–7). Есть сосуды с валикоподобным венчиком без шейки (Рис. 64; 2). У некоторых горшков невысокий край венчика отогнут наружу. Многие изделия имеют при невысоком венчике четко выраженную шейку (Рис. 64; 3–4, 7). Основная масса неполированных горшков лишена орнаментации. Лишь у некоторых изделий присутствует на плечике прочерченный узор в виде волны (Рис. 64; 6) либо многорядной линии или зигзага. Диаметры устьев сосудов разные от 11 до 23 см. Наиболее часто встречаются горшки с диаметром устья 16–20 см.

Глазурированных горшков найдено значительно меньше. Они имели, как правило, вертикальный венчик, рельефно профилированный снаружи (Рис. 65; 2, 7, 10). Полива преимущественно зеленого цвета

Рис. 61. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Постройка № 7. Вид с востока

Рис. 62. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Постройка № 7. Деталь – конструкция устройства пола постройки

Рис. 63. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Инвентарь из постройки № 7: 1, 5 – обувные подковки; 2–3 – фрагменты ножей; 4 – обломок пластины цветного металла, 6 – чугунное ядро

покрывала сосуды внутри и венчик снаружи. Некоторые из изделий имели «ухо», прищипавшее к краю венчика (Рис. 65; 4). Найдены горшки с коричневой поливой внутри. Очень разнообразна орнаментация этой посуды. Прочерченным и штампованным геометрическим орнаментом украшалось обычно плечико и венчик горшков (Рис. 65; 1–2, 5–6, 8–9). Диаметр устьев описываемых сосудов составлял 11–17 см. Отсутствие на них копоти и нагара свидетельствует о том, что эти сосуды не использовались для приготовления пищи на огне.

Фрагментов крышек в культурном слое найдено 41 экз. Только два из них глазурованные (Рис. 66; 6). Крышки покрыты поливой внутри, одна желтой, другая зеленой. Оба изделия по краю украшены прочерченной многорядной линией. Неполированные крышки часто имели по краю утолщение в виде каймы (Рис. 66; 5). Сверху на крышках находилась круглая ручка высотой 2–3 см. Она имела в верхней части углубление (Рис. 66; 7). Диаметр найденных крышек колеблется от 16 до 35 см. На внутренней стороне многих изделий сохранился нагар.

Кухонной посудой являются макитры (Рис. 66; 1–2). Во фрагментарном виде их найдено 9 экз. Они сформованы из серой либо красной глины с примесью песка. Некоторые сосуды имели на тулове скромный геометрический орнамент. Встречаются макитры лощеные. Большинство изделий не имело никакой орнаментации. Диаметры найденной посуды составляли 17–26 см.

Сковородок найдено всего 17 фрагм. Все они неглазурованные. Стенки, как правило, имеют нагар и следы копоти. Диаметр найденных изделий составляет 21–22 см (Рис. 66; 8–9).

Найдено три фрагмента носиков рукомоев диаметром 4,0–6,0 см (Рис. 66; 4). Два из них покрыты зеленой и коричневой глазурью внутри.

Рынки (3 экз.) также часто внутри покрыты глазурью, обычно зеленого цвета. От них найдены главным образом фрагменты ножек. Снаружи они главным образом фрагменты ножек. Снаружи они могли быть украшены рифлением (Рис. 66; 9).

Разнообразен ассортимент столовой посуды, среди которой много орнаментиро-

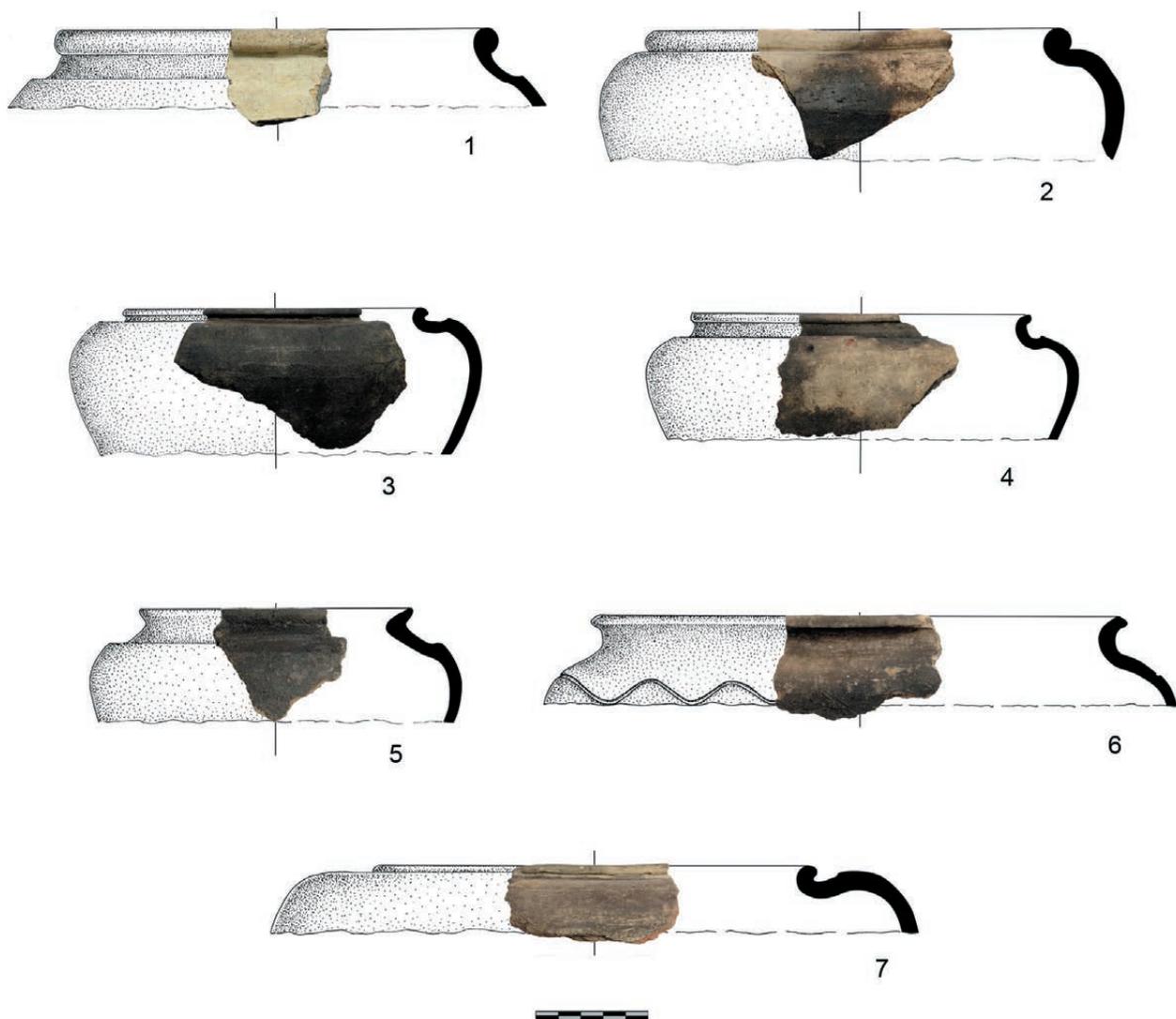

Рис. 64. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Основные формы кухонных неглазурованных горшков

ванных изделий. Даже неполивные миски на отогнутом почти горизонтально бортике имели узор в виде прочерченного многорядного зигзага (Рис. 67; 10). У других экземпляров под венчиком могла быть четко обозначенная шейка (Рис. 67; 8), третьи украшались пальцевыми вмятинами на ребре стенки либо по горизонтально отогнутому бортику (Рис. 67; 7, 9). Встречалась также экземпляры без какой-либо орнаментации (Рис. 67; 8). Высота мисок колебалась от 5–6 до 10–12 см при диаметре от 15 до 30 см.

Плошки (4 фр.) – круглые, расширяющиеся кверху сосуды, похожие на маленькие мисочки (Рис. 67; 4–6). Все найденные в культурном слое горизонта изделия были неглазурованными и не имели

никакого декора. Диаметры устья плошек составляли 8,0–12,0 см. Высота одной из них равнялась 4,5, другой достигала 7,3 см.

Тарелки (14 фр.) всегда внутри покрывались преимущественно зеленой глазурью (Рис. 67; 3). Однако встречаются изделия с желтой или коричневой поливой (Рис. 67; 1–2). Орнаментация чаще всего присутствует на бортиках посуды в виде штампованных узоров либо прочерченной волны. Диаметры найденных в слое горизонта изделий – 21–27 см.

В единичных экземплярах найдены фрагменты кружки (Рис. 67; 11), блюда, чайника и блюда.

Посуда для хранения жидкостей насчитывает 114 фрагментов и также представ-

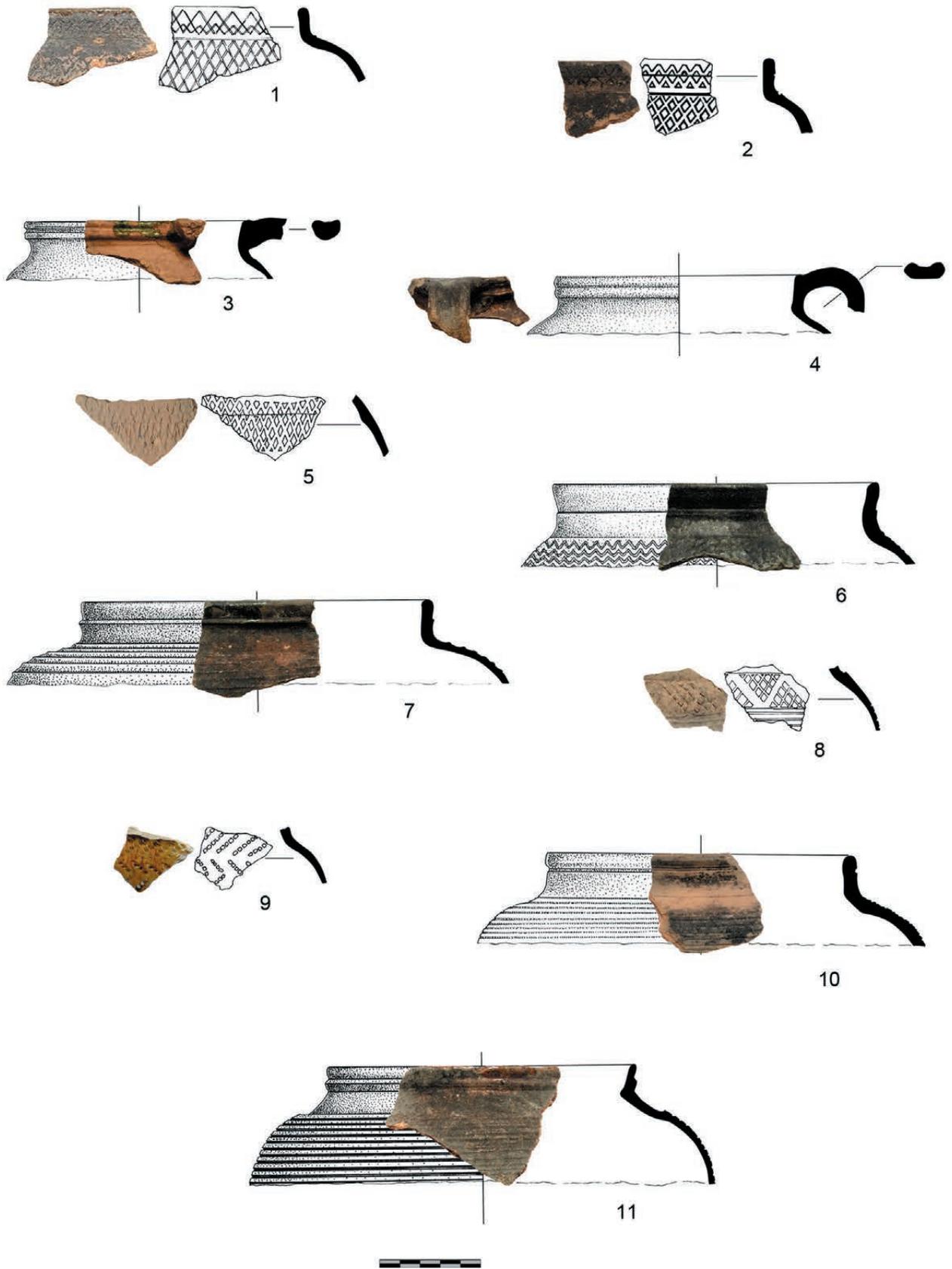

Рис. 65. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Глазурованная кухонная посуда

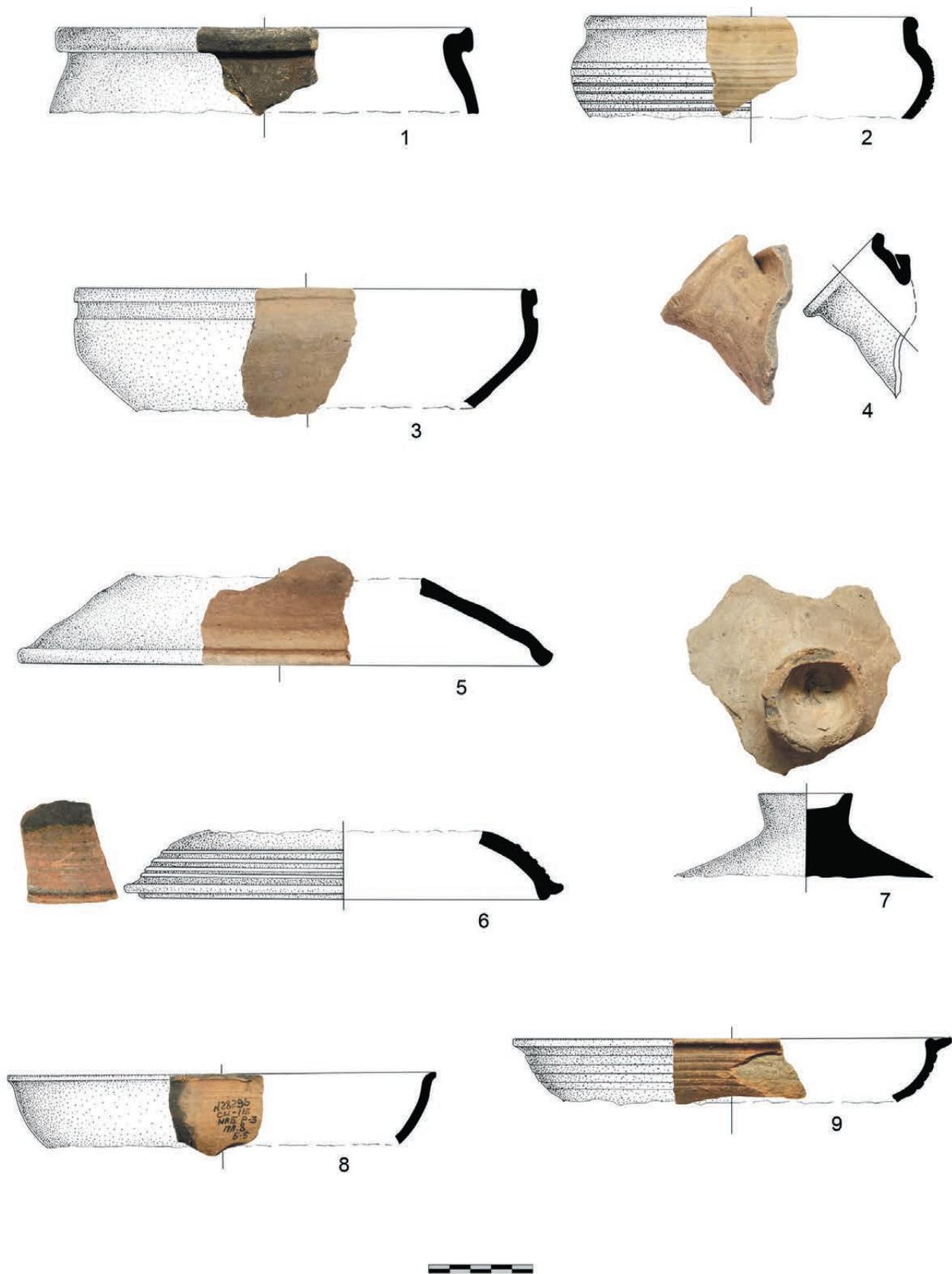

Рис. 66. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Другие виды кухонной посуды: 1–2 – фрагменты макитры; 3, 8 – сковороды; 4 – фрагмент рукомя; 5–7 – крышки; 9 – рынка

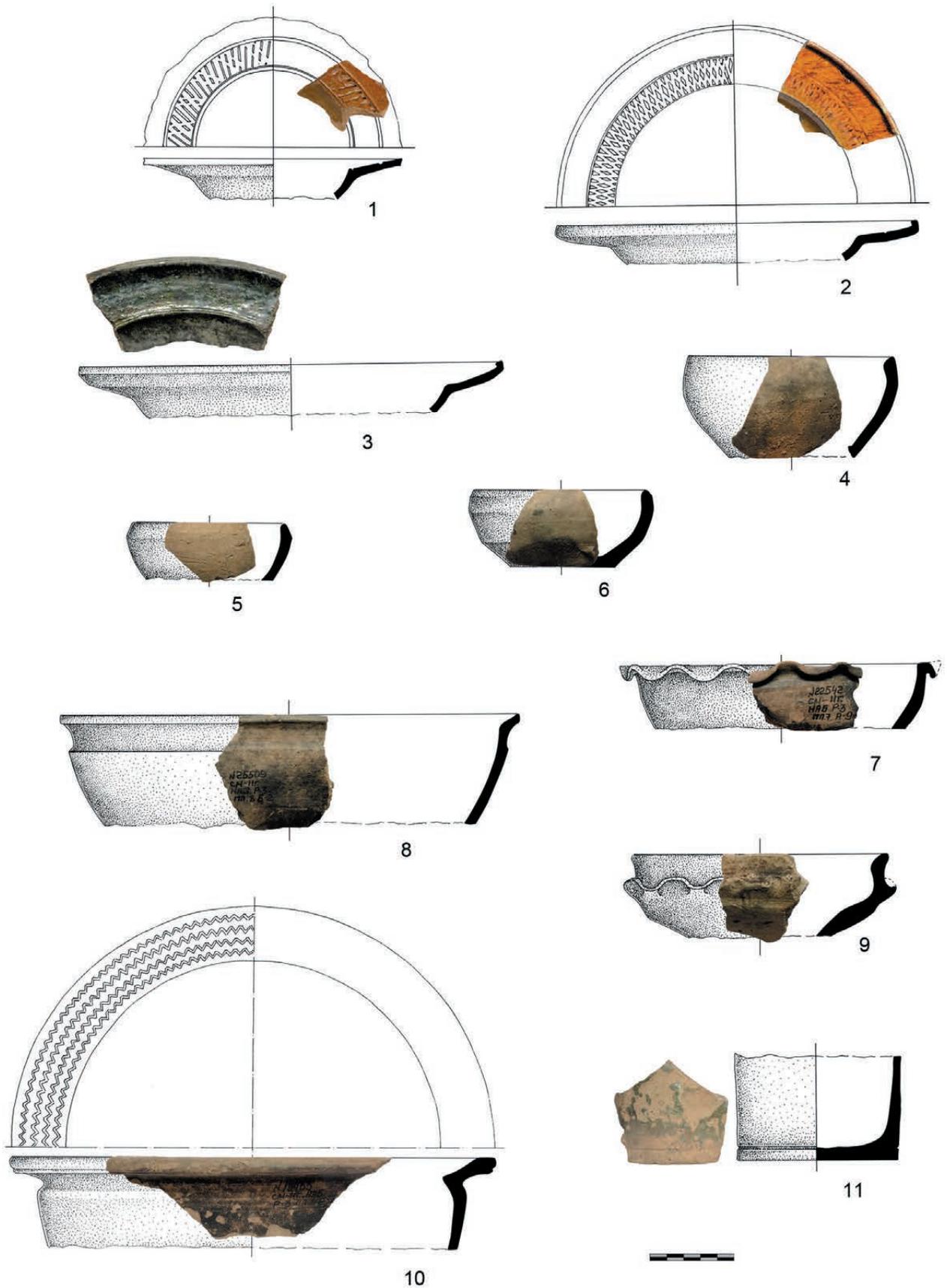

Рис. 67. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Столовая посуда: 1–3 – тарелки; 4–6 – плошки; 7–10 – миски; 11 – стакан

лена несколькими категориями. Очень популярны были кувшины (60 фр.). Часто венчик этих сосудов был украшен каймой (Рис. 68; 9) либо его горло имело рельефный профиль (Рис. 68; 6). Большинство сосудов внутри было покрыто глазурью, чаще зеленой. Непременной деталью кувшинов было наличие «уха» или ручки (Рис. 68; 8). Горло изделий нередко украшал многорядный линейный орнамент. Довольно много среди этой посуды было чернolощеных сосудов. Редким исключением были неглазурованные изделия. Диаметр устьев кувшинов составлял 9–11 см.

Крынки (41 фр.) имели цилиндрическое горло с отогнутым наружу краем венчика (Рис. 68; 10). В основном неполивные. Встречаются и чернolощеные экземпляры. Диаметр устьев у этих изделий колебался от 10 до 16 см.

Кумганы (2 экз.) напоминали по форме кувшины. Они имели носик как у чайника, который был соединен с краем венчика сосуда. Оба найденных фрагмента изделий были чернolощеными.

Фляги (3 фр.) имели округлую уплощенную форму и узкое горлышко (Рис. 68; 12). Покрывались глазурью, а некоторые имели циркульный орнамент.

Кубышки (7 фр.) представляли собой глиняные сосуды с выпуклыми, раздавленными боками и узким горлом (Рис. 68; 1, 4). Часто их стенки украшал прочерченный узор в виде многорядной линии, иногда в сочетании с зигзагом.

Фрагменты посуды для питья насчитывают 97 фрагментов. Среди них выделяются пивные сосуды со сливом из красной глины (84 фр.). Встречены бракованные изделия, которые деформировались при обжиге (Рис. 68; 11). В качестве сосуда для разлива напитков, очевидно, использовался чернolощеный сосуд (фрагмент) в виде барана на стилизованных ножках (Рис. 69). В культурном слое найдено 10 фрагментов стопок, которых было много в культурном слое предыдущего горизонта, и три фрагмента бокалов, сформованных из красной глины (Рис. 68; 2–3).

Единичны фрагменты курительных трубок и глиняная игрушка-свистулька в виде лошади.

В культурном слое 4-го строительного горизонта найдено также 43 фрагмента печных изразцов. Причем есть как терракотовые изразцы, так и изделия, покрытые зеленой глазурью. Все они были в употреблении, о чем свидетельствуют следы копоти на обратной стороне лицевых пластин. В большинстве своем на изразцах преобладают стилизованные растительные мотивы. На некоторых из них лицевая поверхность украшена геометрическими мотивами. В слое найдено также пять фрагментов керамической плитки для выкладки сводов изразцовых печей.

Коллекция изделий из металлов насчитывает 202 единицы находок. Большинство из них во фрагментарном состоянии.

Орудия труда представлены 20 предметами. Найдено 12 фрагментов ножей. У некоторых частично сохранилась ручка (№ 389; № 406). Единичны находки шарнирных ножниц (№ 425), проколки (№ 415) и фрагмент конского скребка (№ 475). Во фрагментарном виде найдены несколько швейных игл (№ 472; № 610; 572; № 435; № 594)⁶.

Предметов вооружения – 49 экземпляров. К огнестрельному оружию относятся находки свинцовых пуль (Рис. 70; 1–3), железные ядра – три из них сохранились в целом виде (Рис. 70; 4, 6), а одно во фрагментарном состоянии (№ 411), спусковой крючок мушкета (Рис. 70; 8). Холодное оружие представлено находками оковки ножен (Рис. 70; 5), наконечника стрелы (№ 525) и обломком лезвия шпаги (Рис. 70; 7).

Поскольку Смоленск в 1609–1611 гг. находился в осаде войском Речи Посполитой, то ничего удивительного нет, что в культурном слое этого времени найдено много предметов, принадлежащих военному костюму. Особенно много (40 экз.) обувных железных подковок, главным образом от сапог. Среди них есть пластины с пятью отверстиями для гвоздиков (Рис. 70; 9). Другой вариант сапожных подковок имеет на пластине три

⁶ Поскольку бытовые предметы (орудия труда, скобяные изделия и пр.) типологически консервативны и далеко не всегда являются датирующим материалом, по ходу дальнейшего изложения мы ограничимся лишь их упоминанием в тексте, с отсылками к номерам в описи в научном отчете в ОПИ ИА РАН. В качестве иллюстративного материала будут использоваться наиболее интересные и датирующие находки.

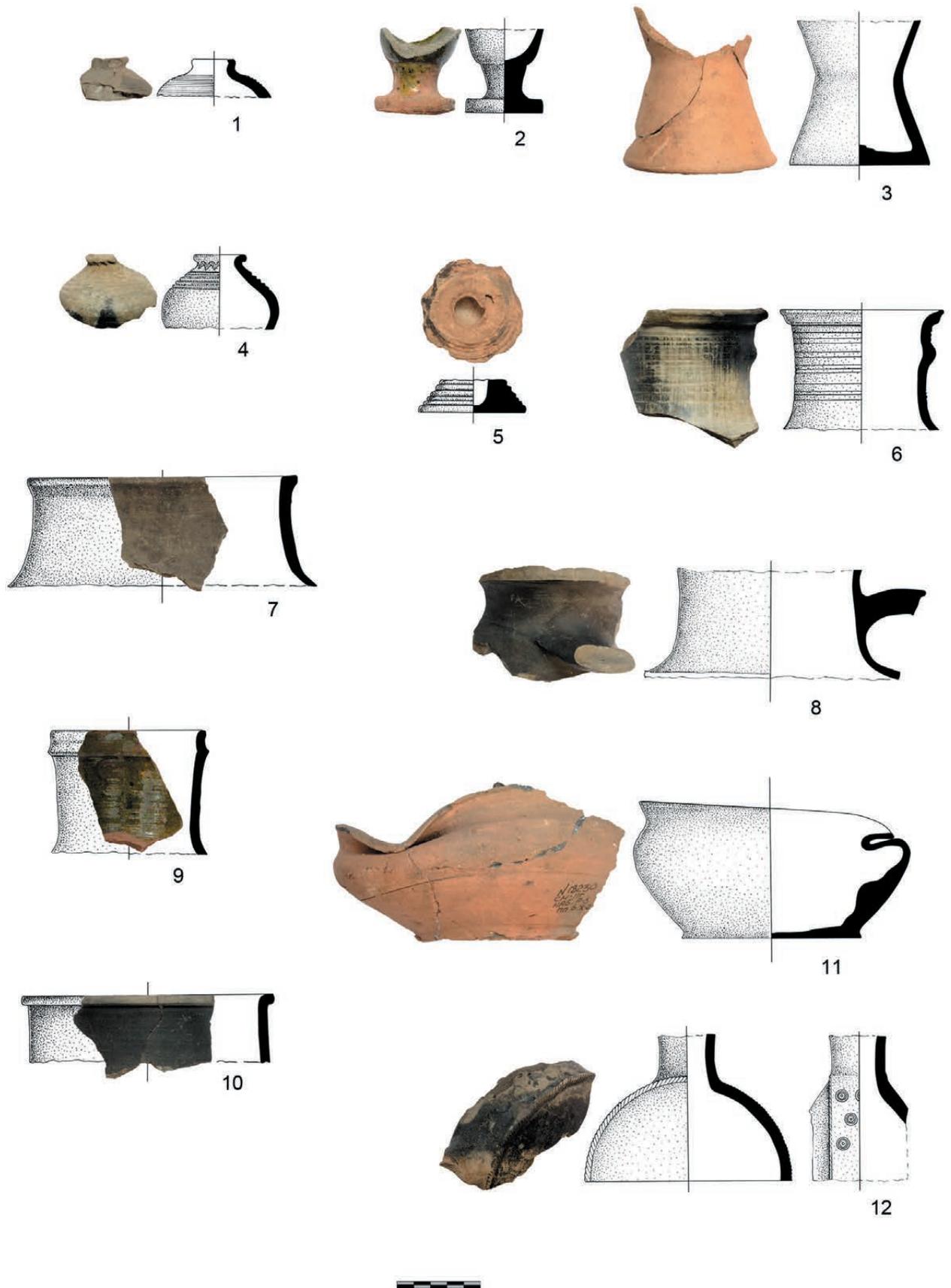

Рис. 68. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Столовая посуда для питья и хранения жидкости: 1, 4 – кубышки; 2–3 – стопки; 5 – донце стакана; 6–9 – кувшины; 10 – фрагмент крышки; 11 – сосуд для разлива напитков; 12 – фляга

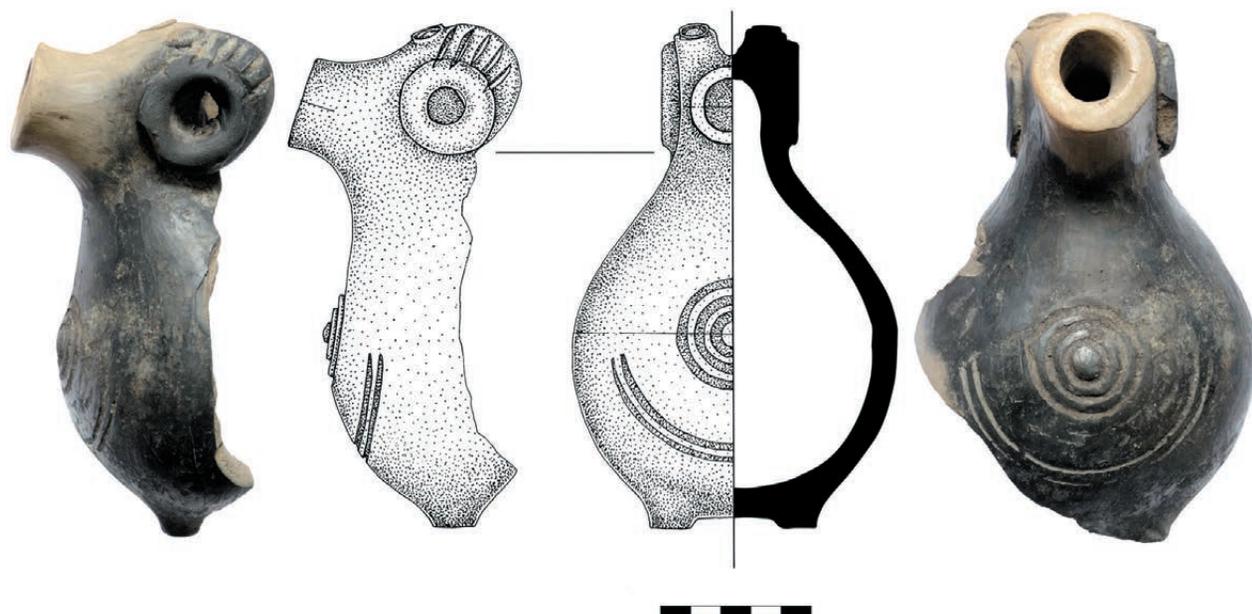

Рис. 69. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Чернолощенный столовый сосуд для разлива напитков

выкованных шипа (Рис. 70; 10). Пряжки представлены 14 находками. Среди них своим размером выделяются поясные изделия (Рис. 70; 11). Другую группу составляют маленькие пряжки (Рис. 70; 12–14), возможно обувные. Военный мундир не мог обходиться без латунных и медных пуговиц (Рис. 70; 15–17). В мундире использовались проволочные крючки (№ 569), а также портупейные кольца для подвешивания холодного оружия (№ 570).

Найдено несколько крестов-тельников. Три из них сохранились целиком (Рис. 71; 1–2, 4), один во фрагментарном виде (Рис. 71; 3).

Находки украшений насчитывают 17 предметов из цветных металлов. Это разнообразные накладки (Рис. 71; 6, 8), мужской (Рис. 71; 10) и женский со вставками в щиток (Рис. 71; 9) перстни, медальон (Рис. 71; 7), а также четыре английские булавки (№ 471; № 493; № 481; № 625).

Скобяные изделия включают находки железных пробоев (№ 623; № 538), скоб (№ 616; № 650), дверных колец (№ 456; № 520), крючка (№ 419). Сюда же можно отнести находки фрагмента костыля (№ 428) и кованых гвоздей (№ 2311; № 21741; № 17082). Для закрепления стекол в оконных рамах использовались оловянные обоймы (№ 367; № 378). К бытовой утвари относятся находки фрагментов гирьки (№ 402), железной дужки ведра (№ 648), обруча (№ 540).

Для освещения помещений использовались железные светильники – светцы (Рис. 72; 8–9). Широкое применение имели навесные замки и ключи к ним. Большинство замков найдено во фрагментарном виде (Рис. 72; 3). Два фрагмента замков явно попали из более ранних наслоений (Рис. 72; 1, 7). Находки ключей представлены двумя древнерусскими изделиями (Рис. 72; 4, 6). Ключи от замков XVII в. сохранились во фрагментарном виде (Рис. 72; 2, 5).

Изделия из стекла включают посуду для хранения напитков и питья. Штофы (Рис. 73; 5) и бутылки (Рис. 73; 7) с диаметром вогнутого дна 12,5 см. Штофы имели горлышко высотой 2,0 и диаметром 2,5 см. Найдены фрагменты стенок стеклянных сосудов с росписью белой краской (Рис. 73; 6). Стаканы на стенках украшались накладными рельефными лентами (Рис. 73; 1–2). Вместо поддона у них, как правило, был накладной рельефный жгутик (Рис. 73; 3–4). Диаметры сосудов составляли 5,0–6,5 см. В культурном слое горизонта найден фрагмент пятки стеклянного бокала (Рис. 73; 8). Ее диаметр 5,5 см. В слое найдено всего два предмета из камня – фрагмент точильного сработанного бруска (№ 534) и грузило с просверленным отверстием (№ 509).

Находки органического происхождения включают фрагменты лыкового лаптя

Рис. 70. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Оружие и предметы воинского обмундирования: 1–3 – мушкетные пули; 4, 6 – ядра; 5 – наконечник ножен; 7 – фрагмент сабли; 8 – мушкетный курок; 9–10 – обувные подковки; 11–14 – ременные и обувные пряжки; 15–17 – пуговицы

Рис. 71. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Находки из слоя: 1–4 – кресты-тельники; 5 – фрагмент креста-энколпиона (?); 6, 8 – декоративные накладки; 7 – медальон (?); 9–10 – перстни

Рис. 72. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Бытовой инвентарь из слоя: 1, 7, 4, 6 – фрагменты навесных замков и ключи из нижних напластований древнерусского времени; 2, 5 – ключи от замков XVI–XVII столетий; 3 – навесной замок – XVII в.; 8–9 – светцы

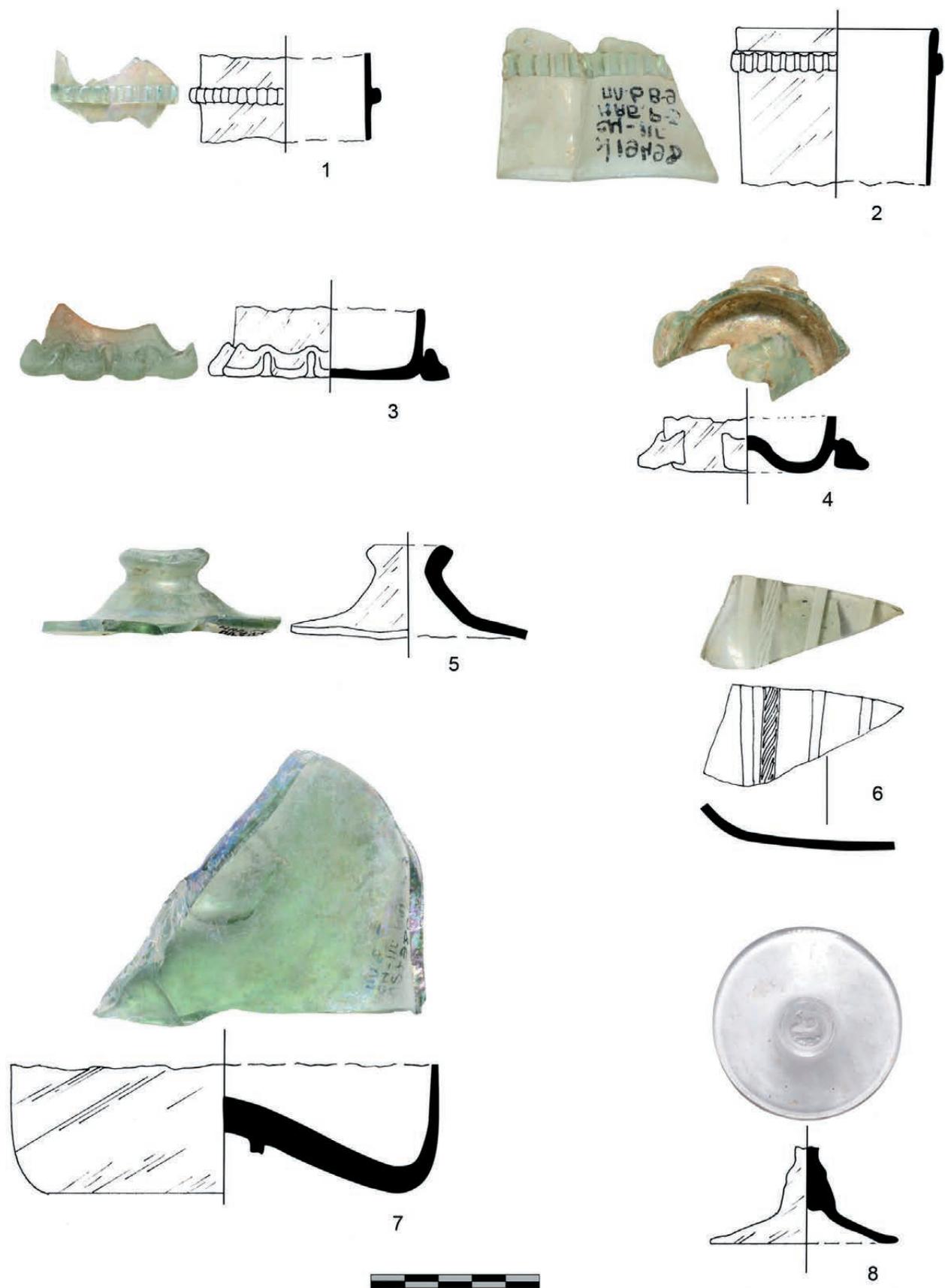

Рис. 73. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Изделия из стекла

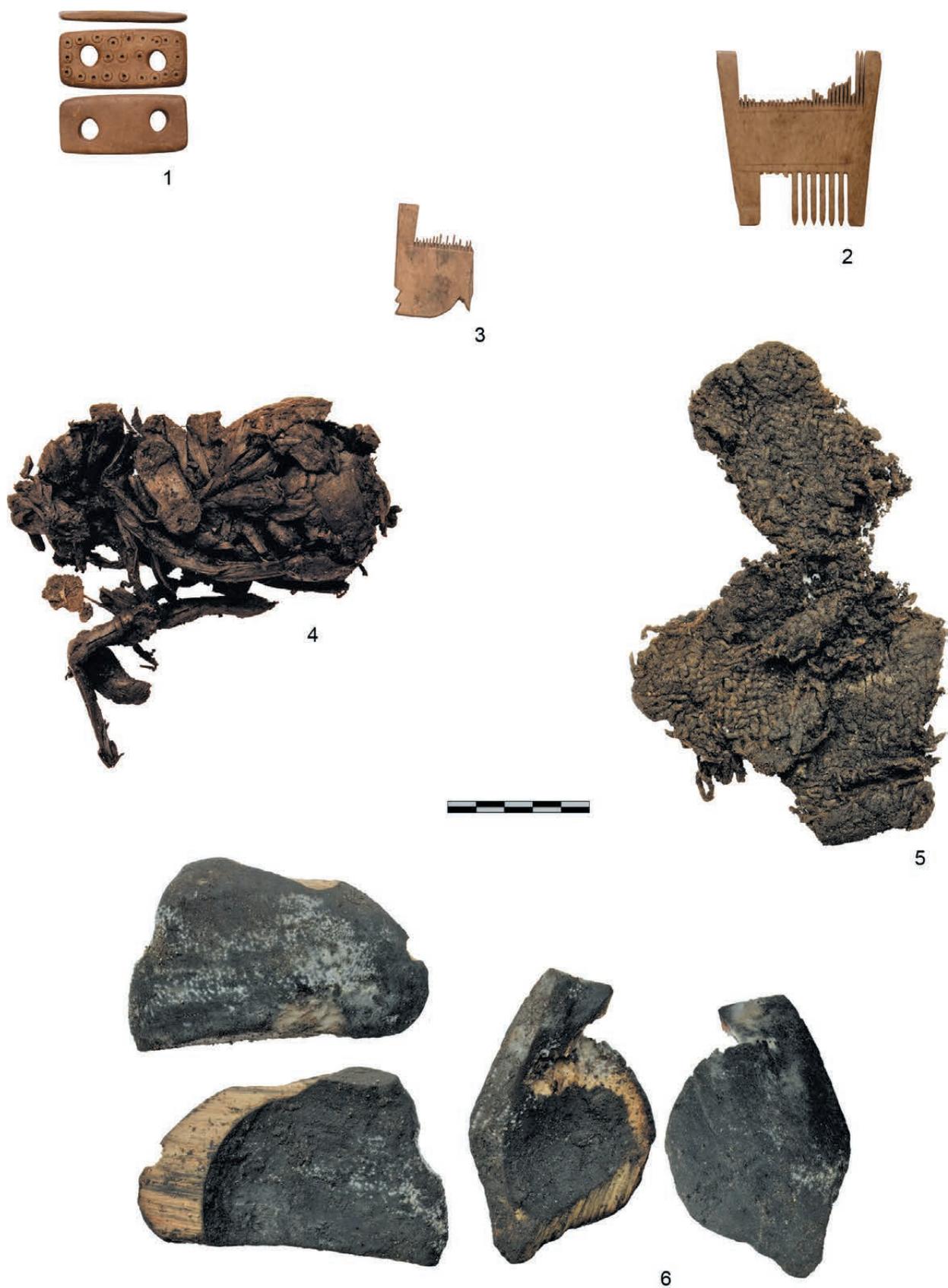

Рис. 74. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Изделия из органики: 1 – костяная накладка; 2–3 – костяные гребни; 4 – лапоть; 5 – кусок ткани; 6 – фрагменты деревянного ковш

Рис. 75. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Обувь

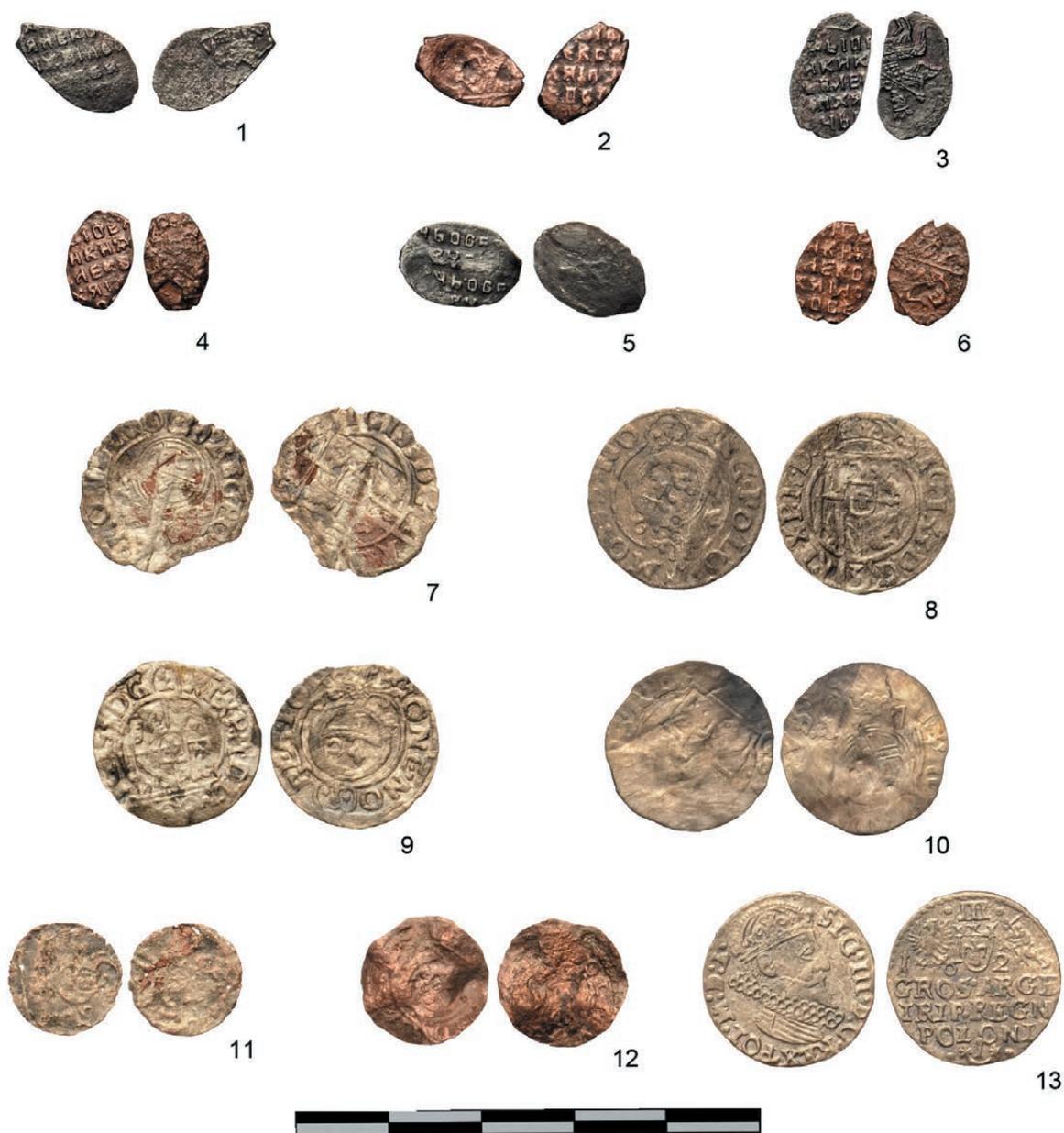

Рис. 76. Набережная. Раскоп 3. 4-й строительный горизонт. Нумизматический материал из слоя горизонта: 1–6 – медные и серебряные пула русской чеканки; 7–13 – монеты Речи Посполитой

(Рис. 74; 4) и деревянного ковша (Рис. 74; 6). Костяные изделия: накладка с двумя отверстиями, орнаментированная циркульным узором с лицевой стороны (Рис. 74; 1), фрагменты двух костяных гребней, скорее всего из нижних напластований древнерусского времени (Рис. 74; 2–3), несколько кусков ткани (Рис. 74; 5).

Изделия из кожи представлены главным образом фрагментами обуви. Детская обувь определяется по длине подошв и стелек (№ 27070; № 27071). Женские летние туфли имели ажурные перада (№ 17260). У многих

из них верх крепился к подошве при помощи потайного шва. Были в женской обуви каблуки и наборные из кожаных пластин, которые между собой скреплялись железными гвоздиками (Рис. 75; 2–3). В культурном слое горизонта найден практически целый мужской туфель (Рис. 75; 1). Кроме обуви в найдены фрагмент ремня и фрагмент конской упряжи.

Даты чеканки монет Русского государства и Речи Посполитой из слоя 4-го строительного горизонта не выходят за середину XVII столетия (Рис. 76; 1–13).

5-й строительный горизонт (начало – третья четверть XVI в.)

Зафиксирован в 9–11-м пластах раскопа. В темно-сером культурном слое горизонта выявлено большое деревянное сооружение, постройка № 7-А, деревянный колодец, фрагмент деревянного настила и штабель заготовленного для строительства дерева.

Большое деревянное сооружение занимает юго-восточную часть раскопа (Рис. 77). Постройка сохранилась на два венца. Ее видимые в раскопе размеры 12×8 м. В культурном слое описываемая конструкция сверху перекрыта прослойкой строительного мусора в виде известняковой и кирпичной крошки, включений глины и камней, которые остались после строительства крепости.

Сооружение представляло собой конструкцию из длинных, толстых бревен, идущих в направлении с юга на север и под прямым углом с запада на восток (Рис. 78). По мере расчистки на уровне 10-го и 11-го пластов стало ясно, что мы имеем дело

с конструкцией из двух параллельных бревенчатых стен – внешней и внутренней – на расстоянии в среднем чуть более 2 м друг от друга (Рис. 77, 79). Лучше всего сохранились внешние северная и западная стенки сооружения.

Северная стенка имеет протяженность 12 метров и уходит далее в восточную стенку раскопа. Ее массивные бревна диаметром 32 и 40 см и длиной по 6 м соединены между собой вертикальным столбом диаметром 40 см (кв. В8), имеющим с двух противоположных сторон два продольных выдолбленных паза. В них и вставлялись шипы бревен северной стенки сооружения. Западная стенка постройки прослеживается на протяжении 6 метров. Диаметр деревянного ствола здесь составляла 28 см. Бревна северо-западного угла конструкции соединены между собой в чистый, или немецкий, угол без остатков. Вход в сооружение находился с западной стороны. Он обозначен двумя вертикальными столбами. Расстояние между ними 1,2 м. Один из столбов имел диаметр 27 см,

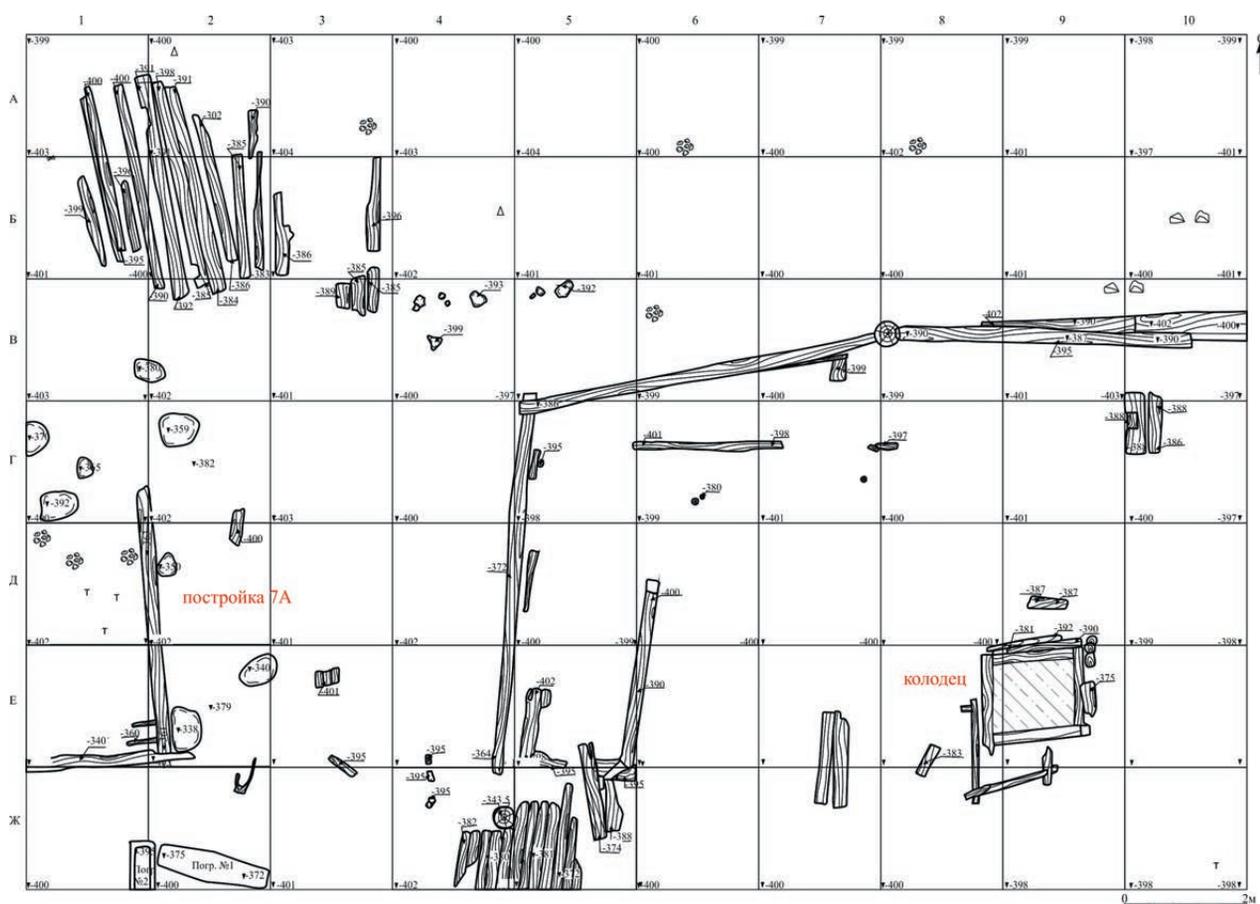

Рис. 77. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт

Рис. 78. Набережная. Раскоп 3. Сооружения 5-го строительного горизонта. Вид с севера

Рис. 79. Набережная. раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Деталь конструкции блокгауза (?) – вид с запада

второй был тоньше. Между ними сохранился фрагмент деревянного настила (Рис. 77). Видимая его длина 2,15 м при неполной ширине 1,7 м. Настил состоял из 12 колотых досок шириной 15–18 см. Часть его мощения уходит в профиль южной стенки. В этом же направлении было и продолжение западной стенки сооружения.

Внутри сооружения в культурном слое были выявлены отдельные деревянные детали этой конструкции. Так, в квадратах Е5 и Ж5 10-го пласта лежал брус толщиной 23 см, который имел длину 1,56 м. На северном конце бруса был выдолблен паз длиной 29 см и шириной 9 см. Он имел два уровня углублений – 4 и 7 см. В других квадратах (кв. Е7, Ж7 и кв. Е6) расчищены еще четыре аналогичных бруса с пазами. Они имели схожие с первым брусом размеры, длину от 1,52 до 1,8 м при толщине 24–26 см. Вероятно, они являлись опорными деталями кровли данной конструкции.

Сооружение было разобрано до нижних венцов, скорее всего, в период строительства крепостной стены. Следов огня на дереве не выявлено. Исходя из анализа найденных в его пределах вещей и принимая

во внимание сведения И. И. Орловского о существовании в прибрежной части города возле земляного вала т. н. блокгаузов (Орловский. 2004), можно высказать предположение, что данное сооружение и могло быть таким большим деревянным оборонительным сооружением для размещения в нем в период осады отряда пехоты. С началом строительства смоленской каменной крепости необходимость в них отпала и конструкция была разобрана. Дерево могло быть вторично использовано при строительных работах.

Колодец представлял собой деревянный сруб почти квадратной формы размером 1,5×1,4 м. Располагался под ящиком твора с глиной (постройка № 64-го горизонта). Причем, его верхние венцы оказались перерублены коробом твора (Рис. 77, 80–81). Колодец срублен из тонких бревен (11–13 см) в чашку с остатком. Чашка вырубалась в верхней части бревна на половину его толщины. Концы остатков бревен выступали на 10–13 см. На углах колодца верхнее и нижнее бревна соседних венцов дополнительно скреплялись деревянными шпильками длиной 10–12 см. Колодец в раскопе удалось проследить на глубину до 2,5 м. Его сруб уходил глубже в материковый светло-серый суглинок. Из-за выхода грунтовых вод продолжить выборку его заполнения не представлялось возможным.

Колодец был выкопан одновременно со строительством «блокгауза» в середине – второй половине XVI в. В момент начала строительства крепостной стены колодец уже был заброшен. В его заполнении найдены многочисленные фрагменты битой посуды, датирующейся не ранее XVII столетия. Здесь найдены фрагменты мисок, тарелок, покрытых зеленой глазурью. В период начала строительства крепости на месте заброшенного колодца был срублен деревянный короб твора с глиной.

Постройка № 7А⁷. Сохранность плохая. Частично выступает в раскоп из его западной стенки (Рис. 77). Сохранился ее юго-восточный угол и фрагменты бревен нижнего венца восточной и южной стенок постройки. Диаметр бревен 19–21 см. Рублена в чаш-

ку с остатком. Концы остатков выдаются на 18–37 см. Чашка вырубалась в верхней части бревен на половину их толщины. Бревно южной стенки сруба выступает из стенки раскопа на 2,8 м, а западное бревно нижнего венца имеет длину 4,6 м. Собранные в пределах сруба находки маловыразительны. Они представлены двумя свинцовыми пулями (№ 547; № 551), сапожной подковкой (№ 568), фрагментом медного сосуда (№ 697) и куском проволоки из цветного металла (№ 564), а также кованым железным гвоздем (№ 542). Из перекопа в заполнение попал фрагмент стеклянного браслета (№ 715).

Еще одним элементом этого строительного горизонта является скопление бревен, которые, видимо, были приготовлены для строительства (Рис. 77). Длина бревен 3,3–3,6 м, диаметр – 18–30 см. Одно бревно диаметром 24 см было, несомненно, от какой-то разобранный постройки. На его конце была вырублена чашка на половину толщины бревна.

Основанием для датировки 5-го строительного горизонта серединой – второй половиной XVI в. служат стратиграфические наблюдения – наличие прослойки строительного мусора времени строительства крепостной стены – известковой и кирпичной крошки, известнякового раствора, битого кирпича и т. д., перекрывающей сооружения 5-го строительного горизонта. Косвенным подтверждением этого служит также мощность культурных напластований этого горизонта, охватывающих пласты с 9-го по 11-й. Подобная интенсивность накопления культурного слоя, несомненно, связана с бурной хозяйственной и строительной деятельностью в период строительства стены.

В эти же хронологические рамки укладывается и коллекция индивидуальных находок и массового материала из слоя 5-го горизонта.

Это, прежде всего, нумизматический материал, представленный исключительно монетными находками Русского государства, чеканки не позднее второй половины XVI столетия (Рис. 82).

⁷ К сожалению, качество натуральных фотографий оказалось очень плохим, в силу объективных обстоятельств. Поэтому в иллюстрациях в этом единичном случае они не даются.

Рис. 80. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Колодец в кв. Е 8–9. Вид с севера

Рис. 81. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Деталь конструкции колодца и бревна творильной ямы, разрушившие его верхний ярус. Вид с севера

Рис. 82. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Нумизматический материал из слоя

В слое горизонта по-прежнему достаточно много предметов военного назначения. Это мушкетные пули (Рис. 83; 1–5), железное ядро (Рис. 83; 10), фрагмент клинка холодного оружия (Рис. 83; 8), наконечник стрелы (Рис. 83; 7), затыльник рукояти холодного оружия – кинжала (?) – Рис. 83; 6, деталь ножен (Рис. 83; 9).

Остальной ассортимент предметов бытового и хозяйственного назначения стандартен и практически не отличается от набора инвентаря предшествующих напластований. Это орудия труда – ножи (Рис. 84; 1–2, 4), железные швейные иглы (№ 761; № 699; № 685),

железные проколки (Рис. 84; 3). Редкой в городском культурном слое является фрагмент серпа (Рис. 84; 7). В единичном экземпляре найдены фрагмент лезвия топора (Рис. 84; 5), а также молоток – гвоздодер (Рис. 84; 6).

Скобяные изделия – несколько скоб (№ 694; № 836), декоративный гвоздь (№ 756) и заклепки из цветного металла (№ 757). Большого диаметра железные кольца (3 экз.) могли использоваться в качестве дверных и воротных ручек (№ 863; № 760; № 773). Для навешивания дверей использовались кованые железные петли (№ 828; № 847) и крюк (№ 837).

Другие изделия из металлов включают накладки, обоймицы, украшения и детали костюма. В числе последних упомянем все еще многочисленные находки обувных подковок. Отметим, что их появление в культурном слое средневекового города само по себе является хронологическим индикатором (Осипов, Соболев. 2014). Все они имеют на пластинах по три железных шипа. Среди них есть изделия как с узкой пластиной, так и с широкой (Рис. 85; 18–19). Различной формы пряжки могут относиться как к деталям костюма, так и к аксессуарам конской упряжи (Рис. 85; 1–6). Встречены также несколько накладок (Рис. 85; 7–12, 14–15) и подвесок (Рис. 85; 16–17).

Некоторые находки для этого горизонта единичны или нехарактерны. В слое 5-го строительного горизонта это нательный крестик (Рис. 86; 1), варган (Рис. 86; 3), щитковый перстень желтого металла (Рис. 86; 2). А такие предметы, как калачевидное кресало (Рис. 86; 4), свинцовые товарная пломба и грузики (№№ 868 и 802), фрагмент навесного замка (Рис. 86; 5) и несколько ключей (Рис. 86; 7–10), явно относятся к древнерусскому времени и попали в слой горизонта в результате перекопов. Из этой же серии – единичные находки в слое 5-го строительного горизонта обломков стеклянных браслетов и шиферных пряслиц.

Предметов из органических материалов немного. Деревянные изделия включают находку фрагмента лопаты (№ 795) и коромысла (№ 796). Двумя находками представлены изделия из кости (№ 879; № 851).

В пластах 5-го строительного горизонта собрано 11 294 фрагмента керамических изделий. Количество глазурованных изделий не превышает 2,6–3,0%. При этом в слое 5-го горизонта отмечается количественный всплеск чернolощеной посуды – до 10–12%. Однако следует учитывать фактор случайности, и говорить о каких-либо закономерностях пока рано.

Как обычно, горшки – самая распространенная форма кухонной посуды. Горшки имеют одутловатую приземистую форму, небольшой отогнутый наружу венчик (Рис. 87; 1–3). Некоторые из сосудов с четко выраженной низкой шейкой и почти превратившимся в валик венчиком (Рис. 87; 4–5). Основная масса горшков не имеют ни

какой орнаментации. Лишь у отдельных экземпляров встречается узор на плечике изделий (Рис. 87; 1, 8). У глазурованных сосудов почти всегда сбоку было «ухо» (Рис. 87; 9–10). Верхняя часть тулова иногда украшалась рифлением (Рис. 87; 11).

Крышки (94 фр.) сверху имели круглую, наподобие большой пуговицы с углублением, ручку (Рис. 88; 1–4). Об их использовании для накрывания горшков свидетельствует нагар, обычно присутствующий на внутренней стороне изделий. Орнаментация отсутствует.

Редкой формой кухонной посуды для наслоений этого времени были рынки (2 фр.). Они представляли собой миску, посаженную на три глиняные ножки (Рис. 88; 7–8) и имеющую сбоку ручку-втулку. Рынки выполняли функцию сковороды для приготовления пищи в печи на углях.

Неполированными были и макитры (10 фр.). Они формировались из серой или красной глины и служили для растирания и размешивания продуктов. Посуда имела баночную форму либо стенки, расширяющиеся к устью (Рис. 88; 5–6). Диаметр устья сосудов составлял 25 и более сантиметров.

Значительно меньше, чем в предыдущих горизонтах, найдено столовой посуды. Среди нее довольно высок процент чернolощеных сосудов (Рис. 89; 12–13). Миски – всего 16 фр. в трех пластах горизонта (Рис. 89; 1–2). Некоторые из них во второй половине XVI в. своей профилировкой напоминали горшки. Маленькие мисочки с диаметром устья 12,5 при высоте 6,0 см могли использоваться для подачи на стол варенья, сметаны и других продуктов.

Плошки (3 фр.) по своей форме напоминали маленькие миски. У некоторых из них сбоку было ухо-ручка (Рис. 89; 3–4). Такие сосуды могли использоваться в качестве свеильников.

Тарелок найдено всего 6 фрагментов. В это время они только входили в обиход. Размеры одной из них: диаметр – 27,5 при высоте 7,0 см. Ширина бортика составляла 4,0 см (Рис. 89; 5). Никакой орнаментации на бортиках еще нет.

Количество фрагментов кувшинов (67 фр.) говорит о том, что этот вид глиняной посуды был популярным в быту городского населения. Отдельные сосуды имели

Рис. 83. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Предметы военного назначения из слоя горизонта: 1-5 – мушкетные пули; 6 – затыльник рукояти холодного оружия; 7 – наконечник стрелы; 8 – фрагмент клинка кинжала; 9 – деталь железных ножен (?); 10 – ядро

Рис. 84. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Орудия труда: 1, 2, 4 – ножи; 3 – проколка; 5 – обломок лезвия топора; 6 – молоток-гвоздодер; 7 – фрагмент серпа

даже по две ручки, крепившиеся на шейке и тулове. Другие отличались необычной формой горла (Рис. 89; 6–7, 11).

Напротив, крынки (36 фр.) имели простую профилировку. У некоторых из них было строго цилиндрической формы горло. Их венчик сверху имел специальную канавку для крышки. У других крынок край венчика был отогнут наружу (Рис. 89; 8–9).

Кубышки (7 фр.) всегда имели выпуклые бока. Они могли отличаться своими разме-

рами, но у большинства из найденных сосудов на тулове присутствовал прочерченный орнамент (Рис. 89; 10).

В слое середины – второй половины XVI столетия практически нет изразцов. В напластованиях 5-го строительного горизонта их найдено всего несколько штук (№ 9729; № 31808), что служит лишним свидетельством того, что до рубежа XVI–XVII вв. в Смоленске не существовало массового производства печных изразцов. Зато встречено

Рис. 85. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Детали костюма, накладки, подвески: 1–6 – одежные и обувные пряжки; 7–12, 14–15 – накладки; 13 – заготовка для пластинчатого перстня (?); 16–17 – привески; 18–19 – обувные подковки

Рис. 86. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Единичные находки из слоя: 1 – крест-тельник; 2 – перстень желтого металла; 3 – железный варган; 4 – калачевидное кресало; 5 – писало железное; 6 – фрагмент навесного замка; 7–10 – ключи

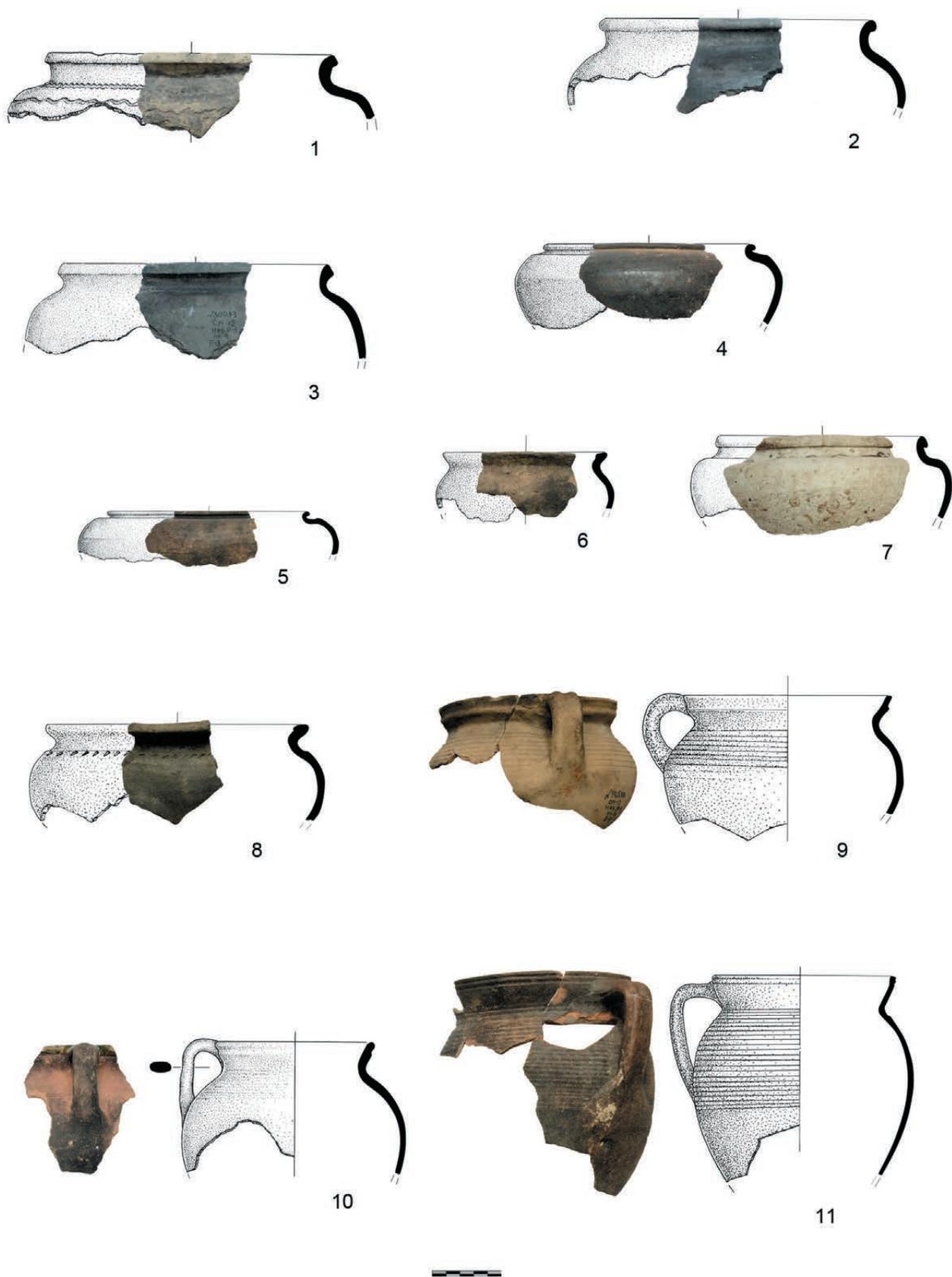

Рис. 87. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Основные формы кухонных горшков – №№ 10–11 – глазурованные

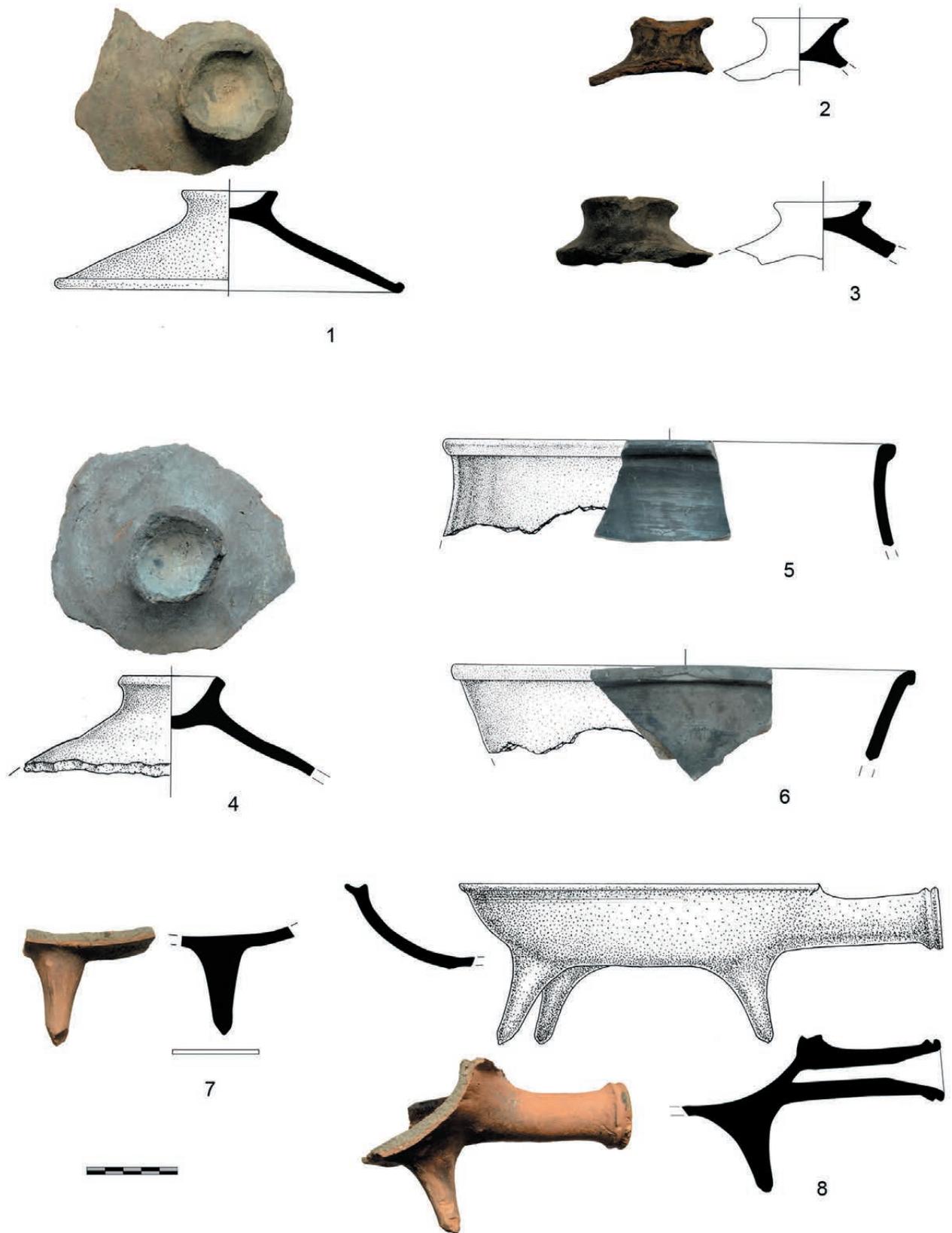

Рис. 88. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Крышки и единичные формы кухонной посуды: 1-4 – крышки; 5-6 – макитры; 7-8 – рынки

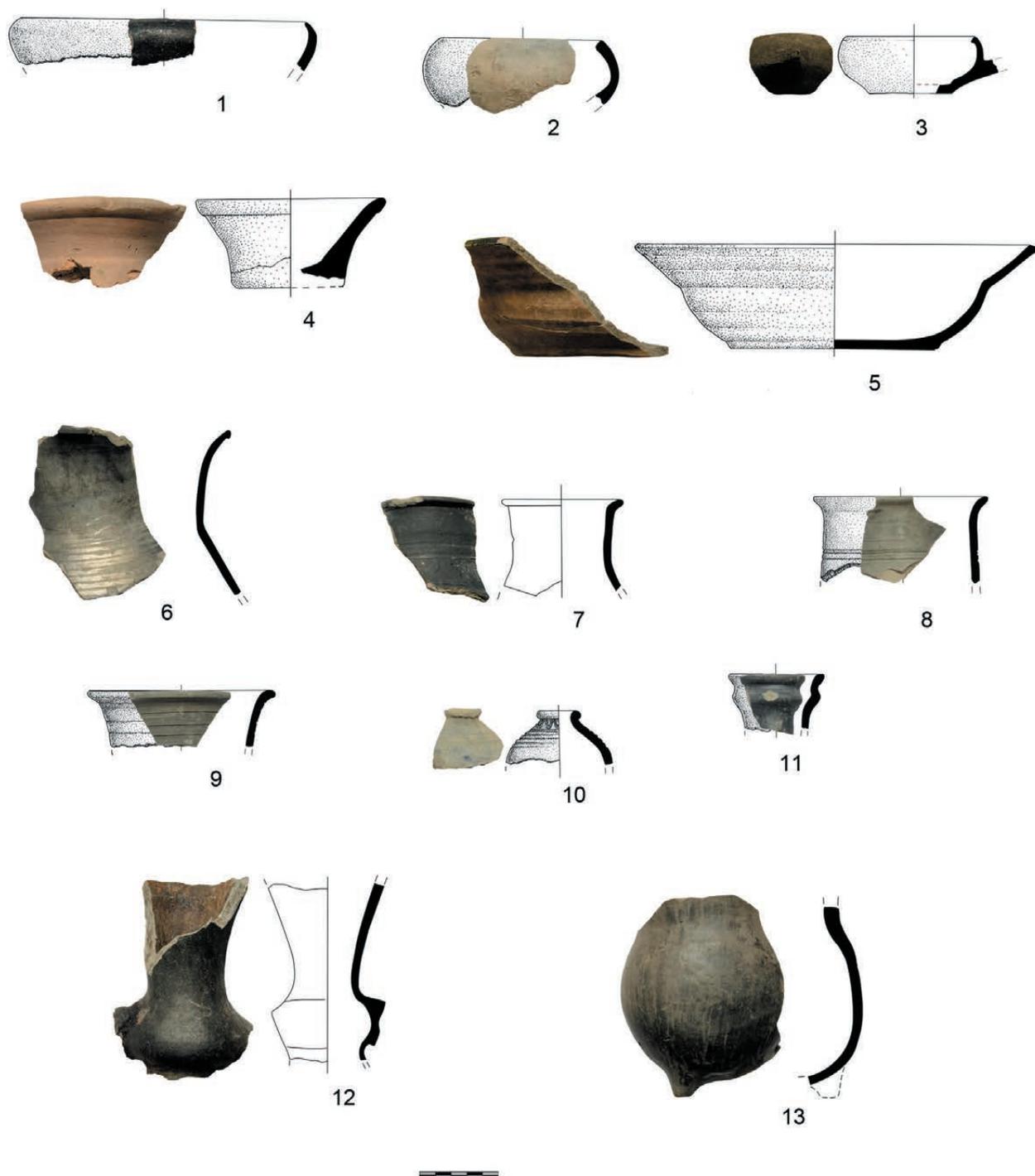

Рис. 89. Набережная. Раскоп 3. 5-й строительный горизонт. Столовая посуда: 1–2 – миски; 3–4 – плошки; 5 – глазурованная тарелка; 6–7, 11 – фрагменты кувшинов; 8–9 – крынки; 10 – кубышка; 12 – фрагмент горла чернолощеного сосуда; 13 – фрагмент столового сосуда для жидкости

довольно много обломков красного кирпича (20 фр.) и 11 кусков керамической плитки. Следует напомнить, что в 90-е гг. XVI в. началось масштабное строительство смоленской крепостной стены. Именно строительный мусор этого времени в виде кирпичного боя

и оказался в культурном слое исследуемого горизонта.

Из других изделий из глины отметим рыболовное грузило для сетей почти сферической формы (№ 872) и фрагмент игрушки-свистульки (№ 30705).

6-й строительный горизонт (конец XIV – XV в.)

Залегают в 12–13-м пластах, в культурном слое темно-коричневого цвета с большим содержанием древесного тлена и навоза. Включает остатки построек (№№ 8–10) и фрагмент дворового настила в южной и юго-восточной части раскопа (Рис. 90). Датируется здесь XIV–XV столетиями. В то же время в северной части раскопа на уровне 12–13-го пластов по-прежнему залегают культурные напластования в виде темно-серого суглинка, датирующиеся по монетным находкам первой половиной XVI столетия. В этой части раскопа никаких следов застройки не выявлено. Хронологический люфт объясняется, как уже неоднократно говорилось, значительным перепадом высот древнего рельефа берегового склона Днепра.

Постройка № 8 сохранилась фрагментарно (Рис. 90–91) – в значительной степени повреждена захоронениями кладбища XVI века. Ориентирована с северо-запа-

да на юго-восток. Выявлены ее северо-восточный угол и частично нижний венец. Постройка рублена из дерева хвойных пород. Диаметр бревен 13–15 см. Длина остатков бревен 25 и 34 см. Бревно северной стенки имеет длину 4,3 м, а западной – 2,7 м. Уходит далее в южную стенку раскопа. Следов деревянного пола в срубе не выявлено, равно как и остатков печи. Почти в центре постройки прослежены остатки двух столбов диаметром 32 и 14 см. Возможно, это были опорные столбы конструкции кровли.

В комплексе находок внутри постройки отметим прежде всего находку серебряной монеты – пражского гроша, чеканки периода правления чешского короля Вацлава IV Люксембургского (1378–1419) – Рис. 92; 1. В пределах контура постройки найдены также два навесных замка (Рис. 92; 4, 6) и фрагменты железных ключей к ним (Рис. 92; 7, 9). Обычны находки четырех фрагментов железных ножей (Рис. 92; 8, 10–12). Коллекцию дополняют язычок железной пряжки (Рис. 92; 5) и витой мужской перстень (Рис. 92; 2), 37 фраг-

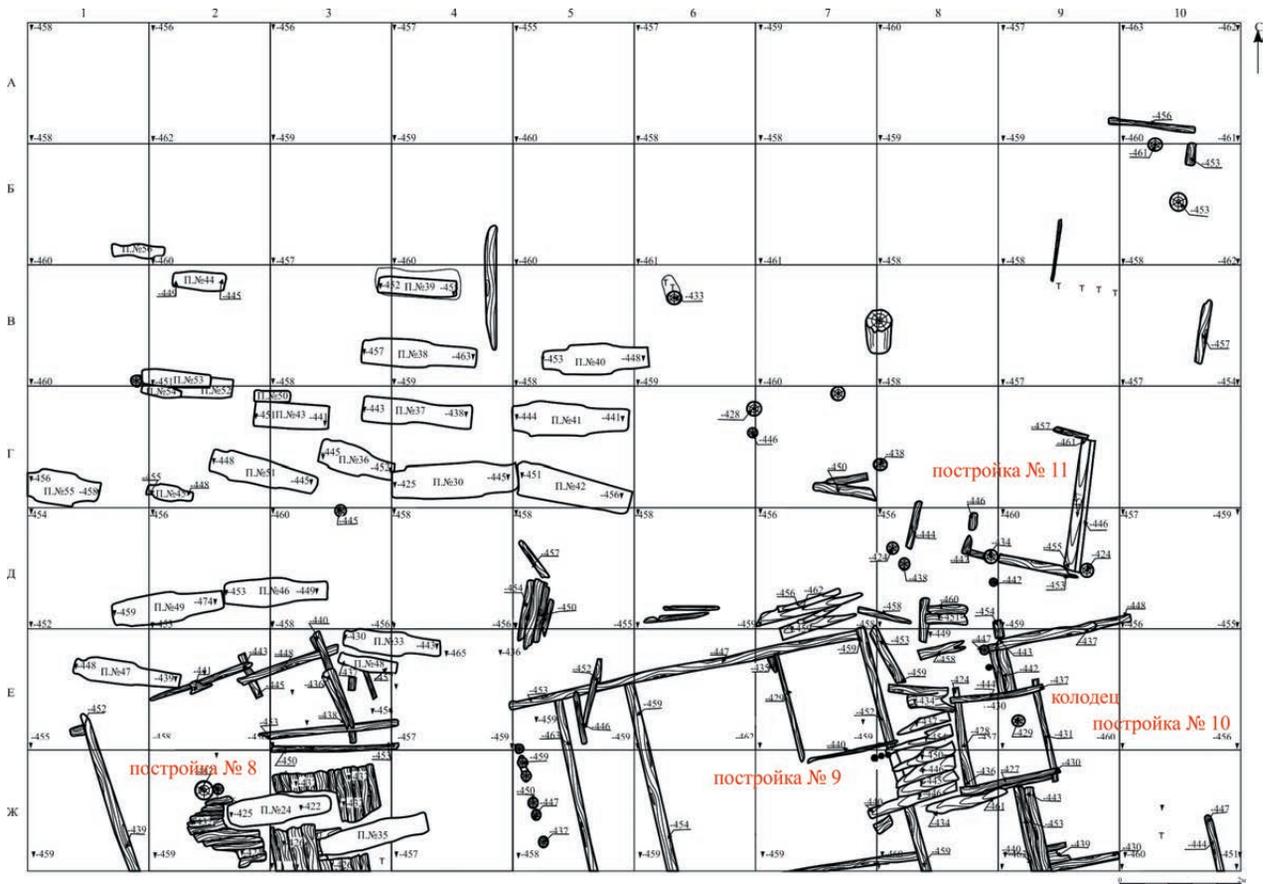

Рис. 90. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт

Рис. 91. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Постройка № 8, разрушенная погребениями. Вид с юга

ментов стеклянных браслетов и керамическое пряслице (Рис. 92; 3).

Тонкие бревна сруба, отсутствие в постройке пола и печки заставляют думать, что она имела хозяйственное назначение – клеть или амбар.

Постройка № 9 – часть постройки уходит в южную стенку раскопа (Рис. 90, 93). Сохранилась на один нижний венец. Как и постройка № 8, она ориентирована с северо-запада на юго-восток. Строение представляло собой большой однокамерный наземный сруб размером 5,2×4,0 м. Сруб рублен из бревен сосны диаметром 18–20 см в чашку с остатком. Чашка находилась в верхней части бревна. Длина выступающих за чашку концов составляет 17–20 см. В северо-восточном углу сруба выявлено глиняное пятно основания печи размерами 1,8×1,8 м в виде светло-серого суглинка с примесью древесных углей. Печь в основании имела опалубку из поставленных на ребро до-

сок. От них сохранились две полосы древесного тлена толщиной 7–8 см. Доски пола не сохранились. От него остались только три плохо сохранившихся бревна лаг диаметром 14–18 см, которые были уложены в направлении север – юг. Следовательно, доски пола укладывались в жилище в направлении запад – восток. Вход в жилище был с западной стороны. Именно к нему вел дворовой настил, фрагмент которого сохранился в раскопе (Рис. 94–95). Следы его в виде бревна-лаги, уложенной параллельно западной стенке сруба постройки № 9, и отдельных кусков колотых плах выявлены в кв. Е5–Ж5. Рядом с северным бревном нижнего венца постройки найдены фрагменты жердей толщиной 5–8 см и тонкой доски. Фрагменты досок шириной 25–27 см имели толщину 1–1,5 см. Несомненно, они являются остатками кровли жилища. Следов пожара не зафиксировано. По-видимому, постройка была разобрана.

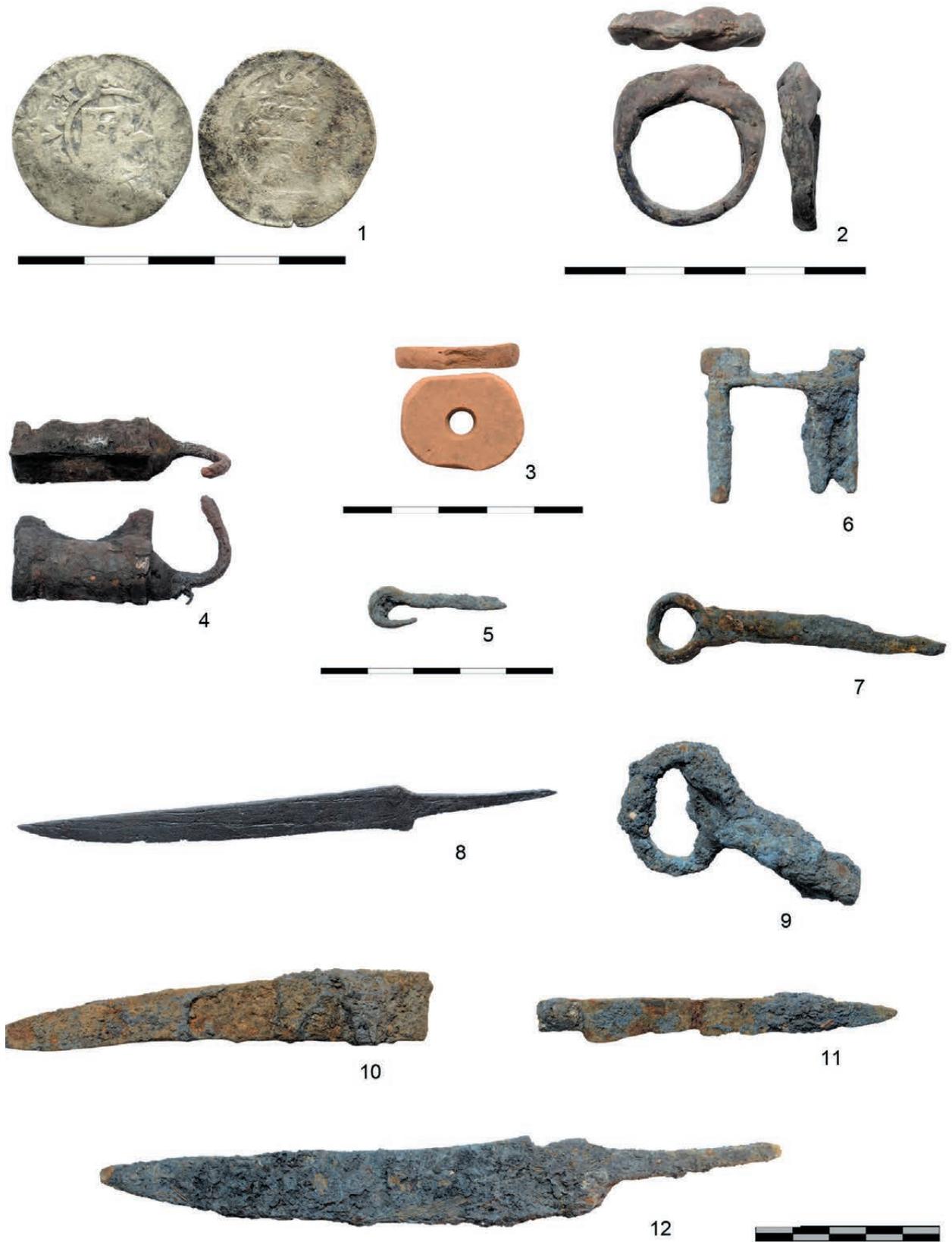

Рис. 92. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Комплекс находок из постройки № 8: 1 – монета серебряная; 2 – перстень цветного металла ложновитой; 3 – пряслице керамическое; 4, 6 – фрагменты навесных замков; 5 – железный крючок; 7 – ключ железный; 8, 10–12 – ножи; 9 – фрагмент дверного пробоя

Рис. 93. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Деревянная застройка на уровне 13-го пласта. Вид с юго-востока

Комплекс находок внутри постройки на уровне пола включает 6 шиферных пряслиц и 50 фрагментов стеклянных браслетов. Кроме того, в слое найдены ножи (Рис. 96; 6–7), стеклянные бусины (Рис. 96; 3–4), два свинцовых грузика (Рис. 96; 8–9), фрагменты от навесного замка (Рис. 96; 5), обломок металлического браслета (Рис. 96; 1), металлическая пуговица (Рис. 96; 2).

Глиняная посуда представлена фрагментами кухонных горшков с невысокими венчиками, отогнутыми наружу. Некоторые из них украшены по плечу косою насечкой.

Постройка № 10 сохранилась фрагментарно (Рис. 90, 93). Два венца ее западной стенки оказались перерубленными при сооружении колодца в XVI в. Постройка представляла собой однокамерный наземный сруб, который имел аналогичную постройкам № 8 и № 9 ориентировку. Он руб-

лен из дерева хвойных пород диаметром 15–18 см в чашку с остатком. Чашка вырубалась в верхней части бревен. Концы остатков выдавались за чашку на 20–25 см. Предположительный размер сруба с севера на юг 3,9 м, с запада на восток 2,9 м. Восточная стенка постройки не сохранилась. Следы деревянного пола не прослеживаются. Нет в срубе и печи.

В темно-коричневом слое в пределах контуров постройки найдены немногочисленные вещи. Среди них 8 фрагментов стеклянных браслетов, 3 шиферных пряслица (Рис. 97; 2–4), два ножа (Рис. 97; 5–6), фрагмент свинцовой паломнической ампулы для мира (Рис. 97; 1) и навесного железного замка (Рис. 97; 7). По-видимому, постройка имела хозяйственное назначение.

Дворовой настил также сохранился лишь частично (Рис. 90, 98). Поврежден двумя погребениями (№ 24 и № 35). Доски

Рис. 94. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Постройка № 9. Вид с юга

Рис. 95. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Фрагмент – часть настила между постройкой № 9 и колодцем. Вид с севера

Рис. 96. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Инвентарь из постройки № 9: 1 – фрагмент серебряного ювелирного изделия; 2 – пуговица-гирька; 3–4 – бусины; 5 – деталь навесного замка; 6–7 – ножи; 8–9 – свинцовые грузики

настила колотые, толщиной 5–6 см при ширине 18–25 см. Настил ориентирован аналогично всем постройкам 6-го строительного горизонта с северо-запада на юго-восток. Видимая ширина настила 1,6 м при длине 3,2 м. Остальная его часть уходит в южную стенку раскопа.

Выше уже говорилось, что за счет резкого падения уровня древней дневной поверхности в северном направлении – в сторо-

ну Днепра – культурные напластования 6-го строительного горизонта в северной и южной частях раскопа (пласты 12–13) и стратиграфически, и по составу находок отличаются между собой. В южной части, где открыты все жилые и хозяйственные строения 6-го горизонта, слой темно-коричневого оттенка, с большим содержанием древесных остатков и навоза, датируется в рамках XIV–XV столетий. В северной части раско-

Рис. 97. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Инвентарь из постройки № 10:
1 – фрагмент паломнической ампулы для мира; 2–4 – шиферные пряслица; 5–6 – ножи;
7 – навесной замок

Рис. 98. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Деревянный настил, разрушенный захоронениями. Вид с востока

па – все еще преобладают находки первой половины XVI в.

Основанием для датировки слоя северной половины раскопа служат прежде всего монетные находки – медные русские пуло чеканки XVI в. (Рис. 99). К этому же времени относятся немногочисленные по сравнению с предыдущими горизонтами находки предметов вооружения и детали костюма: свинцовые пули (Рис. 100; 1, 4), антабка (Рис. 100; 2) – может быть принадлежностью для крепления ремня на мушкете, два фрагмента наконечников копий (Рис. 100; 5, 7), деформированного наконечника стрелы (Рис. 100; 6), фрагмент шпоры (Рис. 100; 8), железные сапожные подковки (5 ед.). В XVI в. носили в основном обувь без каблуков. Плоские с тремя шипами подковки (Рис. 100; 9–10) а логичным, что были найдены в горизонтах конца XVI–XVII в.

Целый ряд предметов из слоя 6-го строительного горизонта консервативны по форме и назначению и не могут служить датировочным материалом. В основном это относится к орудиям труда и производства, к скобяным изделиям (ножи, проколки, детали дверных навесов, скобы, швейные иглы, железные кольца разного диаметра, заклепки, в том числе из цветного металла, и проч.).

Находки из темно-коричневого слоя 6-го горизонта южной части раскопа (XIV–XV вв.) более выразительны.

Часто встречаются фрагменты замков и ключей (10 ед.). Замки навесные, по форме и конструкции имеют аналогии среди древнерусских материалов (Рис. 101; 6–7). Аналогичная картина наблюдается и с ключами (Рис. 101; 1–5). Маленький ключик из желтого металла (Рис. 101; 4), очевидно, принадлежал замку сундука или ларца. По одной находке представлены ледоходный шип

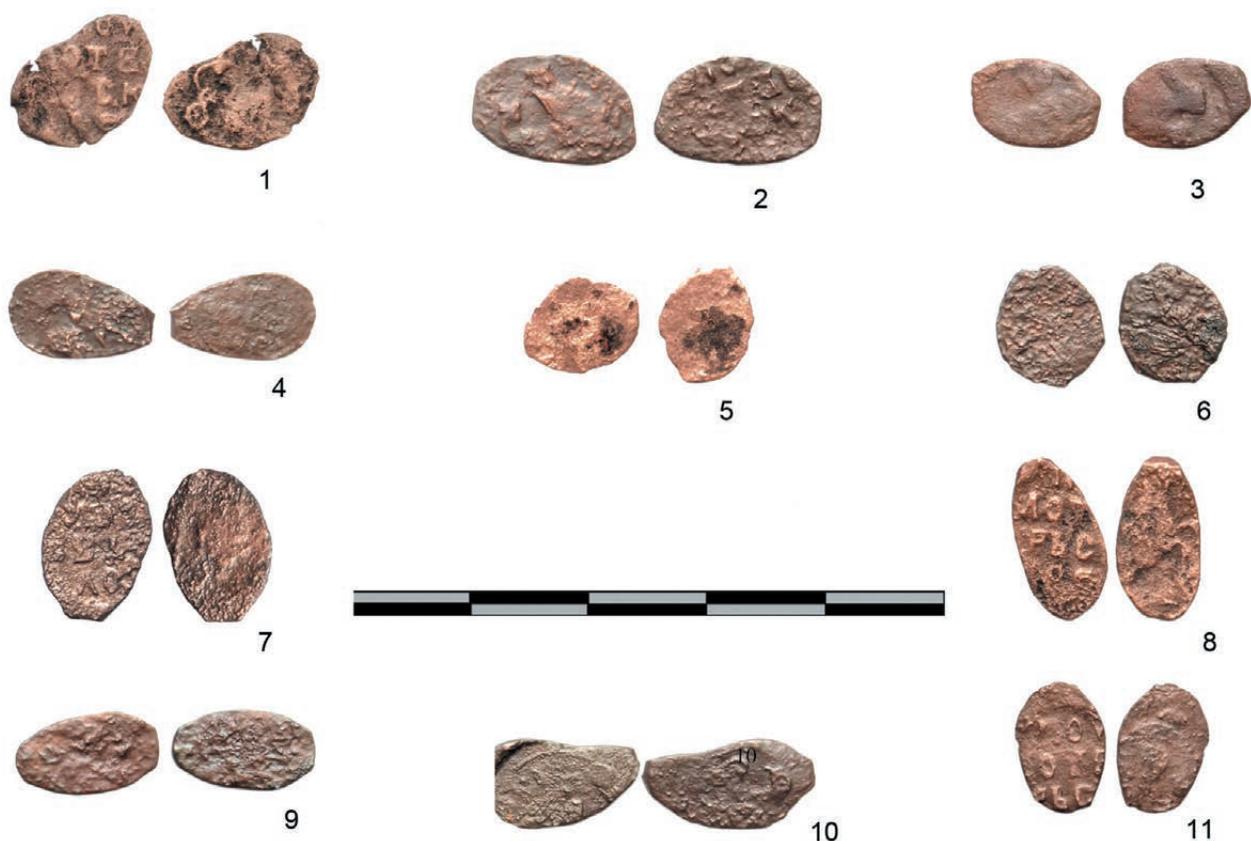

Рис. 99. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Монетные находки начала – первой половины XVI в. из слоя в северной части раскопа

(№ 996), фрагмент светца (№ 1085), варган (Рис. 101; 8) и долото (Рис. 100; 9).

Предметы религиозного назначения включают три нагрудные иконки из сплавов цветных металлов, в том числе с излюбленным в XIV–XV вв. сюжетом «Никита Бесогогон» (Рис. 102; 3–5). Аналогии им известны в археологических материалах преимущественно XV столетия, фрагмент креста-энколпиона (Рис. 102; 8), два креста-тельника (Рис. 102; 6–7), два фрагмента свинцовых паломнических ампул – «типа Монц» (Рис. 102; 1–2).

Разнообразны ювелирные изделия и украшения. Это перстни и кольца – как женские, так и мужские (Рис. 103; 1–6), привески (Рис. 103; 8, 11), накладки (Рис. 103; 7, 14). Найдена прекрасной сохранности сканная бусина из желтого металла (Рис. 103; 9). Два маленьких свинцовых предмета, обычно называемые «грузиками», могли служить пуговицами для одежды. Тем более что они часто бывают украшены по верхней плоскости (Рис. 103; 12–13).

Изделия из кости и камня немногочисленны. Это оселки из местного серого песчаника (Рис. 104; 7–8), шиферные пряслица «овручского типа» (Рис. 104; 5–6). Прекрасно сохранились два костяных навершия, украшенные циркульным орнаментом (Рис. 104; 1–2). Во влажном культурном слое хорошо сохраняется органика. В первую очередь это обрывки и детали кожаной обуви (№ 44711; № 41688; № 40897), куски войлока (Рис. 104; 9) и веревки (№ 1195).

Также в массовом порядке встречаются стеклянные браслеты (Рис. 105), наряду со столь же частыми находками шиферных пряслиц «овручского типа», что в целом характерно для более раннего периода.

В культурном слое 6-го строительного горизонта отчетливо начинают проявляться изменения в массовом материале. В этом горизонте практически отсутствует керамика с глазурованным покрытием. Значительно сократился ассортимент изделий и их количественные показатели. Хотя есть и фрагменты кухонной посуды форм, характерных

Рис. 100. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Предметы вооружения и костюма XVI – начала XVII в.: 1, 4 – мушкетные пули; 2 – антабка; 3 – пуговица цветного металла; 5, 7 – наконечники копий или дротиков; 6 – наконечник стрелы; 8 – фрагмент шпоры; 9–10 – обувные подковки

Рис. 101. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Изделия из железа XIV–XV вв.: 1–5 – ключи от навесных цилиндрических замков; 6–7 – замки; 8 – варган; 9 – долото

Рис. 102. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Предметы религиозного назначения: 1–2 – фрагменты свинцовых паломнических ампул; 3–5 – нагрудные иконки (4 – «Никита Бесогоп»); 6–7 – кресты-тельники; 8 – крест-энколпион

Рис. 103. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Ювелирные изделия: 1–6 – перстни из цветного металла; 7 – фигурная декоративная накладка; 8, 11 – подвески; 9 – сканная пуговица; 10 – кольчужные кольца (?); 12–13 – свинцовые грузики (пуговицы); 14 – фрагмент арбалетовидной фибулы (?)

Рис. 104. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Изделия из камня, кожи и кости: 1–2 – костяные наконечники; 3–4 – заготовки костяных изделий; 5–6 – шиферные пряслица; 7–8 – сланцевые оселки; 9 – кусок войлока

Рис. 105. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Стекланные браслеты

для слоев первой половины XVI – начала XVII в. (скорее всего за счет перекопов). Также отчетливо присутствует присутствие чернолощеных изделий (около 5% от общего количества материала) – Рис. 106; 11–12.

Большая часть коллекции (7748 экз.) фрагменты кухонных горшков. На долю остальных форм глиняных изделий приходится только 149 фрагментов.

Горшки, сформованные из серой либо красной глины, имели одуловатое тулово и отогнутый наружу невысокий венчик

(Рис. 106; 3, 5). У некоторых сосудов четко обозначена шейка (Рис. 106; 2). На отдельных горшках присутствует геометрический орнамент в виде косой насечки (Рис. 106; 4) либо многорядной линии (Рис. 106; 1). На днищах горшков появляются клейма (Рис. 106; 6–7). Крышки (52 фр.) горшков с пуговицевидной ручкой сверху имели такую же профилировку, как и изделия в 4–5-м горизонтах.

Остальные формы представлены единичными фрагментами: макитры (Рис. 106; 8), тарелки традиционной формы (Рис. 106; 9),

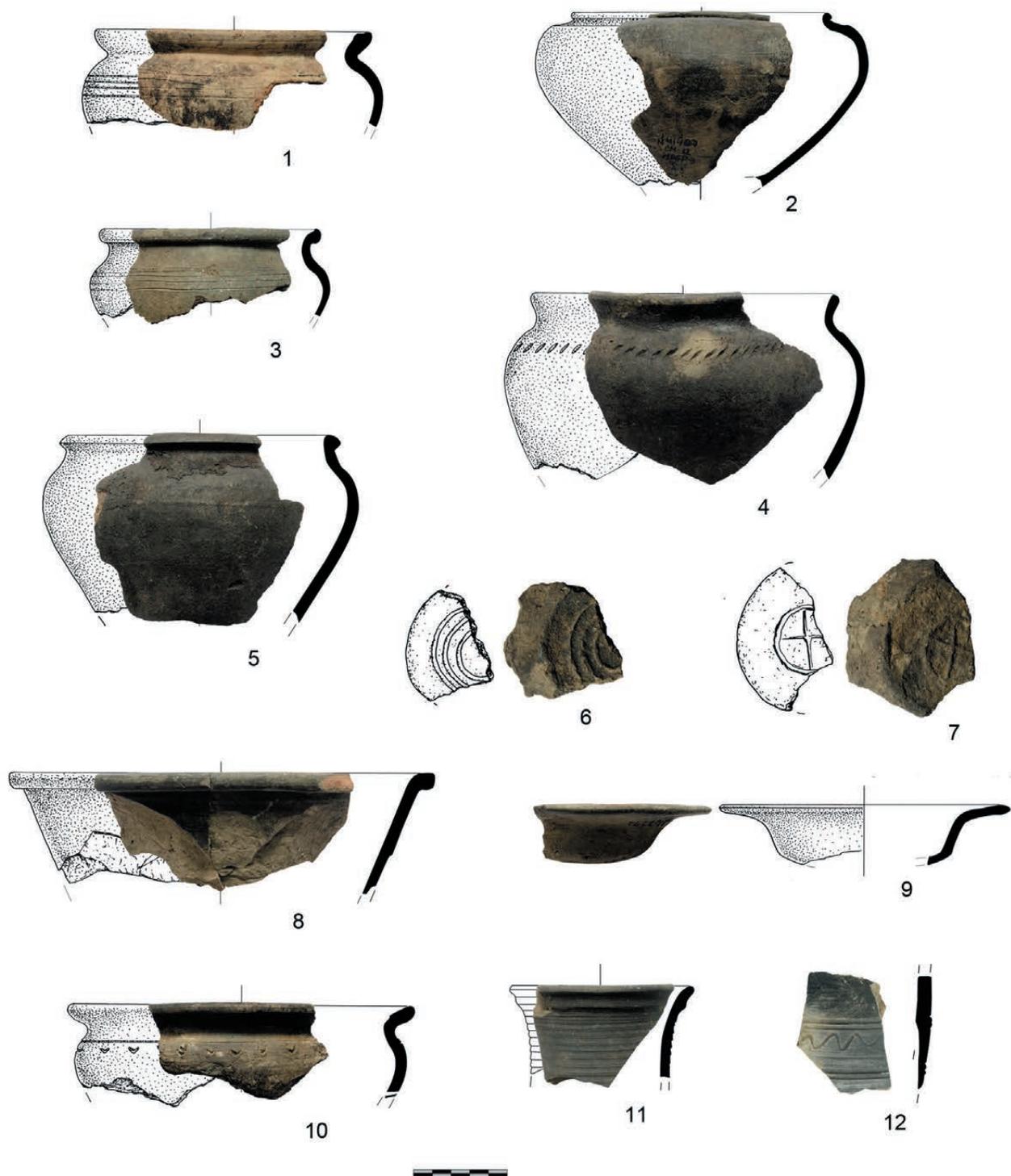

Рис. 106. Набережная. Раскоп 3. 6-й строительный горизонт. Основные формы кухонной и столовой посуды

миски (9 фр.) – более ранние иногда украшались прочерченным узором, на других орнамент отсутствовал. Хорошо знакомую по предыдущим горизонтам форму имели кувшины (19 фр.) и крынки (3 фр.). В культурном слое горизонта найдено 36 кусков

битого красного кирпича. Здесь же найдены восемь фрагментов стенок красноглиняных амфор (явно из перекопа). По одному фрагменту представлены находки керамической плитки, сосуда для специй, блюда, сковороды.

7-й строительный горизонт (рубеж XIII–XIV – начало XV в.)

Залегает в 14–15-м пластах культурного слоя раскопа. Он представлен пятью постройками и остатком частокола (Рис. 107–108).

Постройка № 11. Сохранилась фрагментарно. Размеры постройки и ее конструкция не совсем понятны. Ее восточная часть размером 2,8×2,0 м лучшей сохранности. Предположительно она могла иметь размеры более 5 метров в длину при ширине 2,8 м. По-видимому, была столбовой конструкции. Отдельными столбами также обозначен вход в строение шириной 1,2 м. с южной стороны постройки. Диаметр столбов – 20–24 см. Перед входом в постройку зафиксирован фрагмент дощатого настила (Рис. 107). Его длина с севера на юг 1,25 м при ширине 1,0 м. Доски настила шириной 21–23 см имели толщину 3–4 см. С восточной стороны к этому настилу примыкал частокол (длиной 0,87 м) из кольев диаметром

8–12 см. Следов пола и печи в постройке не выявлено. Скорее всего, она имела хозяйственное назначение.

В культурном слое внутри сооружения найдены два фрагмента каменных оселков (Рис. 109; 9–10), два шиферных пряслица (Рис. 109; 3–4), 23 фрагмента стеклянных браслетов, фрагмент незавершенной в работе каменной иконки (Рис. 109; 5), костяная накладка (Рис. 109; 2), фрагменты навесного замка (Рис. 109; 7), ключа (Рис. 109; 8), одна стеклянная бусина (Рис. 109; 1) и железный нож (Рис. 109; 6).

Постройка № 12. Представляет собой наземный однокамерный сруб размером 3,8×3,7 м (Рис. 107–108, 110). Сохранился на два нижних венца. Постройка рублена в чашку с остатком, из сосновых бревен диаметром 19–21 см. Чашка вырубалась в верхней части бревна. Сруб ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. В этом же направлении были уложены пять досок полового настила шириной 1,2 м. Фрагмент сохранившегося пола прилегал к восточной

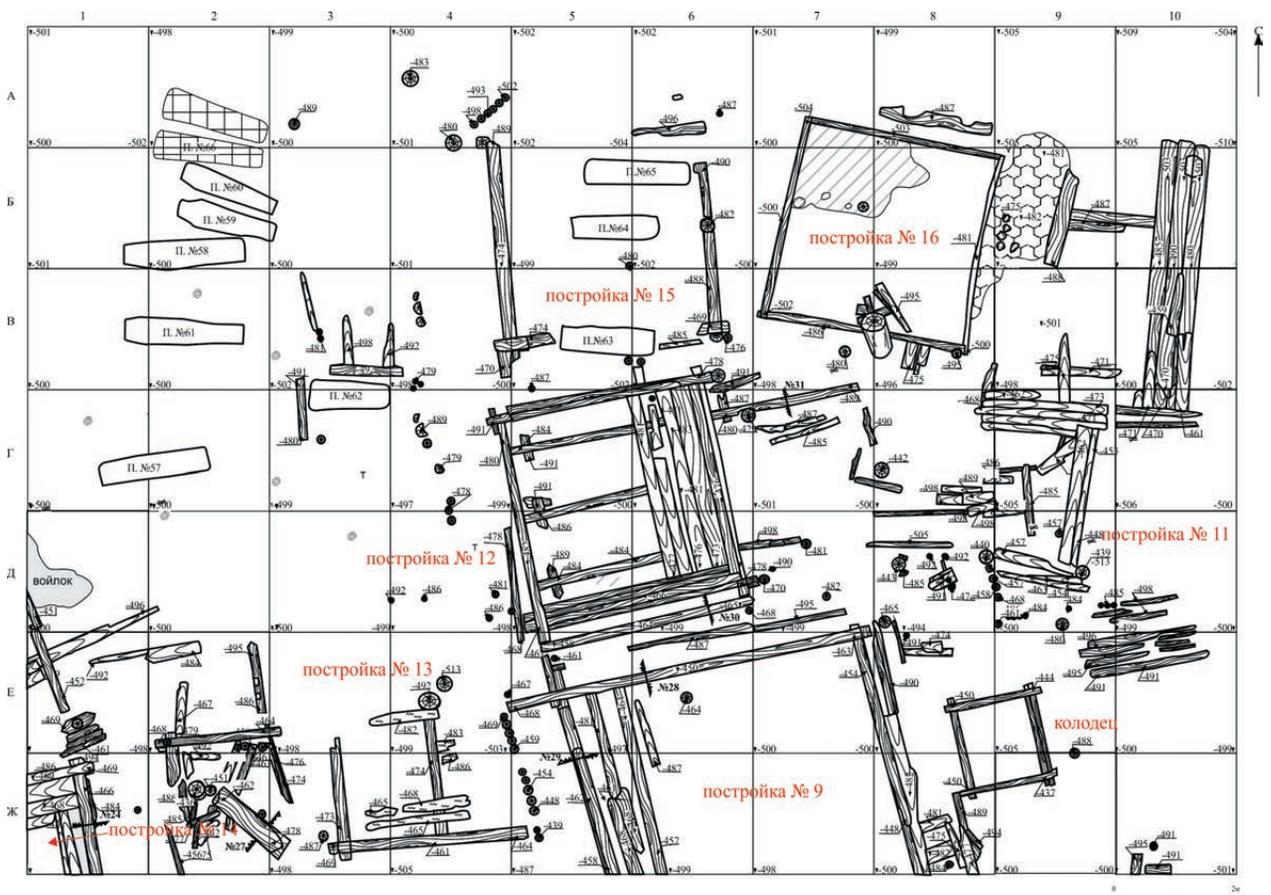

Рис. 107. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт

Рис. 108. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт – вид с востока

стенке постройки. Пол уложен между первым и вторым венцами сруба на трех бревнах – лагах диаметром 14–16 см (Рис. 111). Его колотые доски имели ширину 18–24 см при толщине 4–5 см. В одной из досок пола возле северной стенки сруба выдолблены два треугольной формы углубления, видимо, для ножек скамьи. Их глубина 3–4 см, а расстояние между ними 16 см. Направление лаг идет с запада на восток. Под концы лаг положены поперечные поленья-подкладки. Отметим одну строительную особенность. Зазор между бревнами венцов закрывался деревянной планкой, к которой примыкали торцы половых досок. Еще одним строительным приемом было покрытие сверху половых досок у северной и южной стенок сруба специальной доской, что является прообразом современного плинтуса. Следов печи в постройке не найдено. С внешней стороны сруба параллельно его западной и южной стенкам были уложены бревна, подпертые

снаружи кольшками толщиной 8–9 см. Диаметр бревен 14–16 см. Возможно, они относятся к завалинкам. Возле западной стенки сруба найден фрагмент кровельной тесовой доски толщиной 1,5 см. Она сохранилась на длину 1,1 м и имела ширину 28 см. С южной и северной сторон постройки зафиксированы обвалившиеся бревна сруба диаметром 13–19 см. Торцы некоторых из них обрезаны пилой. Здесь найдены обломки жердей обрешетки толщиной 5–7 см. Следов пожара не выявлено. Скорее всего, постройка была заброшена и затем постепенно разобрана.

Из заполнения сруба постройки на уровне пола происходит комплекс вещей XIII–XIV столетий: бронзовый наконечник ножен (Рис. 462; 6), две товарные свинцовые пломбы (Рис. 112; 1, 9), две стеклянные бусины (Рис. 112; 13–14), металлические пуговицы (Рис. 112; 5, 7). Украшения представлены двумя перстнями из цветного металла

Рис. 109. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 11. Комплекс находок: 1 – стеклянные бусины; 2 – костяная накладка; 3–4 – шиферные пряслица; 5 – заготовка сланцевой иконки; 6 – нож железный; 7 – фрагмент навесного замка; 8 – ключ от замка; 9–10 – оселки

Рис. 110. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 12. Вид с востока

Рис. 111. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 12. Конструктивные детали устройства полов. Вид с северо-востока

Рис. 112. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Инвентарь из постройки № 12: 1, 9 – свинцовые товарные пломбы (?); 2 – фрагмент перстня белого металла; 3 – рыболовный крючок; 4 – булавка; 5, 7 – пуговицы-гирьки; 6 – перстень-печатка; 8 – подвеска цветного металла; 10 – кусок янтаря; 11 – фрагмент керамического пряслица; 12 – фибула; 13–14 – стеклянные бусины

Рис. 113. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 13 – вид с юга

(Рис. 112; 2, 6), фибулой (Рис. 112; 12) и подвеской (Рис. 112; 8). Найдены также 10 фрагментов стеклянных браслетов, керамическое пряслице (Рис. 112; 11), фрагмент булавы из желтого металла (Рис. 112; 4), железный рыболовный крючок (Рис. 112; 3) и кусок янтаря (Рис. 112; 10).

Постройка № 13. Скорее всего, принадлежит вместе с постройкой № 14 к другой усадьбе, нежели вышеописанные строения № 11 и № 12 (Рис. 107). Сохранилась частично. Целиком выявлено нижнее бревно южной стенки длиной 3,4 м. Сруб с севера на юг мог иметь предположительно длину 2,8–3,0 м. Таким образом, постройка имела размеры 3,4×2,8–3,0 м (Рис. 113). Сруб строился из дерева хвойных пород диаметром 17–22 см. Он срублен в чашку с остатком. Чашка традиционно вырублена сверху бревен. Длина остатков на концах бревен 25–30 см. В северо-западном углу постройки выявлены остатки печи в виде пятна из про-

каленной красной глины и древесных углей. Размеры ее установить трудно. У южной стенки постройки сохранился фрагмент дощатого настила, состоящего из двух обугленных колотых досок шириной 25 и 22 см. Толщина досок 3–4 см. Настил покоится на двух бревнах-лагах диаметром 15 и 16 см. Размер настила имеет протяженность 2,12 м.

В пределах контуров постройки найдены: 40 фрагментов стеклянных браслетов, пять свинцовых грузиков, два каменных оселка, шиферное пряслице, железный ключ, бусина темно-синего стекла и фрагмент кожаной обуви (Рис. 114; 1–12).

Границей двух городских усадеб был деревянный **тын**. Он сохранился на длину 2,4 м. Тын состоит из столбов и колотых плах толщиной 11–22 см. Имеет направление с северо-запада на юго-восток (Рис. 107).

Постройка № 14. Ее северо-восточный угол выступает из западной и южной стенок раскопа (Рис. 107). Северная стенка сруба

Рис. 114. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 13. Инвентарь из постройки: 1 – пастовая бусина; 2, 8 – шиферные пряслица; 3–6, 7 – свинцовые грузики; 9 – сланцевый оселок; 10 – ключ; 11 – кожаный поршень; 12 – точильный брусок

Рис. 115. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 15. Вид с севера

прослеживается на длину 1,2, а восточная на 2,0 м. Срублен из дерева диаметром 18–23 см., в чашку с остатком. Чашка вырублена в верхней части бревна. Длина остатков 16 и 20 см. Постройка имела дощатый пол. На уровне пола найдено 14 фрагментов стеклянных браслетов, обломок серги, фрагмент ножа, медная накладка и фрагмент пряслица.

Отметим также, что между остатками постройки № 14 и постройкой № 13 на уровне 15-го пласта 7-го строительного горизонта зафиксировано беспорядочное скопление досок, плах и двух вертикально стоящих столбов. Они никак не увязываются ни с одним из двух строительных комплексов.

Постройка № 15. Располагалась в 0,5–0,8 м к северу от постройки № 12. Являлась однокамерным наземным срубом размером 3,5×3,7 м (Рис. 107, 115). Сруб плохо сохранился. Его северное бревно сгнило, а юж-

ное перерублено более поздним погребением. Постройка рублена в чашку, которая высекалась в верхней части бревна. Концы коротких остатков имеют длину 12–17 см. Диаметр бревен нижнего венца сруба составляет 17–24 см. Следов деревянного пола и печи не обнаружено. По-видимому, постройка имела хозяйственное назначение. Конструкция постройки нарушена тремя более поздними погребениями XVI в. (№ 63; № 64; № 65). В центре постройки сохранился опорный деревянный столб диаметром 10 см.

В темно-коричневом культурном слое, в пределах контуров постройки, собран разнообразный вещевой материал. Среди него выделяются находка шиферной розовой пластины с граффити (Рис. 117) и фрагмент книжной застёжки (Рис. 116; 3). Украшения представлены находками стеклянной и янтарной бусин (Рис. 116; 2), кольца и перстня (Рис. 116; 1, 4). Найдено несколько железных

Рис. 116. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 15. Инвентарь: 1 – стеклянное кольцо; 2 – янтарная бусина; 3 – книжная застежка белого металла; 4 – стеклянный перстень; 5–6 – шиферные пряслица; 7–8 – ключи от навесных цилиндрических замков

ключей (Рис. 116; 7–8) и каменных оселков (№ 1313; № 1325; № 1585). Картину дополняют находки 14 фрагментов стеклянных браслетов и двух шиферных пряслиц (Рис. 116; 5–6).

Помимо находок в пределах построек, из слоя 7-го строительного горизонта, происходит большое количество индивидуальных находок и массового материала.

Прежде всего, это керамика. Изделия из слоя этого строительного горизонта имели вертикальный (Рис. 118; 4, 9) или прямой, отклоненный наружу венчик (Рис. 118; 1–2, 8, 10). Большинство сосудов сохранили с внутренней стороны венчика канавку под крышку (Рис. 118; 5–6, 10). Некоторые из горшков имели на плечике небольшое

«ушко» (Рис. 118; 10). У других в районе шейки присутствует отверстие (Рис. 118; 5). Сосуды украшались различными вариантами прочерченного орнамента, как правило в верхней трети высоты тулова (Рис. 118; 1–7). Реже встречались другие приемы орнаментации – в виде оттисков штампа или насечек (Рис. 118; 8–10).

На донцах горшков иногда присутствуют рельефные клейма в виде вписанных окружностей, креста в круге и другие (Рис. 119; 6–8). Диаметры найденных сосудов колеблются от 10 до 20 см.

Крышки имеют сверху круглую, похожую на большую пуговицу ручку и своей профилировкой повторяют изделия из предыдущих горизонтов. Из кухонной посуды ма-

Рис. 117. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Постройка № 15. Пластина розового шифера с граффити

китры представлены лишь четырьмя фрагментами, а сковороды одним. Для хранения жидкости и напитков традиционно использовались кувшины и крынки. Фрагмент горла кубышки имел слив и был украшен геометрическим узором (Рис. 119; 1).

Фрагменты столовой посуды единичны. Тарелка найдена всего одна (Рис. 119; 5). Она имела диаметр 18,2 при высоте 6,5 см. Необычным для такой посуды было наличие орнамента в виде косой насечки на тулове. Миски имели выпуклые стенки, диаметр по венчику равнялся 16–16,5 см. Некоторые из них были снабжены сбоку небольшим «ухом». Плошки в миниатюре подобны мискам. Диаметр их устьев составлял 9–10 см. У отдельных экземпляров сбоку также было «ухо» (Рис. 119; 4). От кружек найдено всего три фрагмента. Сравнительно редкой находкой является фрагмент рыболовного глиняного грузила (№ 35762). К древнерусскому времени относятся находки шести стенок амфор и восемь кусков плинфы.

Для датировки горизонта важны индивидуальными находки из слоя. Это изделия из черных металлов: свинцовые грузики и, возможно, еще один экземпляр паломнической ампулы (Рис. 120; 1–3). Железный светец и ледоходный шип консерватив-

ны по форме и не имеют узкой датировки (Рис. 120; 4–5). Но вместе с тем являются частой находкой в слоях этого времени. Также достаточно широко датируются и овальные кресала (Рис. 120; 6, 8). Ацилиндрические навесные замки и ключи от них явно тяготеют даже к еще более раннему периоду (Рис. 120; 11–14). Уникальна находка свинцовой печати епископа Смоленского и Брянского Игнатия (дата хиротонии – 1201 г.). Что, несомненно, подтверждает обоснованность нижней даты 7-го горизонта – начало – первая половина XIII столетия (Рис. 218; 17).

Разнообразны изделия из цветных металлов – ювелирные и прикладные вещи. Из украшений больше всего найдено перстней. Среди них есть украшения с круглым и квадратным щитком. Найдены перстни ложновитые и с овальной формой щитка. Встречаются перстни с четырех лепестковой формой щитка (Рис. 121; 1–10, 13). К ювелирным изделиям относятся также две трехбусинные серьги (Рис. 122; 1–2), декоративная булавка из цветного металла (Рис. 122; 3), проволочная серьга в виде вопросительного знака (Рис. 122; 4), заколка медная (Рис. 122; 5), язычок от фибулы с орнаментированным штампом основанием (Рис. 122; 7), а также различные накладки

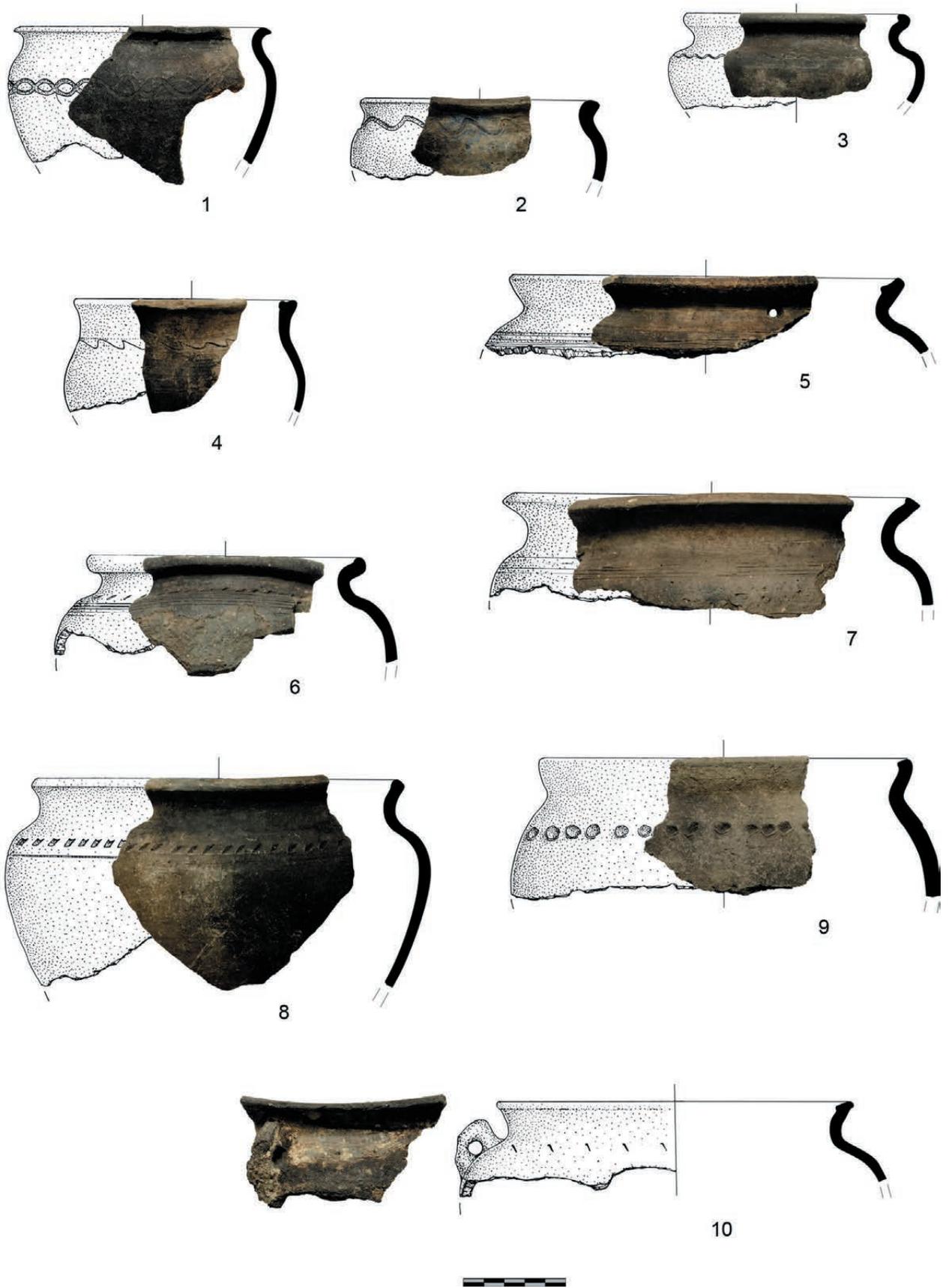

Рис. 118. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Формы кухонных горшков из слоя горизонта

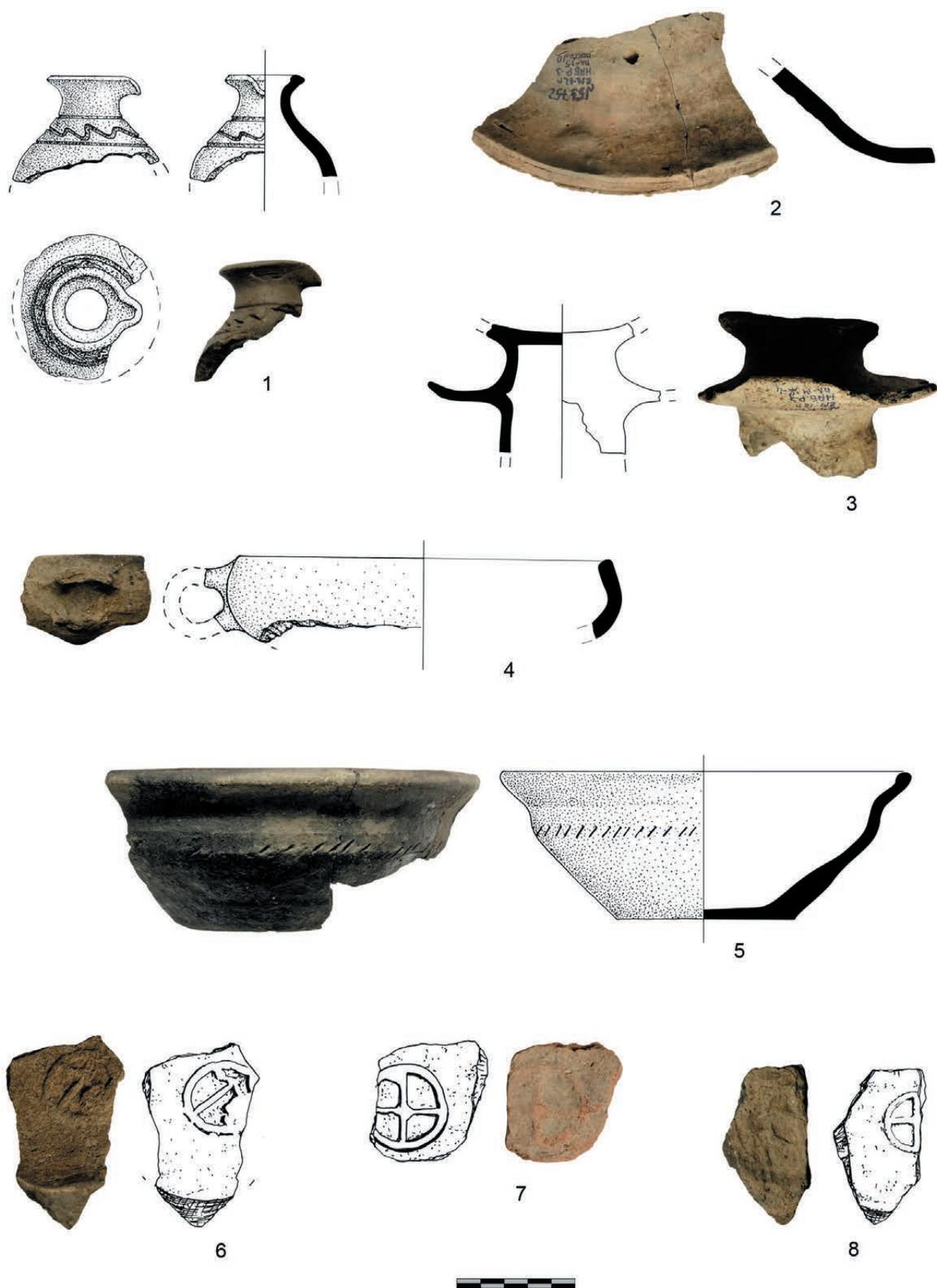

Рис. 119. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Другие виды керамики, клейма на донцах: 1 – кубышка; 2 – фрагмент крышки горшка; 3 – фрагмент керамического светильника; 4 – плошка; 5 – миска-тарелка; 6–8 – клейма

Рис. 120. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Индивидуальные находки из слоя: 1 – паломническая амула (?); 2–3 – свинцовые грузики; 4 – светец; 5 – шип ледоходный; 6, 8 – овалыные кресала; 7 – железная обоймица; 9 – подвеска (?) белого металла на кожаном шнуре; 10 – долото; 11–14 – навесные замки и ключи к ним

и привески. Среди них выделяется находка серии небольших серебряных накладок – вероятно, украшение конской сбруи (Рис. 122; 13). Найдены три креста-тельника, один из них – с эмалевыми вставками на концах креста (Рис. 122; 10).

В темно-коричневом культурном слое 7-го горизонта, насыщенном древесными остатками и навозом, хорошо сохраняется органика. В основном это довольно многочисленны обрывки обуви. Но встречен и ряд других предметов: костяные рукоятки

Рис. 121. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Ювелирные изделия из слоя – перстни и бусины

Рис. 122. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Изделия из цветных металлов из слоя горизонта: 1–2 – трехбусинные серьги; 3 – булавка декоративная; 4 – серьга; 5 – булавка медная; 6 – изделие из медной проволоки; 7 – язычок фибулы (?); 8 – фрагмент подвески; 9–11 – кресты-гельники; 12 – привески ременные (от сбруи?); 13 – набор серебряных бляшек-накладок

Рис. 123. Набережная. Раскоп 3. 7-й строительный горизонт. Изделия из органики: 1–2 – костяные рукояти ножей; 3 – изделие из кости; 4–5 – гребни костяные; 6 – кусок бересты с прочерченным геометрическим рисунком; 7 – фрагмент кожаной обуви

для ножей, украшенные врезным орнаментом (Рис. 123; 1–2), заготовка изделия из кости (Рис. 123; 3), два двусторонних цельных костяных гребня (Рис. 123; 4–5), кусок бересты с прочерченным геометрическим рисунком (Рис. 123; 6) и обрывок

кожаной обуви с тисненым орнаментом (Рис. 123; 7).

В слое 7-го горизонта уже как массовый материал присутствуют фрагменты стеклянных браслетов и шиферные пряслица, в основном привозные – из розового шифера.

8-й строительный горизонт (2-я половина XII – начало XIII в.)

Представлен тремя постройками, фрагментом дворового настила и остатками двух частоколов, которые залегают в 16–17-м пластах культурного слоя (Рис. 124–125).

Постройка № 16. Однокамерный наземный сруб почти квадратной формы, размером 3,5×3,4 м (Рис. 124, 126). Дом был ориентирован по оси северо-восток – юго-запад, погиб в пожаре. В начале пожара произошло обрушение крыши, и строение сложилось внутрь. Рублен в чашку с остатком, из тонкого дерева диаметром всего 11–13 см. Концы остатков имеют длину 10–12 см. Чашка вырубалась традиционно в верхней части бревна. Жилище имело деревянный, состоящий из колотых досок пол, который сохранился частично у южной стенки сруба. Доски шириной от 15 до 29 см уложены в направлении запад – восток. Их толщина 5 см. В северо-западном углу дома зафик-

сирован развал печи. Он состоял из кусков светло-коричневой глины и камней с примесью черных древесных углей. Печь имела основание размером 1,2×1,0 м. Вдоль западной стенки жилища на досках пола уложены две поперечные доски общей шириной до 0,55 м с большим отверстием между ними. Возможно, они являются частью полостей либо скамьи. Вход в постройку был с южной стороны. Во время разбора завала конструкций внутри жилища было найдено бревно – притолока. В нем на одну треть толщины снизу была вырублена выемка дверного проема шириной 0,75 м. Во время пожара притолока из южной стенки сруба обрушилась на пол. Крыша жилища была крыта тонкой – 1,2–1,5 см – тесовой доской. Ее ширина 22–24 см. Фрагменты жердей толщиной 8–9 см и теса найдены как внутри постройки, так и рядом с ней.

Инвентарь из постройки: медная монета Московского государства (Рис. 127; 1 – из перекопа) и железное ядро (№ 2295⁸), две

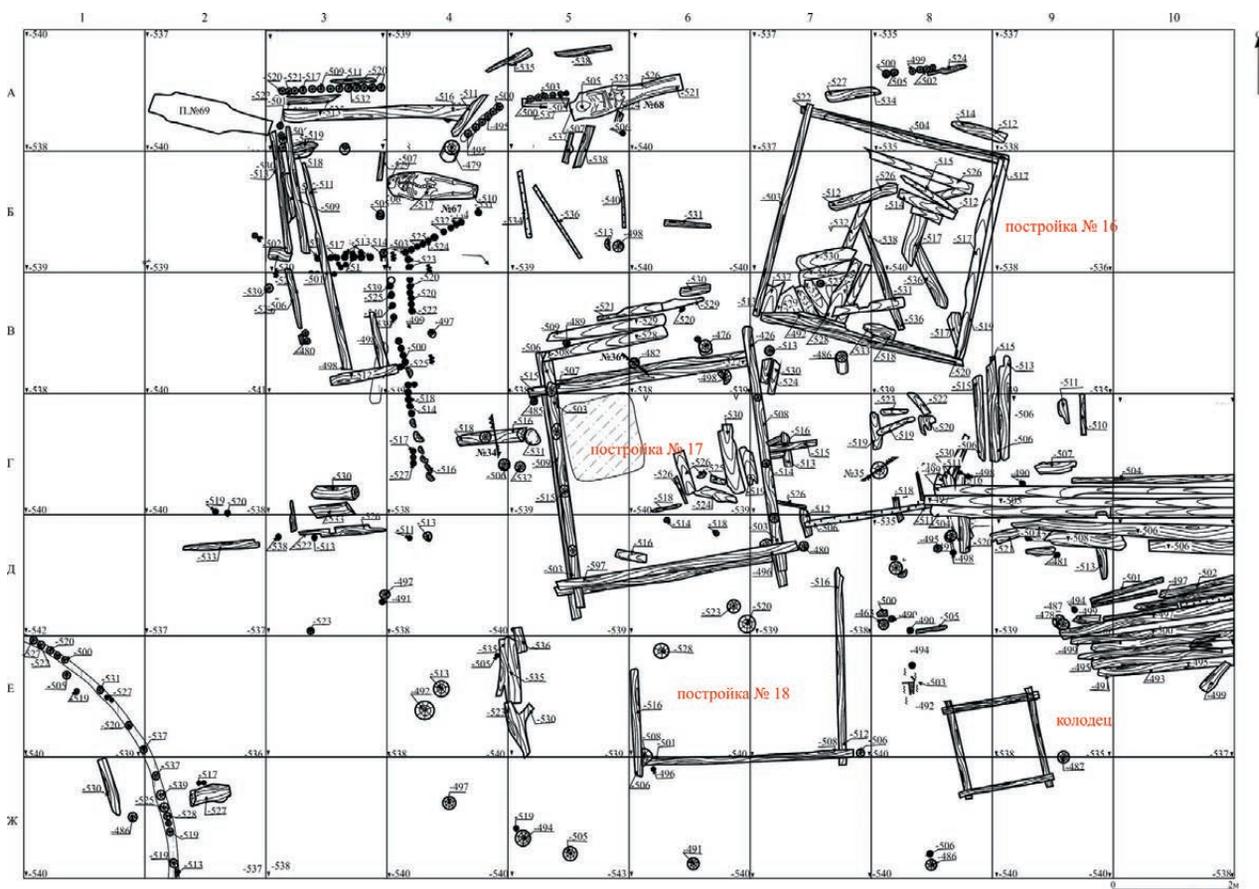

Рис. 124. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт

⁸ Эти находки явно случайны – результат нарушения слоя.

Рис. 125. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Общий вид с севера

Рис. 126. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 16. Вид с юга

Рис. 127. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 16. Инвентарь: 1 – медное пуло; 2–3 – пуговицы из цветного металла; 4 – костяное навершие; 5 – фрагмент костяной рукоятки; 6 – фрагмент светца; 7 – сланцевый оселок; 8 – цилиндрический навесной замок

пуговицы (Рис. 127; 2–3), 6 медных заклепок, навесной замок (Рис. 127; 8), фрагмент светца (Рис. 127; 6), проколка (№ 2324). Изделия из кости – костяная рукоятка ножа (Рис. 127; 5) и навершие плети (Рис. 127; 4). В слое жилища сохранились фрагменты ткани. В нем найдено три куса льняной ткани и два обрывка конопляной веревки.

Находки из камня представлены фрагментом оселка (Рис. 127; 7). Кроме того, в жилище найдены девять фрагментов стеклянных браслетов и одно шиферное пряслице (№ 2326).

Постройка № 17. Представляет собой однокамерный жилой наземный сруб размером 3,65×3,45 м с хозяйственной

Рис. 128. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 17. Вид с севера

Рис. 129. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 17. Хозяйственная пристройка – вид с севера

пристройкой, примыкавшей к дому с западной стороны (Рис. 124, 128–129). Постройка сохранилась на два венца, и, судя по обгоревшим бревнам, погибла в пожаре. Сосновые бревна венцов сруба имеют диаметр 19–22 см. Сруб рублен в чашку с остатком. Чашка вырублена в верхней части бревен. Концы бревен выступают за чашку на 20–30 см. В срубе сохранилось несколько фрагментов досок пола толщиной 3–5 см при ширине 18–23 см. Пол настился в направлении север – юг между вторым и третьим венцами сруба. Из лаг пола сохранилось только одно бревно диаметром 14 см. О наличии остальных лаг свидетельствуют три пары чашек для них, вырубленных в западном и восточном бревнах второго венца сруба. Дом отапливался печью. Следы ее в виде глиняного пятна с древесными углями выявлены в северо-западном углу жилища. Внутри постройки найден фрагмент тонкой, до 1,5 см, тесовой доски шириной 21 см. Видимо, крыша дома была тесовой.

С западной стороны к дому примыкала пристройка шириной с севера на юг 2,35 м (Рис. 281). От нее сохранились только два бревна нижнего венца – северное длиной 2,1 м и южное 1,8 м. Длину пристройки определить трудно, так как строение нарушено тыном, который перерубил ее в более позднее время. Диаметр ее березовых бревен 17 и 19 см. Пол пристройки земляной. В центре помещения сохранился деревянный столб диаметром 18 см. Он, по-видимому, выполнял функцию опоры для крыши пристройки. Вход в дом и в пристройку был с северной стороны. В обоих случаях он обозначен парами столбов. В доме ширина дверного проема составляла 1,0 метр, а в пристройке 0,7 м. Это хозяйственное помещение могло служить для содержания мелкого домашнего скота.

Разнообразна коллекция предметов XII–XIII вв., которая была найдена в жилище. Орудия труда представлены ножами (Рис. 130; 2–3), каменными оселками (Рис. 130; 7–9), шиферными пряслицами (Рис. 130; 6–7), железной проколкой (Рис. 130; 1). В постройке найден наконечник стрелы (Рис. 130; 11).

Отдельную группу предметов составляют украшения. Кроме традиционных стеклянных браслетов (15 фр.) найдены: сканная бусина из белого металла (Рис. 131; 3), фраг-

мент пластинчатого металлического браслета (Рис. 131; 10), металлические пряжки (Рис. 131; 12–13), кресты-тельники (Рис. 131; 1–2). Бытовая посуда представлена фрагментом медного котла (Рис. 130; 10), железной дужкой ведра (Рис. 130; 4). Запорные устройства включают дужку навесного замка (Рис. 130; 6), два ключа (Рис. 131; 14–15) и железный пробой (Рис. 130; 5). Найдены также две товарные пломбы (Рис. 131; 4–5) и свинцовая гирька (Рис. 131; 8). Редкой находкой является костяная шахматная фигурка (Рис. 131; 9). В северо-восточном углу постройки найдена большая пластина свинца. Возможно, служила для изготовления товарных пломб.

Постройка № 18 сохранилась во фрагментарном виде (Рис. 124, 132). Также представляла собой однокамерный наземный сруб, от которого частично сохранился нижний венец. Длина южной стенки постройки достигала 3,5 м. Предположительно строение могло иметь размер 3,5×3,2 м. Сруб рублен из бревен сосны в чашку с остатком. Диаметр бревен сруба не более 16–17 см. Длина остатков концов составляет всего 10–12 см. Чашка вырублена в верхней части бревен. Постройка погибла в пожаре. Об этом свидетельствуют ее обгоревшие в огне бревна. В центре сруба обнаружены горелые колотые доски толщиной 3–5 см при ширине от 18 до 28 см. Возможно, они являются остатками сгоревшего пола. Однако следов лаг под ними не обнаружено. В юго-западном углу постройки сохранился столб диаметром 23 см. Еще три столба, назначение которых не совсем понятно, зафиксированы в северной части сруба. Их диаметры 22, 24 и 28 см. Возможно, они имеют отношение к опорной конструкции крыши.

Набор инвентаря из постройки № 18 позволяет датировать ее XII в. Это ключи от навесных замков (Рис. 133; 5–7), фрагмент перстня (Рис. 133; 1). Элементом костюма являлись металлические пряжки (Рис. 133; 2–3). Кроме того, в постройке найдены костяной гребень (Рис. 133; 10), каменное грузило (Рис. 133; 8), фрагмент швейной железной иглы (Рис. 133; 4) и вток копья (Рис. 133; 9). Традиционными украшениями были стеклянные браслеты (14 фр.).

Фрагмент штабеля строительного материала зафиксирован в 2–3 метрах к во-

Рис. 130. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 17. Бытовой инвентарь: 1 – железная проколка; 2–3 – ножи; 4 – фрагмент дужки ведра; 5 – дверной пробой; 6 – фрагмент навесного замка; 7–9 – сланцевые оселки; 10 – фрагмент медного котла

стоку от построек № 17 и № 18 (Рис. 124, 134). Штабель выступает из восточной стенки раскопа на 5,1 м. Общая ширина штабеля с севера на юг 3,3 м. Северная его часть состоит из колотых досок шириной 19, 21, 24,26 см. Их толщина составляет 5–6 см.

На четырех досках видны следы пожара. Доски уложены на две поперечные доски подкладки. Южный торец подкладки отрезан пилой. С южной и северной сторон штабель досок фиксируется вертикальными деревянными колышками толщиной 4–8 см. Южная

Рис. 131. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 17. Комплекс находок: 1–2 – кресты-тельники; 3 – бусина сканная; 4–5 – свинцовые товарные пломбы; 6–7 – шиферные пряслица; 8 – свинцовая гирька; 9 – шахматная фигурка (кость); 10 – фрагмент пластинчатого браслета; 11 – наконечник черешковой стрелы; 12–13 – одежные пряжки; 14–15 – ключи

Рис. 132. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 18 на уровне пола. Вид с юга

часть штабеля сложена из бревен диаметром от 13 до 17 см и березовых жердей толщиной 6–9 см. Некоторые из них также обгорели в огне. У трех бревен концы заточены под кол. Скорее всего, штабель образовался после разбора пострадавших в пожаре соседних построек № 17 и № 18.

Фрагмент частокола дугообразной формы (Рис. 124). Состоит из деревянных заточенных внизу кольев толщиной 4–7 см. Они сохранились на высоту 0,3–0,45 м. Частокол, по-видимому, являлся усадебной оградой.

Фрагмент частокола, разграничивающий территории двух усадеб (Рис. 124). Ограда состоит из кольев и плах. Толщина кольев 5–9 см, а плах 14–18 см. Частокол имеет общее направление с северо-запада на юго-восток и прослеживается на длину 6,5 м.

В темно-коричневом слое 16–17-го пластов 8-го строительного горизонта, помимо находок в пределах построек, найден об-

ширный массовый материал и большое количество индивидуальных находок.

Как всегда, более всего в культурном слое горизонта найдено фрагментов керамики. Горшки сформованы из светложгущихся и красножгущихся глин. Они традиционно имеют одутловатое тулово и венчик, отклоненный наружу. У большинства сосудов с внутренней стороны венчика присутствует канавка под крышку. Часто плечико горшков украшено прочерченным геометрическим орнаментом в виде зигзага, кося насечки, либо зигзага в сочетании с многорядной линией и в других комбинациях (Рис. 135; 1–6). На донцах многих горшков присутствует рельефное клеймо, чаще всего в виде круга или двух кругов, вписанных один в другой. Иногда клеймо предстает в виде колеса со спицами. Встречаются и другие орнаментальные заполнения круга (Рис. 136; 1–4).

Рис. 133. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Постройка № 18. Инвентарь: 1 – фрагмент овальнощиткового перстня белого металла; 2–3 – одежные пряжки; 4 – железная швейная игла; 5–7 – ключи; 8 – грузило из камня; 9 – вток копья; 10 – костяной двусторонний гребень

Рис. 134. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Складированный строительный материал. Вид с востока

По-прежнему много керамических крышек от горшков. Они имеют хорошо известную по предыдущим пластам форму с пуговицевидной сверху ручкой. Макитры представлены всего четырьмя фрагментами. В слое найдено 18 фрагментов светильников, изготовленных из серой глины (Рис. 136; 5, 7).

Столовая посуда: миски (Рис. 136; 6) – их найдено 10 фрагментов; тарная – кувшины девять фр.) и крынки (также всего девять фр.). Обычны для древнерусского слоя находки стенок амфор (6 фр.) и плинфы (11 фр.).

Орудия труда включают 34 находки: ножи, большинство из них имели короткое лезвие и утолщенную спинку (Рис. 137; 4–5), швейные иглы (Рис. 137; 2), кресала (четыре фр.) – Рис. 137; 6–7, проколки (Рис. 137; 1). Орудиями лова рыбы являются рыболовный крючок и блесна (Рис. 137; 3, 10). Единичные находки – долото и метчик (Рис. 137; 8–9).

Предметы вооружения. Наконечников стрел найдено четыре (Рис. 137; 13–15). Оружием ближнего боя являются булава (Рис. 137; 16) и фрагмент лезвия клинка (Рис. 137; 17). К защитному снаряжению относятся фрагменты кольчуги (Рис. 137; 12).

Предметы домашней утвари: ключи от навесных замков (15 ед.) разнообразных типов (Рис. 138; 7–9) и фрагменты навесных замков (Рис. 138; 10–14). Скобяные изделия включают находки пробоев (Рис. 138; 5–6), фрагментов скоб (№ 1857; № 1803), дверных (№ 1706) и сундучных (№ 1730) ручек. Найдены также ледоходный шип (Рис. 138; 4), дужки деревянных ведер. В слое горизонта обнаружен фрагмент кованой цепи (Рис. 138; 3) и железное писало (Рис. 138; 2).

Деталиами убранства костюма являются пряжки круглой, прямоугольной и полукруглой формы (Рис. 139; 3–6), пуговицы – в фор-

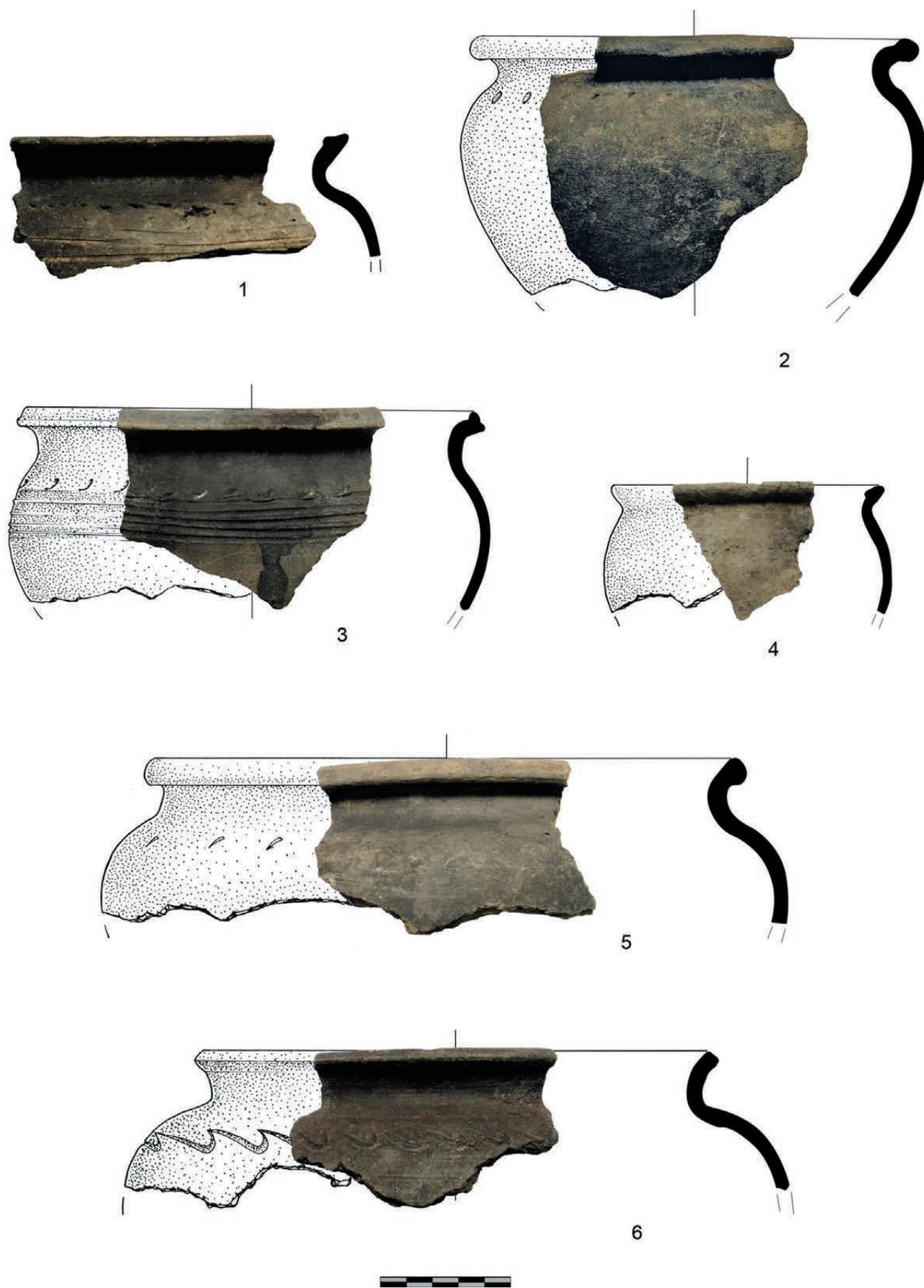

Рис. 135. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Керамика из слоя горизонта

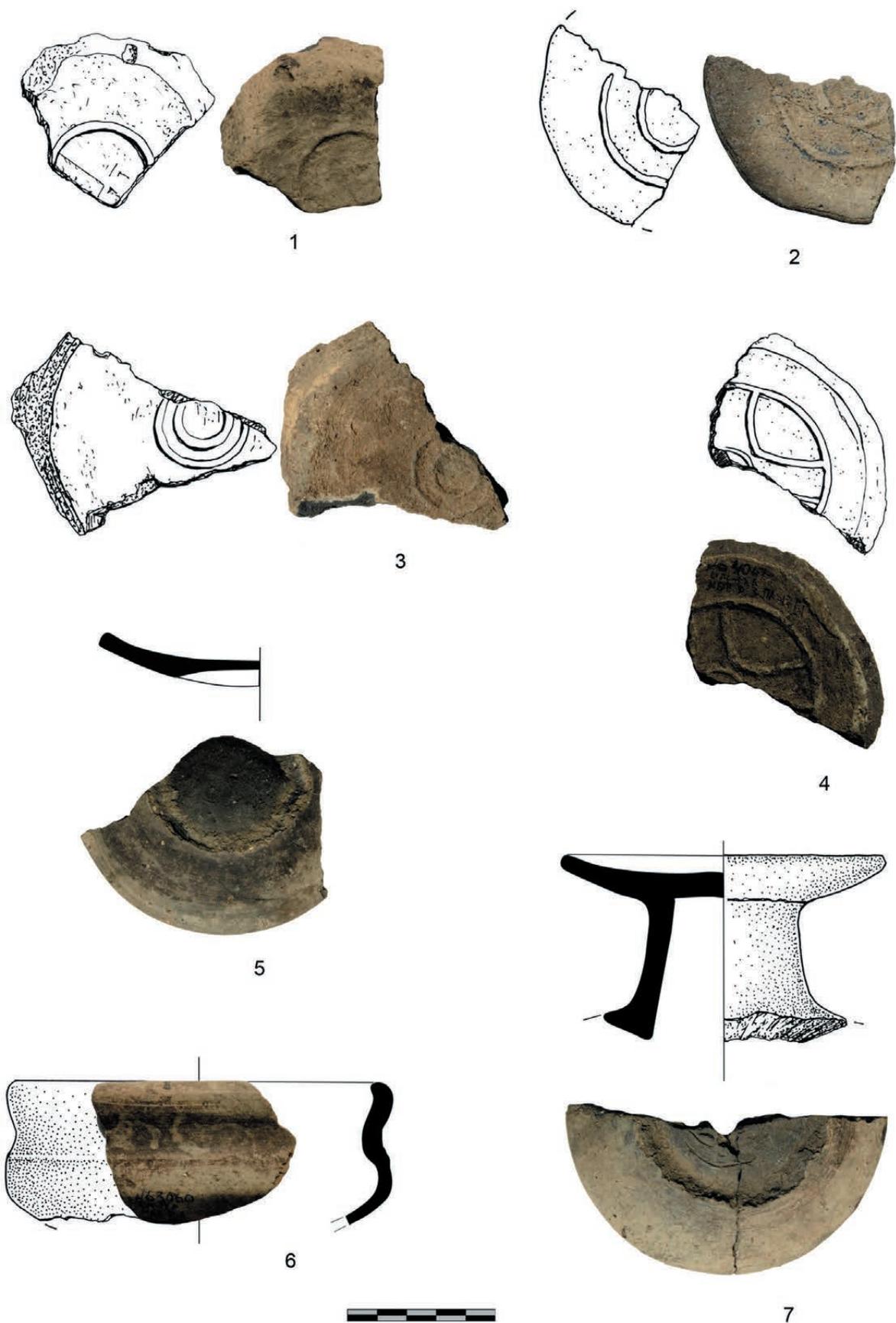

Рис. 136. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Керамика из слоя: 1–4 – клейма на донцах кухонных горшков; 5, 7 – светильники; 6 – миска

Рис. 137. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Холодное оружие и предметы бытового назначения из черного металла: 1 – проколка; 2 – швейная игла; 3 – рыболовный крючок; 4–5 – ножи; 6–7 – кресала; 8 – метчик; 9 – долото; 10 – рыболовная блесна; 11 – фрагмент светца; 12 – кольчужные кольца (?); 13–15 – наконечники стрел; 16 – железная булава; 17 – фрагмент клинка

Рис. 138. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Бытовой инвентарь из черного металла: 1 – фрагмент пинцета; 2 – железное писало; 3 – фрагмент ковanej цепи; 4 – ледоходный шип; 5–6 – дверные пробойи; 7–9 – ключи; 10–14 – навесные цилиндрические замки

ме шара либо овала (Рис. 139; 1–2), с припаянным ушком для крепления.

В наслоениях XII–XIII вв. стабильно встречаются находки свинцовых грузиков. Назначение их не совсем понятно. Считается, что они могли использоваться в качестве пуговиц на меховой одежде. Диаметр найденных грузиков составлял 1,5–2,0 см. На некоторых из них просматривается геометрический узор (Рис. 139; 7–8).

Обычной находкой являются также свинцовые товарные пломбы. На большинстве из них сохранились знаки (Рис. 139; 9–14). На одной, возможно, печати просматривается лик святого (Рис. 139; 12). Здесь же, в культурном слое горизонта, найдена гирька в форме конуса (№ 1998) и довольно большой лист свинца (№ 2180), из которого вполне могли изготавливать товарные пломбы. Для такой же цели мог служить и фрагмент свинцового стержня (№ 1852).

Среди ювелирных изделий из цветных металлов много перстней. Судя по их диаметру и характеру орнаментации, перстни в основном являлись женским украшением. Среди них встречены украшения с круглым щитком, со щитками многогранной и овальной формы (Рис. 140; 1–8). Выделяются среди них перстень-печатка с изображением птицы с расправленными крыльями (Рис. 140; 5) и перстень с круглым щитком со следами эмалевых вставок (Рис. 140; 6).

Из других украшений отметим находки всевозможных подвесок, в частности крестопрорезную лунницу (Рис. 141; 7). Следует отметить, что мотив креста присутствует в том или ином виде на многих подвесках (Рис. 141; 11–13). Во фрагментарном виде найдены две серьги (Рис. 141; 1, 3), сканная бусина (Рис. 141; 2). Различную форму и декор имели накладки (Рис. 141; 8–9). Из серебра отлит фрагмент орнаментированной обоймицы (Рис. 141; 6).

Найдены также несколько крестов-тельников (Рис. 141; 10) и церковная лжица (Рис. 141; 14).

Изделия из камня в наслоениях горизонта – фрагменты точильных брусков и шиферные пряслица. Оселки сильно изношены. У одного фрагмента сохранилось отверстие для подвешивания бруска к поясу (Рис. 142; 9, 12). Все пряслица изготовлены из шифера розового цвета. Их диаметры

колеблются от 1,8 до 2,5 см (Рис. 142; 1, 3, 11).

Предметы из стекла включают фрагмент стеклянного перстня, несколько бусин (Рис. 142; 2–3). В слое горизонта найдены четыре кусочка янтаря, вероятно, отходы производства. Как обычно, много фрагментов стеклянных браслетов (101 фр.) практически всей известной цветовой гаммы – от желтых до фиолетовых и темно-коричневых. Преобладают гладкие и круглые в сечении украшения, а также крученые браслеты и изделия с золотой и серебряной нитями в стекле (Рис. 142; 5, 6, 8, 11). Редкой находкой является плоский браслет с геометрическим орнаментом в виде мелкой белой сетки (Рис. 142; 7).

Найден также ряд предметов костерезного производства. Это находки кости со следами обработки (Рис. 143; 3), а также основание для древка лучника (Рис. 143; 4) – прибора для крепления лучины. Верхняя часть его основания украшена незатейливым точечным орнаментом. Ряд изделий декорирован циркульным орнаментом. Отметим также навершие плети (№ 1930), фрагмент накладки (Рис. 143; 2) и пуговицу диаметром 2,2 см (Рис. 143; 1), шахматную фигурку в виде усеченного конуса (№ 2137), фрагмент двустороннего наборного гребня (№ 2121). В Новгороде такие гребни относятся к типу «К» и бытуют там в XII – первой четверти XIV в.

Среди изделий дерева встречены бондарные днища разного диаметра от ведер, кадок, бочек (Рис. 144; 10). Частично сохранился поддон точеной на токарном станке деревянной миски (№ 1867), фрагмент коромысла (Рис. 143; 7). В культурном слое горизонта найдены также три фрагмента колотушек – т. н. чекмарей (Рис. 143; 5) и фрагмент изделия неизвестного назначения (Рис. 143; 6). Во влажном слое горизонта хорошо сохраняются и другие изделия из органики. Здесь найдены куски веревок, обрывки войлока, фрагменты ткани (Рис. 144; 1–7).

Помимо этого, много деталей и фрагментов обуви (68 фр.). Почти целиком сохранился поршень, сшитый из одного кусочка кожи (Рис. 144; 9). От конской упряжи остался лишь фрагмент (Рис. 144; 1). Найдена также кожаная рукавица (№ 62292) и обрывок кожаного изделия неясного назначения (Рис. 144; 8).

Рис. 139. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Пряжки, пуговицы, грузики и товарные пломбы

Рис. 140. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Ювелирные изделия – перстни

Рис. 141. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Ювелирные изделия: 1, 3 – фрагменты трехбусинных серег; 2 – сканная бусина; 4–5 – ажурные подвески; 6 – фрагмент обоймицы из серебра; 7 – подвеска-лунница; 8 – фрагменты накладки из серебра (?); 9 – накладка цветного металла; 10 – крест-тельник; 11–13 – привески; 14 – ложка церковная

Рис. 142. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Изделия из стекла и камня: 1, 4, 11 – шиферные пряслица; 2–3 – пастовые бусины; 5, 6, 8, 10 – стеклянные браслеты; 7 – фрагмент стеклянного перстня; 9, 12 – сланцевые оселки

Рис. 143. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Изделия из кости и дерева: 1 – пуговица костяная; 2 – накладка костяная; 3 – кусок рога со следами обработки; 4 – подставка под лучник (держатель для лучины?); 5 – чекмарь; 6 – неопределенный предмет; 7 – обломок коромысла

Рис. 144. Набережная. Раскоп 3. 8-й строительный горизонт. Дерево, ткань, кожа

9-й строительный горизонт (рубеж XI–XII – 1 пол. XII в.)

Представлен остатками деревянной застройки в 18–19-м пластах культурного слоя. Включает одну постройку, фрагмент деревянной ограды, следы плетня и фрагмент частокола (Рис. 145–146).

Постройка № 19. Представляет собой заглубленный в материк сруб-погреб (Рис. 147). Для погреба была выкопана квадратная яма размером по сторонам 3,9 м, на глубину 1,3 м. На материковом дне ямы из дубовых бревен диаметром 27–32 см был срублен каркас размером 2,9×2,4 м (Рис. 148). На углах бревна соединены между собой в чашку с остатками длиной 14–20 см. Концы бревен рамы в одних случаях обрезаны пилой, в других обтесаны топором. Через чашку обоих бревен выдолблены сквозные отверстия почти квадратной формы. Размер одного из них 12×13 см. Поскольку погреб имел столбовую конструкцию, то в гнезда вставлялись угловые столбы, которые внизу

имели вырубленный по размеру гнезда шип. Стенки погреба зашивались по периметру колотыми и обрезанными на торцах пилой досками. С внешней стороны северного, восточного и южного бревен рамы была выбрана четверть. В нее и ставились нижние торцы досок. Поскольку крепление досок гвоздями к раме не отмечено, то логично предположить, что доски прижимались снаружи землей, которой засыпалась яма погреба. Одна из досок целиком сохранилась в постройке. Она имела длину 1,92 м, была шириной 34 при толщине 7,0 см. Западная стенка погреба зашита досками, которые вставлялись в специально выдолбленные продольные пазы шириной 6,0–6,5 см и такой же глубиной. В них вставлялись затесанные под ширину паза доски стенки. В центре бревна западной стены паз отсутствовал потому, что здесь находился дверной проем входа в погреб шириной 0,9 м. Пол в постройке был земляной. Спуск в погреб происходил по лестнице, состоящей из трех ступенек, выбранных в земле и накрытых сверху

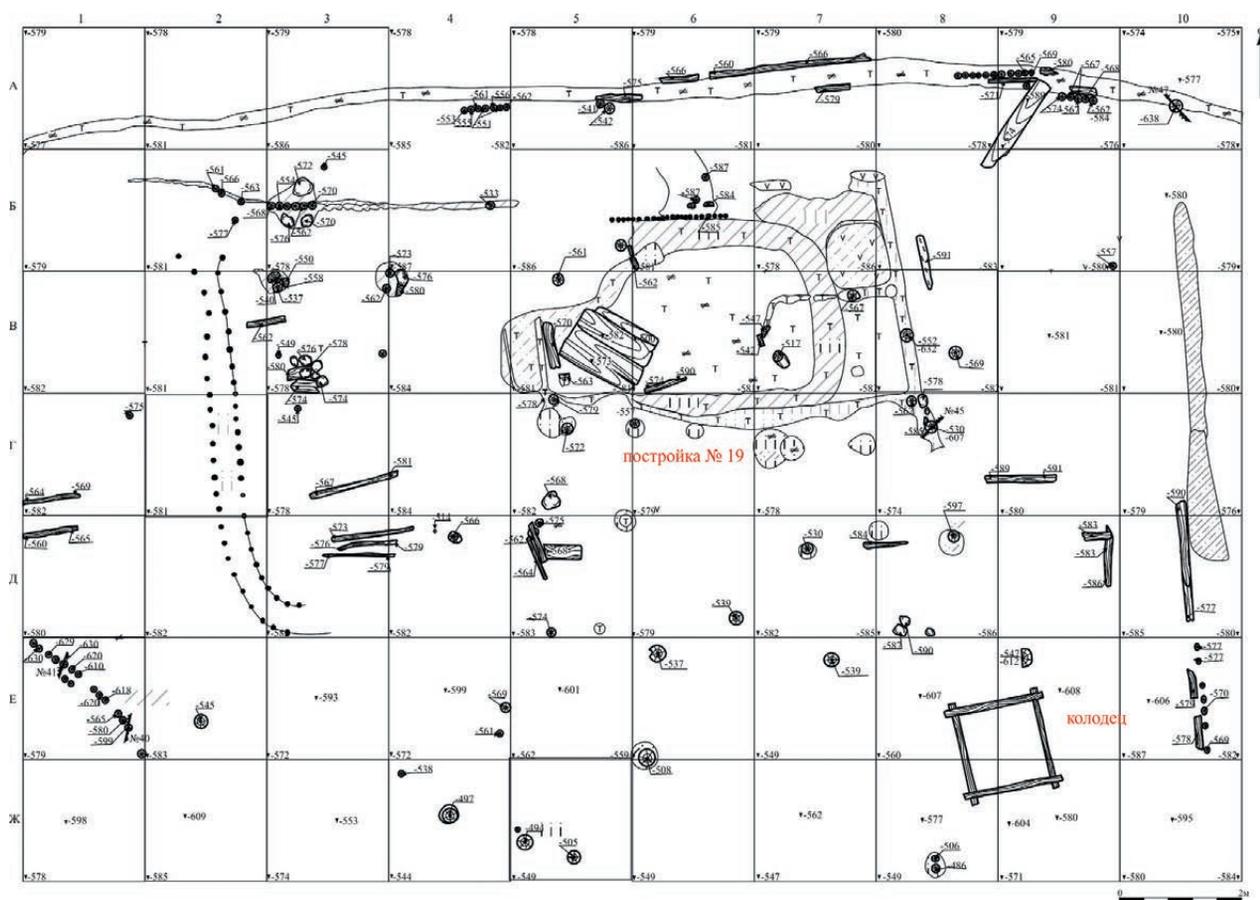

Рис. 145. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт

Рис. 146. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт (на уровне 18-го пласта). Вид с востока

досками толщиной 3,0–3,5 см. Ширина ступенек 40–50 см, высота до 25 см. В ходе раскопок была найдена входная дверь. Ее полотно размером 1,25×1,0 м состоит из двух досок толщиной 4–5 см. Доски двери были сбиты между собой при помощи двух планок и кованых гвоздей. С наружной стороны дверь имела кованую железную цепь из трех звеньев, которая крепилась к ней железным пробоем. В центре помещения погребца стоял столб диаметром 18 см, заостренный топором под кол. По-видимому, он выполнял функцию опоры для крыши этого строения. Крыша погребца могла возвышаться над землей на высоту 1,2–1,5 м.

В заполнении погребца найдены: фрагмент дверной завесы (Рис. 149; 12), железный пробой (Рис. 149; 9), кусок войлочного утеплителя (№ 2313), два ключа от навесных замков (Рис. 149; 6–7), фрагмент жернова (№ 2316), каменный оселок (Рис. 149; 18), два шиферных пряслица (Рис. 149; 4–5),

металлическая булавка (Рис. 149; 8). Найдено несколько железных ножей, фрагмент швейной иглы (Рис. 149; 10) и проколка (Рис. 149; 11). Украшения представлены фрагментом железной витой гривны (?) – Рис. 149; 16, перстнем из цветного металла (Рис. 149; 1) и 17 фрагментами стеклянных браслетов. Картину дополняют находки костяного гребня (Рис. 149; 17) и трех товарных пломб (Рис. 149; 13–15).

Фрагменты частокола, который ограждал погреб, частично сохранился с западной и северной сторон конструкции (Рис. 145). Он изготовлен из заостренных внизу кольев толщиной 5–9 см, впущенных в грунт на глубину 25–30 см. Фрагмент частокола имеет видимую длину до 2 метров.

Помимо этого, на уровне 19-го пласта выявлены следы двурядного плетня. Он представляет собой тонкие (2,5–3,5 см) колья, впущенные в грунт на расстоянии 30–40 см друг от друга. Между кольями внизу

Рис. 147. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Постройка № 19 (А – общий вид с севера; Б – разрез профиля заполнения котлована постройки). Вид с юга

Рис. 148. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Постройка № 19. Общий вид с севера на котлован погреба и дубовый каркас основания конструкции

сохранились остатки веток. Они оплетали колья змейкой с внешней и внутренней стороны каждого ряда плетня. Расстояние между рядами плетня составляло в среднем 40 см. Следы этой ограды прослеживаются на расстояние до 6,5 м в направлении север – юг с поворотом ее в южной части на восток (Рис. 150).

Остатки деревянного тына зафиксированы в линии квадратов А1–А10, в виде траншеи шириной 0,5–0,6 м и глубиной до 0,8 м. В траншею ставились столбы ограды – отрезанные внизу пилой плахи и колья. Некоторые колья заточены внизу топором. Диаметр столбов тына составлял 12–15 см. Некоторые из них сохранились на высоту до 70–80 см. Основание столбов тына в траншее укреплялось камнем размером 10–15 см в поперечнике. Кроме камней оно также крепило горизонтально уложенными жердями как с внешней, так и внутренней его стороны (Рис. 151). Толщина жердей составляла 10–12 см. Возможно, тын был северной, оградой территории Пятницкого конца в XII в.

Культурный слой 18–19-го пластов, составляющих основу 9-го строительного горизонта, дал богатую коллекцию индивидуальных находок и массового материала.

По-прежнему самой массовой находкой является керамика. Всего фрагментов бытовых керамических изделий в наслоениях горизонта найдено 7885 фр. Как и прежде, горшки являются самой распространенной формой посуды. Сосуды этого времени сформованы из светло- и красножущихся глин. В их тесте преобладает примесь песка. Наряду с песком, в качестве отощителя жирных глин использовался шмот и изредка дресва. Большинство горшков представляли собой невысокие сосуды с выпуклыми стенками. Их венчик «эсовидной» формы, отогнутый наружу, как правило, имел с внутренней стороны канавку под крышку (Рис. 152; 1–5, 8). Другая устойчивая форма древнерусских кухонных горшков – сосуды с высоким прямым, почти вертикальным венчиком (Рис. 152; 6–7, 9–10). Такие сосуды достаточно отчетливо

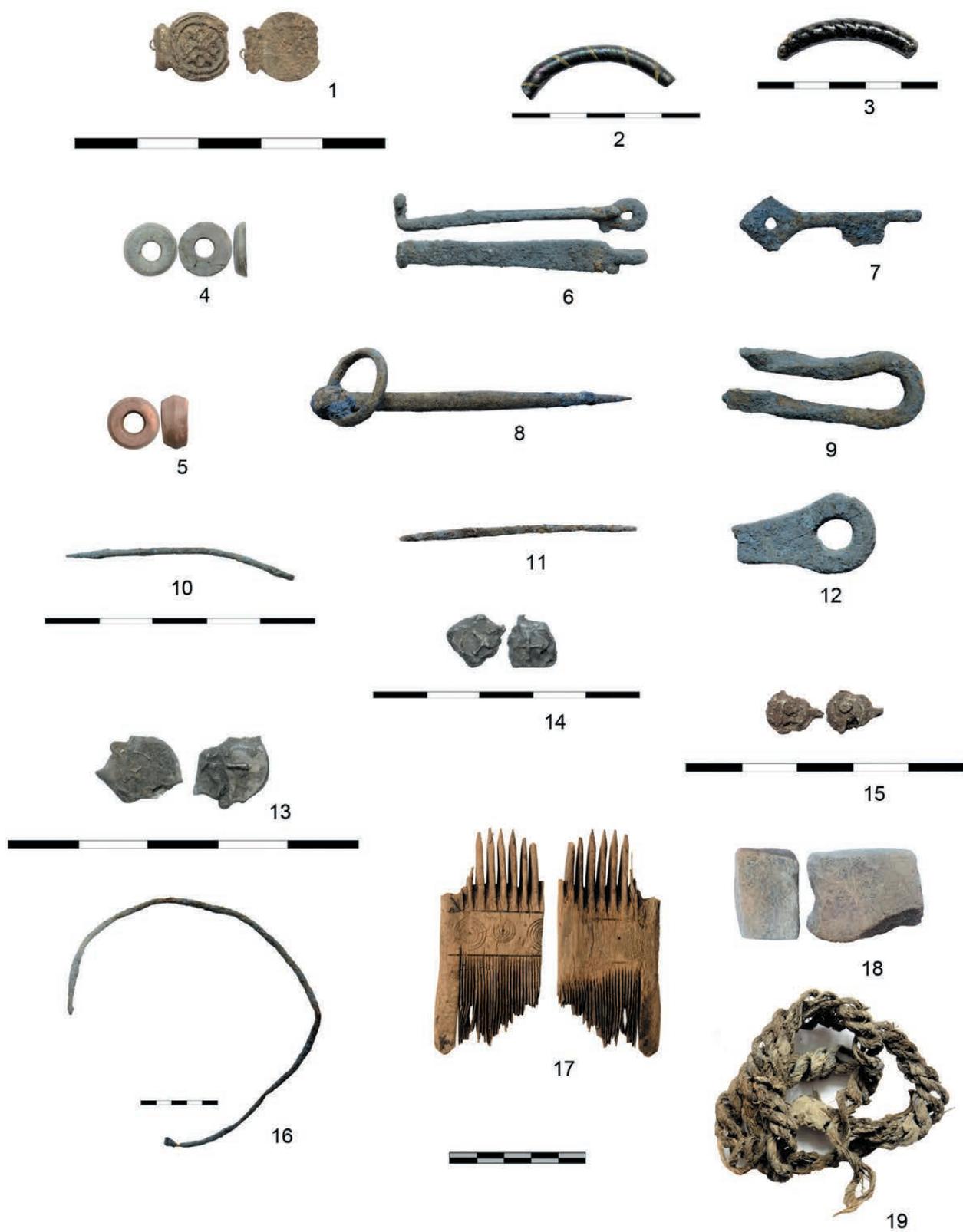

Рис. 149. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Инвентарь из постройки № 19: 1 – фрагмент перстня цветного металла; 2–3 – стеклянные браслеты; 4–5 – шиферные пряслица; 6–7 – ключи; 8 – железная заколка; 9 – пробой; 10 – швейная игла; 11 – проколка; 12 – фрагмент дверного навеса; 13–15 – свинцовые товарные пломбы; 16 – железная витая гривна (?); 17 – костяной гребень; 18 – обломок оселка; 19 – кусок веревки

Рис. 150. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Остатки частокола в кв. Б4–В4. Вид с юга

присутствуют и в отложениях более позднего времени.

Горшки украшались комбинациями прореченного орнамента. Это мог быть зигзаг, дорожка из лежащих на боку скобок либо зигзаг в сочетании с косой насечкой. Косая насечка на плечике иногда сочеталась с многорядной линией на тулове. Встречается среди орнаментальных мотивов также многорядная волна (Рис. 152; 1, 6, 9). Диаметр венчиков кухонных горшков колеблется в пределах 16–22 см. Донца некоторых сосудов помечены клеймом (Рис. 153; 1–5). Горшки накрывались глиняными крышками. В напластованиях горизонта собрано 108 фрагментов крышек. Они имели дугообразную

Рис. 151. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Деревянный тын в северной линии квадратов раскопа. Вид с запада

Рис. 152. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Основные формы кухонных горшков

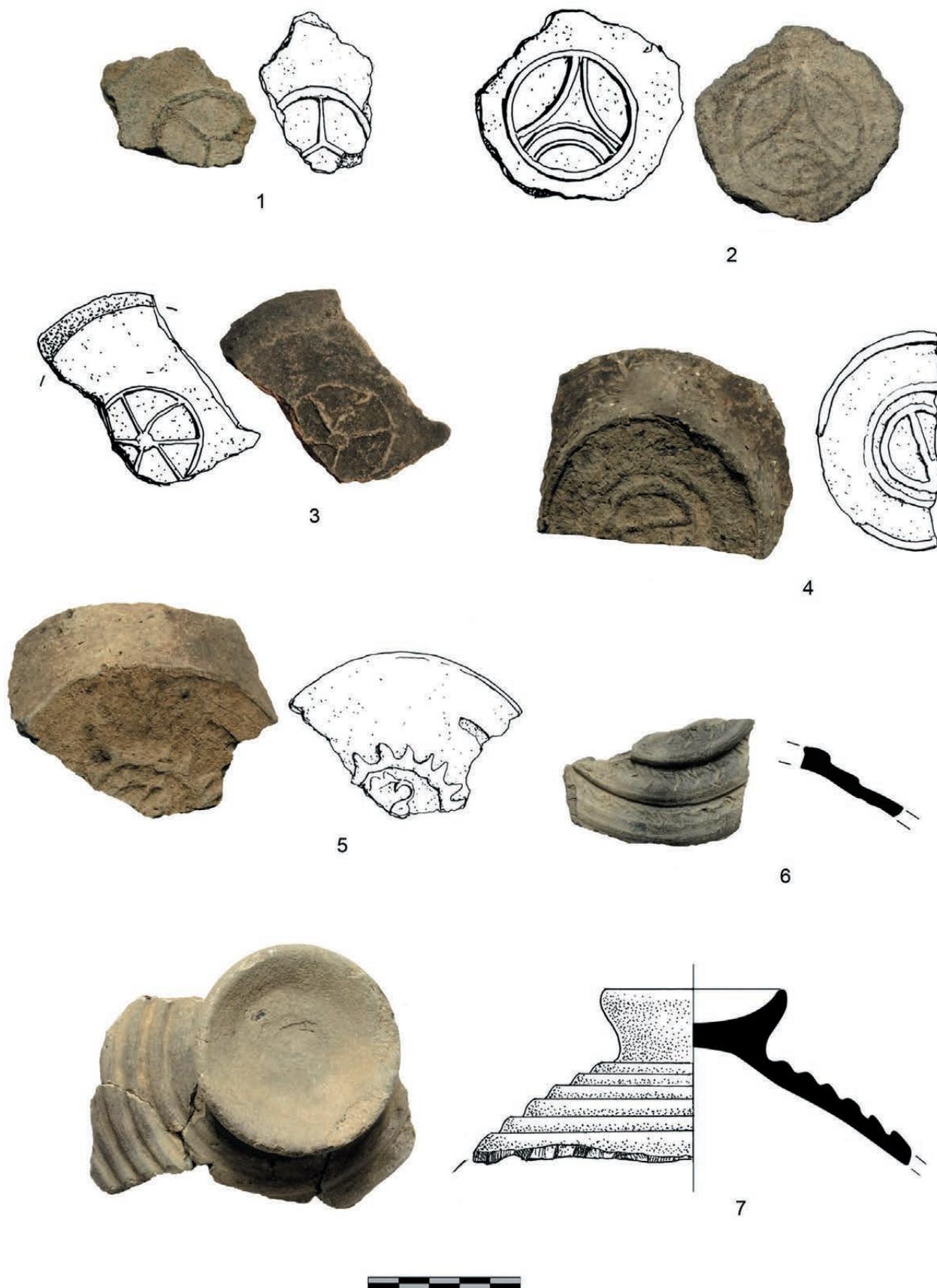

Рис. 153. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Клейма на донцах кухонных сосудов, крышки

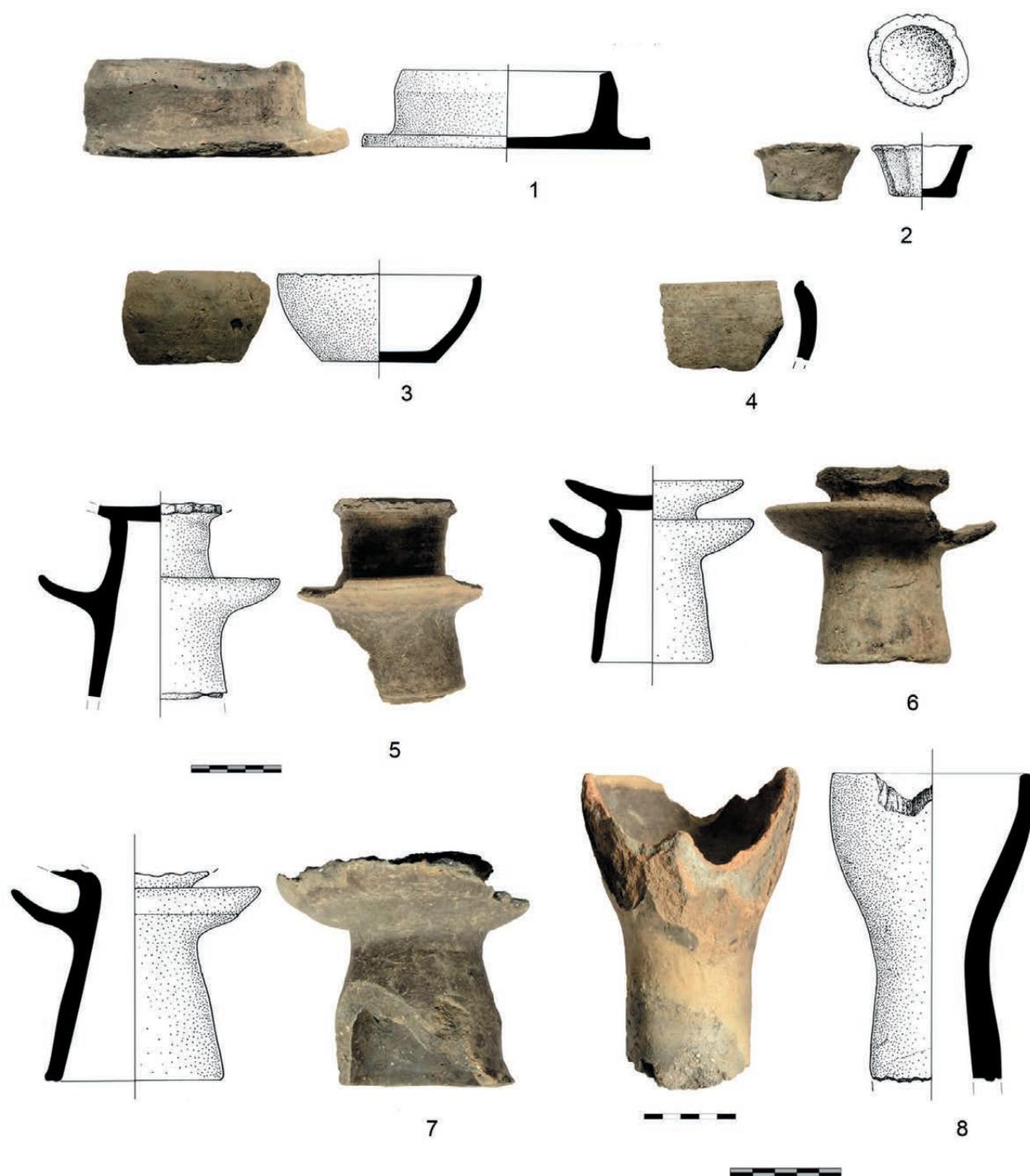

Рис. 154. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Керамика из слоя: 1 – сосуд неопределенного назначения; 2 – сосудик для специй; 3–4 – миски; 5–7 – светильники; 8 – голосник

профилировку с круглой ручкой наверху диаметром 4,5–6,0 см (Рис. 153; 6–7).

Форма мисок традиционна. Иногда они украшены геометрическим узором в виде прочерченных линий (Рис. 154; 3–4).

Частой находкой в культурных отложениях древнерусского периода являются наход-

ки амфор (14 фр.). Обычно это фрагменты стенок этих сосудов.

Кувшины представлены всего двумя маловыразительными фрагментами. Они пока еще не вошли в обиход.

Довольно много (12 фр.) фрагментов серо глиняных светильников (Рис. 153; 5–7).

Диаметр устья их втулки, имеющей форму усеченного конуса, составлял 6–8 см.

К строительной керамике относятся находки восьми обломков плитки, плитки пола (№ 72621) и фрагмента голосника (Рис. 154; 8). Диаметр его устья составлял 11,0 см.

Для специй (?) служил маленький глиняный сосудик (Рис. 154; 2). Его высота 2,2 см, диаметр устья 4,3, а дна 2,9 см. Не совсем понятно назначение глиняного круглого изделия с вертикальными невысокими (3 см.) стенками, которые опираются на основание диаметром 14 см (Рис. 154; 1). Возможно, это подставка для чего-либо или крышка для крынок, фрагменты которых в единичных экземплярах (4 фр.) также найдены в культурном слое горизонта.

В слое 9-го горизонта найдено 127 изделий из металлов. В большинстве своем металлические находки представлены во фрагментарном виде, но отдельные предметы сохранились целиком.

Орудия труда включают: железные ножи с узким лезвием длиной 5–8 см и утолщенной спинкой (Рис. 155; 1–3, 5), проколки (Рис. 155; 7–8), швейные иглы (№ 2228; № 2320; № 2303). Целиком сохранилось двое пружинных ножниц (Рис. 155; 10–11). Редкой находкой является фрагмент серпа (Рис. 155; 9). К орудиям труда можно отнести находки предметов, похожих на пинцеты (Рис. 155; 4, 6).

К предметам вооружения относятся наконечники стрел (Рис. 155; 12, 14–15) и фрагменты кольчуги (Рис. 155; 13).

Предметы бытовой утвари: ключи от навесных замков (Рис. 156; 2–3), металлическая накладка с прорезью для ключа (Рис. 156; 11), навесной замок (Рис. 156; 7), овальное кресало (Рис. 156; 4). Многие предметы найдены в единичном экземпляре. Писало имело на конце плоскую лопаточку (Рис. 156; 1). В единственном числе найден ледоходный шип (Рис. 156; 6), а также несколько разного диаметра железных колец (Рис. 156; 12–13). Встречен также ряд скобяных изделий: костыль (№ 2202), фрагмент скобы (№ 2204), 26 кованых гвоздей. К дверному прибору относятся находки пробоев, фрагментов петель и т.д. (Рис. 156; 8–11, 14). Найдено также кованое железное ухо котла или ведра (Рис. 156; 10).

Из цветных металлов изготовлены украшения, предметы религиозного назначения, детали костюма.

В культурном слое горизонта найдено двенадцать свинцовых товарных пломб (Рис. 157; 1–5).

Атрибутами костюма являлись пряжки. Некоторые из них были изготовлены из железа и могли относиться к деталям конской упряжи (№ 2530; № 2446; № 2369). В качестве пуговиц могли использоваться так называемые свинцовые «грузики» (Рис. 157; 7–10).

Найдена также одна прекрасно сохранившаяся поясная пряжка из цветного металла классической для артефактов древнерусского времени лировидной формы (Рис. 158; 16). К аксессуарам костюма относятся также пуговицы-гирьки (Рис. 158; 3–4).

Встречено несколько булавок. В частности, одна из них с кольцевидной головкой (№ 2398), тип, хорошо известный по раскопкам многих памятников XII–XIII вв. Целиком сохранилась булавка с головкой квадратной формы, окрашенная вставки выемчатой эмали, в центральном круге и на лопастях в виде арок. В Новгороде подобные булавки найдены в слое XII в. (Рис. 240; 9). Несколько хуже сохранность у еще одной булавки с многогранной фигурной головкой (Рис. 240; 10).

Широко распространенным украшением в древнерусский период были бубенчики. Найденные экземпляры – шаровидной формы с линейной прорезью (Рис. 158; 14, 17). Бубенчик грушевидной формы сохранился неважно. Его нижняя часть покрыта косой насечкой (Рис. 158; 12).

Распространенным видом украшений были привески – найдены в основном во фрагментарном виде. Четыре из них относились к типу монетовидных привесок (Рис. 240; 6; Рис. 158; 6, 9–11). Они бывают как глухие, так и ажурные. Все украшены зернью. Одна привеска относится к типу так называемых круторогих лунниц (Рис. 240; 5). Еще одна привеска имеет необычную треугольную форму пластины (Рис. 158; 7). Ряд украшений сохранились настолько фрагментарно, что трудно определить их назначение.

К числу уникальных находок относится сердцевидная фибула (?), изготовленная

Рис. 155. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Орудия труда и предметы вооружения из железа: 1–3, 5 – ножи; 4, 6 – пинцеты (?); 7–8 – проколки; 9 – фрагмент серпа; 10–11 – ножницы пружинные; 12, 14–15 – наконечники стрел; 13 – фрагмент кольчуги

Рис. 156. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Бытовая утварь: 1 – писало; 2–3 – ключи от навесных замков; 4 – кресало; 5 – «когти» для сбора смолы (?); 6 – ледоходный шип; 7 – цилиндрический навесной замок; 8–11, 14 – дверная «приблуда» 12–13 – кольца

Рис. 157. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Предметы из свинца: 1–6 – товарные пломбы; 7–10 – свинцовые грузики (пуговицы)

из серебристого металла и украшенная чеканной надписью и сетчатым орнаментом (Рис. 240; 8).

Перстни представлены в коллекции пятью экземплярами. Два из них имеют щиток шестиугольной формы, один с круглым

щитком, а другой с квадратным. Еще одно украшение – с щитком овальной формы.

Найдены также медные заклепки (Рис. 158; 13), декоративные медные гвоздики (Рис. 158; 18) и несколько крестов-тельников (Рис. 158; 1 – фрагмент; Рис. 234; 5).

Рис. 158. Набережная. Раскоп 3. 9-й строительный горизонт. Изделия из цветного металла: 1 – лопасть креста-гельника белого металла; 2, 5–7, 9–11 – монетовидные и ажурные привески; 12, 14, 17 – бубенчики; 13, 18 – декоративные заклепки; 8, 15 – накладки из цветного металла; 16 – лировидная поясная пряжка; 19 – обоймица из цветного металла

10-й строительный горизонт (конец XI – начало XII в.)

Залегает в 20-м (21-м) пластах культурного слоя (Рис. 159)⁹. Представлен остатками одной погибшей в пожаре жилой постройки – № 20 и следами тына, в виде вырытой в материк канавы с остатками деревянных конструкций, идущей вдоль северной и восточной стенок раскопа.

Постройка № 20. Большой наземный однокамерный сруб (Рис. 159–160). Сохранность плохая. Читалась пятном прямоугольной формы с заполнением слабо гумуссированного серого суглинка на фоне светлой материковой поверхности. От деревянных конструкций частично сохранились бревна северной и южной стен (оба длиной около 4 м), а также контуры восточной стены в виде продолговатых пятен древесного тлена. В кв. Б 7–8 – В8 прослежено скопление истлевших досок со следами пребывания в огне, в виде продолговатых пятен с углистыми включениями. Западная стена дома была разрушена при сооружении погребка – постройка № 19. Кроме того, в пределах контуров постройки № 20 выявлены три вертикальных столба. Однако имеют ли они отношение к конструкции дома, судить сложно (Рис. 160).

Следовательно, если постройка № 19 датируется XII столетием, то можно утверждать, что постройка № 20 – самое древнее сооружение, открытое в раскопе.

Можно предполагать, что деревянный дом имел размеры 5,6×5,0 м. Был построен в традиционной для Смоленска строительной технике. Для строительства использовались сосновые бревна диаметром 20–26 см. Углы постройки образовывались соединением бревен рубкой в чашку с остатком. Чашка вырубалась в верхней части бревна на половину его толщины. Длина остатков на сохранившемся северо-восточном углу сруба составляла 18–20 см. Внутри постройки южнее ее центра выявлено пятно красной пере-

женной в огне глины, смешанной с древесными углями. Пятно округлой формы диаметром 2,0–2,1 м. Несомненно, это остатки основания глинобитной печи. Устье печи было повернуто на восток. На дне топки зафиксировано много древесной щепы и углей. Постройка имела деревянный пол. Остатки его горелых досок выявлены в северо-восточном углу. Пол настилался между первым и вторым венцами сруба из колотых досок толщиной 4–5 см при ширине 20–23 см. Доски уложены в направлении запад – восток. Внутри постройки обнаружен обгорелый фрагмент деревянной двери. Она была сколочена из колотых досок толщиной 4,0 см при помощи кованых железных гвоздей.

В постройке на уровне пола найден комплекс вещей XI–XII вв. Прежде всего, отметим именную свинцовую печать княгини Феодосии, жены смоленского князя Давида Святославовича, правившего в городе в 1095–1096 гг. (Рис. 218; 6). Кроме того, в комплекс инвентаря из постройки № 20 входят: железный нож (Рис. 161; 3), швейная игла (№ 2594) и классической формы калачевидное кресало (Рис. 161; 2), фрагмент навесного замка (Рис. 161; 7), железный ключ (Рис. 161; 1) и железный пробой с кольцом для навешивания замка (Рис. 161; 5). Также найдены железный наконечник стрелы (Рис. 161; 4), фрагмент веревки и несколько костей со следами обработки (Рис. 161; 6).

Детальями костюма являются железная лировидная поясная пряжка (Рис. 162; 10) и пуговица-гирька (Рис. 162; 2).

Украшения представлены находками из цветных металлов: фрагмент пластинчатого петлеконечного браслета, украшенного композицией пуансонного орнамента (Рис. 162; 9), височного (?) колечка с завязанными концами (Рис. 162; 5) и бубенчика (Рис. 162; 3). А также изделиями из стекла – единичные фрагменты стеклянных браслетов и цилиндрическая бусина темносинего непрозрачного стекла (Рис. 162; 8).

⁹ При этом 21-й пласт – понятие в данном случае условное. Так как после снятия 20-го пласта на всей площади раскопа был выявлен материк с обозначившимися на нем пятнами от ям и заплывами культурного слоя в перепадах уровня древней дневной поверхности. При проведении горизонтальной зачистки после разборки 20-го пласта встречались отдельные находки и фрагменты керамики, которые по нивелировочным отметкам были ниже отметок предшествующего пласта. Этот материал происходит исключительно из северо-восточного угла раскопа и частично с квадратов вдоль северной стенки, где, как уже неоднократно говорилось, отмечено существенное падение древнего рельефа местности в сторону Днепра.

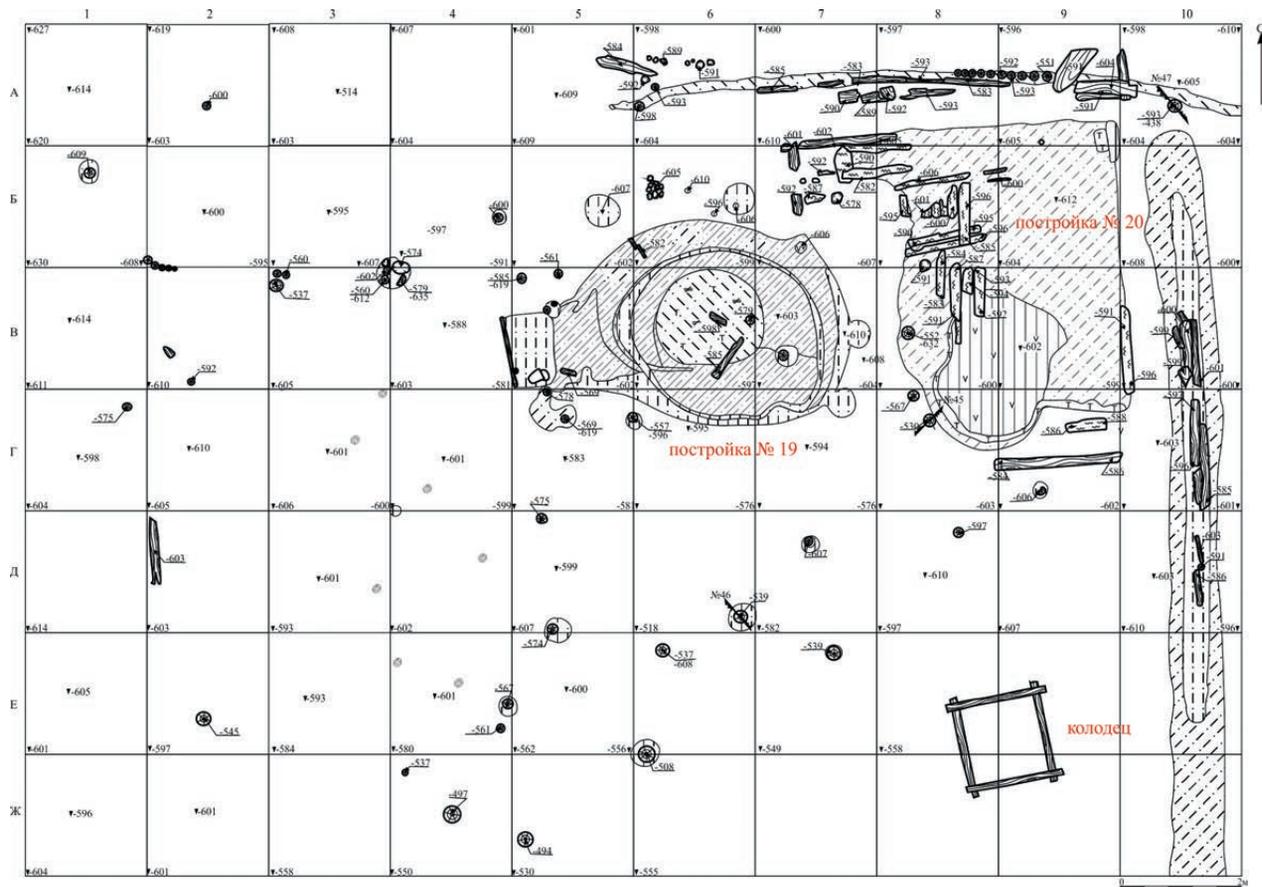

Рис. 159. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт

Рис. 160. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт (на уровне 20-го пласта). Вид с юго-востока

Рис. 161. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Инвентарь из постройки № 20: 1 – ключ от навесного замка; 2 – калачевидное кресало; 3 – нож; 4 – наконечник стрелы-срезня; 5 – кольцо железного дверного пробоя; 6 – рог со следами обработки; 7 – фрагмент навесного замка

Кроме того, в постройке найдены: товарная пломба (Рис. 162; 6), янтарный крестик-тельник (Рис. 162; 4), и круглая фибула с рельефным плетеным орнаментом (Рис. 239; 9), односторонний костяной гребень (Рис. 162; 11) В пределах контуров

сруба постройки № 20 найдены фрагменты венчиков глиняных горшков, которые в курганных древностях Смоленщины датируются XI – началом XII в. (Рис. 163; 1–3).

Это последний строительный горизонт, выявленный в раскопе 3. Он датируется

Рис. 162. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Инвентарь из постройки № 20: 1 – проколка; 2 – пуговица-гирька; 3 – бубенчик; 4 – крест-тельник янтарный; 5 – височное колечко (?); 6 – свинцовая товарная пломба; 7 – кочедык; 8 – цилиндрическая пастовая бусина; 9 – фрагмент пластинчатого загнутоконечного браслета; 10 – лировидная поясная пряжка; 12 – костяной гребень

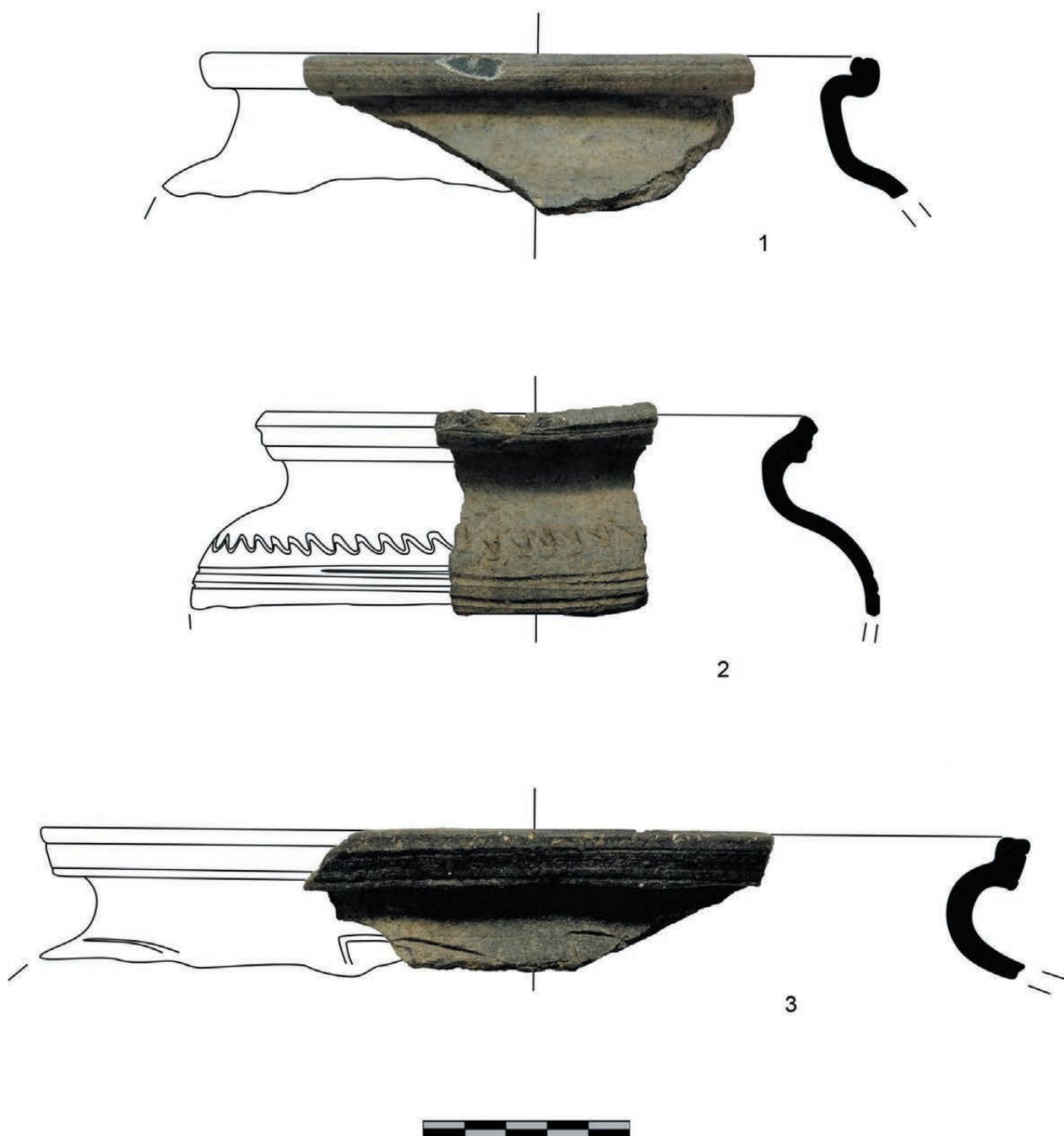

Рис. 163. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Фрагменты венчиков горшков из пределов контура постройки № 20

концом XI – началом XII столетия. Как уже отмечалось, в ходе раскопок площадь распространения культурного слоя постепенно сокращалась. К 20-му пласту слой остался лишь в линии квадратов А и частично Б, то есть вблизи северной стенки раскопа. Тем не менее, культурный слой 10-го горизонта дал весьма интересный и выразительный материал.

В слое горизонта найдено 1638 фрагментов керамики. Профилировка горшков по сравнению с двумя вышележащими горизонтами изменилась мало (Рис. 164; 3–4). Пожалуй, стоит отметить сосуды, у которых край венчика снаружи оформлен в виде карнизика (Рис. 164; 5–8). Сосуды с такой профилировкой известны в курганных древностях XI–XII вв., в том числе

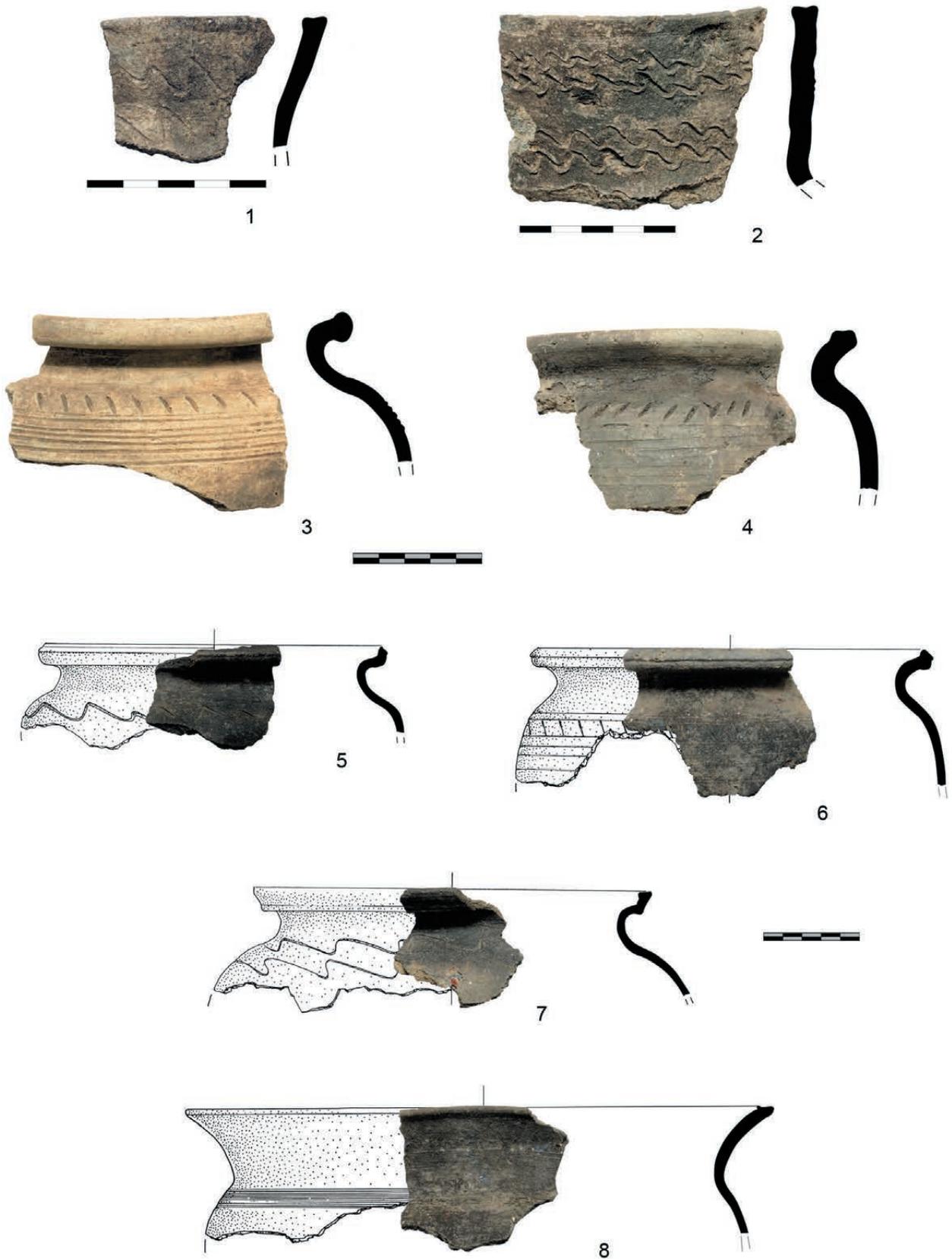

Рис. 164. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Керамика из слоя – формы кухонных горшков

и на Смоленщине (Шмидт. 2008. Табл. 23; 11; Табл. 24; 1, 4). Реже встречается форма горшков с высоким, вертикально поставленным венчиком, украшенным по периметру небрежной, врезной по сырой глине волной или зигзагом (Рис. 164; 1–2).

На днищах многих горшков имеются клейма (Рис. 165; 1–7). Кроме горшков найдено 15 фрагментов крышек (Рис. 166; 2–5). По-прежнему в наслоениях присутствуют обломки светильников (Рис. 166; 6–7). Высота одного из них составляла 10 см. Его круглое основание имело диаметр также 10 см. Глубина воронки равна 8,0 см., а диаметр устья 6,5 см. В культурном слое также собрано 13 фрагментов амфор. Находки по одному фрагменту миски, кубышки и крынки выглядят случайными. Из строительных материалов в культурном слое горизонта над материком собрано семь обломков плитки.

Коллекция изделий из металлов насчитывает 71 предмет. Из них на долю изделий из железа приходится 37 находок, и 34 предмета изготовлены из цветных металлов или их сплавов.

Орудия труда: ножи с узким лезвием и утолщенной спинкой (Рис. 167; 4–6). Длина лезвия у целых образцов составляет 6–8 см., проколка – железный стержень длиной 8,6 см (Рис. 167; 7), швейные иглы (Рис. 167; 1–2).

Предметы вооружения ограничиваются находками пяти наконечников стрел (Рис. 167; 3, 8–9).

Среди бытовой утвари отметим два калачевидных кресала с язычком (Рис. 168; 12–13). Датируются по новгородским аналогиям от конца X до XIII в. Вполне вписываются в хронологические рамки XI – первой половины XII в. и другие находки: ключи (Рис. 168; 9–10), навесной цилиндрический замок (Рис. 168; 11). Кроме того, в культурном слое горизонта найдена металлическая пластина-накладка с прорезью под нутряной ключ (Рис. 168; 7). Железные пряжки представлены двумя находками. Одна из них имела круглую форму, другая – прямоугольной формы с фрагментом кожаного ремня (Рис. 168; 2). Хорошо сохранились дверной пробой (Рис. 168; 5), фрагмент жиковины (Рис. 168; 4) и ряд других предметов бытового назначения.

Из слоя 10-го строительного горизонта происходит также целый ряд ювелирных изделий из цветных металлов: фрагмент пластинчатого браслета, орнаментированный зубчатым штампом (Рис. 162; 9), фрагмент пластины с двумя ушками (Рис. 169; 13) от так называемых створчатых ажурных браслетов.

Разнообразны щитковые перстни. Один из них с круглым щитком имеет рельефное изображение птицы с расправленными в полете крыльями (Рис. 169; 1). Такие перстни печатки известны в памятниках IX–X вв. Древней Руси (Булкин., Дубов., Лебедев. 1978. С. 93). Другой, с прямоугольным щитком, украшен рельефным геометрическим узором (Рис. 169; 4).

В единичном экземпляре найдено проволочное височное кольцо (Рис. 162; 5). Такие височные кольца известны в кривичских курганах XI в. на территории Республики Беларусь (Штыхаў. 1992. С. 91. Мал. 58; 2).

Привески представлены двумя находками. Одна найдена во фрагментарном виде, другая, овальной формы, сохранилась лучше (Рис. 169; 12).

Находки бус включают два серебряных изделия. Одна бусина цилиндрической формы, литая ложно зерненная (Рис. 169; 11), другая – зонная (№ 2735). Датировке культурного слоя горизонта не противоречит находка лировидной пряжки (Рис. 162; 10).

Предметы религиозного назначения включают находку лжицы с крученой ручкой (Рис. 169; 17) и креста-тельника (Рис. 169; 8). Помимо этого, в слое найдены два маленьких крестика из янтаря (Рис. 170; 14).

Встречено несколько товарных пломб (Рис. 169; 2–3, 6) и грузик в форме усеченного конуса (Рис. 169; 7). Очень любопытна находка свинцового слитка в виде прямоугольной подушечки с процарапанными знаками на одной стороне (Рис. 169; 14). Его размеры 2,0×1,6 см при толщине 0,5 см. Возможно, это ювелирная гирька-разновес.

Сравнительно немногочисленны изделия из других материалов. Стеклянные предметы включают находки единичных фрагментов стеклянных браслетов (Рис. 170; 1–12) и одного стеклянного перстня с гладким подовальным щитком (Рис. 170; 13).

В слое горизонта найдены также два пряслица из розового шифера (Рис. 171;

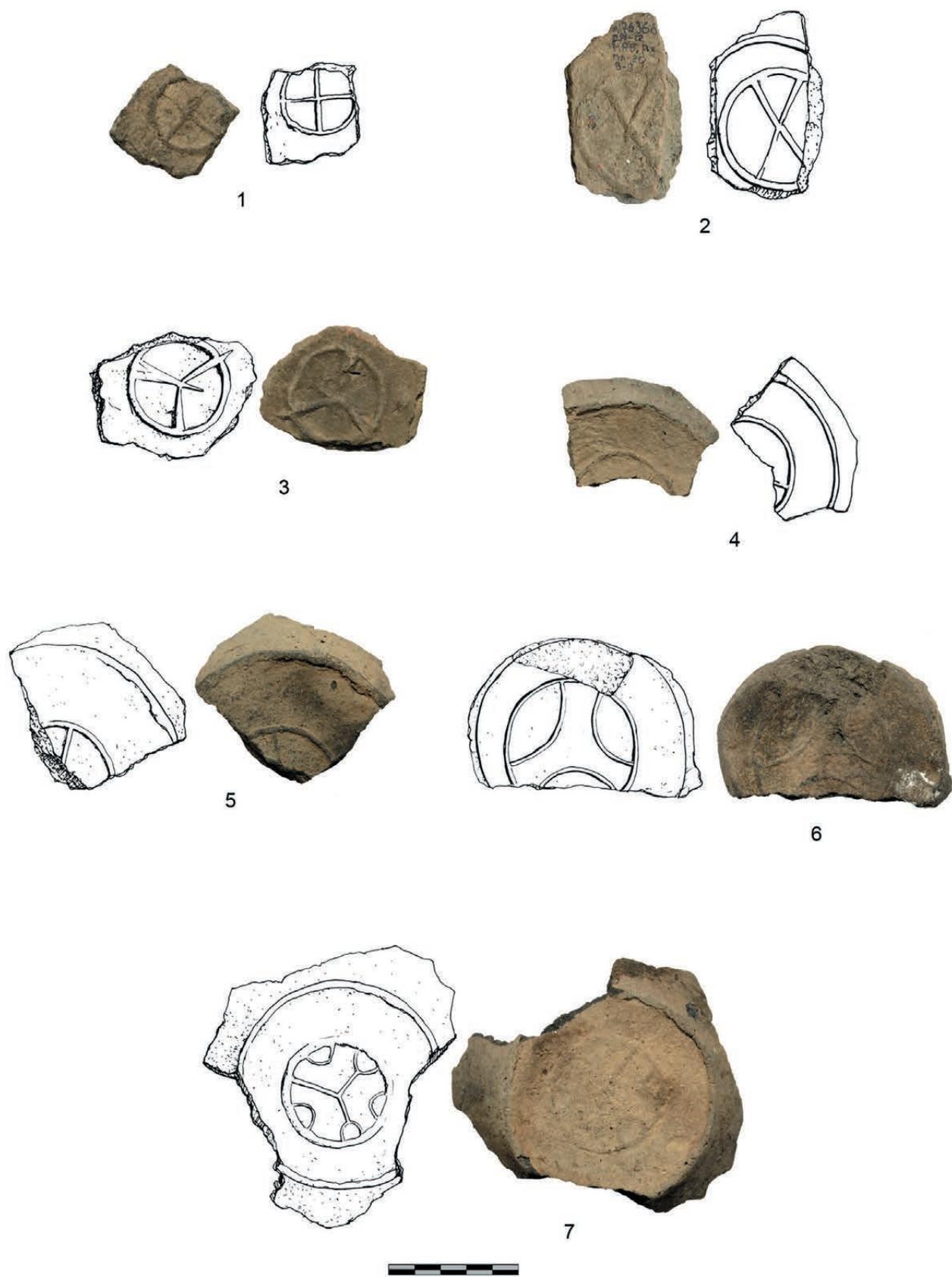

Рис. 165. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Керамика из слоя. Клейма на днищах кухонных сосудов

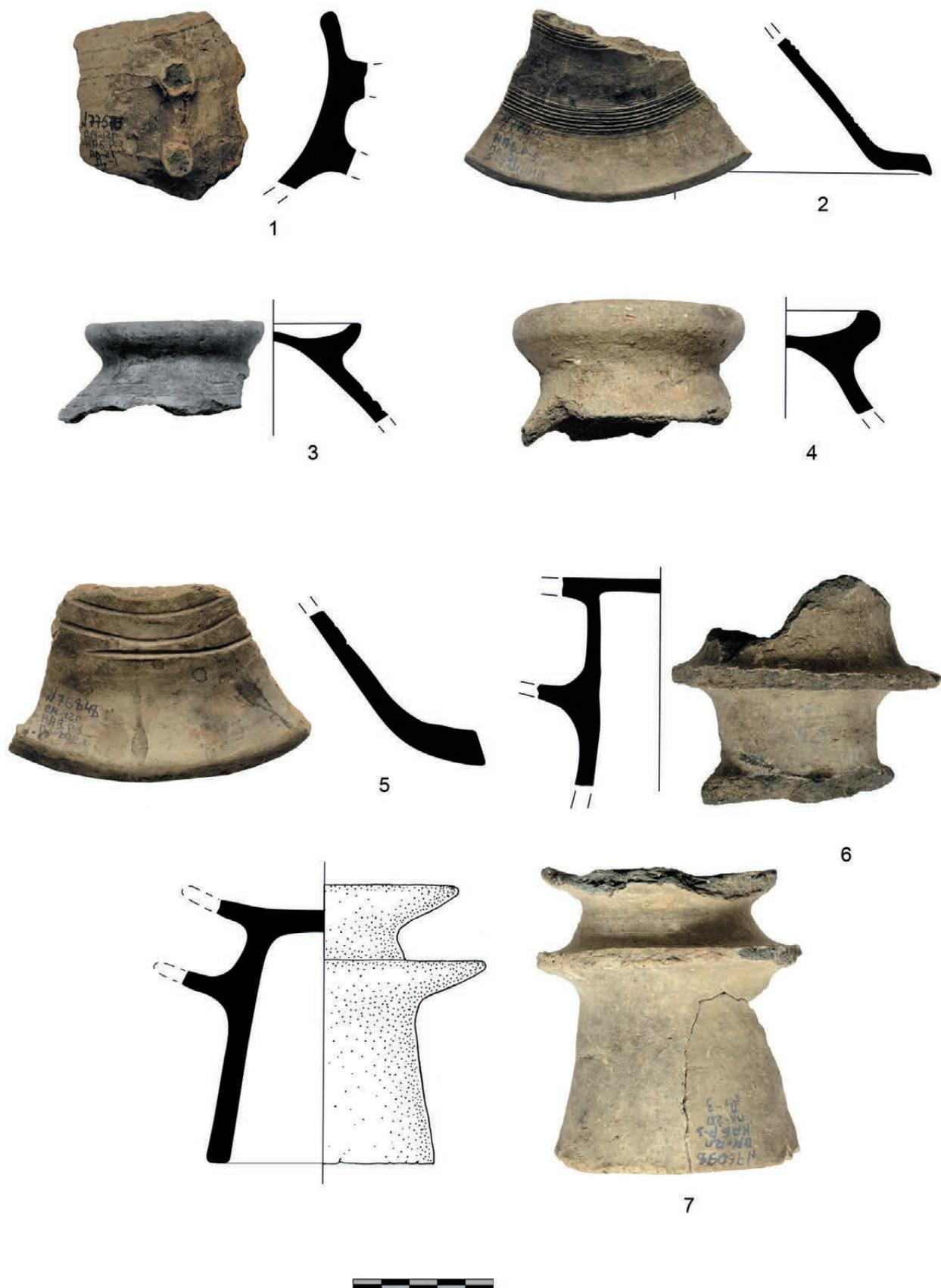

Рис. 166. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Керамика из слоя: 1 – фрагмент сосуда с ручкой; 2–5 – фрагменты крышек; 6–7 – светильники

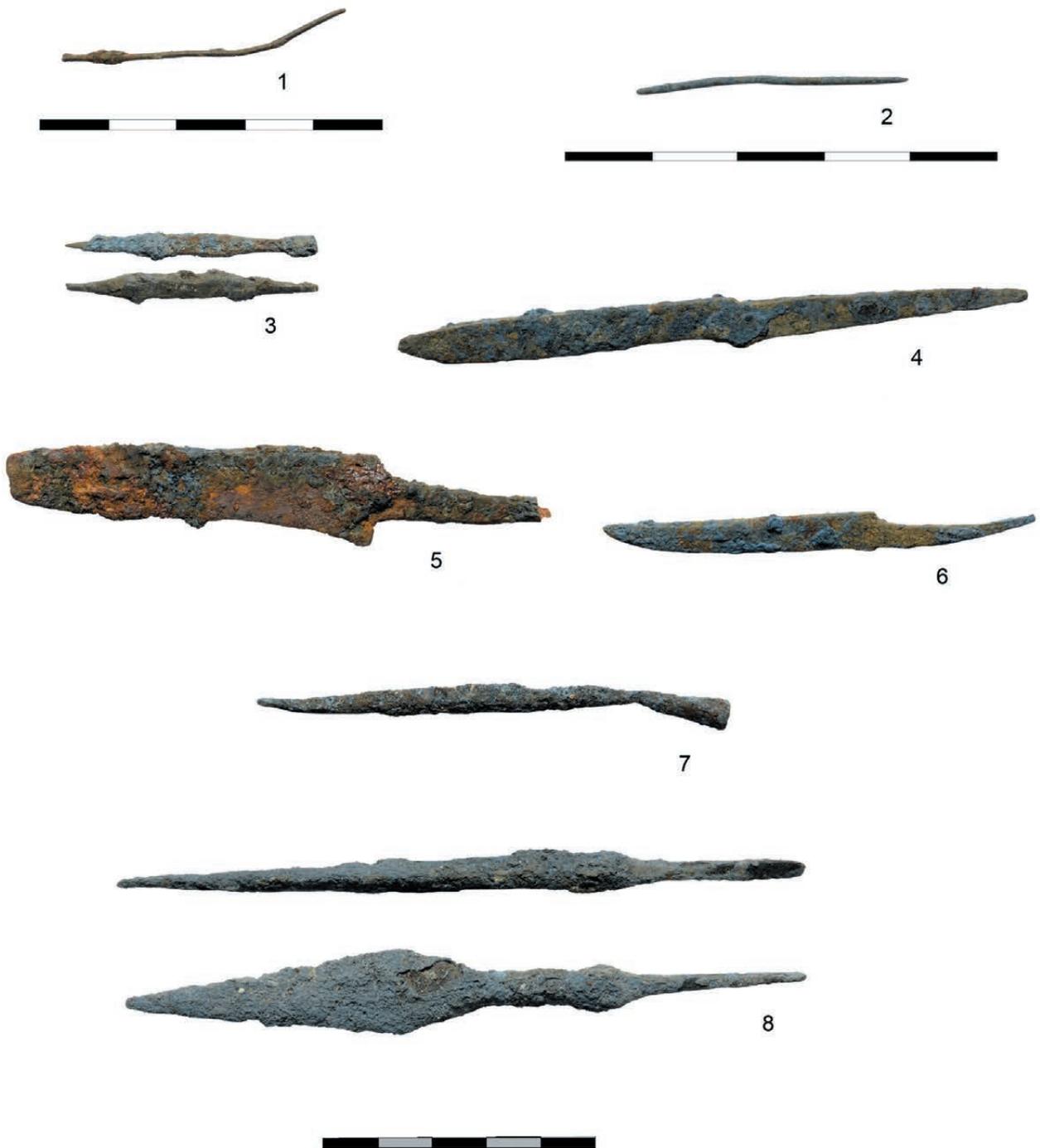

Рис. 167. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Орудия труда и предметы вооружения: 1–2 – швейные иглы; 3, 8 – наконечники стрел; 4–6 – ножи; 7 – проколка

1–2), фрагмент точильного бруска (Рис. 171; 6), несколько костей со следами обработки и обломок рукояти ножа либо какого-то орудия труда (Рис. 171; 3), костяные гребни (преимущественно во фрагментах). Гребень типа «Л» по новгородской классификации сохранился почти целиком (Рис. 171; 4). Этот тип

гребней бытовал в Новгороде с конца X до начала XIII столетия.

Влажный культурный слой 10-го горизонта, насыщенный навозом и древесными останками, хорошо сохраняет органику. В коллекции имеются 20 фрагментов обуви. Среди них отметим головку сапо-

Рис. 168. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Бытовой инвентарь: 1 – железный пинцет (?); 2 – поясная пряжка; 3 – клин железный; 4 – фрагмент жиковины; 5 – дверной пробой; 6 – крюк железный; 7 – замочная личина; 8 – неопределенный железный предмет; 9–10 – ключи; 11 – замок навесной цилиндрический; 12–13 – калачевидные кресала

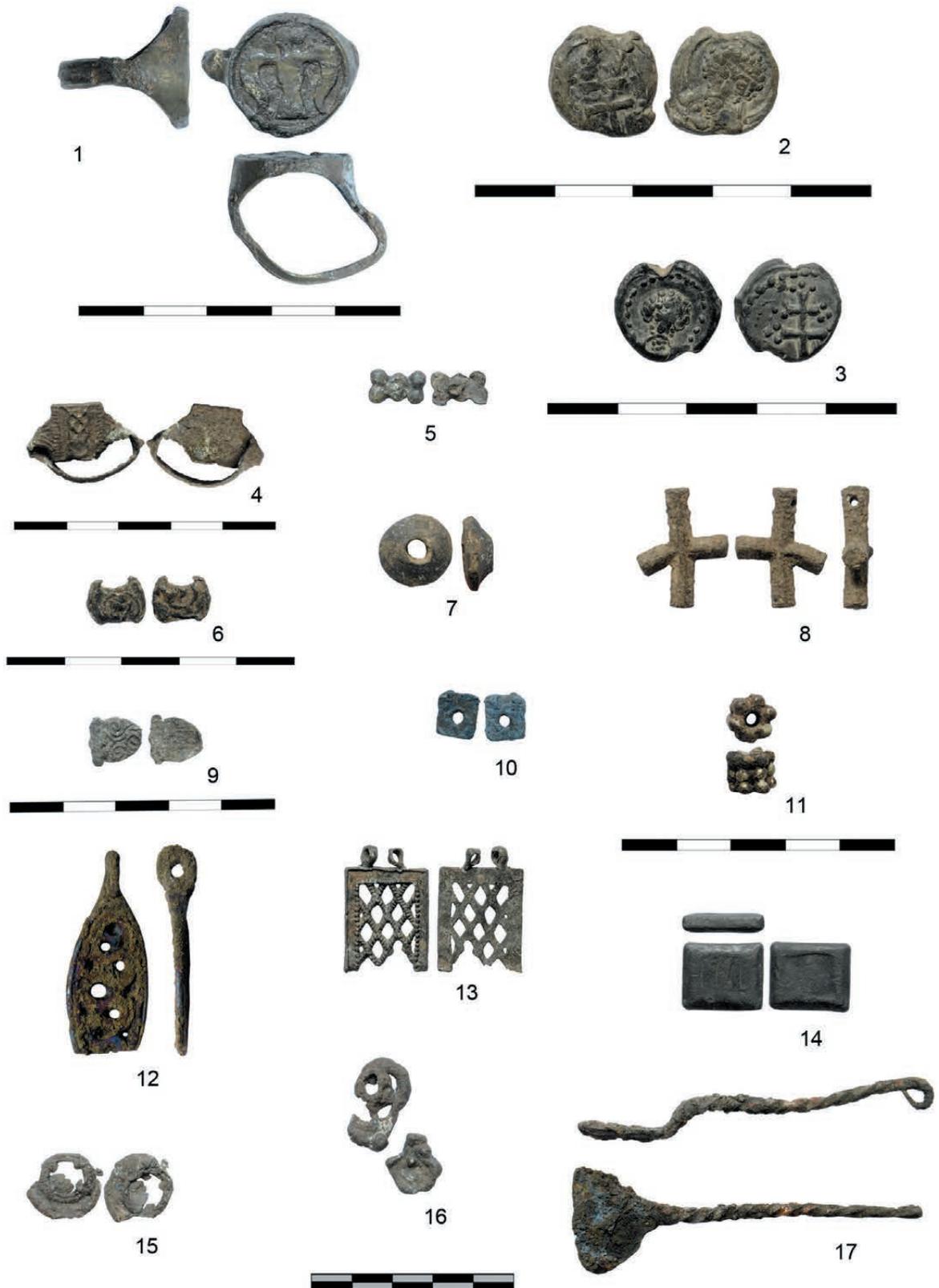

Рис. 169. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Индивидуальные находки из слоя горизонта: 1, 4 – перстни из цветного металла; 2–3, 6 – свинцовые товарные пломбы; 7 – свинцовый грузик; 8 – крест-тельник (железо); 9–10, 15–16 – накладки, деформированные детали украшений; 11 – зерновая бусина из белого металла; 12 – подвеска цветного металла; 13 – фрагмент пластинчатого ажурного браслета; 14 – свинцовая гирька (ювелирная); 15 – лжица (?)

Рис. 170. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Изделия из стекла и янтаря

га (Рис. 172; 5), перед башмака, три подошвы, поршень с прошивным узором носка (Рис. 172; 4), кожаное изделие неопределенного назначения со следами обкладки берестой (Рис. 172; 3) и другие детали кожаных изделий. Ткань представлена фрагментом довольно толстой витой из растительных во-

локон веревки (№ 2726). Находки из дерева немногочисленны. Это обломок ковша или черпака (Рис. 172; 2), предмет неясного назначения в виде пряслица диаметром 4,8 см при толщине 2,5 см, надетого на обломок веретена (Рис. 172; 1), а также фрагменты нескольких бондарных днищ или крышек.

Рис. 171. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Изделия из камня и кости: 1–2 – шиферные пряслица; 3 – костяная рукоять ножа; 4 – костяной гребень; 5 – проколка; 6 – точильный брусок

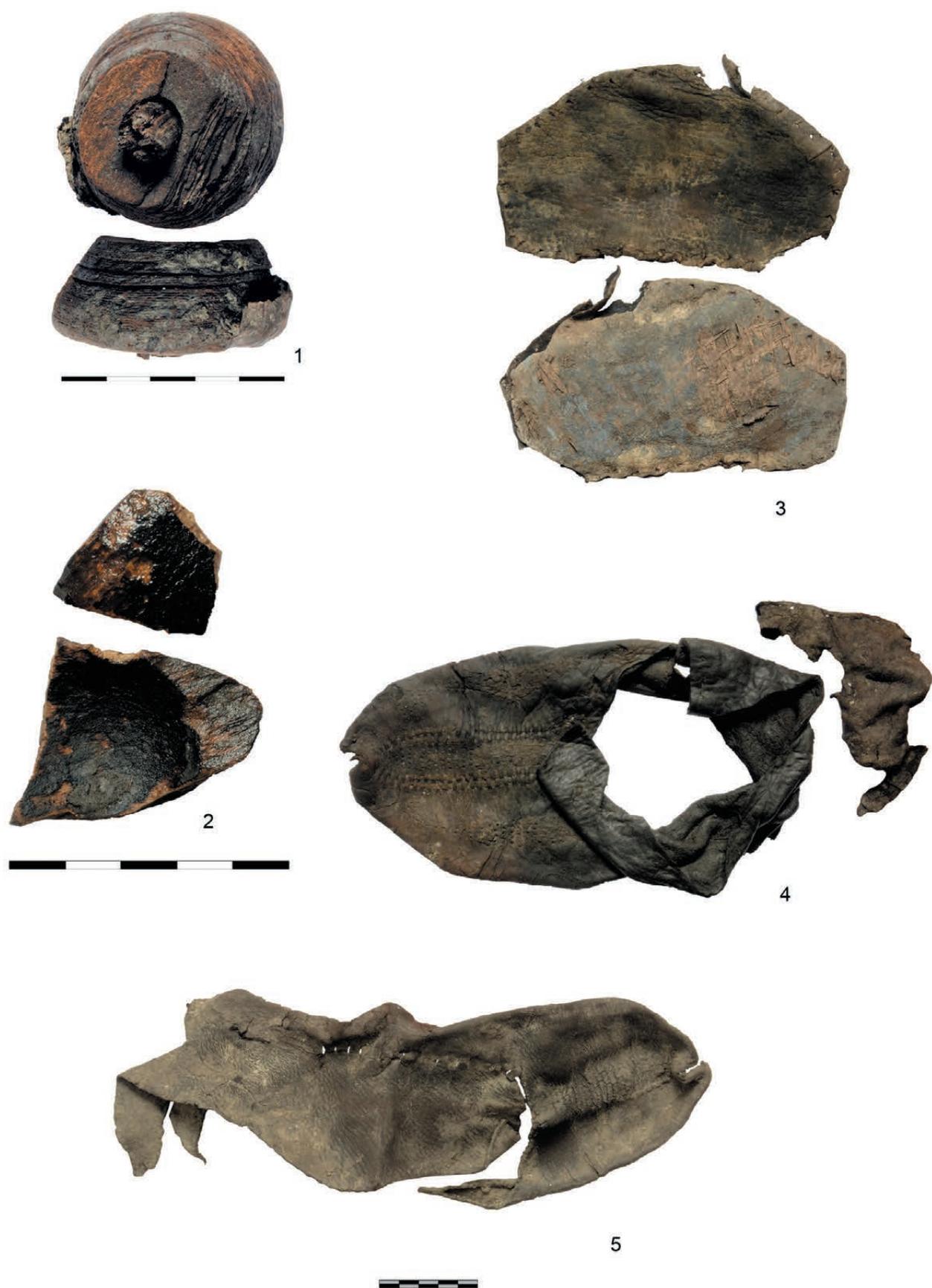

Рис. 172. Набережная. Раскоп 3. 10-й строительный горизонт. Изделия из кожи и дерева

Кладбище

Как уже упоминалось, в ходе раскопок была выявлена восточная окраина большого кладбища (почти все зафиксированные захоронения концентрируются в западной части раскопа). Всего вскрыто 69 погребений, покоящихся в выделенных условно по нивелировочным отметкам трех ярусах.

Первый ярус захоронений выявлен в юго-западном углу раскопа: № 1 – пласт 9, № 2 – пласт 10, № 3–5, 12 – пласт 11 (Рис. 173). Это уровень 5-го строительного горизонта, датирующийся не позднее второй половины XVI в. То есть захоронения первого яруса совершались во второй половине XVI – на рубеже XVII в.

Основное количество (25) погребений зафиксировано также в юго-западной части раскопа в слое XV–XVI вв. на уровне 12-го пласта (глубина залегания гробов – от -410 до -461 от нуля). Большинство из них (23) – ориентированы ЗВ, два захоронения покоятся головой на север (Рис. 173). Этот ярус захоронений нарушил остатки застройки XV–XVI вв. В частности, могильными ямами была частично разрушена постройка № 9, дворовый настил, яма с запасом древесной коры.

Вторая группа погребений этого же яруса зафиксирована на уровне 13-го пласта, что объясняется падением уровня древнего рельефа местности в северном направлении – в сторону Днепра. Здесь на глубинах от -425 до -474 см от нуля открыты 24 погребения (Рис. 173–174).

Третий ярус погребений открыт в 14–16-м пластах на глубинах с отметками от -477 до -520 см от нуля (Рис. 175).

Таким образом, перепад глубин залегания захоронений в культурном слое составляет 1,4 м.

При сопоставлении всех горизонтов погребений видно, что стратиграфически захоронения нижнего 3-го яруса (пласты 14–16) были совершены в северо-западной части раскопа – линии кв. А–Г. Затем площадь, занятая захоронениями, постепенно сокращалась в южном направлении (Рис. 176). При этом понятно, что погребения 3 яруса также были совершены не ранее первой половины – середины XVI столетия. И залегают ниже захоронений первых двух

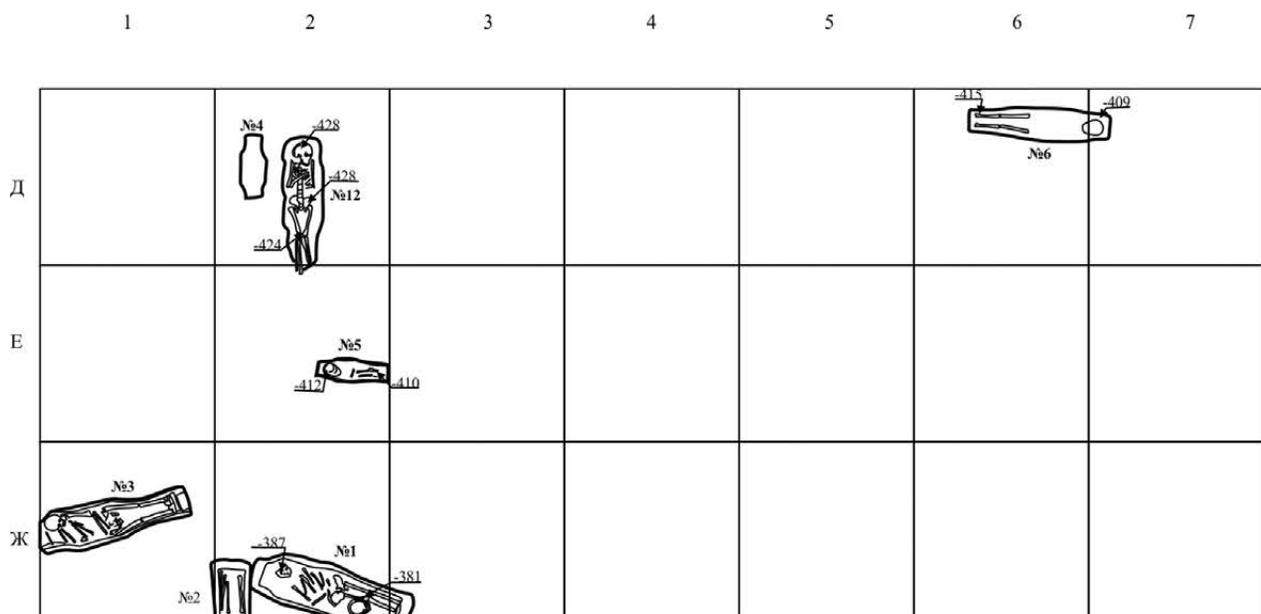
ярусов исключительно за счет общего падения рельефа местности в северном направлении.

Отметим также, что практически все могильные ямы, были врезаны во влажный, насыщенный органикой (щепой, древесными остатками, навозом) культурный слой и им же засыпаны (редкие могилы основанием врезались в материк). Поэтому выявить могильные ямы удавалось только в их нижней части – на уровне залегания гробов.

Таким образом, судить о времени функционирования кладбища удастся либо по стратиграфическим наблюдениям, либо по ряду косвенных признаков. Так, например, в западной стенке раскопа в линиях квадратов А, Б, В и Г зафиксированы пять могильных ям с остатками гробов в них. «Устье» всех этих могильных ям залегает сразу под прослойкой строительного мусора (известь, кирпичная крошка, песок, включения линз глины и т.д.), образовавшейся при строительстве крепостной стены Ф. Коня в 1596–1603 гг. Судя по профилю, глубина могил колебалась в пределах от 0,8 до 1,1 м, ширина – 0,6–1 м, ширина дна могилы – 0,4–0,5 м. То есть эти захоронения совершены не ранее второй половины XVI в. Некоторые погребения, судя по профилю южной стенки раскопа, могли производиться в начале XVII в. Об этом говорит тот факт, что в южном профиле могильными ямами нарушена прослойка строительного мусора времени постройки крепостной стены.

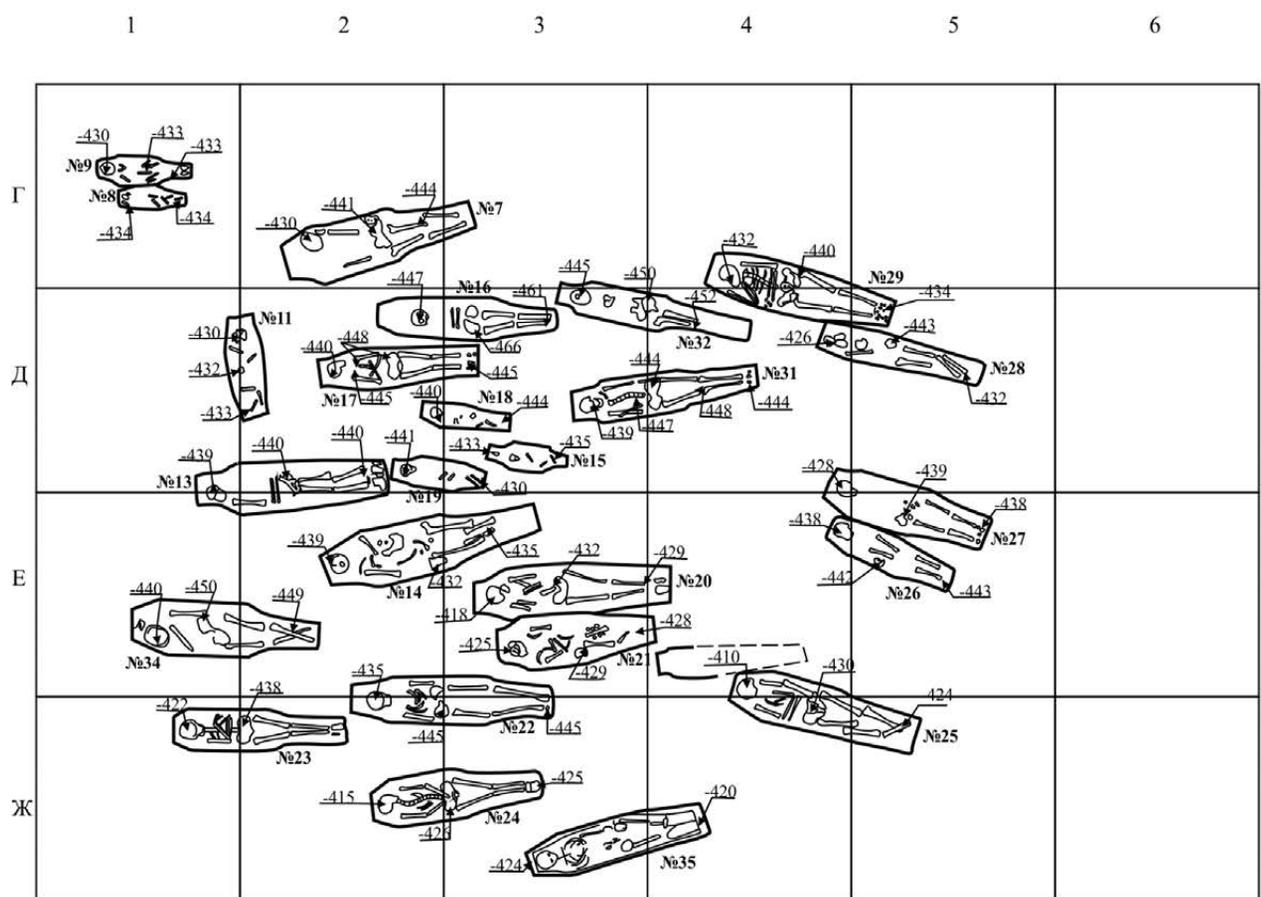
Следовательно, захоронения на кладбище производились, главным образом, во второй половине – конце XVI – начале XVII в. Все захоронения совершались либо в колодах, либо в дощатых гробах. При этом нижние части колод – собственно гробовище – обычно фигурные (вытесаны, условно, под «тело»), а крышки – прямые (Рис. 177–180).

Сохранность костяков, как правило, плохая. Во многих захоронениях кости смещены и производят впечатление перемешанных. Это объясняется, скорее всего, многолетним воздействием грунтовых вод на крутом склоне к Днепру, а также деятельностью грызунов. Отметим также высокую концентрацию влаги внутри гробов. Погребения совершены по христианскому

А

0 2м

Б

0 2м

Рис. 173. Набережная. Раскоп 3. Кладбище: А – 1-й ярус (пласты 9–11); Б – 2-й ярус (12-й пласт)

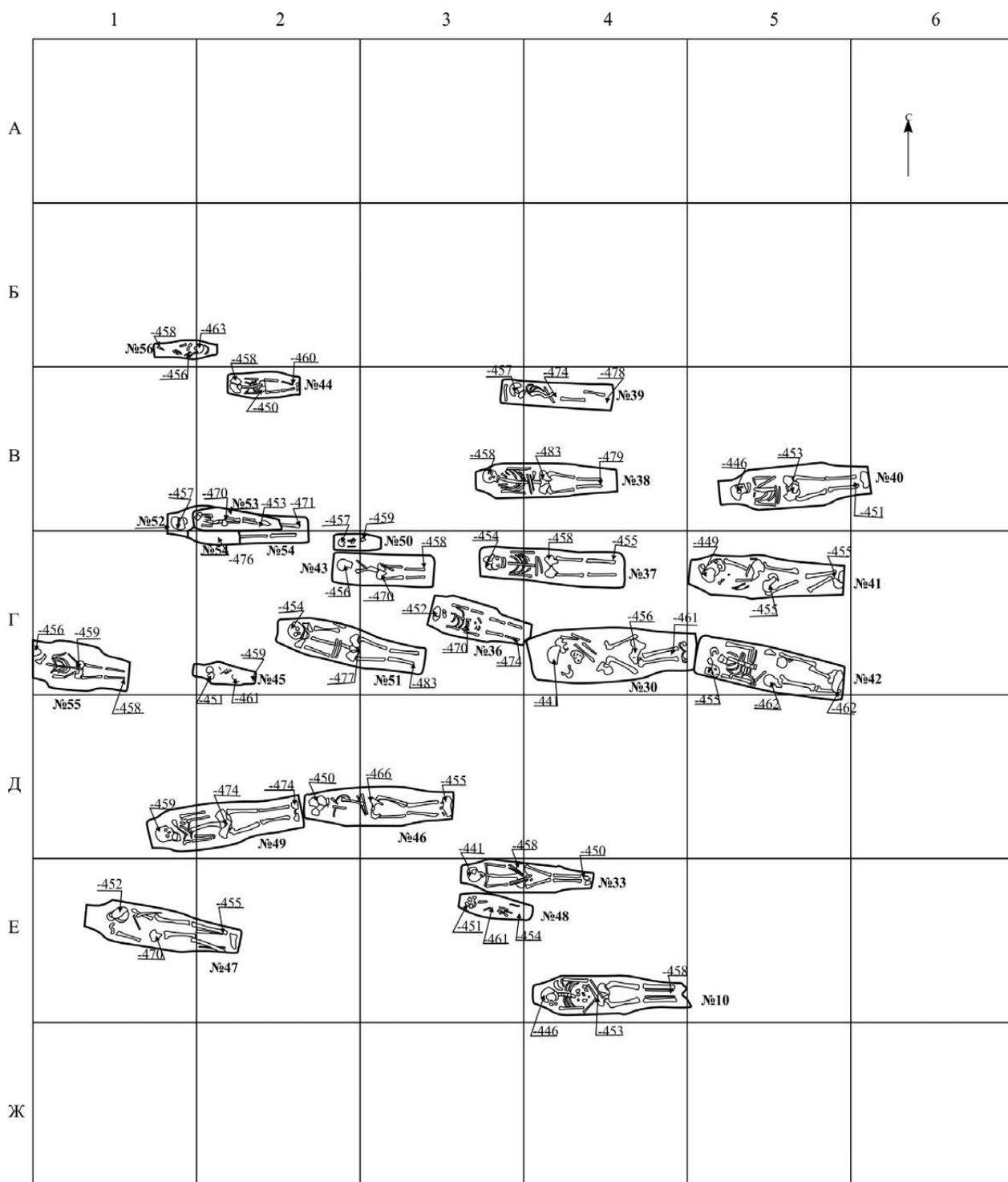

Рис. 174. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. 2-й ярус (13-й пласт)

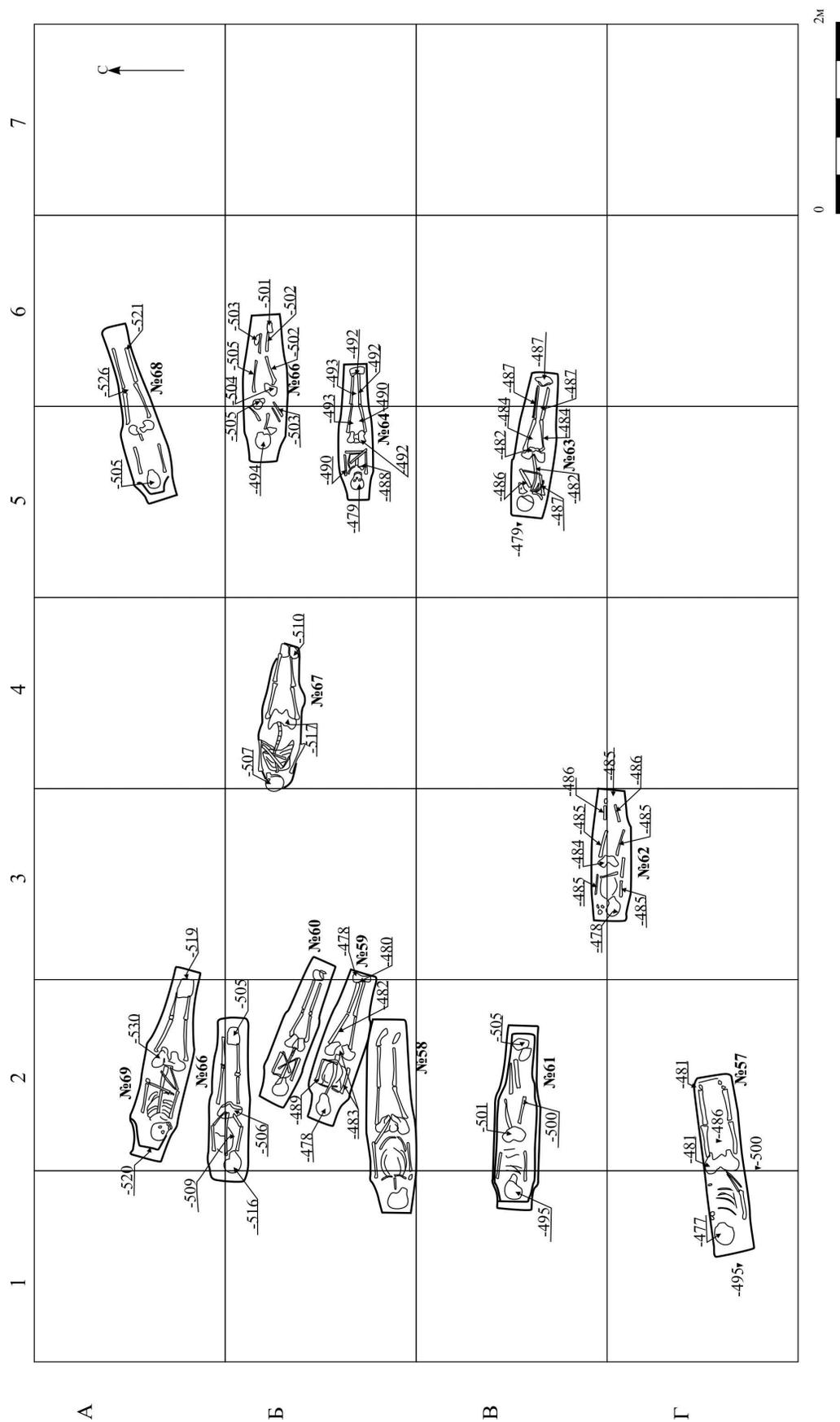

Рис. 175. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. 3-й ярус (14–16-й пласты)

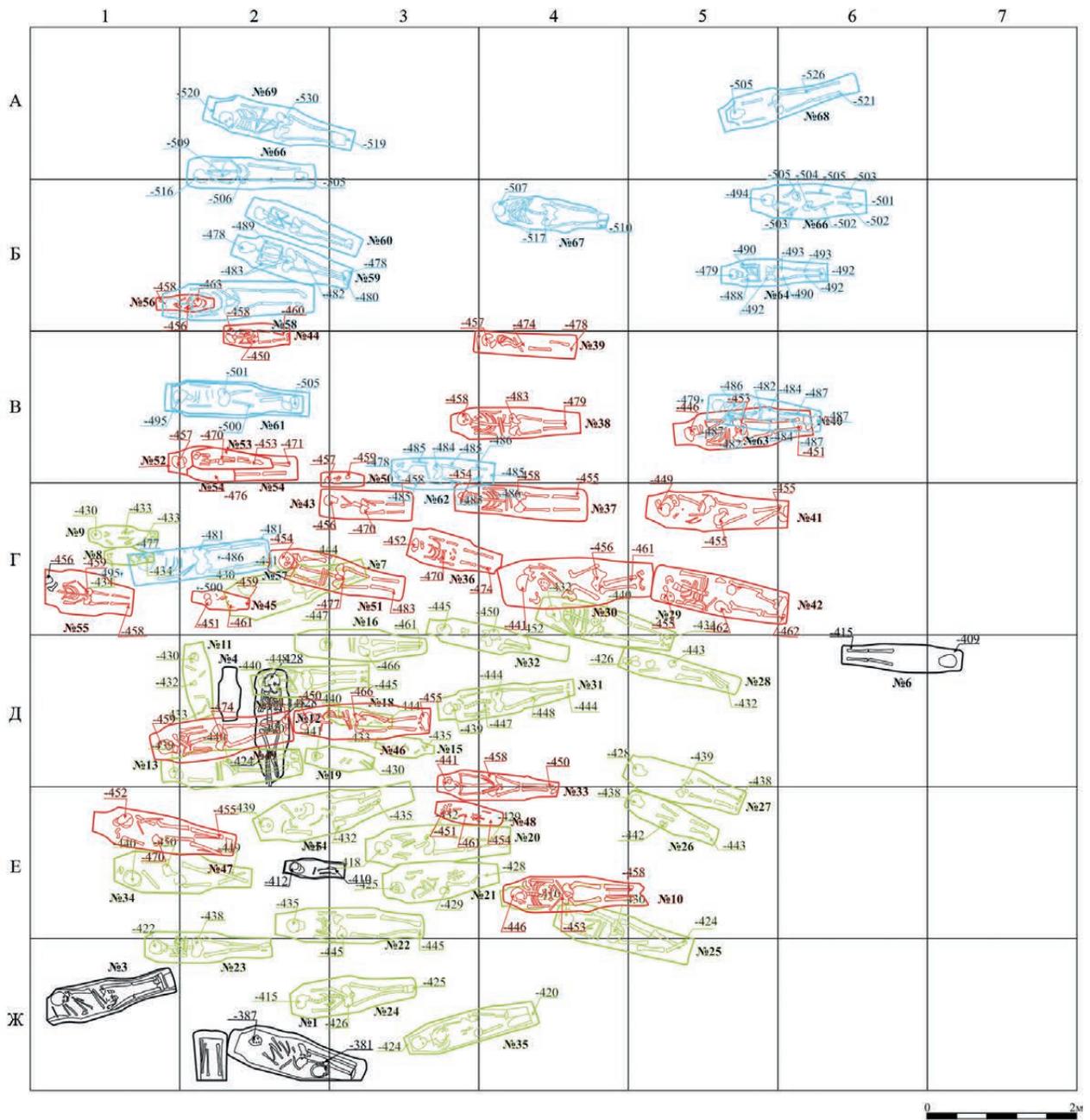

Рис. 176. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. Сводный план погребений: А – черным (1-й ярус); Б – зеленым, В – красным (2-й ярус); Г – синим (3-й ярус)

Рис. 177. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. Погребение 4

обряду – ориентация запад-восток. В порядке исключения встречены два захоронения с меридиональной ориентировкой (Рис. 179). У всех захоронений череп изначально на затылочных костях, руки скрещены либо на груди, либо на животе, либо в области паха. Количественно незначительно преобладают женские захоронения. Много детских погребений, в том числе и чуть ли не грудничкового возраста (Рис. 180–181). Все погребения безынвентарные. Многие – в кожаной обуви (до 64% от общего числа открытых захоронений). Причем обувь изготовлялась специально для погребения (Осипов, Соболев.2014. С. 345–361).

За исключением одного случая – захоронения мужчины в высоких сапогах (Рис. 182).

Даже краткий анализ открытых в пределах раскопа 3 погребений говорит о том, что здесь мы имеем дело с регулярным кладбищем, функционировавшим во второй половине – конце XVI – начале XVII в. А не с захоронениями при экстремальных обстоятельствах – вследствие моровых поветрий или военных действий. Что сильно отличает это кладбище от захоронений, открытых в предыдущие годы на раскопе 2. Не исключено, что раскопки затронули окраинную часть приходского кладбища Пятницкого храма.

Рис. 178. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. Погребение 7

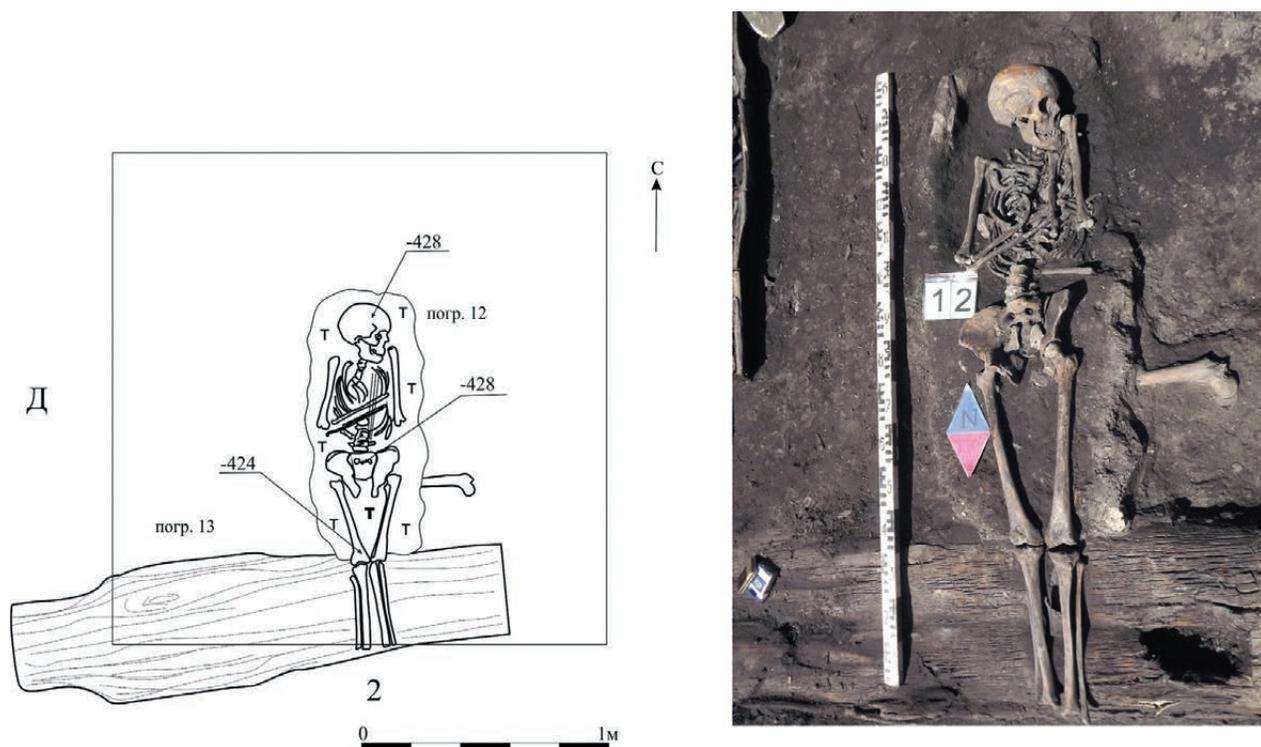

Рис. 179. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. Погребение 12

Рис. 180. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. Погребение 50

Рис. 181. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. Погребение 44

Рис. 182. Набережная. Раскоп 3. Кладбище. Погребение 22

Глава 2

Раскоп 4. Преамбула

Раскоп 4 площадью 280 кв. м (20×14 м) был заложен на склоне у подножия Воскресенского холма, у пересечения улиц Студенческая и Б. Краснофлотская, между домовладениями 1А и 7 (Рис. 1). Сама площадка проектируемого строительства находится частично на склоне и у подошвы 2-й надпойменной террасы левого берега р. Днепр, на северном склоне Воскресенского холма (горы).

Мощность культурного слоя в раскопе колебалась от 1,4 до 4,6 м. Наименьшей (1,4 м) она была в юго-западном углу раскопа, максимальной (4,6 м) в северо-восточном углу. Увеличение мощности культурного слоя наблюдается в северном направлении вниз по склону Воскресенской горы, в сторону р. Днепр. Падение уровня дневной поверхности с юго-запада на северо-восток составляет 1,36 м.

Слой балласта в пределах раскопа был снят на глубину от 1,8 до 2,5 м (на максимальную глубину залегания балластных напластований с учетом естественного уклона местности), затем горизонтальная поверхность выведена на глубину с отметкой -250 см от нуля. Таким образом, отсчет нивелировочных отметок раскопа 4 начинается с глубины -250 см от нулевого репера¹⁰.

После снятия балласта, выяснилось, что почти всю северную часть раскопа занимает фундамент и развал кирпичного дома конца XIX – начала XX в.

Стратиграфия и датировка культурного слоя

Как уже говорилось, культурный слой в раскопе имеет мощность от 1,4 в юго-западном углу до 4,7 м в его северо-восточном конце. Его характеристика следующая:

1. Слой балласта – мощностью от 0,5 м в профилях западной и южной стенок раскопа (Рис. 183–186) раскопа до 1,6–2,0 м на его северной стенке. (Рис. 185). Балласт пред-

ставляет собой грунт бурого, местами серого цвета. Он насыщен кирпичным боем, остатками фундамента кирпичного здания конца XIX – начала XX в. В слое балласта присутствуют включения красной глины, песка, известкового раствора, камни и другой строительный мусор. В нем, вблизи дневной поверхности, зафиксирована прослойка древесных углей и горелого дерева – следы разрушения здания в период войны 1941–1945 гг. Толщина прослойки кирпичного боя возле фундамента составляет 20 см. Ниже в слое залегает прослойка строительного мусора, которая образовалась в период строительства каменного дома в конце XIX века. Ее толщина колеблется от 15 до 30 см. В состав прослойки входят кирпичная крошка, включения красной глины и песок. Она залегает в слое на глубине 1,4–1,5 м от современной дневной поверхности и хорошо просматривается в профиле северной стенки раскопа (Рис. 185). Слой балласта сформировался на протяжении конца XIX–XX в. в период строительства, функционирования и разрушения жилого кирпичного здания.

2. Под слоем балласта залегают культурные наслоения темно-серого, местами бурого от кирпичной крошки цвета. Их мощность в раскопе колеблется от 0,4 до 1,4 м. В этих наслоениях отмечено присутствие линз песка, красной глины, а также камней и древесных углей (Рис. 183–186). Время формирования этих культурных отложений определяется комплексом вещевого материала, найденного в нем. Хронология слоя устанавливается монетами XVII–XIX вв. Речи Посполитой и Российской империи. Помимо этого, наслоения датируются также фрагментами коробчатых изразцов, курительных трубок. Курение табака в Смоленске началось с приходом в город поляков. В культурном слое найдены мушкетные свинцовые пули со времен осады города в 1609–1611 гг. Датировочным материалом являются также находки обувных железных подковок. Каблук и твердая подошва в обуви получили распространение в Смоленске

¹⁰ В качестве нулевого репера взята точка на бетонной опорной плите металлического забора соседней с раскопом усадьбы (домовладение 1А) на расстоянии 10 метров к западу от западной стенки раскопа с отметкой в Балтийской системе высот 184,6 м.

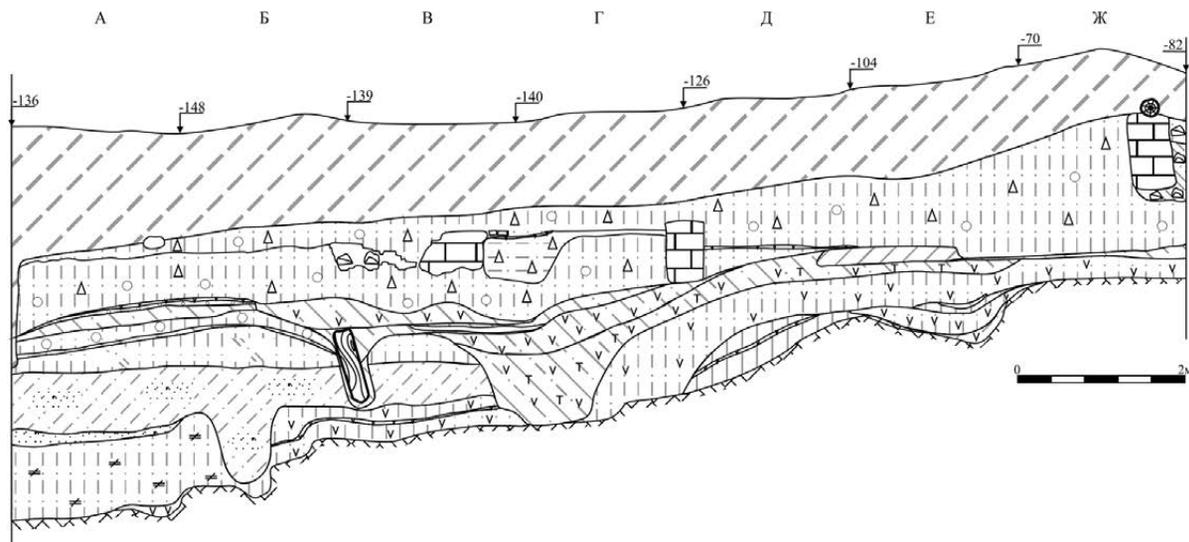

Рис. 183. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Восточный профиль (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

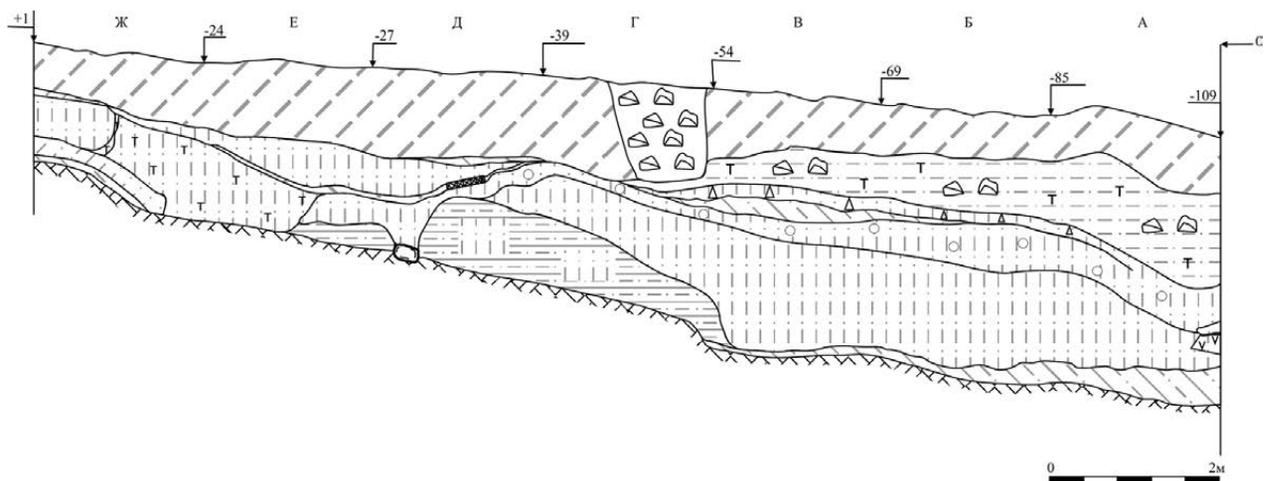

Рис. 184. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Западный профиль (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

с конца XVI в. (Осипов, Соболев. 2014). С этого же времени в быту горожан получает распространение глазурованная глиняная посуда. Фрагменты такой посуды в более ранних отложениях не замечены.

3. Под темно-серыми наслоениями с включениями битого кирпича залегает прослойка строительного мусора, которая образовалась в период строительства каменной крепостной стены города в 1596–1602 гг. Она представляет собой бурый, местами серый грунт, который содержит кирпичную крошку, мелкие камки, куски кирпича, включения песка, глины, а также извести. Особенно четко она видна на профиле северной стенки

(Рис. 185) раскопа. Наличие такой прослойки на профилях стенок значительно облегчает датировку культурных наслоений. Толщина прослойки строительного мусора колеблется от 10 до 90 см. В профиле северной стенки раскопа удалось зафиксировать границы большой творильной ямы. Она служила для приготовления известкового раствора, который, как известно, широко использовался в каменном строительстве того времени. Мощное пятно извести прослеживается на протяжении более 4 метров (Рис. 185).

4. Ниже прослойки времени строительства крепости зафиксированы также темно-серые, более однородные по сравнению

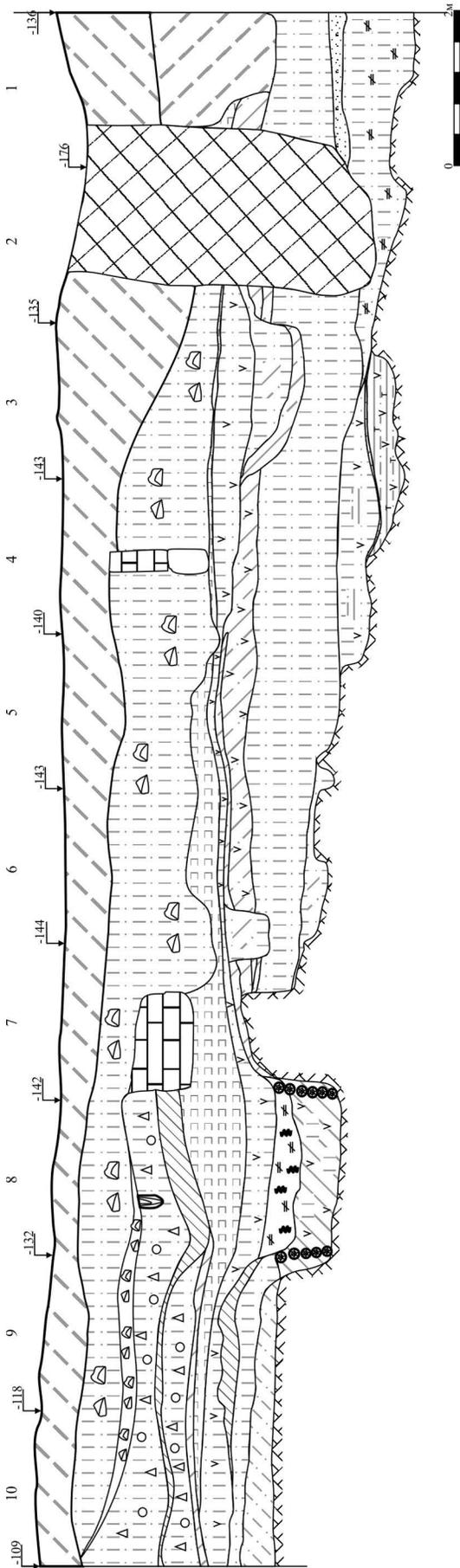

Рис. 185. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Северный профиль (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

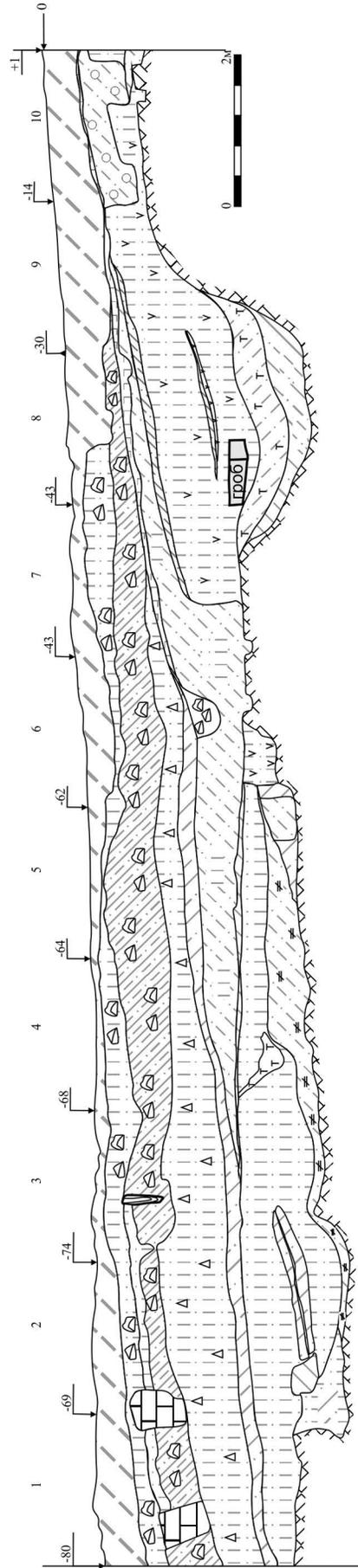

Рис. 186. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Южный профиль (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

с верхними наслоениями комковатые культурные отложения, мощностью 0,4–1,2 м. В структуре слоя за редким исключением отсутствует кирпичная крошка и битый кирпич. Зато заметно присутствие щепы и древесного тлена. В слое выявлены остатки трех деревянных построек, тына и частокола. В слое отмечено присутствие линз светло-серого суглинка, древесных углей, обожженной красной глины и серой супеси (Рис. 183–186). Этот слой датируется XV–XVI вв. прежде всего находками медных русских монет – пул. Для наслоений XVI столетия характерно присутствие лощеной керамики и обуви на твердой подошве, но еще без каблуков. Толщина слоя свидетельствует об интенсивной жизни на исследуемом участке в XVI в.

5. Самые нижние культурные отложения в раскопе представлены суглинком серого цвета. В их структуре отмечено присутствие древесных углей. Стратиграфически данный слой прослеживается не на всей площади раскопа из-за повреждения перекопами более позднего времени. Лучше всего он сохранился в северо-западной части раскопа (Рис. 183–186) и под нижними венцами построек XVI в. Толщина этого слоя 15–30 см. Таким же по характеру слоем были заполнены и некоторые выявленные в материке хозяйственные ямы. Кроме фрагментов глиняной посуды в слое найдены черепки амфор, товарные свинцовые пломбы, стеклянные бусины и фрагменты стеклянных браслетов, железные наконечники стрел, куски плинфы и керамических плиток пола. Весь комплекс находок позволяет отнести время формирования описываемого слоя к концу XI–XIII в.

Следует отметить, что в нижних пластах раскопа найдены отдельные фрагменты венчиков глиняных горшков, которые по своей профилировке можно отнести к посуде XIV–XV столетий. Однако слой этого времени в раскопе стратиграфически не прослеживается.

Такова обобщенная характеристика культурных напластований в пределах раскопа на данном объекте. Еще раз подчеркнем, что значительная часть вскрытой раскопом площади была полностью разрушена фундаментом стоявшего здесь кирпичного дома и сопутствующих хозяйственных по-

строек, что неизбежно отразилось на характере и структуре культурных напластований в пределах раскопа и распределении инвентаря и массового материала в слое. Культурные напластования в целом аморфны, за исключением незначительных участков (и материковых ям), где удавалось зафиксировать остатки слоя древнерусского периода. Единственным четким хронологическим маркером является прослойка, фиксирующая этап сооружения крепостной стены.

Таким образом, на раскопе 4 нет структурированных стратиграфических напластований, как на раскопе 3. А комплекс выявленных объектов ограничивается несколькими постройками, скорее всего хозяйственного назначения, усадьбы конца XV – середины – второй половины XVI в. и следами какого-то строения крайне плохой сохранности древнерусского периода в СВ углу раскопа.

Деревянная застройка

Помимо выявленного фундамента здания конца XIX – начала XX в., в ходе раскопок открыты остатки нескольких построек и конструкций, так или иначе связанных с существовавшей здесь в XVI в. усадьбой.

Постройка № 1 (Рис. 187–188). Прямоугольная в плане, размером 2,1×1,7 м. Длинные ее стороны ориентированы по оси запад – восток. Срублена из тонких бревен диаметром 12–15 см. С внутренней стороны сруба бревна затесаны под брус. Постройка сохранилась на 5–6 венцов на высоту до 0,7 м. Рублена в чашку с остатком (Рис. 188Б). Стенки сруба не конопачены. Функцию пола выполнял слой хвороста толщиной 6–9 см, зафиксированный на уровне нижнего венца постройки. Здесь же были найдены отдельные куски войлока. Коробка сруба была врезана с южной стороны в склон горы. Снаружи остальных трех сторон постройки сделана глиняная обмазка на всю высоту сохранившегося сруба (Рис. 188А). Толщина этого «замка» из красной глины достигает 30 см.

Заполнение сруба – темно-серый комковатый суглинок. В его структуре встречается древесный тлен, кости животных. Внутри сруба собрано много фрагментов глиняной посуды: горшков, мисок, кувшинов XVI в. Обращает на себя внимание большой про-

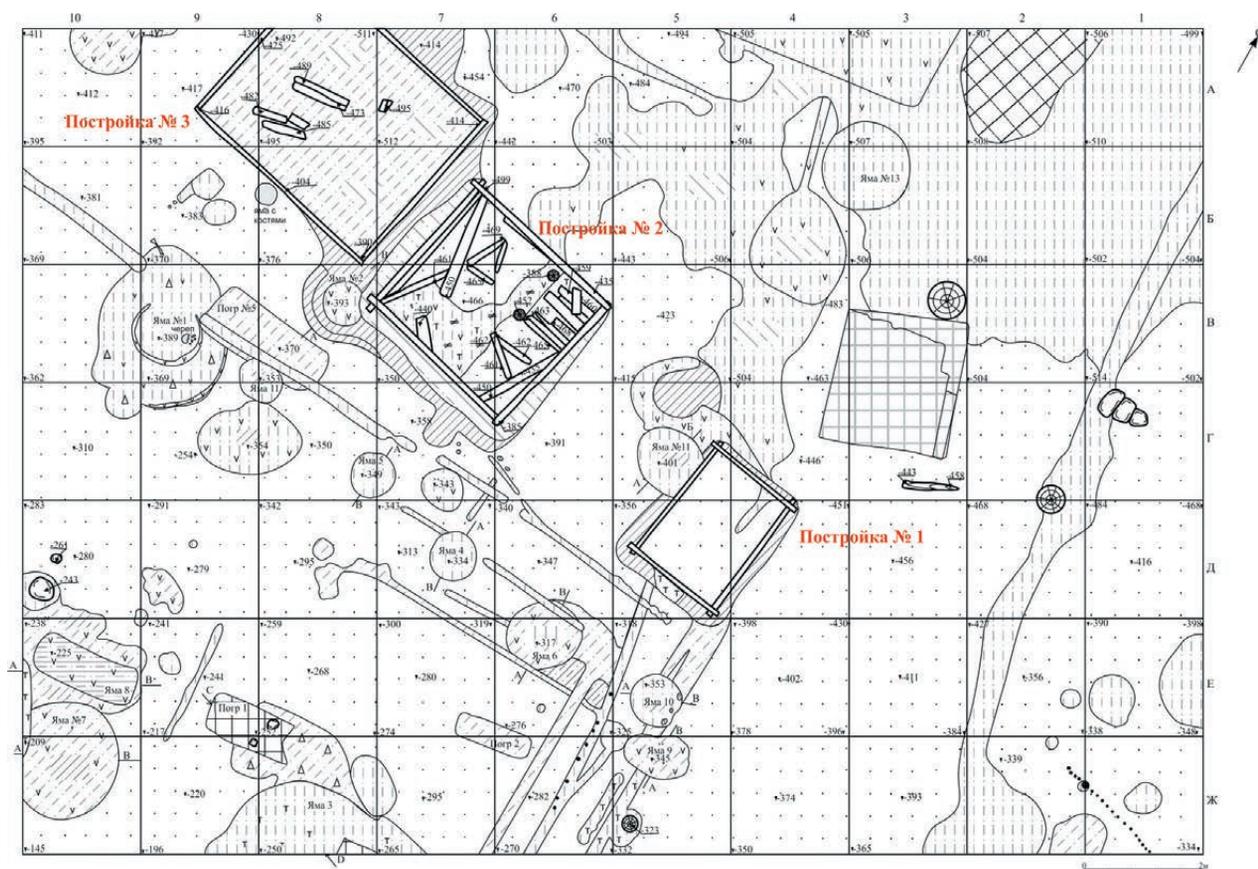

Рис. 187. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Уровень материковой поверхности. Постройки, ямы и пятна на материке

цент лощеной керамики, и прежде всего чернолощеной (Рис. 189; 1–4). Глазурованной посуды нет. Под нижним венцом сруба сохранился культурный слой толщиной до 30 см – суглинок серого, местами темно-серого цвета, в котором обнаружены фрагменты керамики XII–XIII вв. Очевидно, постройка имела хозяйственное назначение.

Постройка № 2 (Рис. 187, 190). Также вреза́на в северный склон Воскресенской горы. Сруб имел размер 3,0×2,8 м. и сохранился на 5 венцов. Диаметр бревен 16–18 см. Дерево плохой сохранности. Стенки постройки снаружи, особенно с северной стороны, обмазаны толстым слоем светло-коричневой глины толщиной до 30 см (Рис. 190А). Постройка срублена в чашку с остатком. Длина остатков не превышает 20 см. Чашка вырублена в верхней части бревна. Следов пакли или мха между бревнами сруба не выявлено (Рис. 190Б). В структуре слоя заполнения сруба зафиксирована древесная щепка и включения красной и светло-коричневой

глины. Внутри постройки найдены фрагменты деревянных конструкций: столбы, фрагменты досок и бревен. Пол отсутствует (Рис. 190Б). Скорее всего, клеть сруба является подклетом жилой постройки. Выявленные внутри него фрагменты дерева представляют собой остатки конструкций стоявшего на высоком подклете дома.

В заполнении постройки найдены фрагменты керамики XVI столетия. Среди них много чернолощеной посуды (Рис. 191; 3, 10). Кухонные горшки в основном лишены орнамента. Изредка встречается многорядный линейный орнамент по тулову (Рис. 191; 11). В ассортименте также присутствуют крышки, миски, кувшины. Кроме того, в слое найдены кости животных, по-видимому, пищевые остатки, а также много фрагментов и деталей кожаной обуви, обрезков кожи, фрагментов бересты, войлока и берестяных вставок в задники обуви. Не исключено, что подпол дома использовался в качестве сапожной мастерской.

Рис. 188. Ул. Студенческая. Раскоп 4: А – постройка № 1, вид с юго-востока; Б – постройка № 1. Деталь конструкции. Вид с юга

Рис. 189. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Постройка 1 – керамика из заполнения

Постройка № 3 (Рис. 187, 192–193). Ее северный угол уходит в стенку раскопа. Как и две предыдущие постройки, она врезана в склон холма и сохранилась на 5–6 венцов. Размер сруба 3,9×3,2 м. Его стенки снаружи по периметру обмазаны толстым слоем светло-коричневой глины (Рис. 192А). Диаметр бревен подпола постройки 14–19 см. Следов мха или пакли между бревен не выявлено. Подклет постройки рублен в чашку с остатком. Чашка

в верхней части бревен. Следов пола и печи в подполе не обнаружено (Рис. 193).

В заполнении слоя сруба присутствует большое количество навоза и фрагменты деревянных конструкций со следами пожара. Наличие углей свидетельствует о том, что постройка горела. Северный угол сруба перекрывает сверху творильная яма с известью, оставшаяся от строительства смоленской крепостной стены в 1596–1602 гг. (Рис. 193).

Рис. 190. Ул. Студенческая. Раскоп 4: А – постройка № 2 (вид с северо-запада); Б – постройка № 2 – на уровне пола (вид с северо-востока)

То есть фактически мы имеем дело с закрытым комплексом, датирующимся не ранее второй половины XVI – рубежа XVII в.

В темно-коричневом слое сруба найдено несколько венчиков глиняной посуды XVI в. (Рис. 194; 1–5). По-видимому, подпол использовался как хлев для содержания

мелкого домашнего скота. Сгоревшее жилое помещение, вероятно, находилось сверху.

Все три раскопанные постройки принадлежали к одной городской усадьбе второй половины XVI в. В период строительства смоленской крепостной стены она уже не существовала.

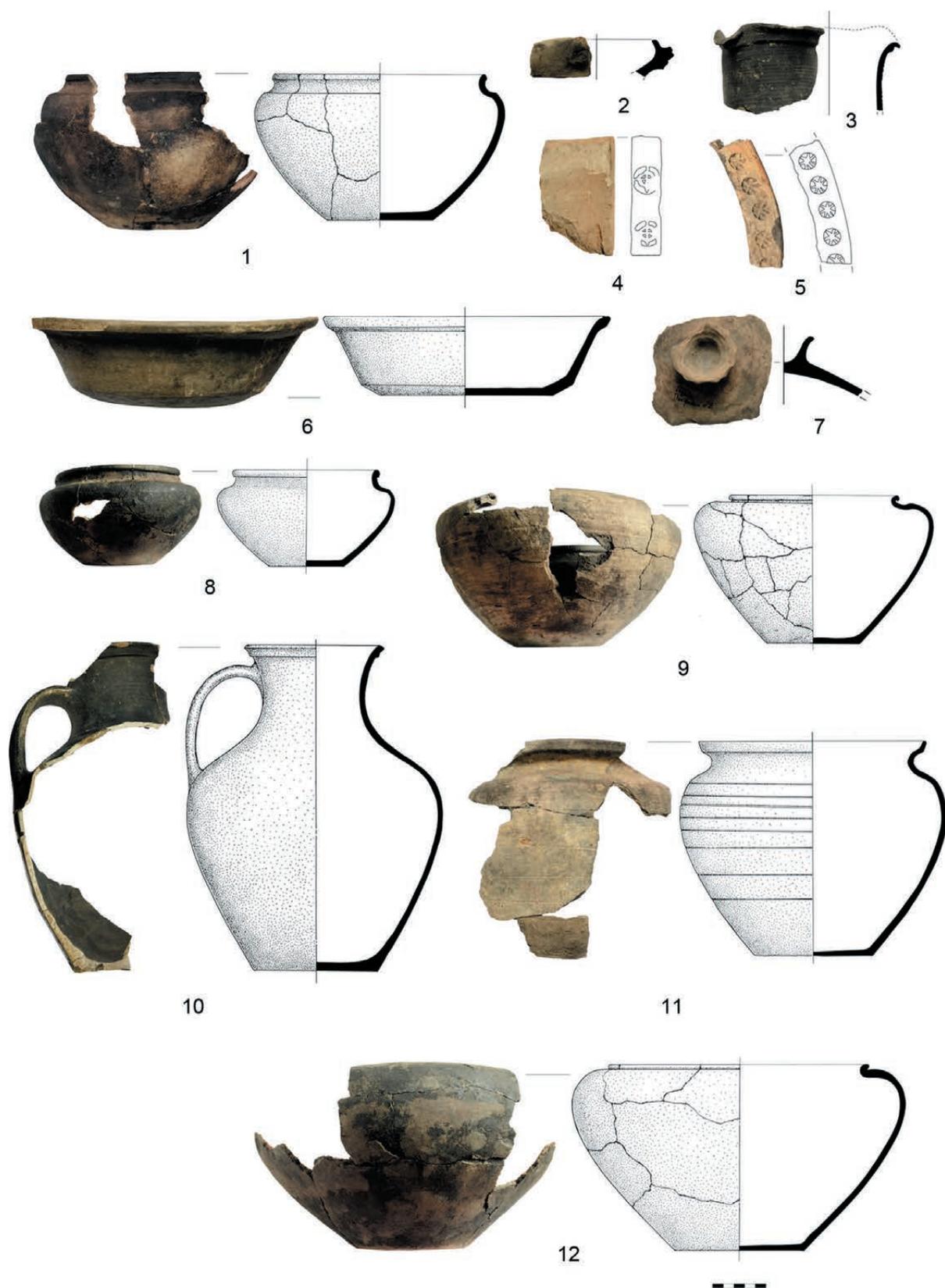

Рис. 191. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Постройка № 2. Керамика из заполнения сруба: 1, 8–9, 11–12 – кухонные горшки; 2, 6 – миски; 3, 10 – фрагменты чернолощеных кувшинов; 4–5 – фрагменты лицевой обмазки топки печи с клеймами; 7 – фрагмент керамической крышки

Рис. 192. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Постройка № 3: А – в ходе расчистки (вид с юго-запада); Б – вид сверху (на уровне дна котлована)

В ходе раскопок к югу от построек были расчищены остатки столбов деревянного тына, протяженностью около 5 м. (Рис. 187). Он уходит далее в южную стенку раскопа. Столбы диаметром 20–27 см имели срезанное пилой основание. На самих столбах

видны следы пожара. Древесные угли зафиксированы также в культурном слое рядом со столбами тына. Некоторые из столбов сохранились на высоту 0,4–0,7 м. Тын, по-видимому, разграничивал две городские усадьбы.

Рис. 193. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Постройка № 3. Вид с юга

Следы еще одной постройки были зафиксированы в квадратах Б1, В1 и Г1 в ходе разборки культурного слоя в западине на резком уклоне береговой террасы в северо-восточном углу раскопа (Рис. 195). В темно-сером культурном слое выявлены остатки сгоревших бревен нижнего венца сруба. Постройка выступает из восточной стенки раскопа своим юго-западным углом. Западная стенка сруба прослеживается на длину 3,4 м, а южная на 1,9 м. Очевидно, постройка была жилой. Об этом свидетельствуют остатки двух горелых досок пола. Они были уложены вдоль сруба, в направлении север – юг. Жилище погибло в пожаре. В постройке и рядом с ней найдены три фрагмента стеклянных браслетов, два железных ножа, шиферное пряслице, железная проколка, три свинцовых товарных пломбы и стеклянная бусина. Комплекс находок позволяет датировать жилище XII столетием.

Никаких других следов освоения данного участка, жилого или хозяйственного назначения, в период средневековья не зафиксировано (Рис. 196).

При этом нельзя пройти мимо фактов, свидетельствующих об освоении этого микрорегиона города с древнерусского времени. Они, как уже отмечалось выше, присутствуют в материалах раскопа 4 как в виде разрозненных артефактов и фрагментов масового материала в деструктурированных культурных напластованиях, так и в виде самого нижнего предматерикового слоя светло-серой супеси заполнения некоторых материковых ям.

Материк в пределах раскопа в виде светло-коричневого суглинка с красноватым оттенком был зафиксирован на глубинах с отметками от 140 до 499–510 см (Рис. 187, 195–196). На материковой поверхности зафиксированы, как обычно, многочисленные ямы, пятна, следы траншей от оград кладбища (см. ниже), а также нижние контуры нескольких могильных ям.

Большая часть материковых ям являлись столбовыми или представляли собой перепады материка, заполненные культурным слоем. В них встречались единичные фрагменты бытовой керамики (Рис. 197) и невы-

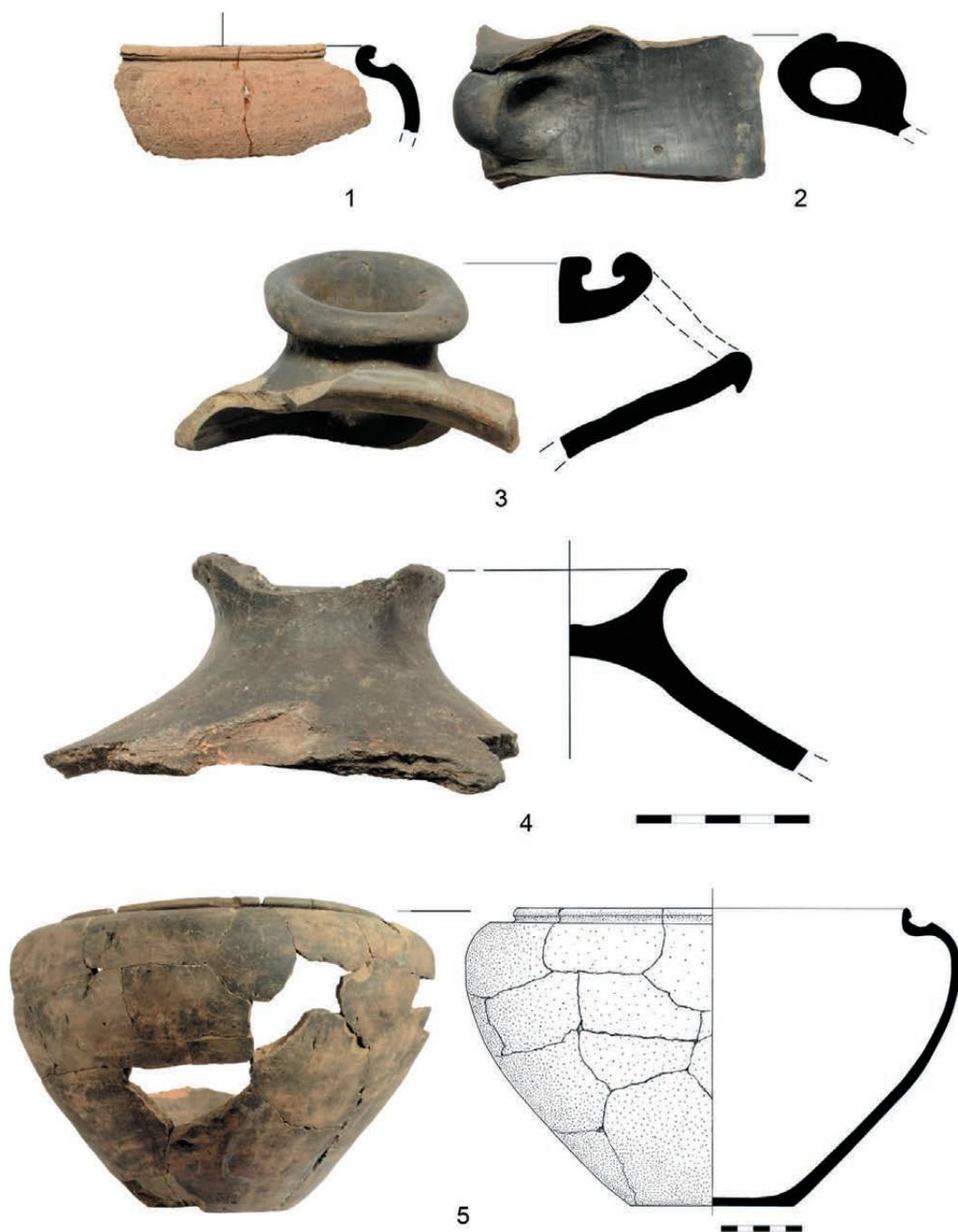

Рис. 194. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Постройка № 3. Керамика из слоя заполнения сруба: 1, 5 – фрагменты кухонных горшков; 2 – фрагмент горла чернолощеного сосуда; 3 – фрагмент рукомя; 4 – фрагмент крышки

разительные находки (ножи, пробои, фрагменты коррозированных изделий неопределенного назначения). В то же время следует отметить, что все находки из заполнения ям и пятен на материке – как массовый материал, так и отдельные артефакты – относятся к древнерусскому периоду и характеризуют наиболее ранний этап хозяйственного освоения этого участка территории Пят-

ницкого конца. Остается лишь сожалеть, что в пределы вскрытой площади раскопа 4 не попали жилые и хозяйственные конструкции этого периода.

Единичные фрагменты керамики, обнаруженные в заполнении материковых ям, принадлежат в основном кухонным горшкам, формы которых имеют многочисленные аналогии среди массового материала город-

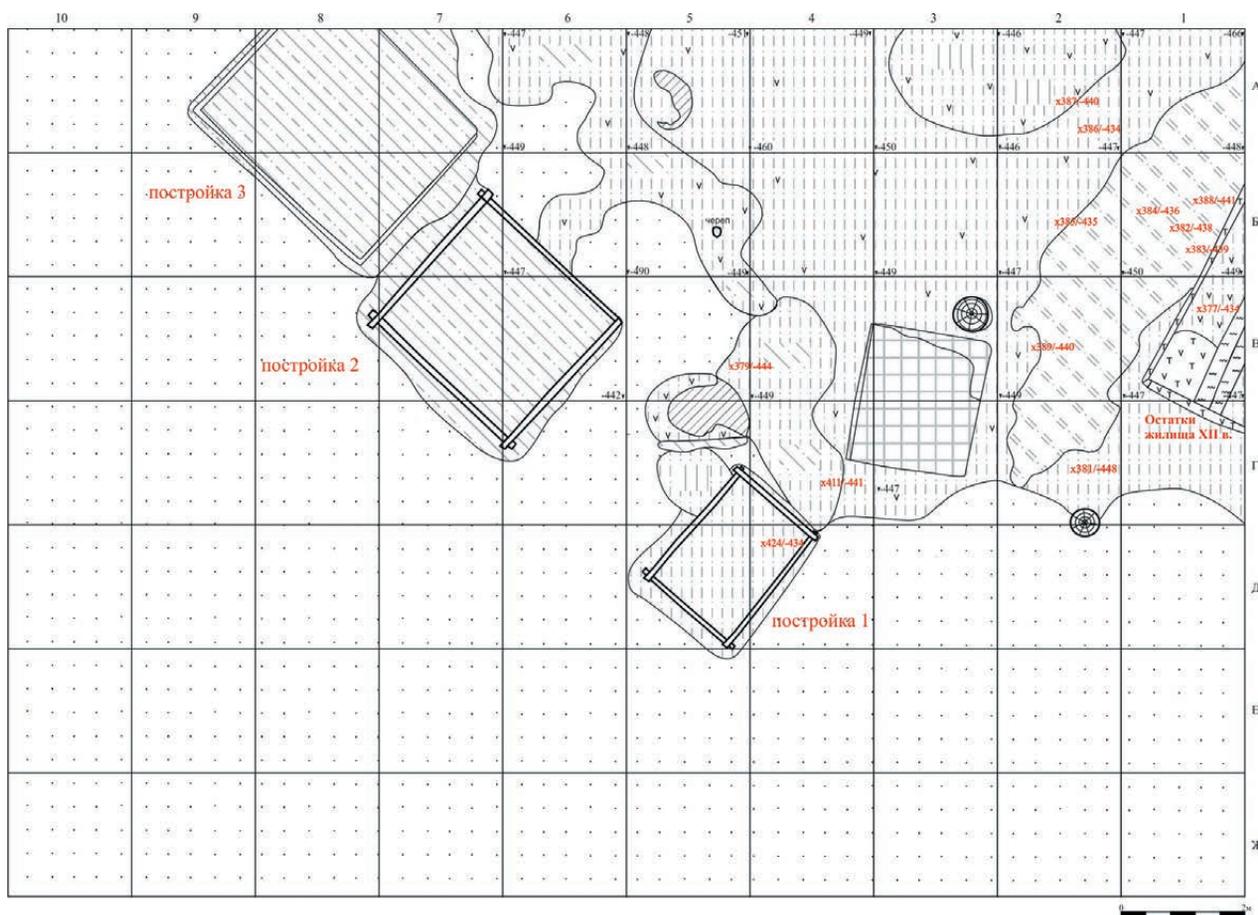

Рис. 195. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Пласт 10 (усл. обозначения см. рис. 5, стр. 15)

ских слоев и, частично, курганных материалов конца XI–XII в. Это сосуды с характерным «эсовидным» венчиком, имеющим канавку-закраину на внутренней стороне – под крышку (Рис. 197; 1–7, 9, 11). Наиболее часто встречающийся прием орнаментации – неглубокий многорядный линейный прочерченный орнамент по шейке или верхней части плечика сосуда (Рис. 197; 1–2, 6–7). Реже встречаются другие приемы орнаментации (Рис. 197; 3). Обычны также клейма на донцах сосудов (Рис. 197; 8, 12). Из числа единичных находок отметим обломок керамического светильника (Рис. 197; 10) и стенку амфоры (Рис. 197; 13).

Как уже упоминалось, в ходе зачистки материка, а также при выемке грунта из аморфных западин и замывов культурного слоя на горизонте материка были найдены немногочисленные обломки бытовой керамики (в основном сильно фрагментированные) и индивидуальные находки. Большинство этих предметов найдены в северо-западном углу раскопа – в месте максималь-

ного падения древнего рельефа в сторону Днепра. Все эти находки стратиграфически тяготеют к нижнему предматериковому слою серого суглинка, маркирующего частично сохранившиеся культурные отложения древнерусского времени.

Это, прежде всего, характерные формы кухонных горшков (Рис. 198; 3–6, 8), имеющих прямые аналогии среди керамики из курганов и слоев поселений Смоленщины домонгольского времени. Отметим также устойчивое присутствие среди материалов древнерусского времени еще одной формы – горшков с высоким, слегка отогнутым наружу венчиком (Рис. 198; 7). В ассортименте присутствуют также керамические крышки, часто с орнаментом на внешней поверхности, и сложно профилированные керамические светильники (Рис. 198; 1–2), а также фрагменты амфор (Рис. 198; 9–10).

Индивидуальные находки нижнего слоя все без исключения укладываются в рамки древнерусского периода. Это свинцовые товарные

Рис. 196. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Материк. Общий вид с севера

пломбы «дрогичинского типа» (Рис. 199; 2–5), пуговица-гирька цветного металла (Рис. 199; 1), крест-тельник архаичной формы (Рис. 199; 10), многочисленные фрагменты стеклянных браслетов (Рис. 199; 11–21), браслеты – дровотый загнутоконечный и витой проволоочный (Рис. 199; 7, 25), шиферные пряслица «овручского» типа (Рис. 199; 26–27).

Бытовой инвентарь из черного металла менее выразителен и в большинстве случаев не обладает ярко выраженными хронологическими признаками. Упомянем лишь обычные находки ножей с утолщенной спинкой (Рис. 200; 1–4, 11–12) и удлиненное подпрямоугольное кресало, по широким аналогиям датирующееся также в пределах домонгольского периода (Рис. 200; 7).

Выше уже упоминались находки в слое отдельных костей человеческих скелетов и зафиксированные захоронения в могильных ямах в дощатых гробах. Все они сконцентрированы в юго-западной части раскопа, где, вероятно, в конце XVI–XVII в. располагалось городское кладбище (раскоп захватил лишь его самую окраинную часть).

Кладбище имело ограду в виде частокола, неоднократно обновлявшегося. Следы

кладбищенской ограды зафиксированы на материковой поверхности в виде канавок со следами от частокола, заполненных темно-серым суглинком с включениями древесного тлена. Можно с высокой долей вероятности предположить, что кладбище перестало функционировать уже в середине XVI в. и было практически уничтожено в ходе хозяйственного освоения участка в течение последующих столетий. Об этом свидетельствует также то, что в культурном слое в пределах раскопа, преимущественно в 5-м и 6-м пластах, встречались отдельные черепа и кости скелетов. При расчистке деревянных построек в их заполнении также найдены отдельные человеческие кости и черепа. В ходе работ удалось зафиксировать лишь 5 погребений в могильных ямах с остатками истлевших гробов. Все захоронения совершались в могильных ямах подпрямоугольной формы, размерами в среднем 1,6–1,9×0,5–0,6 м. Ямы удавалось проследить лишь у дна – по заглаблениям в материке. Костяки плохой сохранности, в вытянутом положении на спине. Ориентация – запад – восток. Все погребения безынвентарные (Рис. 187, 201; 1–2).

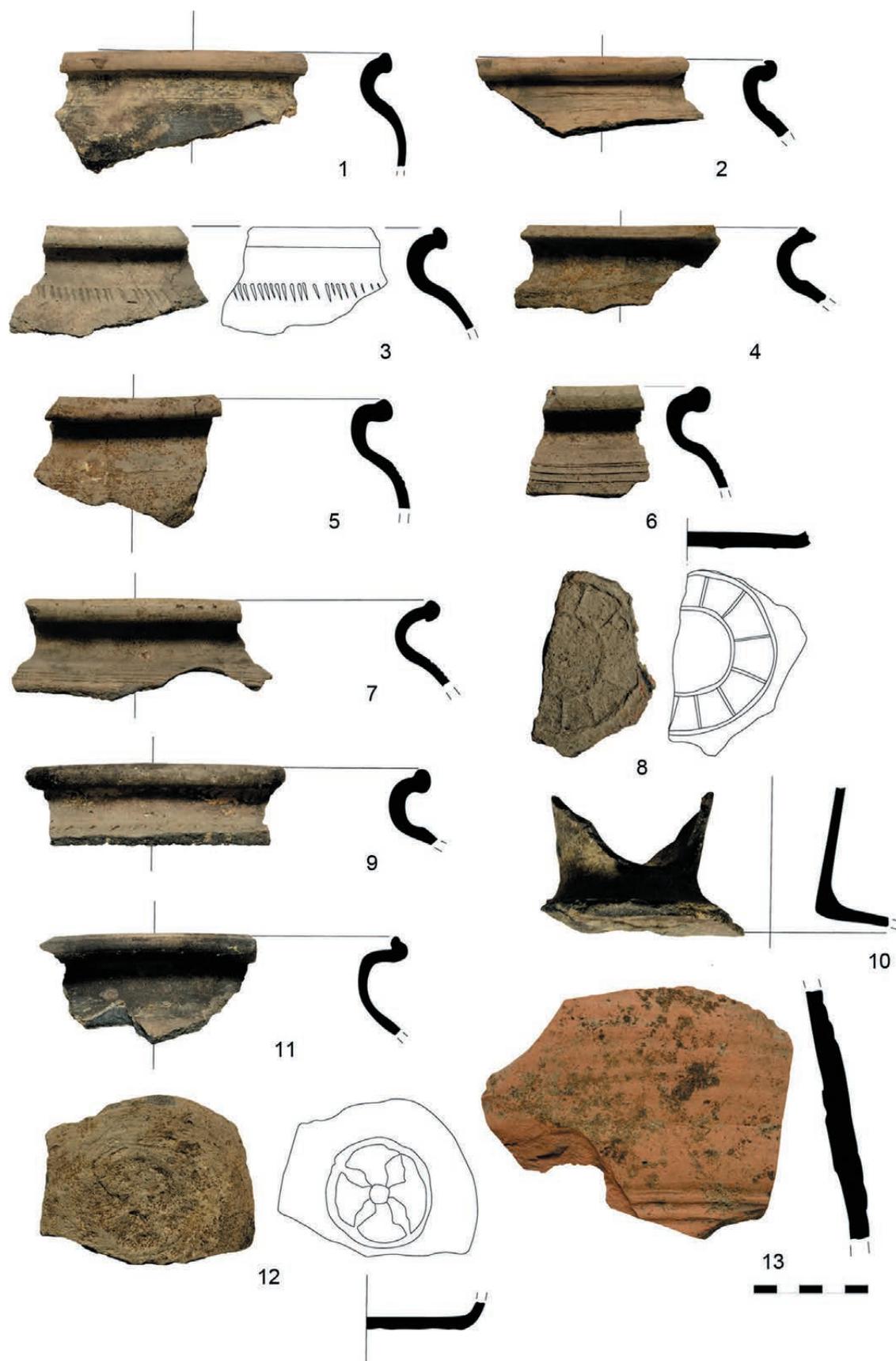

Рис. 197. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Керамика из заполнения материковых ям: 1, 13 – яма № 3; 2, 4 – яма № 4; 3 – яма № 5; 8 – яма № 7; 10–11 – яма № 10; 9 – яма № 11

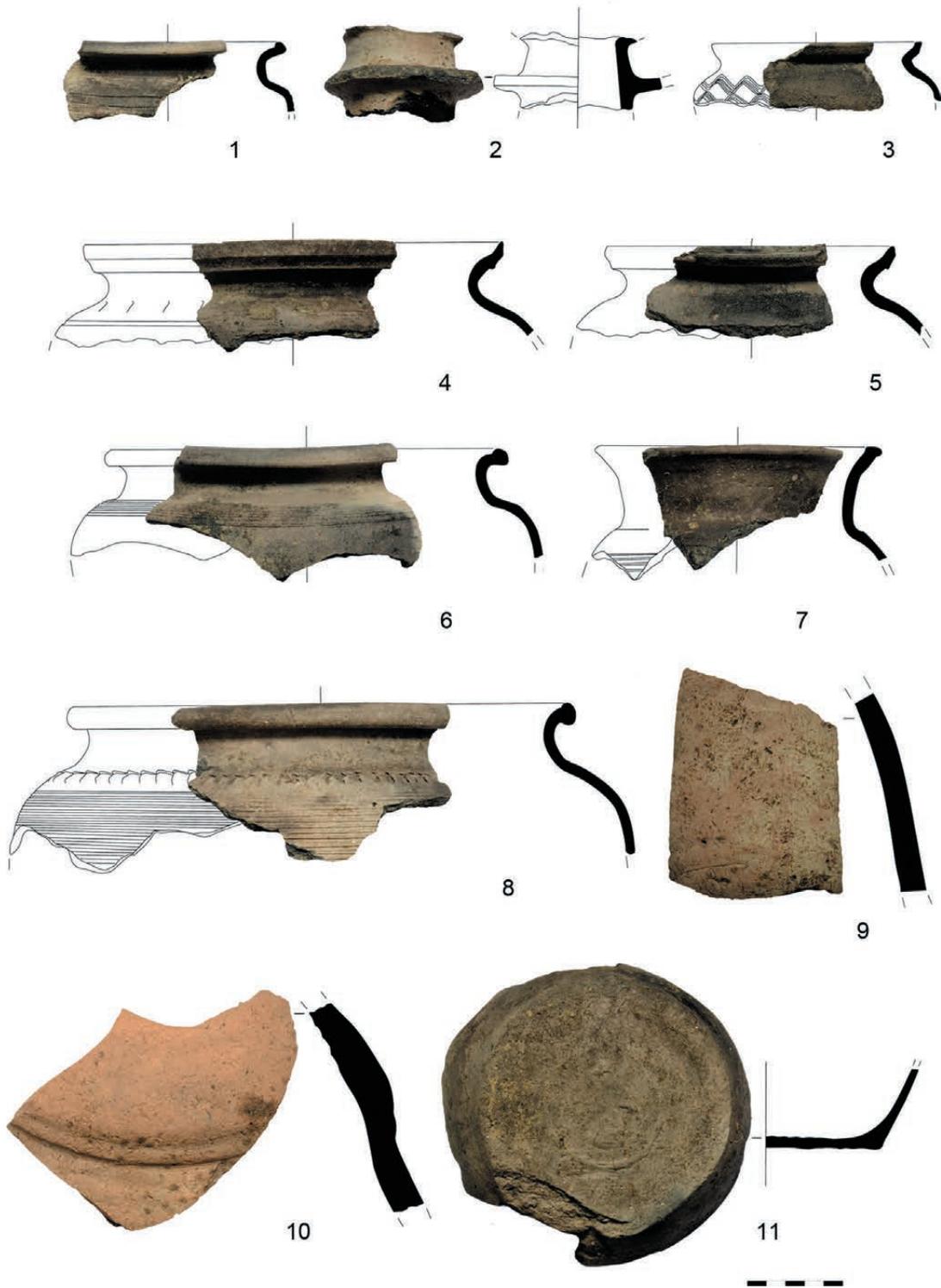

Рис. 198. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Керамика из предматерикового слоя светло-серого суглинка – конца XI – XII в.

Рис. 199. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Инвентарь из нижних слоев раскопа: 1 – пуговица-гирька цветного металла; 2–5 – свинцовые товарные пломбы; 6 – бусина прозрачного желтого стекла; 7 – фрагмент дровяного загнутоконечного браслета; 8 – рубчатый перстень; 9 – свинцовый грузик; 10 – крест-гельник; 11–21 – фрагменты стеклянных браслетов; 22–23 – фрагменты донцев стеклянных сосудов; 24 – воск; 25 – витой проволочный браслет; 26–27 – шиферные пряслица

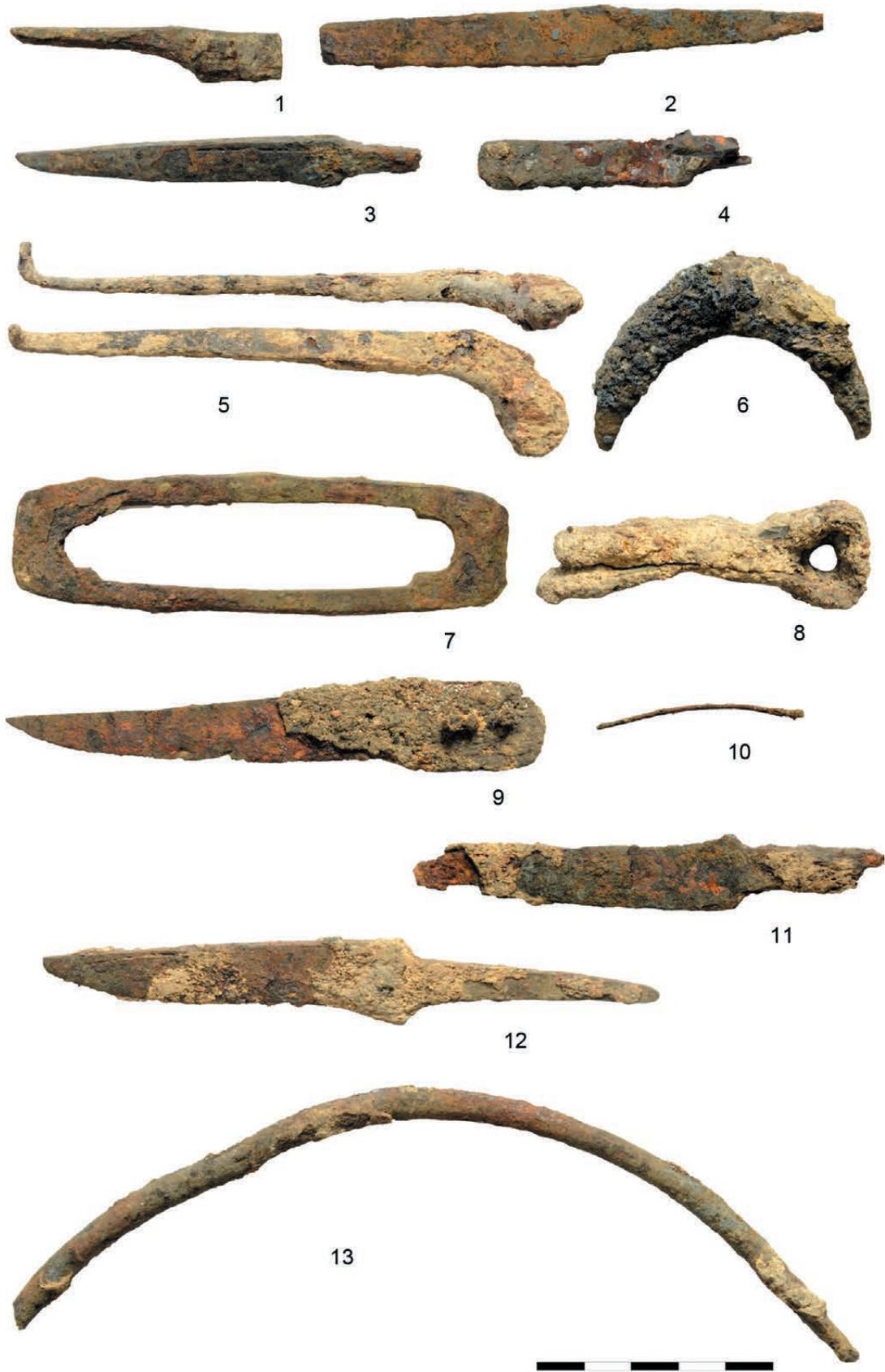

Рис. 200. Ул. Студенческая. Раскоп 4. Бытовые изделия из черного металла из нижних слоев раскопа: 1–4, 11–12 – ножи; 5 – железный костыль; 6 – ледоходный шип; 7 – кресало; 8 – дверной пробой; 10 – железная игла; 13 – фрагмент железного изделия из толстой проволоки

Рис. 201. Ул. Студенческая. Раскоп 4: 1 – погребение 5, вид с юга; 2 – погребение 2, вид с севера

Глава 3¹¹

Аналитический обзор материалов раскопок Пятницкого конца Смоленска (вместо заключения)

Археологические изыскания в Пятницком конце Смоленска дали обширный и разнообразный массив информации, что позволяет предпринять попытку определенных аналитических обобщений. Базовыми в данном случае являются материалы раскопа 3 на набережной Днепра, не только в силу огромного количества полученных артефактов, но и в силу уникальной для городской археологии сохранности культурных напластований, что дает возможность построения стратиграфических колонок для отдельных категорий инвентаря и массового материала, остатков жилых и хозяйственных построек во временном отрезке от конца XI до XVIII столетия. При этом, однако, следует иметь в виду, что понятие более или менее ненарушенной стратиграфии культурных напластований в значительной степени зыбко и условно. Смоленск в археологическом контексте, как, впрочем, и большинство других древнерусских городов, не обладает – увы! – признаками феномена Новгорода, где в силу вполне конкретных природных факторов деструкция культурных напластований была минимальной (Колчин. 1982. С. 158). В Смоленске же, где жизнедеятельность населения протекала на протяжении столетий на весьма ограниченном пространстве, сохранность культурного слоя в непо потревоженном состоянии является весьма иллюзорной. Это важный момент, так как датировка жилых и хозяйственных сооружений, захоронений городских кладбищ, инвентаря и массового материала напрямую увязывается с нахождением археологических объектов и артефактов в тех или иных слоях и горизонтах культурного слоя.

Построение хронологической шкалы для всего объема материала из раскопок в Пят-

ницком конце базируется на следующих пяти столпах¹²: 1) собственно стратиграфия – как пространственно-временная константа; 2) результаты геоморфологических изысканий; 3) данные дендрохронологии¹³; 4) распределение нумизматического материала в слое; 5) присутствие в слое отдельных категорий археологического инвентаря, имеющих достаточно узкую и обоснованную датировку.

При этом следует избегать соблазнов, когда на основании нескольких, как правило единичных, находок создаются длинные пассажи о социальном статусе жителей того или иного микрорегиона города, о классовом и имущественном расслоении населения или же о занятиях и социальном статусе владельцев конкретной усадьбы или жилища и так далее и тому подобное. Фактология не дает для этого оснований, да и сама по себе исключает такого рода словесные наслоения.

Выше была дана подробная характеристика стратиграфии культурного слоя в раскопах 2011–2012 гг. в Пятницком конце Смоленска. Совокупность целого ряда факторов, дополняющих друг друга, позволяет (преимущественно на материалах раскопа 3) выстроить стратиграфическую колонку культурных напластований Пятницкого конца в диапазоне от конца XI – начала XII до XVIII в., которые в свою очередь членятся на более дробные константы – строительные горизонты. При этом каждый из них имеет достаточно узкую датировку.

Кроме того, наряду с чисто археологическими методами датировки были использованы и возможности смежных дисциплин, которые позволили сделать ряд интересных наблюдений и в целом подтвердили правильность методики археологического датирования.

В ходе полевых работ в раскопе 3 была взята и исследована методом комплексных

¹¹ В этой главе мы сознательно вводим латинскую нумерацию строительных горизонтов в тексте и аннотациях к таблицам, что, на наш взгляд, допустимо в аналитическом обзоре, суммирующем данные по всему объему материала.

¹² За основу взяты материалы раскопа № 3. Материалы из раскопов №№ 1–2, 4 привлекаются в качестве дополнения.

¹³ К сожалению, в силу ряда объективных факторов, и не в последнюю очередь степени сохранности образцов древесины, взятых для анализа, опыт дендрохронологического датирования в данном конкретном случае нельзя признать очень удачным.

почвенно-геохимических и палеоботанических анализов серия образцов почв¹⁴ (Приложение 1).

Так, результаты радиоуглеродного датирования по образцам угля на поверхности погребенной почвы дали две даты – 883–1013 гг. и 1040–1173 гг. По мнению авторов исследования, предпочтительной является вторая – вторая половина XI – первая половина XII в. Что полностью совпадает с археологическими датировками и позволяет утверждать, что освоение территории Пятницкого конца Смоленска началось не ранее этого времени (Приложение 1).

Следует отметить, что совпадение археологических датировок и дат по C14 в данном случае особенно важно. Так как метод дендрохронологического датирования (см. ниже), к сожалению, не дал ожидаемых результатов для датировки всего комплекса артефактов раннего (домонгольского) периода.

Антропологическое исследование образцов угля в основании культурного слоя и из гумусового горизонта погребенной почвы позволило установить, что на период начала жилого и хозяйственного освоения Пятницкого конца исходный ландшафт представлял собой «...широколиственный лес из дуба с ясенем и елью на дерново-подзолистых почвах, сформированных на аллювиально-делювиальных суглинках первой надпойменной террасы» (Приложение 1).

Не менее интересные наблюдения получены с помощью рентген-флуоресцентного метода. Прежде всего, отмечается, что «состав макроэлементов культурного слоя существенно трансформирован по сравнению с исходным в результате активной хозяйственной деятельности человека» (Приложение 1). Анализ содержания микроэлементов в культурном слое установил аномально высокое «...содержание фосфора, серы и кальция».

Так, накопление кальция в нижних горизонтах культурного слоя может быть объяснено поступлением в почву золы, что, несомненно, связано с интенсивной антропогенной деятельностью.

Повышенная концентрация фосфора увязывается с большим количеством в нижних горизонтах культурного слоя остатков костей животных и других видов органики животного происхождения. Весьма заметное присутствие цинка в слоях XI–XII вв., вероятно, связано с таким видом хозяйственной деятельности, как рыболовство (что не удивительно на берегах Днепра).

Археозоологическое исследование костных останков животного происхождения было выполнено научным сотрудником лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, к.и.н. Л.В. Яворской (Приложение 2)¹⁵.

Проведенные изыскания показали типичную для древнерусского города картину «...заполнения культурных напластований костями домашних животных, обычный видовой набор остатков диких». И здесь, возвращаясь к микроэлементному составу преимущественно нижних напластований культурного слоя, отметим любопытную деталь. Дело в том, что, по определению Л.В. Яворской, количество костных останков рыб в общей массе исследованного материала крайне невелико – в пределах не более 0,1%. Также единичны и находки в культурном слое предметов, связанных с рыболовством, – рыболовных крючков, блесен, грузил для сетей и т.д. Что вступает в диссонанс, с одной стороны, с постулатом А.Л. Александровского о заметном присутствии цинка в составе микроэлементов нижних горизонтов культурного слоя, а с другой стороны – с формальной логикой (правда, с наших позиций) хозяйственной деятельности населения города на берегу крупной реки. Внятного объяснения этому пока нет. Тонкие рыбы кости плохо сохраняются и плохо улавливаются при переборке слоя, то есть сопоставительная процентная статистика заведомо необъективна.

Еще одним важным результатом анализа микроэлементного состава структуры культурного слоя является установленное количественное и частично качественное изменение содержания микроэлементов в напластованиях позднесредневекового

¹⁴ Работа выполнена в Институте географии РАН доктором географических наук Александровским А.Л. и кандидатом географических наук Александровской Е.И. Авторы выражают им глубокую признательность.

¹⁵ Пользуемся случаем еще раз поблагодарить Л.В. Яворскую за проделанную работу.

времени – XV–XVII вв. (Приложение 1). Что вполне логично объясняется не только резко возросшей в этот период интенсивностью жизнедеятельности населения Пятницкого конца, но и широким применением новых технологий в металлообработке, кожевенном производстве, массовым распространением производства различных красителей – как для хозяйственных нужд, так и для декоративно-прикладных целей. Кстати, отметим, что остатки кожевенного производства, в основном обуви, являются массовым материалом во влажном культурном слое смоленского Подола (Осипов, Соболев, 2014. С. 345–361). Так что повышенное содержание мышьяка в позднесредневековых напластованиях Пятницкого конца вполне объяснимо.

Для построения хронологической шкалы культурных напластований Пятницкого конца Смоленска важно применение метода дендрохронологии. С этой целью в ходе полевых работ в раскопе 3 были взяты 49 спилов с деревянных конструкций (жилых и хозяйственных сооружений, отдельных столбов и т. д.) из всех строительных горизонтов (Приложение 3)¹⁶.

Это не первый опыт применения дендрохронологии в Смоленске. Попытки датирования деревянных конструкций методом дендрохронологии были предприняты на материалах раскопок экспедиции кафедры археологии МГУ на ул. Соболева в конце 70-х годов XX столетия (Колчин., Черных. 1977. С. 48–49; Мясникова. 1980. С. 246–251). Однако этот опыт для Смоленска, к сожалению, остался частным случаем, и дальнейшего развития работа по построению дендрохронологической шкалы не получила.

Увы, но и исследование новых материалов из наших раскопок в Пятницком конце, по большому счету, не дало ожидаемых результатов. Что во многом объясняется качеством взятых для анализа спилов. Дело в том, что, несмотря на хорошую сохранность (с точки зрения археологии) дерева во влажном слое раскопа 3, большая часть различных деревянных конструкций либо

была сильно повреждена в результате воздействия огня при пожарах, либо сооружения строились из сравнительно молодого леса, возраст которого не превышал 60 лет. Это затрудняло отбор качественных образцов для дендрохронологического анализа и, как справедливо отмечает В. В. Мацковский, нивелировало степень корреляции датировок отдельных образцов при сопоставлении их между собой. А это, в свою очередь, отразилось на достоверности дат, полученных этим методом, и заставляло автора приводить целую серию возможных дат для того или иного образца (Приложение 3). В результате, частичная корреляция дендрохронологических и археологических дат для сооружений того или иного строительного горизонта наблюдается лишь для периода позднего средневековья – не ранее XV – первой половины XVI вв. И, к сожалению, метод совершенно не сработал для конструкций самых нижних строительных горизонтов – домонгольского периода (Рис. 12). Приходится констатировать, что построение единой дендрохронологической шкалы для Смоленска – дело будущего.

Датировка культурного слоя и строительных горизонтов базируется также на распределении нумизматического материала (в совокупности с другими факторами). В ходе раскопок в Пятницком конце из раскопов 3 и 4 была получена коллекция монет, насчитывающая 220 экз.¹⁷ Из них большая часть представлена русскими монетами XVI–XVII вв. (Рис. 202–204). При этом для XVI столетия они абсолютно преобладают (Приложение 4). С конца XVI в. и на протяжении всего XVII столетия в ходу были как русские монеты (Рис. 205), так и монеты европейских государств, прежде всего Речи Посполитой – Рис. 206 (представлены в коллекции примерно равным количеством экземпляров). Само собой разумеется, что преимущественно в верхних горизонтах культурных напластований в Пятницком конце представлен наиболее поздний период – монеты от первой трети XVIII столетия до второй половины XIX в. (Рис. 207–208).

¹⁶ Дендрохронологическое исследование образцов было выполнено в Лаборатории дендрохронологии Института географии РАН к. г. н. Мацковским В. В. Приносим благодарность автору за проделанную работу.

¹⁷ Обработка нумизматической коллекции выполнена старшим научным сотрудником Отдела нумизматики ГИМ Зайцевым В. В.

Строит. горизонт (пласты)	Пласты	Чешское королевство	Шведская Прибалтика		Герцогство Пруссия		Речь Посполитая		Россия					
		Конец XIV – начало XV в. (1378–1419 гг.)	1-я треть XVII в.	сер. XVII в.	1-я треть XVII в.	сер. XVII в.	1-я треть XVII в. (1620-е годы)	3-я четверть XVII в. (1660–1667 гг.)	кон. XV – нач. XVI в.	2-я треть XVI в.	сер. – 2-я пол. XVI в.	1-я пол. XVII в.	сер. – 2-я пол. XVII в.	
I(0–1)	0 1												●	●
II(2–3)	2							●						
	3							●						●
III(3–6)	4							●		●				●
	5							●		●				●
	6			●	●			●		●	●			●
	7		●					●		●	●			●
IV(6–9)	8					●	●	●		●	●			●
	9								●	●	●			●
	10									●	●			●
V(9–11)	11		●							●	●			●
	12									●	●			●
VI(12–13)	13	●							●	●	●			●
	14									●	●			●
VII(14–15)	15									●	●			●
	16									●	●			●
VIII(16–17)	17									●	●			●
	18									●	●			●
IX(18–19)	19									●	●			●
	20									●	●			●
X(20–21)	21									●	●			●

Рис. 202. Распределение монетных находок по строительным горизонтам

Рис. 203. Русские монеты XVI в. – пула: №№ 1–2, 4–6, 9–10, 12–13, 20 – московские; №№ 3, 8, 11, 14–19, 21–23 – тверские; № 7 – не определенные

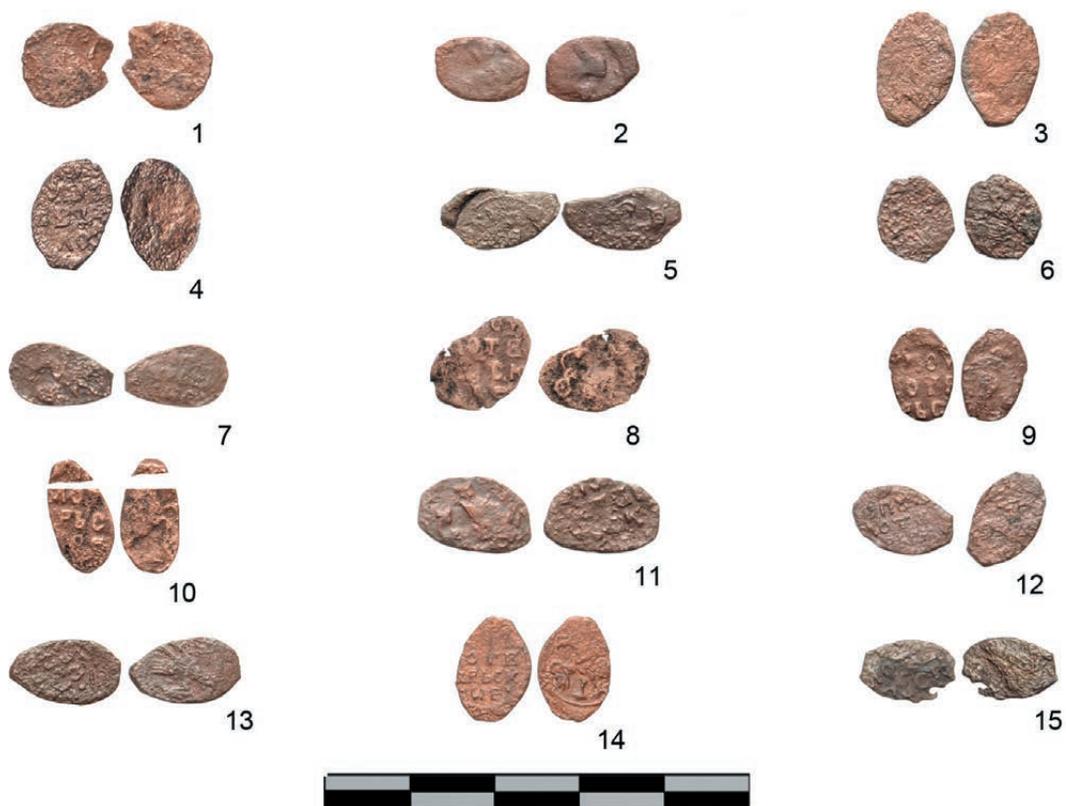

Рис. 204. Русские монеты XVI в. – пула: №№ 1–2 – московские; № 3 – новгородское пуло; №№ 4–5, 7–15 – псковские; № 6 – не определенные

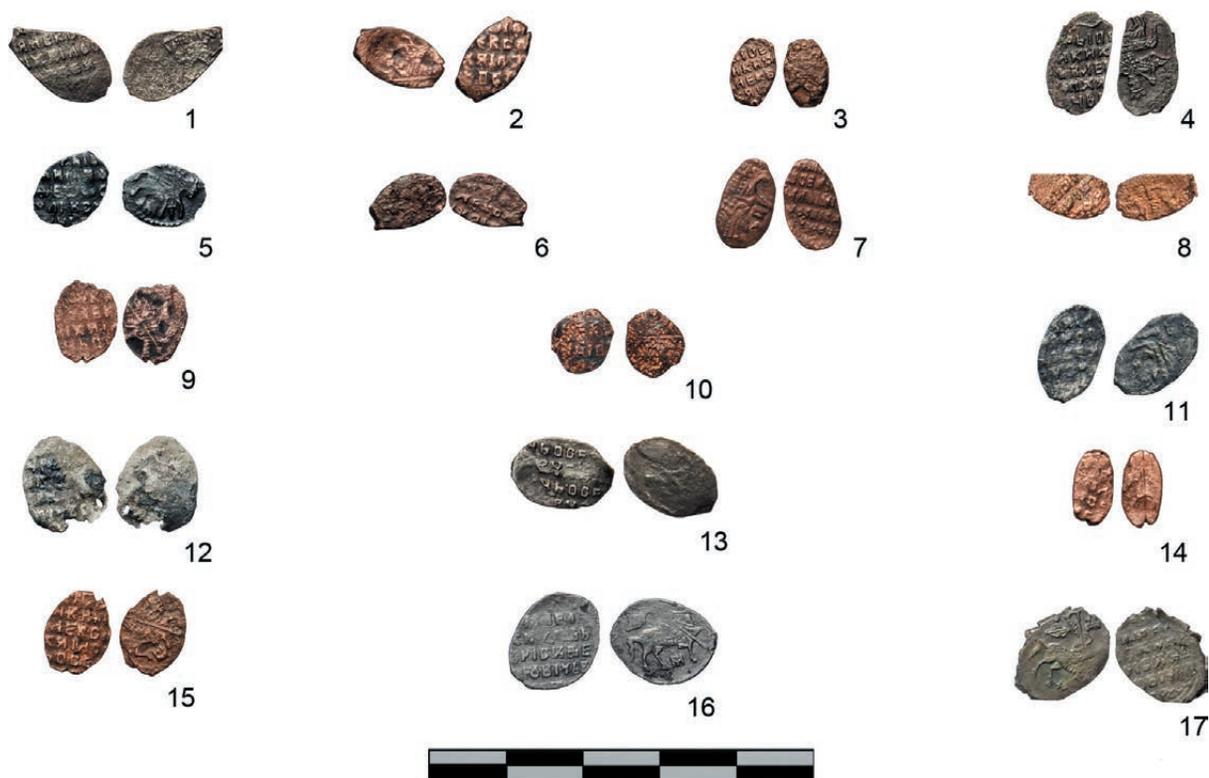

Рис. 205. Русские монеты середины – второй половины XVII в.: Алексей Михайлович (1645–1676) – №№ 1–7, 9–10, 14–15 – медь, серебро – московский и псковский денежные дворы; Борис Федорович Годунов (1598–1605) – №№ 12, 16; Михаил Федорович (1613–1645) – №№ 11, 13, 17

Рис. 206. Монеты Речи Посполитой и европейских монетных дворов первой трети – середины XVII в: № 1–2 – Вацлав IV Люксембург (1378–1419) – пражский грош, серебро; №№ 3, 6, 4–5, 8–9, 7 – Ян II Казимир (1649–1668) – солиды литовские и польские; № 11 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – три гроша польских («трояк»), 1623 г., серебро; № 12 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – два денария литовских («двуденар»), 1620–21 гг., биллон; № 10 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – полтора гроша польских («чех»), 1623 г., биллон; № 14 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – полтора гроша польских («чех»), 1622 г., биллон; № 15 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – солид (шеляг) литовский, 1620–21 гг., биллон; № 18 – Сигизмунд III Ваза

Рис. 207. Русские монеты начала – первой трети XVIII в. (полушки): № 1 – Петр I (1682–1725) – полушка (1/4 копейки) 1719 г., медь; № 2 – монета медная 1735 г.; № 3 – монета медная 1735 г.; № 4 – монета медная 1735 г.; №№ 5–6 – медные монеты 1731 г.; № 7 – медная денга 1731 г.

Рис. 208. Русские монеты XVIII–XIX вв.: № 1 – Петр I (1682–1725) – денга (1/2 копейки) 1706 г.; № 2 – монета медная 1757 г.; № 3 – Павел I (1798 г.) – монета медная; № 4 – Александр I (1801–1825) – 2 копейки 1811 г.; № 5 – монета медная 2 копейки 1865 г.; № 6 – монета медная 1 копейка 1879 г. (раскоп 4)

(1587–1632) – полтора гроша польских («чех»), 1622 г., биллон; № 20 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – два денария литовских («двуденар»), 1621 г., биллон; № 2 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – два денария литовских («двуденар»), 1621 г., биллон; № 19 – Сигизмунд III Ваза (1587–1632) – два денария литовских («двуденар»), 1620 г., биллон; № 13 – Георг Вильгельм (1619–1640) – драйпёлькер, 1627 г., биллон; № 17 – Кристина Августа Ваза (1632–1654) – солид (шиллинг) ливонский, 30–50-е гг. XVII в., биллон; № 16 – Густав II Адольф Ваза (1621–1632) – солид (шиллинг) города Риги, конец 20-х – начало 30-х гг. XVII в., биллон; № 22 – Георг Вильгельм (1619–1640) – солид (шиллинг), биллон

Наиболее же ранние монетные находки – это единичные экземпляры пражских грошей (Вацлав IV, 1378–1419) – Рис. 206; 1–2.

Таким образом, нумизматические материалы, коррелируя с другими археологическими данными, определяют датировку культурных напластований и строительных горизонтов для периода позднего средневековья.

В ходе археологических изысканий в Пятницком конце были получены новые данные о характере застройки этого микро-региона, типах и конструктивных особенностях жилых и хозяйственных сооружений.

Наиболее полные материалы по домостроительству Смоленска происходят из раскопок 60–70-х годов XX столетия на ул. Соболева («Подол»). Они скрупулезно проанализированы и опубликованы Н. И. Асташовой (Асташова. 1979. С. 3–14; 1991. С. 21–49).

Хуже обстоит дело на «горах». В сухом слое исторической части города на возвышенностях сохранность дерева крайне плохая. Но, несмотря на это, остатки деревянных конструкций жилого и хозяйственного назначения неоднократно фиксировались в ходе археологических изысканий и здесь, а также в Заднепровье (Асташова Архив ИА, 1986–88 гг.; Асташова, Зализняк. 1998. С. 336–341).

Имеющиеся в распоряжении исследователей на сегодняшний день материалы, без сомнения, свидетельствуют о том, что застройка на Подоле Смоленска, в том числе и в Пятницком конце, носила усадебный характер. При этом уже с середины XII столетия границы усадеб приобретают устойчивый характер и не изменяются на протяжении длительного времени (Асташова. 1991. С. 36). Усадьбы отделяются друг от друга изгородами и частоколами.

Несмотря на небольшую площадь раскопа 3, признаки аналогичной картины застройки зафиксированы и здесь. Площадь раскопа захватила территорию, скорее всего, одной усадьбы и небольшие приграничные участки (в западной части раскопа) соседних домовладений. Выше уже говорилось, что в пределах этой «усадьбы» зафиксирова-

ны следы жилой и хозяйственной застройки, последовательно сменявших друг друга на протяжении нескольких столетий деревянных конструкций – либо разобранных вследствие обветшания, либо погибших в результате частых пожаров. Было ли это одно землевладение или же происходила смена хозяев, сказать трудно. Вероятно, определенно можно говорить о смене владельцев лишь для обширной «польской» усадьбы 2-й четверти – середины XVII в. (жилой дом и хозяйственные постройки), зафиксированной в третьем строительном горизонте¹⁸.

Особый интерес представляют остатки деревянного тына (конец XI – первая половина XII в. – 9-й строительный горизонт), в линии квадратов А1 – А10 вдоль северной и восточной стенок раскопа 3 (Рис. 145, 151). Насколько можно судить, тын проходил по кромке площадки береговой террасы Днепра. Маловероятно, что столь мощное сооружение устраивалось в качестве границы между землевладениями. Поэтому можно предположить, что тын мог ограничивать территорию этого участка Пятницкого конца со стороны реки.

Анализируя деревянную застройку Подола Смоленска, Н. И. Асташова выделила по конструктивным приемам несколько вариантов фундаментов (бревна-подкладки под углы срубов, деревянные «стулья» и подкладки из плинфы под нижние венцы срубов – для домонгольского периода), характер рубки стен срубов, наличие или отсутствие отопительных конструкций (печей), устройство полов (Асташова, 1979. С. 5–7). Соответственно, в зависимости от комбинации этих конструктивных элементов все сооружения подразделяются на жилые, хозяйственные (в том числе и производственные) постройки и сооружения неясного назначения. В принципе, сам характер материала обуславливает подобный подход, и что-либо новое здесь придумать трудно.

Отметим, что практически все конструктивные приемы домостроительства, выделенные Н. И. Асташовой, зафиксированы и в деревянной застройке Пятницкого конца. Это

¹⁸ «Польской» мы называем эту усадьбу условно. Исходя из таких косвенных признаков, как изображение на гравюре Гюндиуса 1636 г. примерно в этом месте длинного строения, стоящего перпендикулярно к реке, что вполне соответствует открытому нами сооружению, а также наличию в керамическом комплексе компактной группы глазурованной керамики со «штампованным» орнаментом, явно западного происхождения. Это дает нам возможность предположить, что данный комплекс функционировал несколько ранее второй половины XVII столетия – как минимум со 2-й четверти XVII в.

и деревянные «стулья» по углам срубов (постройка № 1, 3-й строительный горизонт), и деревянные подкладки под концы опорных подпольных лаг (постройка № 12, 7-й строительный горизонт), и следы конопатки стен. В ходе наших исследований не зафиксирован прием использования плинфы в качестве конструктивного элемента фундаментов для сооружений домонгольского периода¹⁹. Зато в фундаментных конструкциях построек конца XVI–XVII в. горожане часто использовали кирпич, в изобилии оставшийся после сооружения крепостной стены. Выше, при характеристике строительных горизонтов, все зафиксированные постройки были подробно описаны. Поэтому здесь мы не будем повторяться, а остановимся лишь на некоторых общих закономерностях, а также на вновь выявленных деталях конструктивных особенностей деревянных сооружений.

Анализ деревянной застройки Пятницкого конца и всей совокупности имеющихся на данный момент материалов позволяет утверждать, что доминантным типом жилищ от начальной стадии хозяйственного освоения этой территории до периода развитого средневековья являлся наземный однокамерный сруб. Такие конструкции зафиксированы в самых нижних горизонтах культурных напластований на материке – в слоях второй половины XI – первой половины XII в. и продолжают бытовать вплоть до XVI–XVII вв. (Рис. 209). Различия между жилыми и хозяйственными постройками обуславливаются качеством и тщательностью обработки строительного материала, наличием или отсутствием отопительных сооружений, полов. Можно с уверенностью говорить, что с самого раннего этапа застройки и вплоть до периода позднего средневековья (рубеж XV–XVI–XVII вв.) преобладали глинобитные печи. Печи ставились в одном из углов помещений, непосредственно на грунт, иногда на глиняную «подушку». Зафиксирован также прием обкладки глиняной подушки основания печи досками в виде опалубки (постройка № 9, 6-й строительный горизонт). Также никогда печи не ставились вплотную к бревенчатым стенам дома – всегда оставался зазор 10–20 см.

Несколько выбивается из общей картины постройка № 19 – погреб (начало – 1-я половина XII в.), где дубовая рама каркаса основания сооружения была заглублена в материковый суглинок на глубину более 1 м. Вообще, в Смоленске – на Подоле – до наших исследований классические погреба не фиксировались. Что обусловлено (также, как и в Новгороде) самим характером интенсивно насыщенных влагой грунтов. Открытие постройки № 19 свидетельствует, с одной стороны, о том, что погреба все-таки строились – была необходимость «уйти в землю», а с другой – служит косвенным указанием, что на рубеже XI–XII вв. обводненность почвы была значительно слабее, чем в наши дни.

В ходе изысканий в Пятницком конце был открыт еще один тип жилого сооружения – однокамерный жилой сруб на подклете (постройка № 2, раскоп 2 – конец XIV–XV в.) с лестницей в тамбуре, ведущей в подклет (Пронин, Соболев, Гусаков. 2011. С. 55–59 – Рис. 439; 4). В конструкции этого дома четко зафиксирован прием широкого использования бересты в качестве гидроизоляционного материала (Рис. 210).

Вариантом однокамерных жилых срубов являются постройки с сенями. Появляются, по-видимому, во второй половине XII–XIII в. и продолжают бытовать далее вплоть до середины – второй половины XVI в. (Рис. 209; 3, 8).

В строительных горизонтах XVI–XVII вв. появляется новый тип жилых сооружений – трехчастные конструкции: два сруба, соединенные между собой сенями (Рис. 209; 5, 9, 11). Дома такого типа могли быть двухэтажными (или же с очень высоким подклетом), о чем свидетельствует наличие опорного бруса основания лестничного пролета в жилом доме «польской» усадьбы (постройка № 1, 3-й строительный горизонт – Рис. 209; 11). Оба жилых помещения отапливались – печи располагались в юго-восточных углах срубов. Выделяется эта постройка XVII в. и конструкцией печи в северном помещении. Ее основание покоилось на сделанной из деревянных брусев раме размером 1,8×1,6 м. Толщина ее

¹⁹ Вообще, исследованные нашими раскопками участки в Пятницком конце в древнерусский период – вторая половина – конец XI – середина XIII в. – отличаются сравнительно неплотной застройкой (освоение этой территории только начиналось) и плохой сохранностью конструкций.

Рис. 210. Тип жилища – однокамерный сруб с подклетом (раскоп 2, постройка № 2)

брусев равнялась 23–24 см. Брусья между собой на углу соединены в замок, который выпиливался на половину толщины брусев. Под печи выложен из красного кирпича форматом 24,5–27,2 12–13 5,5–6,2 см.

В ходе раскопок в нескольких случаях были обнаружены остатки жердей обрешетки и тонкая кровельная доска толщиной 1,5–2,0 см. В архивных источниках такая доска называется «дор» (постройка № 9, 6-й строительный горизонт – XV – первая половина XVI в; постройка № 1, 3-й строительный горизонт – вторая половина XVII в.). Что позволяет говорить о том, что дома крылись дощатой крышей на обрешетке из жердей. Наличие почти около всех построек большого количества бересты косвенно свидетельствует в пользу того, что она широко применялась в кровельных конструкциях в качестве тепло и гидроизоляционного материала. Не исключаются также (по этнографическим аналогиям) другие варианты кровельных покрытий – дерн, солома.

И, наконец, еще об одном техническом приеме в домостроительстве, открытом в ходе наших исследований. Речь идет о так называемом «глиняном замке». В раскопе 4 был обнаружен комплекс нескольких хозяйственных построек, представлявших собой срубы, впущенные в прямоугольные ямы, врезанные в материковый грунт крутого склона первой надпойменной террасы. При этом размеры материковых ям были несколько больше, чем размеры срубных конструкций, а пространство между срубом и стенками ям было заполнено плотно забутованной глиной, препятствовавшей проникновению влаги и консервировавшей бревна конструкций. Аналогичный прием использования «глиняного замка» был открыт нами и в Заднепровье в ходе раскопок усадьбы трактирщика XVIII в. (Пронин, Соболев. 2015. № 1. С. 9)²⁰.

Из вышесказанного по поводу домостроительства в Пятницком конце Смоленска следует, что на протяжении нескольких столетий характер жилой (и хозяйственной) за-

²⁰ Авторы благодарят держателя Открытого листа Гусакова М.Г. за любезно предоставленную возможность использовать материалы этих раскопок в работе.

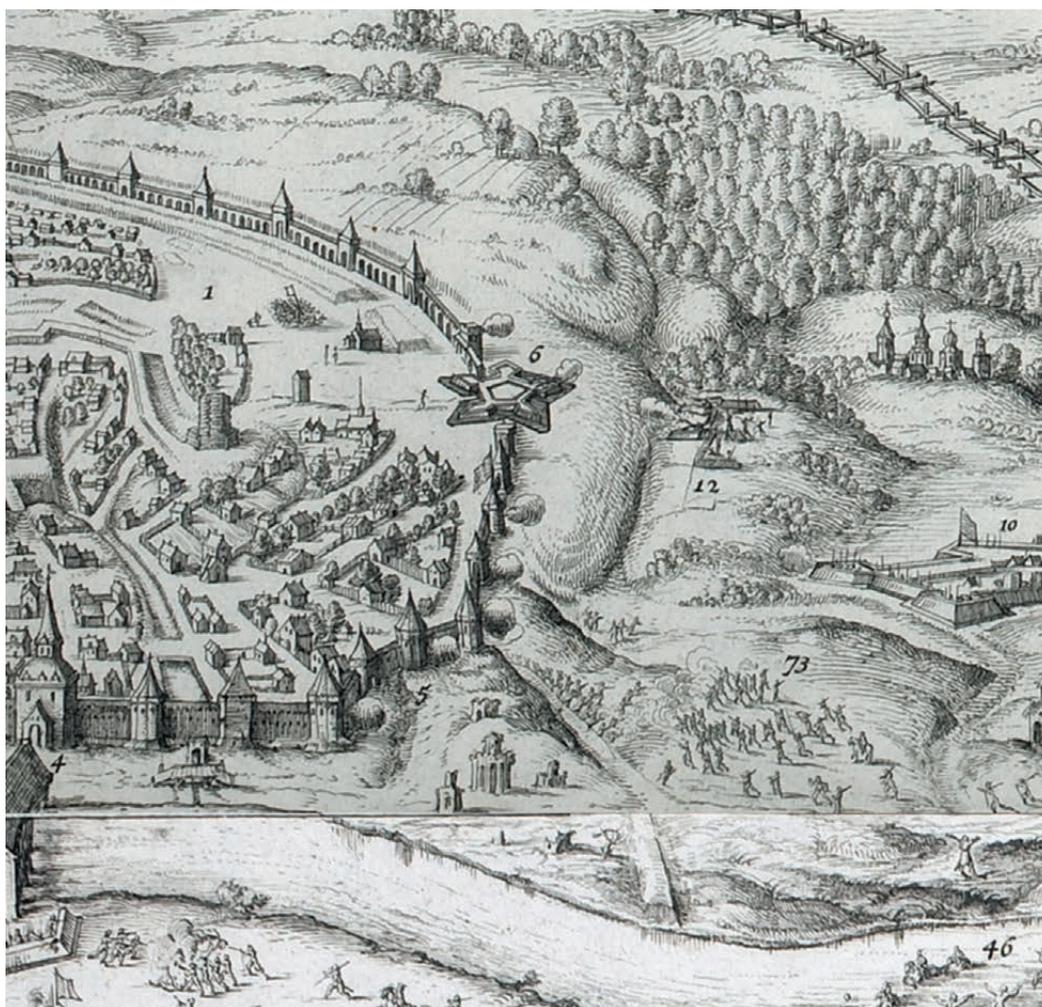

Рис. 211. Гравюра Смоленска Соломона Саверия, 1634 г.

стройки был достаточно консервативен и представлен следующими конструкциями: а) однокамерные жилые и хозяйственные срубы – доминантный тип (как вариант, та же конструкция, но с пристройкой в виде сеней); б) однокамерные срубы на подклетах; в) большие дома трехчастной конструкции – два сруба, объединенные сенями (возможно, двухэтажные или же на высоких подклетах почти в рост человека). При этом достоверно фиксируется инвариантность технических приемов в конструкциях фундаментов, оснований печей, устройстве кровель.

Несколько слов о кладбищах. Все исследователи, производившие археологические раскопки на Подоле Смоленска (Д.А. Авдусин, Н.И. Астахова), отмечали массовое присутствие в культурных напластованиях костных антропологических материалов – как в виде традиционных захоронений, так и в виде разрозненных человеческих

костей. Аналогичная картина фиксируется и в Пятницком конце. В ходе наших исследований 2008–2009 и 2011–2012 гг. также открыты многочисленные захоронения, как в варианте регулярных кладбищенских погребений, так и в варианте захоронений при экстремальных обстоятельствах – «братская могила» раскопа 2 (Пронин, Соболев, Гусков. 2011. С. 74–95). Обнаруженные в раскопе 3 погребения второй половины XVI – начала XVII в., скорее всего, являются регулярным приходским кладбищем (так же, как и остатки немногочисленных захоронений в раскопе 4). Любопытно, что на гравюре Соломона Саверия 1634 г. в районе Пятницкого конца обозначены три кирпичных строения, центральное из которых с высокой степенью достоверности можно соотносить с большой Пятницкой церковью на Торгу (Рис. 211). Руины Пятницкой церкви были исследованы Д.И. Белогорцевым

в начале 50-х годов XX столетия (Белогорцев. 1952. С. 112–125). К сожалению, отсутствие в публикации точных привязок затрудняет локализацию храма на местности. Но сам факт расположения наших раскопов поблизости от одного или нескольких храмов Пятницкого конца позволяет предположить, что открытые в раскопе 3 захоронения относятся к одному из небольших приходских кладбищ функционировавших на протяжении длительного периода.

Инвентарь

В ходе исследований в Пятницком конце Смоленска была получена коллекция индивидуальных находок, насчитывающая более 3000 ед. (раскопы 3 и 4). Эти артефакты отражают практически все виды жизнедеятельности населения на протяжении более 700 лет. В то же время очевидно, что большая часть индивидуальных находок представлена фрагментами изделий, не имеющих хронологически выраженных признаков и характеристик. С другой стороны, многие артефакты являются хронологически маркирующими категориями инвентаря (например, многочисленные обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, обувные подковки, пули и пр.), но относятся к разряду массового материала.

Среди всего разнообразия инвентаря категорий, имеющих более-менее узкие датировки, не так уж много. Так, при построении новгородской хронологической шкалы Б. А. Колчин фактически использовал около десятка групп предметов, ограниченных «...строгими хронологическими рамками» (Колчин 1982. С. 158). В нашем случае это замки и ключи, кресала, гребни (и некоторые сравнительно редко встречающиеся виды поделок из кости), кресты, шиферные пряслица, стеклянные браслеты и бусы, некоторые виды украшений и принадлежностей костюма (подвески, пряжки, фибулы), товарные пломбы, холодное оружие (прежде всего стрелы).

В то же время такие массовые находки для древнерусских слоев, как стеклянные браслеты, шиферные пряслица, товарные пломбы «дрогичинского» типа, с одной

стороны, и обувные подковки, мушкетные пули, курительные трубки и др. для периода позднего средневековья – с другой стороны, сами по себе являются хронологическими маркерами. Их присутствие в слое достоверно фиксирует нижнюю (для первой группы) и верхнюю (для второй) временные границы.

Начнем с древнерусского периода. Стеклянные браслеты являются массовой находкой в слоях практически всех древнерусских городов. Их количество при более-менее масштабных раскопках исчисляется сотнями и тысячами фрагментов. Смоленск не является исключением. В коллекции инвентаря из раскопок Пятницкого конца города представлены все типы этих изделий и общая для древней Руси цветовая гамма – «шестицветка» (Щапова. 1972. С. 106) – Рис. 212–213²¹.

Классификация и хронология этих вещей подробно разработана в ряде фундаментальных исследований (Щапова. 1972) и, в частности, на обширных материалах раскопок в Новгороде (Колчин. 1982. С. 158–159). Пик распространения изделий этой категории инвентаря в Новгороде приходится на середину XIII в. (Колчин. 1982. Рис. 2). В хронологические рамки XII–XIII вв. укладывается бытование стеклянных браслетов и во всех других древнерусских городах (Щапова. 1972. С. 103–175; Асташова. 1999. С. 116, рис. 5).

Новые материалы из раскопа 3 в Пятницком конце привносят некоторые нюансы в устоявшиеся представления о времени бытования этой категории инвентаря. Так, стратиграфическое распределение стеклянных браслетов в культурных напластованиях раскопа 3 свидетельствует об устойчивом присутствии браслетов в слоях X–VII строительных горизонтов. То есть в хронологических рамках от конца XI до конца XIII вв. и, минимум, до середины XIV в. (Рис. 214). Отметим также, что пик графика распределения в культурном слое Пятницкого конца стеклянных браслетов по сравнению с Новгородом (Колчин, 1982. С. 159. Рис. 2) несколько смещен и приходится на рубеж XIII–XIV вв. И отражает бытование этой категории находок в XIV столетии, а может быть, и позднее

²¹ Использованы таблицы из предшествующего издания – «Древний Смоленск. Археология...».

Рис. 212. Фрагменты «крученых» стеклянных браслетов XII–XIII вв. из раскопок в Пятницком конце Смоленска (раскоп 2)

Рис. 213. Фрагменты гладких (№№ 1–13, 15–19), плоско-выпуклых (№№ 14, 20–28, 31–35) и рубчатых (№№ 29–30) браслетов XII–XIII вв. (раскоп 2)

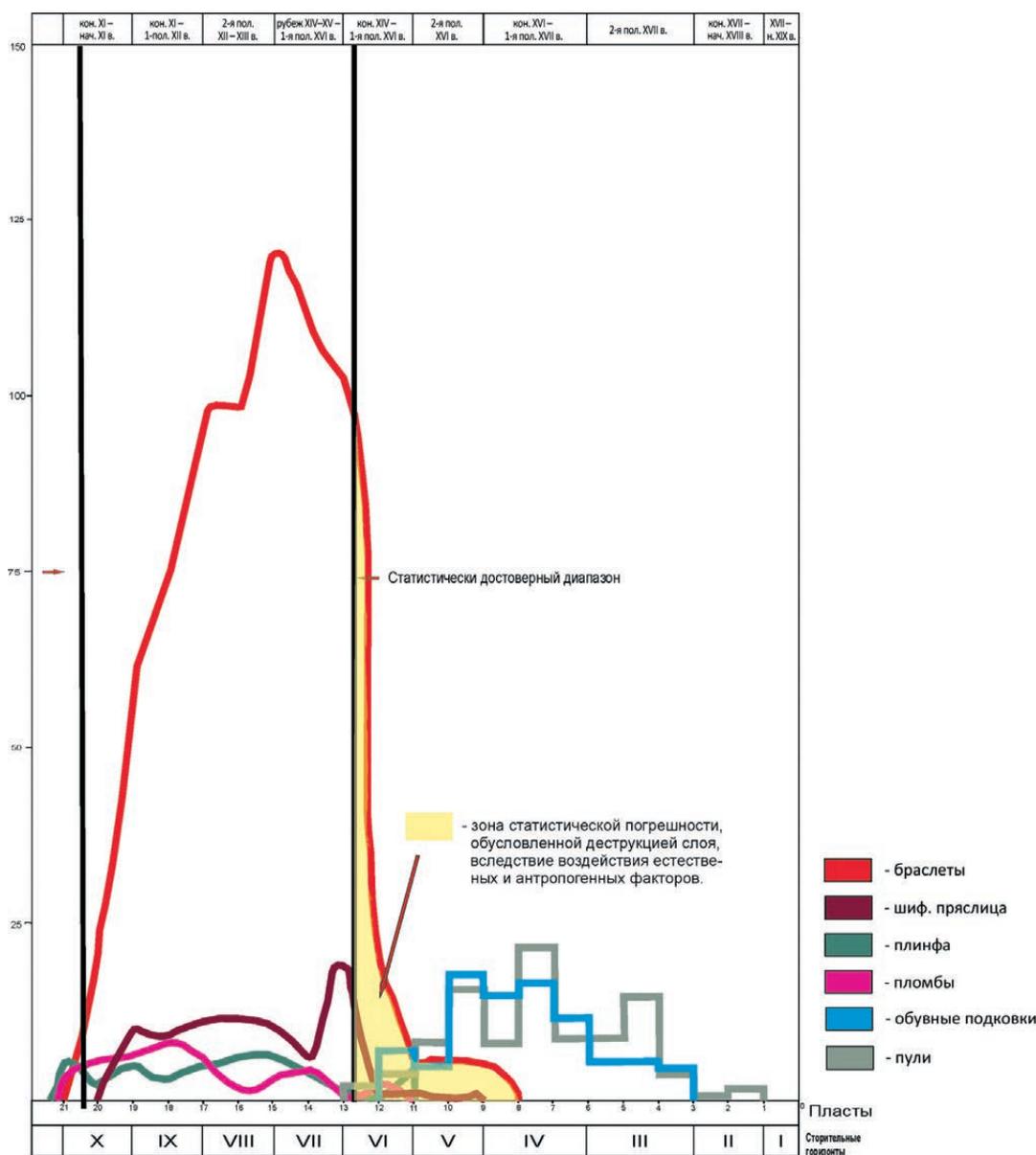

Рис. 215. График распределения некоторых датированных категорий инвентаря по строительным горизонтам

(Рис. 215²²). Что, вероятно, можно объяснить наличием в Смоленске местного производства этих изделий.

Предположение о наличии местного производства стеклянных браслетов в Смоленске впервые было высказано Д. А. Авдусиным

(Авдусин 1960. С. 281–282) и впоследствии обосновано, в том числе и по результатам спектрального анализа, Ю. Л. Щаповой (Щапова. 1972. С. 136–142). Это подтверждается также результатами спектрального анализа группы браслетов из коллекции

²² Здесь необходимы комментарии. Кривая графика на рис. 215 отражает два уровня информации – фактическую картину встречаемости материала в слое и закономерности нормального распределения материала. Математические законы построения кривых нормального распределения не допускают изъятия на графике «хвостов», которые не вписываются в стандартные шаблоны наших, сформировавшихся как результат прямолинейного мышления, представлений. Таким образом, график на Рис. 215 отнюдь не свидетельствует о том, что стеклянные браслеты или шиферные пряслица продолжают бытовать еще на рубеже XVI–XVII вв. Это справедливо и для других категорий материала и керамики (график – Рис. 243). Мы прекрасно отдаем себе отчет, что эта невозможная (на поверхностный взгляд) картина, результат смещения материала в слое за счет множества естественных и антропогенных факторов.

Рис. 216. Набережная. Раскоп 3. X–VIII строительные горизонты (рубеж XI–XII–XIII вв.). Бусы: 1–2, 4, 8 – зонные; 3 – цилиндрическая фигурная (имитация скани); 5 – шарообразная черного глухого стекла; 6 – бипирамидальная со вставкой цветной металлической фольги; 9, 12 – эллипсоидные полихромные; 11 – цилиндрическая темно-синего глухого стекла; 10, 13 – ребристые цилиндрические (серебро); 14–15 – стеклянные шарообразные

находок в раскопах 1 и 2 Пятницкого конца (Пронин, Соболев, Гусаков. 2011. С. 186–191).

Бусы в количественном отношении сильно уступают браслетам. Так, в раскопах 1 и 2 Пятницкого конца было найдено всего 29 экземпляров бус (Пронин и др. 2011. С. 154). В раскопе 3 бусы также немногочисленны и спорадически встречаются в слоях X–VII строительных горизонтов (Рис. 214, 216–217). Этой категории украшений посвящена огромная литература. Произведена их классификация и хронологическая перио-

дизация, как для отдельных памятников, так и для целых регионов. В том числе и для древней Руси, где основой, опять-таки, служат материалы таких крупных древнерусских городов, как Киев и Новгород (Щапова. 1956; Щапова. 1972). Несмотря на различные приемы и методы работы с этой категорией украшений, в основе практически всех разработок лежит принцип, предложенный А. В. Арциховским еще в 1930 г. А. В. (Арциховскийю 1930), который конкретизировал и упорядочил терминологию и ввел для самых мас-

Рис. 217. Раскоп 3. Бусы из слоя конца XIII – XIV – XV вв. (VII–VI строительные горизонты) – зонные, кольцевидные, эллипсоидные (№ 12 – янтарь)

совых бус типологию – шарообразные, зонные, кольцевые, эллипсоидные, битрапецидные. В принципе, этой типологией руководствуются исследователи по сей день. Конкретно бусам из Смоленска посвящен раздел в монографии Ю.Л. Щаповой (Щапова. 1972. С. 73–96) и отдельные пассажи в работе Н.И. Асташовой, посвященной хронологии смоленских древностей (Асташова. 1999).

В материалах Пятницкого конца представлены практически все виды бус: шарообразные, зонные, кольцевидные, эллипсоидные, бочонкообразные, битрапецидные (Рис. 218; 1–28). Отметим только, что в коллекции бус со всех раскопов Пятницкого конца очень мало золотостеклянных – бочонкообразных и биконических (Рис. 218; 2–3, 28), практически отсутствует бисер и единичны находки полихромных бус разной формы (Рис. 218; 27), а также преимущественно эллипсоидных бус с так называемым «пластичным» узором (Рис. 218; 26). Впрочем, как справедливо отмечает Ю.Л. Щапова, этот тип бус вообще встречается редко в слоях памятников древнерусского времени (Щапова. 1972. С. 88–89).

В новгородской хронологической шкале все виды бус не выходят за временные

рамки X–XIII вв., за исключением отдельных редко встречающихся типов (Колчин. 1982. Рис. 6. С. 169–170). Стратиграфическое распределение немногочисленной коллекции бус Пятницкого конца Смоленска дает ту же картину (Рис. 214). С теми лишь оговорками, что нижней хронологической границей Подола Смоленска является максимум рубеж XI–XII вв., а верхняя граница несколько смазана за счет случайных находок бус в VII и VI строительных горизонтах (то есть вплоть до конца XV – первой половины XVI в.).

Еще одной массовой находкой в ранних слоях древнерусских городов являются шиферные пряслица. Подавляющее большинство этих находок изготовлено из розового шифера – так называемые «овручского» типа. Сейчас уже никто не подвергает сомнению, что эти изделия являются предметом импорта. В Новгороде пик их распространения приходится на середину XII в., а уже к концу XIII столетия они выходят из обихода (Колчин. 1982. С. 174. Рис. 9). Кривая их распределения в Пятницком конце Смоленска аналогична новгородской. И отражает их стабильное присутствие в слоях от середины XII в. до конца XIII

Рис. 218. Украшения из стекла (раскоп 2) – бусины, стеклянные перстни и кольца – рубеж XI–XII – XIII в.

столетия, с некоторым всплеском кривой на рубеже XIII–XIV вв. (Рис. 215). Но в Смоленске их находки спорадически отмечены и в слоях VII и VI строительных горизонтов (с небольшой натяжкой от середины XIV до начала-середины XV вв. (Рис. 214), что, без сомнения, объясняется нарушениями слоя. Не исключен и фактор вторичного использования этих изделий, что косвенно подтверждается находками пряслиц

розового шифера с явными следами вторичной обработки (Рис. 219; 15, 19–20). Отметим также, что наряду с привозными изделиями в обиходе всегда присутствовали пряслица местного производства – керамические или из местного серого мягкого сланца (Рис. 219; 6–8, 14).

Обычной находкой в городских слоях являются свинцовые товарные пломбы. Известны в древнерусских слоях многих горо-

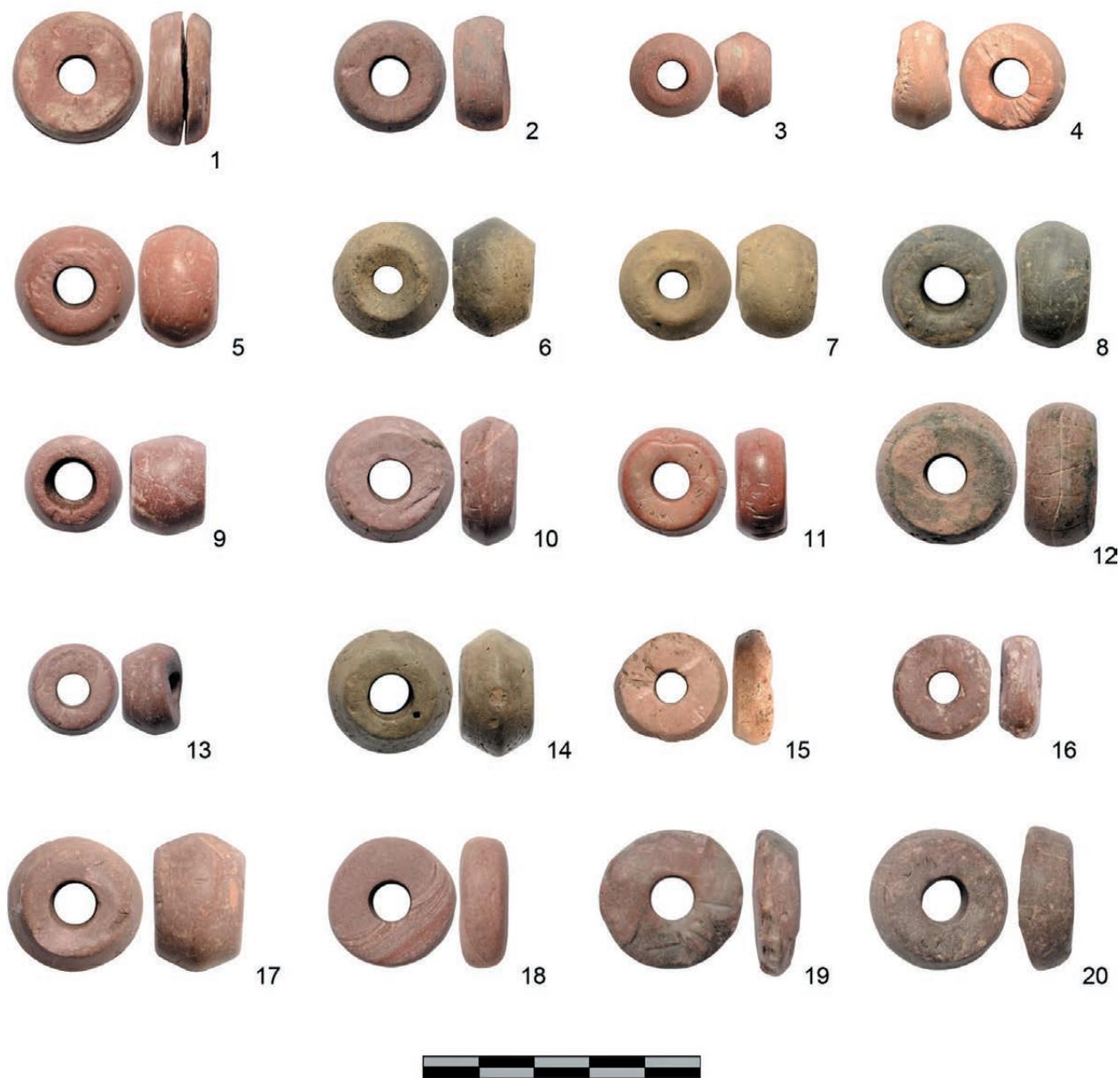

Рис. 219. Раскоп 3. Шиферные, сланцевые и керамические пряслица – XI–XII – XV вв.: 1–2 – X строительный горизонт; 3–8 – IX строительный горизонт; 9–14 – VIII строительный горизонт; 15–17 – VII строительный горизонт; 18–20 – VI строительный горизонт

дов Руси. В Смоленске они встречаются повсеместно – не только в мощных напластованиях культурного слоя на Подоле у берега Днепра, но и на «Горах». В литературе они известны как «пломбы дрогичинского типа» (Тышкевич. 1865. С. 122–22; Ершевский. 1978. С. 38–55; он же: 1985. С. 36–58; Перхавко. 1996.; Археология Беларусі. 2011. Т. 2. С. 194–195). В раскопе 3 Пятницкого конца эти артефакты присутствуют преимущественно в слоях X–VII строительных горизонтов, и время их бытования не выходит за рамки конца XIII в. (Рис. 214–220).

Находки их в других раскопах Пятницкого конца укладываются в те же хронологические рамки (Пронин, Соболев, Гусаков. С. 150. Илл. 121–122). Все эти изделия имеют отиски изображений креста или изображений святых на лицевой стороне (Рис. 220; Пронин, Соболев, Гусаков. Илл. 121–122). Часть из них (с изображениями святых), возможно, могут интерпретироваться как вислые печати. Однако, вислые печати, помимо отисков изображений святых, как правило, имеют текст (Макаров, Чернецов. 1988. С. 238).

Рис. 220. Товарные пломбы и печати XII – конца XIV в. (X–VI строительные горизонты): 1–5, 7–15, 16, 18 – свинцовые пломбы; 6 – именная печать княгини Феодосии, жены кн. Давида Святославича, – конец XI в.; 17 – печать епископа Смоленского и Брянского Игнатия – начало XIII в.; 19 – «ампула Монца»

Наряду с этим нельзя не упомянуть несколько уникальных находок. Это именные печати княгини Феодосии, жены кн. Давида Святославича – конец XI в. и печать епископа Смоленского и Брянского Игнатия – начало – середина XIII в. (Рис. 220; 6, 17). А также такие ранее не фиксировавшиеся, насколько нам известно, артефакты, как паломнические ампулы (в литературе известны как «ампулы Монца»)²³, служившие для перевозки паломниками мира из Святой земли (Рис. 220; 19).

Еще одной категорией вещей, имеющих достаточно узкие датировки, являются костяные и деревянные гребни. В Новгороде широко представлены на протяжении четырех столетий (Колчин. Указ. соч. 1982. С. 164. Рис. 5). Их находки в культурных напластованиях Пятницкого конца Смоленска немногочисленны. Так, в раскопах 1 и 2 найдено всего восемь экземпляров (Пронин, Соболев, Гусаков. 2011. С. 163. Илл. 136) различных типов этих изделий. В раскопе 3 найдено 11 гребней (не считая нескольких обломков очень плохой сохранности – Рис. 221–223). Практически все они найдены в слоях X–VII строительных горизонтов – конец XI – начало XII – рубеж XIII–XIV вв. (Рис. 214). Что в целом соответствует бытованию этих изделий по новгородской хронологической шкале (Колчин. 1982. Рис. 5). Находки трех гребней в слоях IV–III горизонтов (конец XVI–XVII в. – Рис. 223; 3–5) носят явно случайный характер.

Даже сравнительно небольшое количество гребней, найденных во всех раскопах Пятницкого конца, отражает разнообразие типов этих изделий. Это гребни цельные двусторонние и наборные. Двусторонние цельные гребни из раскопа 3 (Рис. 221; 5–6; Рис. 222; 10; Рис. 223; 3) типологически ближе всего к гребням типа «Л» и «М» по новгородской классификации (Колчин. 1982. Рис. 5) – XI – первая половина XIII в. А двусторонние наборные (Рис. 221; 4, 7; Рис. 222; 1) – соответствуют типам «З» и «К» – XII–XIII – середина XIV в. Среди этих изделий из раскопов Пятницкого конца (раскопы 1 и 2), три экземпляра трапециевид-

ной формы (Пронин, Соболев, Гусаков. 2001. Рис. 136. С. 166) могут быть атрибутированы как соответствующие типу «Е» по Новгороду (Колчин. 1982. Рис. 5) – XII – первая половина XIII в. Несколько особняком стоят находки двухкостяных односторонних прямоугольных гребней (Рис. 221; 2 и Рис. 223; 4). По форме они соответствуют аналогичным деревянным изделиям из Новгорода (Колчин. 1982. С. 165) и встречаются как в слоях X–XI, так и в XIII–XIV вв. Отметим также находку единственной гребенки-расчески, имеющей по новгородским аналогиям наиболее раннюю датировку – X – середина XI в. (Пронин, Соболев, Гусаков. 2011. Илл. 136; 2).

Среди единично встречающихся изделий из кости в раскопе 3 упомянем шахматные фигурки из полых кости (Рис. 221; 1; 222; 3), кочедык со сверленным отверстием (Рис. 221; 3), костяные накладки и обоймицы (Рис. 222; 4–7, 9), небольшое костяное навершие, украшенное циркульным орнаментом (Рис. 222; 2), резную рукоять со сквозным отверстием в центре изделия (Рис. 223; 1).

По стратиграфии раскопа 3 и многочисленным аналогиям, прежде всего среди новгородских материалов, все эти изделия преимущественно бытуют также в слоях древнерусского периода.

Замки и ключи. Эта категория инвентаря в материалах раскопок Пятницкого конца достаточно представительна и, благодаря хорошо разработанной классификации, поэтапно атрибутируется в сравнительно узких хронологических диапазонах.

В Пятницком конце Смоленска замки и ключи встречены в слоях от XII до первой половины XVII в. (строительные горизонты X–IV – Рис. 214). При этом их форма достаточно консервативна на протяжении длительного времени. Вариации наблюдаются в основном за счет усложнения ключевого устройства при сохранении формы, что установлено и новгородской классификацией этих изделий (Колчин. 1982. С. 160–161; Кудрявцев. 2012. С. 119–124). Появление замков новых форм и усложненных ключевых устройств на материале

²³ Этим изделиям декоративной пластики посвящена обширная литература. С ними также связан целый ряд церковных преданий и реальных исторических событий (см. общедоступные источники). Приносим благодарность В.В. Седову за помощь в атрибуции этих изделий.

Рис. 221. Гребни и изделия из кости конца XI – первой половины XII в. (X–IX строительные горизонты): 1 – шахматная фигурка; 3 – кочедык; 2, 5–6 – цельные гребни; 4, 7 – наборные гребни

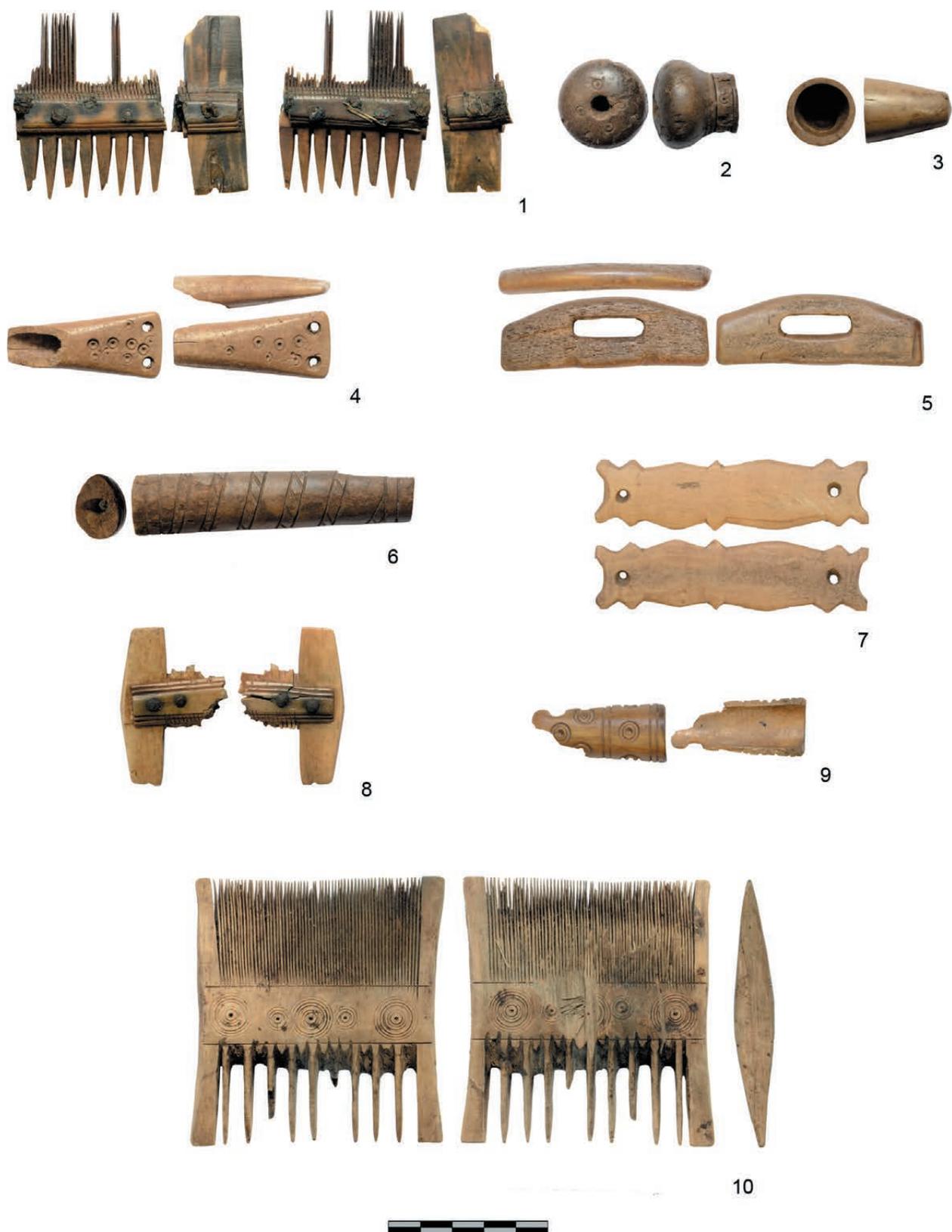

Рис. 222. Раскоп 3. Костяные изделия и гребни: 1–4 – 2-я половина XII – XIII в. (VIII строительный горизонт): 1 – гребень наборный; 2 – костяное навершие с циркульным орнаментом; 3 – шахматная фигурка (?); 4 – накладка; 5–10 – XIV–XV – 1-я половина XVI в. (VII–VI строительные горизонты): 5, 7, 9 – костяные накладки; 6 – рукоять резная из кости; 8 – гребень наборный; 10 – гребень цельный

Рис. 223. Раскоп 3. Гребни и костяные изделия из слоя V и IV строительных горизонтов – 2-я половина XVI – 1-я половина XVII в.: 1 – костяная рукоять; 2 – накладка из пластины с циркульным орнаментом; 3–4 – гребни цельные двусторонние; 5 – самшитовый гребень из III строительного горизонта – XVII в.

раскопа 3 фиксируется только с V–IV строительных горизонтов (Рис. 214), то есть не ранее второй половины XVI в.

Большая часть замков и ключей к ним, найденных в раскопе 3, относятся к типам «Б» и «В» (с модификациями) (Колчин. 1982. Рис. 3), бытовавшими на протяжении второй половины XI–XIV вв. (тип «Б») и конца XII – первой половины XV вв. (тип «В») по новгородской шкале. Замки этих двух типов доминируют в этой категории вещей из раскопок Пятницкого конца на протяжении XII–XIII – начала – первой половины XIV в. (Рис. 224–226)²⁴.

С рубежа XIV–XV вв. в обиходе появляются замки типа «Е» и ключи к ним (Рис. 227; 1–7; Рис. 228; 6), которые продолжают бытовать и в первой половине XVI в. (Рис. 229; 3, 6). Насколько можно судить по имеющимся материалам, лишь во второй половине – конце XVI – первой половине XVII в. эти типы практически исчезают. На смену

им приходит новая форма запорного устройства – небольшие навесные замки треугольной формы с высокой дужкой и отверстием для ключа в лицевой части замка (Рис. 230; 4–6, 2). Хотя реминисценции замочных устройств предшествующего периода продолжают встречаться на протяжении всего XVI и, вероятно, первой половины XVII столетия (Рис. 228; 1–6; Рис. 230; 1, 3).

Предметы вооружения в материалах из раскопок Пятницкого конца представлены в основном холодным оружием. Это около полутора десятков наконечников стрел и дротиков, скопление мелких кольчужных колец, наконечник булавы, бронзовый наконечник ножен меча и некоторые другие предметы. Подавляющая их часть происходит из древнерусских слоев – в рамках XII – конца XIII в. (Рис. 214). Несмотря на сравнительную малочисленность, наконечники метательного оружия представлены разнообразными типами. Их классифи-

²⁴ В иллюстрациях №№ 224–226 использованы графические материалы из раскопок в Твери (Лапшин. 2009). Авторы выражают признательность В. А. Лапшину за предоставленную возможность использования материалов.

Рис. 224. Раскоп 3. Замки и ключи из слоя конца XI – первой половины XII в. (X–IX строительные горизонты)

Рис. 225. Раскоп 3. Замки из слоя второй половины XII – XIII в. (VIII строительный горизонт)

Рис. 226. Раскоп 3. Ключи из слоя VIII строительного горизонта – 2-я половина XII – XIII в.

Рис. 227. Раскоп 3. Ключи от цилиндрических навесных замков из слоя VII и VI строительного горизонтов (рубеж XIV–XV – 1-я половина XVI в.)

Рис. 228. Раскоп 3. Замок (тип «Е») и ключи из слоя конца XV – 2-й половины XVI в. (V строительный горизонт)

Рис. 229. Раскоп 3. Замки из слоев конца XIV – XV – первой половины XVI в. (VII и VI строительные горизонты)

Рис. 230. Раскоп 3. Замки и ключи конца XVI – 1-й половины XVII в. (IV строительный горизонт – № 1–5) и конца XVII в. (2-й строительный горизонт – № 6)

кация досконально разработана в классической работе Медведева А. Ф. (Медведев. 1966). Стрелы представлены исключительно черешковыми наконечниками. Среди них: ромбовидный наконечник (Рис. 231; 6) так называемого «гнездовского» типа – близок типу 41, вариант 2 (Медведев. 1966. С. 65. Табл. 23; 37), килевидный (Рис. 231; 6) – аналог типа 38 с вариантами (Медведев. 1966. С. 64. Табл. 20; 16), стрела-срезень треугольная с вогнутым острием (Медведев. 1966. С. 70. Табл. 26; 17 – тип 54) – Рис. 231; 9. Наконечники-срезни подобного типа имеют широкие хронологические рамки – с IX по XIV в. включительно. Вариант наконечников с вогнутым острием, по мнению Медведева, датируется XIV столетием (Медведев. 1966. С. 71). Но находка подобного наконечника в самых ранних напластованиях раскопа 3 Пятницкого конца может свидетельствовать о бытовании этого варианта стрел-срезней в более раннее время. Еще несколько черешковых наконечников менее выразительны по форме (Рис. 231; 3, 7, 8). Два наконечника относятся, скорее всего, к типу 93 – шиловидные без упора, квадратного и ромбовидного сечения. Датируются в широких рамках X–XIV вв. (Медведев. 1966. С. 84). Одним экземпляром представлен наконечник типа 83 – бронебойный ромбовидный с упором (Медведев. 1966. Табл. 30; 78).

Из слоя второй половины XII–XIII в. (VIII строительный горизонт) и рубежа XIII–XIV – первой половины XV в. происходят черешковые наконечники: шиловидный (Медведев. 1966. С. 84, тип 93) – Рис. 232; 1; ромбовидный – датируется XIII в. (Медведев. 1966. С. 67, тип 46; Асташова. 1999. С. 180) – Рис. 232; 2; срезень в виде узкой лопаточки (Медведев. 1966. С. 75, тип 67) – XIII–XIV вв. – Рис. 232; 3, и, скорее всего, арбалетный плоский наконечник треугольной формы (Рис. 232; 4).

Из слоев VI–IV строительных горизонтов (середина XVI–XVII в.) происходят два наконечника стрел – один короткий ромбовидный с ребром по плоскости (Рис. 233; 3) и упором в основании черешка, второй – подтреугольный плоский с длинным черешком (Рис. 233; 1).

В самом нижнем горизонте культурных напластований раскопа 3 (X–IX строи-

тельные горизонты – рубеж XI–XII – первая половина XII в.) найдены втульчатый удлиненно-треугольный наконечник копья (Рис. 231; 4) (Кирпичников. 1966. Вып. 2. С. 12–14, тип III); черешковые наконечники дротиков (сулицы) – Рис. 231; 2, 5. Один из них (Рис. 231; 5) – удлиненно-ромбовидной формы с максимальным расширением в нижней трети клинка (Кирпичников. 1966. С. 23–25. Табл. III; 8). Бытовали преимущественно в XI–XIII вв. В этом же горизонте найдено скопление мелких кольчужных колец (Рис. 231; 10).

Из напластований XII–XIII – рубежа XIII–XIV вв. происходит редкая находка литого бронзового наконечника ножен меча (Рис. 232; 6). Наконечник орнаментирован гравированным стилизованным растительным орнаментом, верх овального выреза оформлен в виде трехлопастного креста. В Смоленске, насколько нам известно, это вторая находка таких изделий (Асташова. 1999. С. 177. Рис. 1; 1). Большинство исследователей связывает эти наконечники с кругом прибалтийских древностей (Кирпичников. 1966. САИ Е1-36. Вып. 1. С. 25. Рис. 3; 2; Седов. 2007. С. 338. Рис. 338; Широухов. 2014. С. 403–404. Рис. 6, 7–10). Датируются эти изделия XII–XIII вв.

К ударным видам оружия относится булава, изготовленная из черного металла (Рис. 232; 5). Представляет собой куб со скошенными углами и сквозным отверстием по центру для насадки на рукоять. По классификации А. Н. Кирпичникова относится к типу II (Кирпичников. 1966. САИ Е1-36. Вып. 2. Рис. 10. Табл. XXV; 3). Датируется этот тип булав XII–XIII вв.

Предметы вооружения XVI–XVII вв. (Рис. 233), за исключением таких массовых для этих горизонтов культурного слоя предметов, как мушкетные пули, обломки плохой сохранности ручного режущего и колющего оружия, фрагменты ядер и т. д., представлены фрагментом железной шпору – «звездочкой» (Рис. 233; 2), наконечником ножен цветного металла (очень плохой сохранности) – Рис. 233; 4, железной гардой от сабли (Рис. 233; 6) и спусковым крючком от мушкета (Рис. 233; 5).

Значительную часть коллекции индивидуальных находок из раскопов в Пятницком конце составляют украшения – многочис-

Рис. 231. Раскоп 3. Холодное оружие из напластований культурного слоя конца XI – первой половины XII в. (X и IX строительные горизонты)

Рис. 232. Раскоп 3. Холодное оружие второй половины XII – XIII в. (1–3, 5 – VIII строительный горизонт) и рубежа XIII–XIV – 1-й половины XV в. (4, 6 – VII строительный горизонт)

ленные перстни, кольца, накладки, привески, заколки и проч. А также детали костюма и предметы личного благочестия (кресты) и нагрудные иконки. Эти артефакты весьма разнообразны. Остановимся лишь на некоторых из них – наиболее представительных и имеющих достаточно узкие датировки.

Предметы личного благочестия (кресты-тельники, энколпионы, нагрудные иконки) на памятниках Древней Руси представлены широко и встречаются повсеместно. Правда, большая часть находок происходит из городских и поселенческих слоев. В погребальных памятниках встречаются реже (Зайцева, Сарычева. 2011. С. 253).

Кресты-тельники различного типа встречаются во всех горизонтах культурного слоя раскопа 3 (Рис. 214). При этом говорить о статистически обоснованной типологии этой категории вещей в нашем случае невозможно, так как различные их виды представлены единичными экземплярами. Это верно не только для Смоленска. Аналогичная картина отмечается и другими исследователями (Зайцева, Сарычева. 2011. С. 253).

К наиболее древним относятся так называемые «криноконечные» кресты (Рис. 234; 3, 5, 7). В раскопе 3 Пятницкого конца происходят из слоев X–IX строительных горизонтов – конец XI–XII в. В тех же хро-

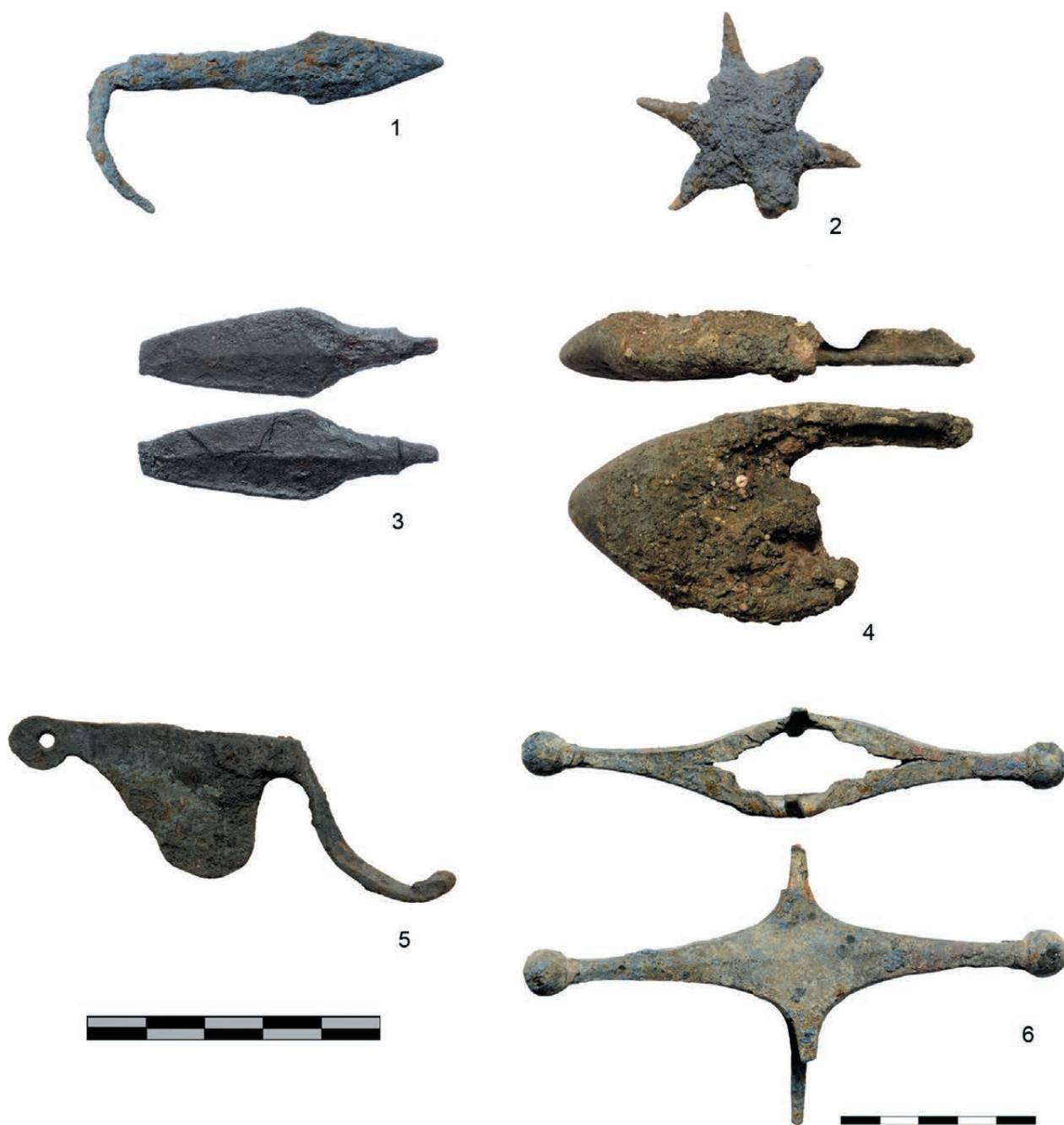

Рис. 233. Раскоп 3. Холодное оружие: 1–2 – середина XVI в. (VI строительный горизонт); 3–6 – XVII в. (V и IV строительные горизонты)

нологических рамках эти изделия датируются в Новгороде (Седова. 1981. С. 49–54. Рис. 16–17) и на других древнерусских памятниках (Зайцева, Сарычева. 2011. Рис. 98; 22–24; Чудновец. 2008. С. 82–83, №№ 19, 23, 25–26 и др.; Станюкович, Осипов, Соловьев. 2003. С. 23–36; Леонтьев. 2015. С. 48–49. Рис. 1; 6–7).

Еще один тип нательных крестов – четырехконечные равносторонние кресты с ромбовидным средокрестием и округлыми

утолщениями на конца (Рис. 234; 6, 8, 10). Датируются домонгольским периодом – от конца XI до середины XIII в. (Чудновец. 2008. С. 84–85, №№ 34, 39, 40–41 и др.; Зайцева, Сарычева. 2011. С. 255. Рис. 131; 7–9 и др.). К этому же периоду относится четырехконечный равносторонний крестик с округлыми окончаниями лопастей и округлым средокрестием (Рис. 234; 11). Углубления на концах лопастей и в средокрестье заполнено цветной эмалью. Кресты

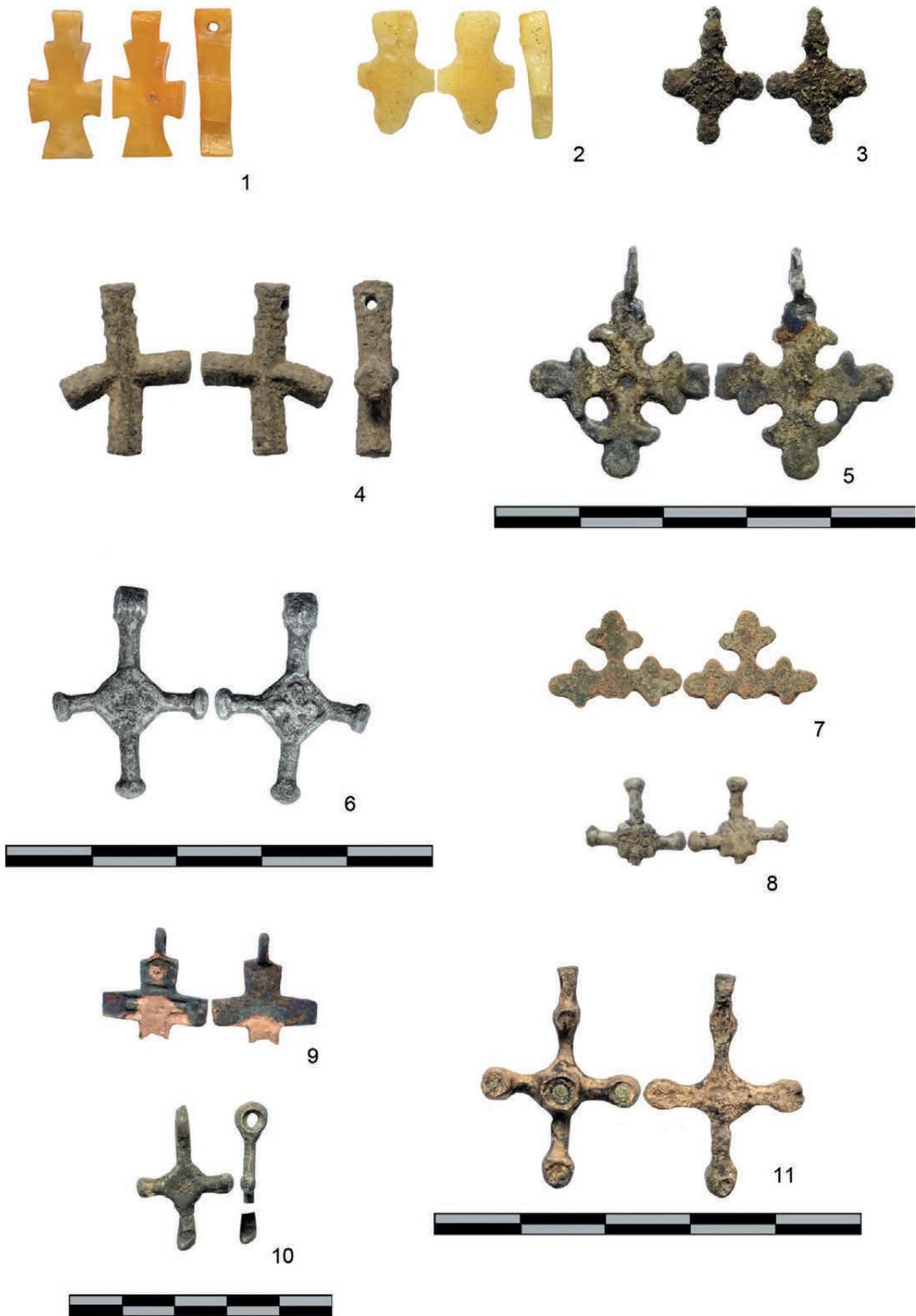

Рис. 234. Раскоп 3. Кресты-гельники: 1–5 – конец XI – XII в. (X и IX строительные горизонты); 6–8 – 2-я половина XII – XIII в. (VIII строительный горизонт); 9–11 – XIV – первая половина XV в. (VII строительный горизонт)

с эмалью были довольно широко распространены на Руси. По мнению исследователей, могли изготавливаться в киевских мастерских (Мальм. 1968. С. 113–117; Седова. 1981. С. 52. Рис. 80; 9; Чудновец, 2008. С. 89, №№ 73–76). Период бытования этого типа крестов-тельников – конец XI–XIII в. К числу редких находок относятся два янтарных крестика (Рис. 234; 1–2), происходящих также из древнерусского слоя раскопа 3 (X и IX строительные горизонты – конец XI – первая половина XII в.).

С конца XIV–XV – в первой половине XVI в. получает распространение другой тип крестов-тельников – небольшие крестики с прямоугольными завершениями лопастей (Рис. 235; 1, 4, 6). Сохранность этих крестов из раскопа 3 оставляет желать лучшего. Но по многочисленным аналогиям известно, что на лицевой стороне крестов этого типа очень часто использовался апокрифический сюжет «Никита бесогон» (Чудновец. 2008. С. 42–43; С. 110–111, №№ 1–2, 7–12; Станюкович...2003. С. 42, № 4–19 и др.). Еще один тип, датируемый XV–XVI вв., – четырехлопастной крест, с прямоугольными завершениями боковых лопастей и килевидным нижней лопасти, с двумя прямоугольными расширениями вверху и внизу вертикальной лопасти. На лицевой стороне – изображение Голгофы – Рис. 465; 3 (Чудновец. 2008. С. 44–45; С. 112, №№ 13, 16–17; Станюкович...2003. С. 13, № 28; С. 37, № 4–3; С. 40, № 4–13). По-видимому, фрагментом небольшого креста-энколпиона с шарнирным креплением в верхней части является крест на рис. 235; 5. В средокрестье – изображение четырехконечного процветшего креста. В слое VI строительного горизонта найден небольшой равносторонний четырехконечный янтарный крест-тельник (Рис. 235; 2). Датировать его трудно.

Довольно частой находкой в культурных слоях древнерусского периода и в период средневековья являются кресты-энколпионы. Энколпион из слоя VI строительного горизонта раскопа 3 относится к типу крестов с округлыми медальонами на концах. На конце верхней лопасти – шарнирное крепление для подвески. Лицевая сторона – в средокрестье Распятие, в правом боковом медальоне – Богоматерь, миниатюры в остальных медальонах читаются плохо (Рис. 235; 9).

Относится к типу VII.1.1 по классификации Г. Ф. Корзухиной и датируется XIII в. (Корзухина, Пескова. 2003. С. 193–209; Чудновец. 2008. С. 33–37).

На основании прямых аналогий (Чудновец. 2008. С. 130–131, №№ 34–35, 39, 42–43) XV в. могут быть датированы две нагрудные иконки с распространенным сюжетом «Никита, побивающий беса» (Рис. 235; 7–8).

Кресты из слоя IV и III строительных горизонтов (Рис. 214) могут быть датированы концом XVI–XVII – первой половиной XVIII в. (Рис. 236; 1–8). При этом некоторые экземпляры (Рис. 236; 1, 3, 8) по типологическим признакам относятся скорее к предшествующему периоду. И их выпадение в слой XVI–XVII вв. объясняется случайными факторами. Для этого времени характерны равноконечные четырехлопастные кресты с прямыми гранями лопастей – Рис. 236; 2, 4–5 (Чудновец. 2008. С. 43, № 6; Станюкович... 2003. С. 49, № 5–7). Один вариант – восьмиконечный Голгофский крест с орудиями Страстей Христовых. На концах лопастей – ромбовидные медальоны, вероятно, с изображениями – обычно либо Богородицы, либо предстоящих Кресту, либо святых. Обратная сторона – в средокрестье и на лопастях круглые медальоны с неясными изображениями (Рис. 236; 5). Второй вариант – крест аналогичной формы, но с исходящими лучами из средокрестья. В центре лицевой пластины – восьмиконечный крест Голгофы с орудиями Страстей Господних. В круглых медальонах на лопастях – монограмма «Иисус Христос Царь Славы» под титлами. На оборотной стороне – церковно-славянский текст, в котором читаются верхние буквы «Да воскреснет...». Скорее всего: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его» (Рис. 236; 4). Известны очень близкие аналогии этому кресту (Станюкович...2003. С. 54, № 5–17).

Еще два креста относятся к типу четырехконечных с фигурными концами лопастей. Рельефный рисунок лицевой и оборотной стороны одного из них (Рис. 236; 6), вероятно, имел эмалевое заполнение. Второй экземпляр – серебряный крест с фигурными завершениями лопастей, односторонний. На лицевой стороне – Голгофа с изображением черепа Адама в основании креста. На верхней оконечности – в двойном

Рис. 235. Кресты-тельники XV–XVI вв.: 1–2, 7–9 (раскоп 3 – VI строительный горизонт); 3 – (раскоп 3 – V строительный горизонт); 4–6 – раскоп 2

Рис. 236. Кресты конца XVI – XVII в.: 1–5 – раскоп 3 (IV и III строительные горизонты); 6–7 – рубеж XVII–XVIII вв. (6 – раскоп 2); 8 – фрагмент креста-энколпиона (в позднесредневековом слое, скорее всего, случайная находка)

треугольнике буквенное обозначение «Господь Саваоф», в круглых медальонах горизонтальной лопасти титлованный текст: «ИС» – «ХС» и «СНЪ» – «БЖИ» (Рис. 236; 7). Любопытно, что наиболее близкий этому кресту экземпляр также происходит из Смоленска (Станюкович... 2003. С. 60, № 5–34).

Украшения из раскопок Пятницкого конца делятся на несколько групп. Это – украшения рук (перстни, кольца, браслеты), немногочисленные экземпляры головных украшений (подвески, височные кольца), атрибуты убранства одежды – различного рода привески, фибулы, некоторые типы пряжек из поясного набора. Классификация и типология всех этих категорий инвентаря хорошо разработана в многочисленных работах наших предшественников (Арциховский. 1930. С. 71–88; Недошивина. 1967. С. 253–274; Седова. 1981. С. 121–143; Колчин. 1982. С. 171; Зайцева, Сарачева. 2011. С. 209–219 и др.).

Украшения рук в коллекции инвентаря раскопа 3 Пятницкого конца представлены перстнями и кольцами. Большинство из них происходит из слоев домонгольского периода – конец XI–XII–XIII вв. (Рис. 214, 237–238).

Перстни из слоя XII–XIII вв. представлены двумя типами – пластинчатыми широкосрединными (Рис. 237; 2, 4, 8, 12, 14–15) и щитковыми (Рис. 237; 1, 3, 5–6, 7, 9–10, 11, 13, 16) различных вариантов²⁵. В контексте данного изложения под термином «широкосрединный» понимается пластинчатый перстень с расширением (неважно каким – узким, широким, овальным и т. д. и т. п.) на верхней лицевой части пластины. А под термином «щитковый» – пластинчатое изделие с расширением правильной или любого вида сложной геометрической фигуры. Пожалуй, наиболее тщательно этот тип перстней разработан М. В. Седовой (Седова. 1981. С. 132–137).

Начнем, однако, с единственного экземпляра дротового перстня, происходящего из слоев домонгольского периода (Рис. 237; 2). Он изготовлен из дротового прута пло-

сковыпуклого сечения, щиток – овальной формы с плохо читаемым орнаментом. Об оформлении концов перстня судить не представляется возможным.

К типу широкосрединных пластинчатых относятся два перстня, у которых верх лицевой части пластины оформлен в виде выступающих выпуклых овалов, расположенных перпендикулярно обручу и ограниченных по краям поясками-жгутиками с косой линейной нарезкой (Рис. 237; 4, 7). Типологически к этому же ряду относится и перстень с пластиной, оформленной в виде выпуклого полушария, также подчеркнутого по периметру нарезным жгутом (Рис. 237; 11).

В Новгороде аналогичный перстень найден в слое XI в. и определен как щитковосрединный с выступающим щитком в виде полушария (Седова. 1981. С. 132. Рис. 50; 14.) В Ростове такой же перстень отмечен среди находок на усадьбе 1-й трети XIII в. (Самойлович. 2007. С. 17. Рис. 24; 21).

И еще два перстня из той же серии широкосрединных. У одного из них расширение обруча пластины оформлено в виде вытянутого овала с нарезным орнаментом «елочкой» (Рис. 237; 14), а у второго – такое же овальной формы расширение верхней плоскости обруча перстня украшено тремя округлыми выступами, окаймленными орнаментальным приемом «ложной зерни» (Рис. 237; 13).

Различия внутри группы щитковых перстней обусловлены основным морфологическим признаком – формой щитка. При этом говорить о какой-либо серийности не приходится. Эти изделия индивидуальны и представлены одним, в лучшем случае двумя-тремя экземплярами.

Выделяются находки двух абсолютно идентичных перстней из белого металла, с круглыми щитками и выступающим над плоскостью щитка рельефным изображением птицы с расправленными крыльями (Рис. 237; 1, 5). Более-менее близкой аналогией им являются два перстня из Новгорода, также с изображением птицы с расправленными крыльями, но другой иконографией

²⁵ Надо сказать, что, несмотря на хорошо разработанные классификационные и типологические схемы для перстней, даже в классических публикациях на эту тему имеет место быть хаотичный терминологический разноречивый. Складывается впечатление, что в стремлении к совершенству авторы этих разработок впадают в соблазн чрезмерной скрупулезности. Что неизбежно приводит к терминологической путанице (речь сейчас идет только о пластинчатых изделиях).

Рис. 237. Раскоп 3. Перстни и кольца начала XII – XIII в. (X–VIII строительные горизонты)

миниатюры (Седова. 1981. С. 137). При этом один из них (Седова. 1981. Рис. 50; 13) датируется не позднее середины X в., а второй (Там же. С. 138. Рис. 52; 2), по мнению М. В. Седовой, – не позднее первой половины XIII столетия. Наши экземпляры из раскопа 3 Пятницкого конца происходят из слоев X (конец XI – начало XII в.) и VIII (вторая половина XII–XIII в.) строительных горизонтов. М. В. Седова склонна интерпретировать подобные изделия как перстни-печатки, что не исключено.

Еще один перстень с круглым щитком орнаментирован изображением четырехлопастного креста в круглом медальоне, заглубленном в плоскость щитка, с пояском штампованного орнамента по его периметру (Рис. 237; 15).

Единственным экземпляром в варианте перстней с круглыми щитками представлен перстень со щитком, орнаментированным рельефным стилизованным геометрическим орнаментом – двойной вытянутый ромб, выполненный в технике перегородчатой эмали (Рис. 237; 9). Происходит из слоя VIII горизонта – вторая половина XII–XIII в.

Остальные найденные перстни относятся к вариантам со щитками геометрически правильных форм. Это подпрямоугольные (квадратные) щитки (Рис. 237; 3, 5–6, 12). Орнаментация их различна: стилизованный геометрический орнамент, косой крест в заглубленном в плоскость щитка квадратном медальоне, обрамленном по краю щитка пояском со штампованными подпрямоугольными вдавлениями. Еще один вариант – щитки в форме шестиугольника (Рис. 237; 5–6, 10). Щиток одного из них орнаментирован изображением рельефного процветшего креста в заглубленном двойном шестиугольном медальоне (Рис. 237; 6), второй – стилизованными растительными побегими в аналогичном оформлении плоскости щитка (Рис. 467; 10). Все описанные выше варианты щитковых перстней происходят из напластований нижних горизонтов раскопа, и их датировка не выходит за рамки рубежа XI–XII – середины XIII в.

В слое рубежа XIII–XIV–XV в. (VII и VI строительные горизонты) вариантный набор перстней претерпевает определенные изменения. На раннем этапе – вероят-

но, рубеж XIII–XIV – середина XIV столетия – по-прежнему устойчиво присутствуют широкосрединные (Рис. 238; 4, 10) и щитковые перстни (Рис. 238; 2, 5–7, 9, 11–12, 15). Среди них отметим несколько перстней, орнаментированных изображениями прямого или косоугольного креста (Рис. 238; 2, 7, 11), перстень желтого металла с ромбическим щитком и, судя по вертикальным выступам по углам ромба – с утраченной вставкой (Рис. 238; 12), а также единичную находку небольшого щиткового перстня с орнаментом в виде перевернутой свастики (Рис. 238; 15).

В то же время в этот период получают распространение различные типы дротовых перстней: это два экземпляра ложновитых перстней (Рис. 238; 8, 13), один ложноплетеный (Рис. 238; 3) и один рубчатый перстень (Рис. 238; 14). В Новгороде различные варианты этих типов украшений присутствуют в слое на протяжении длительного времени. И, как справедливо отмечают исследователи, не могут служить хронологически определяющими предметами (Колчин. 1982. С. 171. Рис. 8; Седова. 1981. С. 122–127). Но, это важно, так как, отражает смену эстетических приоритетов в тенденциях моды женских украшений в XIV–XV вв.

Обращает на себя внимание крайне малое количество в раскопах Пятницкого конца металлических браслетов. При этом и в целом в городском слое Смоленска их немного (Асташова. 1990. С. 98). Подчеркнем, что все металлические браслеты, независимо от места их находки, происходят из самых древних домонгольских слоев.

В раскопе 3 найдены три фрагмента металлических браслетов. Это деталь створчатого прорезного браслета (Рис. 239; 1), фрагмент пластинчатого браслета с рифленой внешней поверхностью (Рис. 239; 2), образованной тремя параллельными выступающими ребрами, и обломок пластинчатого загнутоконечного браслета, украшенного пуансонным орнаментом «волчий зуб» (Рис. 239; 3). Еще один аналогичный браслет был найден в раскопе 2 (Рис. 239; 4). Оттуда же происходит небольшой обломок дротового плосковыпуклого в сечении браслета (Рис. 239; 5). Появление створчатых браслетов в Новгороде исследователи относят к середине XII в., а бытовали они, правда, в упрощенной модификации технологического приема литья,

Рис. 238. Раскоп 3. Перстни и кольца – конец XIII – XIV–XV вв. (VII–VI строительные горизонты)

до XIV столетия (Седова. 1981. С. 116–118). Единичные находки створчатых браслетов известны и в Смоленске (Асташова. 1990. С. 98–100. Рис. III; 5).

Что касается фрагмента «рифленого» браслета, то, по классификации М. В. Седовой, он относится к типу «браслетов с выпукловогнутом валиком посередине». Датируются подобные изделия последней третью XIII – первой половиной XIV в. (Седова. 1981. С. 114. Рис. 43; 3, 4).

Типологически близки ему два экземпляра массивных литых браслетов с такими же рельефными продольными ребрами (Седова. 1981. С. 115. Рис. 43; 6), датирующихся первой третью – серединой XIII в.

Пластинчатые загнутоконечные браслеты с пуансонным орнаментом – один из самых распространенных типов этого вида украшений. Встречаются они как в городских слоях, так и в многочисленных погребальных комплексах (Левашова. 1967. С. 236). В Новгороде пик распространения этого типа браслетов приходится на конец XII – конец XIII в. (Седова. 1981. С. 113) а отдельные экземпляры могли бытовать вплоть до середины XIV в.

К числу датирующихся предметов относятся также лировидные пряжки и отдельные виды фибул. Находки лировидных пряжек в Смоленске немногочисленны (Рис. 239; 6, 8, 11–12), хотя в древнейших слоях многих городов и поселений древней Руси, а также в погребальных памятниках (Равдина 1975.), они являются обычной находкой. По новгородской шкале эти изделия датируются первой половиной XI – концом XII в. (Седова. 1981. С. 144).

Сравнительно немного в Смоленске и находок фибул (Асташова. 1991. С. 42. Рис. 13; 5; Она же. 1990. С. 99). Из раскопок Пятницкого конца происходят всего три целых экземпляра. Так, в раскопе 2 найдена спиралеконечная фибула круглого сечения – наиболее широко распространенный тип этих изделий (Рис. 239; 10). Датировка фибул этого типа из Смоленска не противоречит общепринятой (Седова. 1981. С. 85–86).

Из раскопа 3 происходят два экземпляра фибул и несколько их фрагментов пло-

хой сохранности. Одна из них – кольцевидная пластинчатая (Рис. 239; 7), вторая – пластинчатая круглая с выпуклой рельефной лицевой поверхностью, украшенная стилизованным плетеным орнаментом (Рис. 239; 9). Этот экземпляр происходит из слоя самого древнего – X строительно-горизонта – конец XI – начало XII в. Прямых аналогий ей пока не найдено. Но по стилистике исполнения и орнаментации эта фибула относится к разновидности больших (обычно их диаметр 4,5–7,3 см) круглых фибул скандинавского происхождения, украшенных плетеным зооморфным орнаментом, которые встречаются в начале – третьей четверти X в. на территории Швеции (Jansson J. 1984. S. 79–80). По мнению И. Янссона, этот экземпляр по стилистическим особенностям²⁶ стоит датировать временем не ранее второй половины X в.. На территории Древней Руси скандинавские большие круглые фибулы больше известны по находкам из курганов юго-восточного Приладожья. Ближайшая (территориально) находка фибулы, правда, другого типа, происходит из гнёздовских курганов и датируется временем не ранее второй половины X – начала XI в. (Дедюхина В. С. 1967. С. 199–200).

Что касается кольцевидных фибул, то они, по сравнению с другими типами этих изделий, менее распространены (Мальм. 1967. С. 168). Наш экземпляр происходит из слоя VII строительного горизонта и, вероятнее всего, датируется концом XIII столетия. В Новгороде пластинчатые кольцевидные фибулы появляются в середине XII в. и бытуют вплоть до конца XIV в. (Седова. 1981. С. 89).

Одной из самых распространенных категорий украшений (или атрибутов одежды) являются всевозможные привески. Это частая находка, как в различных погребальных комплексах, так и в городских и поселенческих слоях. Этим изделиям посвящена громадная литература, в которой подробно разработана их классификация и хронология (Успенская 1967. С. 88–132; Мальм, Фехнер. 1967. С. 133–141; Седова. 1981. С. 23–49; Колчин. 1982. Рис. 8; Журжалина. 1961. С. 122–140 и др.). Смоленск в этом

²⁶ Выражаем благодарность И. Янссону и Т.А. Пушкиной за консультации и помощь в атрибуции этой фибулы.

Рис. 239. Металлические браслеты, фибулы, лировидные пряжки рубежа XI–XII – XIII в.: 1 – фрагмент створчатого браслета; 2 – фрагмент пластинчатого браслета с продольным ребром; 3–4 – пластинчатые загнутоконечные браслеты; 5 – фрагмент дротового браслета; 6, 8, 11–12 – лировидные пряжки; 7 – плоская пластинчатая фибула; 9 – круглая пластинчатая фибула с рельефным растительным орнаментом; 10 – подковообразная спиралеконечная фибула (№№ 4–5, 10–12 – раскоп 2)

плане не является исключением (Асташова. 1990. С. 93–101). Практически все виды этой категории инвентаря встречены и в раскопках Пятницкого конца Смоленска. Исключение составляют лишь шумящие и зооморфные привески. Пока ни одного экземпляра этих изделий в Пятницком конце не найдено.

Это привески-бубенчики, грушевидные кресто-прорезные, но в основном шарообразные с щелевидной прорезью и различными вариантами декоративного оформления (Рис. 240; 2–4). Аналогичные бубенчики были найдены и в раскопе 2 (Пронин, Соболев, Гусаков. 2011. С. 145. Илл. 118; 7; С. 147; Илл. 120; 14–15). В Новгороде такие формы привесок-бубенчиков бытуют во временном отрезке от середины XI до конца XIV в. (Колчин. 1982. Рис. 8; Успенская. 1967. С. 137; Седова. 1981. С. 156. Рис. 62; 1–17).

Найдено несколько экземпляров круглых привесок – раскоп 2 (Пронин...2011. Илл. 118; 11). Из слоя домонгольского периода этого же раскопа происходят две привески, изготовленные из монет – арабского дирхема и западноевропейского денария (Пронин... 2011. Илл. 118; 8,12). Привески-монеты в городских слоях встречаются не часто. Они более характерны для погребальных памятников (Успенская. 1967. С. 93), где датируются относительно ранним временем – XI – началом XII в.

Из раскопа 3 происходят еще несколько экземпляров круглых (часто их в литературе называют «монетовидными») подвесок. Это круглая ложнозерненная подвеска с выпуклостью в центре – грубое литое подражание серебряным зерненным изделиям X–XI вв. (Рис. 240; 7). Похожие подвески известны в Новгороде, где происходят из слоя второй половины X–XI в. (Седова. 1981. С. 37. Рис. 12; 1).

Еще две привески относятся к разновидности круглых прорезных: одна относится к типу так называемых «лунницеключенных» (Седова. 1981. С. 42) – узкорогоя лунница, соединенная с внешним круглым контуром тремя перемычками (Рис. 240; 6), а вторая – крест, включенный в круг. Прямые аналогии имеются в Новгороде (Седова. 1981. С. 42. Рис. 14; 1). Датировка их XII – первой половиной XIII в. не противоречит новгородской.

Рубежом XII – серединой XIII столетия (VIII строительный горизонт) можно датировать еще одну монетовидную привеску (Рис. 241; 10). Косвенным признаком ее относительно ранней датировки служит характер ее орнаментации – поясok из выпуклых полушарий по внешнему контуру круга и двойная ломаная линия (городок) в пространстве между внешним контуром привески и круглым медальоном в центре. То есть мотив декора, фактически повторяющий прием орнаментации вышеописанной привески с ложной зернью. В центре медальона – изображение восьмиконечного креста. Это сразу выделяет данное изделие из общего круга монетовидных привесок. Попутно отметим, что в раскопках Пятницкого конца Смоленска не встречено ни одной находки таких широко распространенных типов круглых привесок, как решетчатые.

Весьма популярным украшением (амулетом) являлись лунницы. В городских слоях сравнительно редки (Успенская. 1967. С. 104–105). В раскопе 3 встречены всего два экземпляра привесок-лунниц. Одна из них (IX строительный горизонт – Рис. 240; 5), относится к типу прорезных и по многочисленным аналогиям датируется XI – первой половиной XII в. Вторая (VIII строительный горизонт – вторая половина XI–XIII в.) – замкнутая, круторогоя, внутри – четырехконечный крест с округлыми утолщениями на концах лопастей, с квадратным заглубленным медальоном в средокрестье (Рис. 241; 2). Оба экземпляра по всей плоскости лицевой поверхности орнаментированы лунообразными поясками прямоугольного зубчатого штампа.

И еще об одной уникальной привеске. В слое конца XI – первой половины XII в. найдена так называемая «сердцевидная» привеска. Изготовлена из серебра низкого качества. Ее лицевая сторона сплошь покрыта орнаментом в виде ромбовидной сетки, а на тыльной выбита надпись, пока не поддающаяся расшифровке (Рис. 240; 8). Прямых аналогий ей пока не найдено.

И еще о некоторых редко встречающихся в Смоленске украшениях. К числу принадлежностей женского головного убора из раскопа 3 относятся находки трех фрагментов трехбусинных височных колец (Рис. 241; 1, 4, 7). Все они происходят из VII строительного

Рис. 240. Раскоп 3. Привески, серьги, заковки конца XI – середины XII в. (X–IX строительные горизонты)

Рис. 241. Раскоп 3. Серьги, привески XIII–XIV вв. (VIII–VII строительные горизонты)

горизонта – рубеж XIII–XIV – первая половина XV в. Все три экземпляра довольно грубой выделки, выполнены методом литья. Близкие им типы изделий в Смоленске также датируются рубежом XIII–XIV вв. (Асташова. 1990. С. 96). К XIII столетию относят подобные имитации золотых и серебряных изделий с филигранью и по новгородской шкале (Седова. 1981. С. 13–14).

Единичными экземплярами представлены серьги в виде знака вопроса (Рис. 241; 6 – VII строительный горизонт). Являются преимущественно городским украшением. Хотя, встречаются и в погребальных памятниках (Седова М. В. 1981. С. 16). По новгородской шкале датируются от начала XIV до середины XV в. (Колчин. 1982. Рис. 8). Находка серьги в виде знака вопроса в рас-

копе 3 не противоречит общепринятой датировке.

В слое конца XI – первой половины XII в. найдены две булавки. Одна из них с головкой квадрифолиальной формы (Рис. 240; 9) – головка оформлена в виде ромба, поставленного на острый угол на стержень булавки, с квадратным рельефным утолщением по центру. Углы ромба, таким образом, образуют арочные полукруглые ниши, заполненные эмалью, а в центре квадрата – круглый заглабленный медальон, также с эмалевым наполнением. Вторая булавка имеет головку в виде многоугольника с пятью выступающими стреловидными отростками (Рис. 240; 10). В центре пластины головки – рельефное изображение птицы с распущенным хвостом и крыльями. Внутреннее пространство также имело эмалевое заполнение. В Новгороде подобные изделия с выемчатой эмалью происходят из слоя середины XII в. (Седова. 1981. С. 78). Прямая аналогия этой булавке, но с несколько иной иконографией изображения птицы, известна из раскопок на ул. Соболева в Смоленске, где ее датировка также не выходит за рамки XII в. (Асташова. 1990. С. 100).

Выше мы проанализировали отдельные категории инвентаря, которые, в сочетании с рядом других факторов, являются основанием для построения хронологической шкалы культурного слоя смоленского Подола. Конечно же, коллекция находок из раскопок в Пятницком конце не исчерпывается ими. В ней присутствуют многочисленные вещи бытового и хозяйственного назначения: скобяные изделия, орудия труда, изделия из камня и кости, отдельные глиняные предметы, большое количество изделий во фрагментарном состоянии, функциональное назначение которых определить невозможно, и т. д. Но эти вещи, с одной стороны, охарактеризованы нами выше при описании культурного слоя того или иного строительного горизонта или при описании построек и других сооружений. А с другой стороны, подавляющее большинство этих предметов не имеет узких датировок и не может быть использовано для хронологических построений.

Что касается набора инвентаря, в том числе и украшений, из напластований горизонтов периода позднего средневековья – XVI–XVII – середина XVIII столетия, то они в целом невыразительны и менее репрезентативны (практически весь их набор представлен в сводной таблице – Рис. 214). В то же время в позднесредневековых напластованиях (VI–II строительные горизонты) имеется в качестве массового материала определенный набор вещей, само присутствие которых в слое служит хронологическим маркером. Это, прежде всего, пули и обувные подковки (их распределение в слое отражено на графике – Рис. 215), терракотовые и поливные рельефные и гладкие полихромные изразцы, начало широкого распространения которых в Смоленске фиксируется не ранее рубежа XVI–XVII вв. (Пронин, Соболев. 2013). И ряд других, не столь широко распространенных предметов: курительные трубки «голландского» типа, помадные банки, глиняные игрушки-свистульки, как терракотовые, так и глазурованные, всевозможные варианты одежных и мундирных пуговиц и так далее.

Керамика

Что касается собственно смоленской керамики, то ее изучению были посвящены, прежде всего, диссертационные работы Е. В. Каменецкой (Каменецкая. 1977) и Т. В. Сергиной (Сергина. 2004) и ряд отдельных статей тех же авторов, посвященных частным вопросам в изучении керамики Смоленска.

Как нам представляется, важное значение для дальнейших изысканий в материалах средневекового Смоленска приобретает коллекция массового материала, полученная в ходе раскопок на набережной Днепра (раскоп 3). В ходе производства работ на этом объекте было обработано и учтено 74956 фрагментов керамики, происходящих из почти 7-метровых культурных охватывающих по совокупности ряда факторов период от конца XI – начала XII в. до середины XVIII столетия²⁷.

Несколько слов о критериях, взятых за основу в работе с этим материалом. При

²⁷ См. Пронин Г. Н. Архив ИА, Р-1, № 41038 – описи массового материала

обработке материала мы руководствовались исключительно формальной логикой. Так, принимая во внимание тот факт, что более двух третей всего объема керамики происходит из слоев, датирующихся – XIV–XV–XVIII вв., в качестве основы группировки керамики по внешним признакам были учтены четыре варианта обработки поверхности и технологических признаков – глазурованная, чернолощенная, белоглиняная и неполивная посуда. Отдельно учитывались находки фрагментов амфор, как достаточно четкого маркера в стратиграфическом распределении материала. Мы отдаем себе отчет в подобной группировки, но считаем ее возможной, ввиду ярко выраженных и легко улавливаемых визуально даже в полевых условиях внешних характеристик керамических фрагментов. Другие внешние признаки обработки поверхности сосудов, такие как морение, томление, чернение, обвар и прочее, уловить сложнее. Более дробное членение всего массива материала по указанным характеристикам требует применения специальных лабораторных методов исследования на статистически доверенных сериях.

И еще несколько замечаний по поводу технологических признаков и характеристик. Мы используем устоявшийся термин «белоглиняная» керамика. Хотя он в корне ошибочен. Дело в том, что термин «белоглиняная» или «беложгущаяся» в технологии керамического производства достаточно жестко привязан к определению изделий из белых мелкодисперсных каолиновых глин. Подобных месторождений не так много в природе (например, в окрестностях Гжели, что и послужило основным фактором возникновения и развития гжельского керамического промысла).

Использовались эти глины преимущественно для изготовления тонких изделий – фаянс, фарфор, а не бытовой кухонной посуды для повседневных нужд. Но все же, и бытовая посуда из беложгущихся глин в Смоленске встречается, хотя и в мизерном коли-

честве (Сергина. 2004. С. 8). И то, что почти все исследователи ошибочно называют «белоглиняной» керамикой, на самом деле является изделиями из **светложгущихся** глин, в изобилии распространенных в средней полосе России и в окрестностях Смоленска в частности (Яковлев И. Р., Салов И. Н. 1950. Салов. 1958; Смоленск. Краткая... 1994). Сразу же отметим, что средневековая смоленская бытовая посуда на протяжении всего периода от конца XI до XVIII столетия изготавливалась как из светложгущихся, так и из ожелезненных красножгущихся глин. Гончары Смоленска для изготовления массовой бытовой посуды использовали ту глину, выходы которой были под рукой и легко доступны (естественно, путем ряда технологических манипуляций приспособивая исходное сырье к конкретным производственным нуждам).

Несколько слов о примесях в исходное сырье. Визуальные наблюдения показывают, что на протяжении всего рассматриваемого хронологического отрезка гончары Смоленска использовали в производстве в качестве примесей в исходное сырье шамот, мелкую дресву и песок различно зернистости. Причем вне зависимости от того, когда был сделан тот или иной сосуд – в XI или XVIII веке.

Статистическая обработка смоленской керамики дала следующую картину²⁸.

Подавляющее большинство – 92,1% (69029 единиц) – составляет неполивная керамика²⁹, глазурованная – 2,6% (1919 ед.), чернолощенная – 3,7% (2773 ед.), «белоглиняная» – 1,6% (1185 ед.) – Рис. 242. Фрагменты амфор встречены в количестве 50 шт. – 0,07%. График распределения групп керамики, выделенных по технологическим признакам внешней обработки поверхности, показывает, что пик распространения чернолощенной (лощенной) керамики в культурных напластованиях Пятницкого конца Смоленска приходится на вторую половину XVI столетия. Хотя в небольших количествах она появля-

²⁸ Применение статистики в данном случае оправданно. Так как использование этого инструмента не имело целью решение каких-то сверхзадач, а служило для определения количественного соотношения групп керамики в стратифицированных слоях и горизонтах, имеющих датировки вне зависимости от керамического материала.

²⁹ Здесь приходится делать еще одну оговорку. Термин условен, так как разные исследователи используют другие определения – «грубая», «заглаженная» и т. д. – на наш взгляд еще более расплывчатые.

Пласт	Всего ед. в пласте	Глазурован- ная	Чернолоще- ная	Белоглиняная	Амфоры	Неполивная
1	1341	111 (8,3%)	6 (0,45%)	0	0	1224 (91,3%)
2	1945	109 (5,6%)	10 (0,5%)	3 (0,2%)	0	1823 (94%)
3	2169	126 (5,8%)	20 (0,9%)	11 (0,5%)	0	2012 (93%)
4	3708	220 (5,9%)	43 (1,2%)	0	0	3445 (93%)
5	6611	301 (4,6%)	41 (0,6%)	13 (0,2%)	0	6256 (95%)
6	4285	250 (5,8%)	74 (1,7%)	26 (0,6%)	0	3935 (92%)
7	3231	224 (6,9%)	243 (7,5%)	123 (3,8%)	1 (0,03%)	2640 (82%)
8	4074	216 (5,3%)	406 (10%)	300 (7,4%)	0	3152 (77,4%)
9	3670	161 (4,4%)	448 (12,2%)	138 (3,8%)	0	2923 (80%)
10	4370	90 (2,1%)	563 (13%)	178 (4,1%)	0	3539 (81%)
11	3774	51 (1,6%)	316 (8,4%)	94 (2,5%)	0	3313 (88%)
12	3425	13 (0,4%)	187 (5,5%)	54 (1,6%)	4 (0,1%)	3167 (92,5%)
13	4235	7 (0,2%)	205 (4,8%)	65 (1,5%)	4 (0,09%)	3954 (93,4%)
14	4320	6 (0,13%)	126 (2,9%)	77 (1,8%)	2 (0,05%)	4109 (95%)
15	5111	6 (0,12%)	51 (1%)	75 (1,5%)	4 (0,07%)	4975 (97,3%)
16	4990	15 (0,3%)	22 (0,4%)	0	2 (0,04%)	4951 (99,2%)
17	4472	5 (0,1%)	0	8 (0,2%)	4 (0,09%)	4455 (99,6%)
18	4950	7 (0,1%)	7 (0,1%)	20 (0,4%)	9 (0,2%)	4907 (99,1%)
19	2624	1 (0,03%)	5 (0,2%)	0	4 (0,2%)	2614 (99,6%)
20	1241	0	0	0	8 (0,6%)	1233 (99,4%)
21	410	0	0	0	8 (2%)	402 (98%)
	74956 (100%)	1919 (2,6%)	2773 (3,7%)	1185 (1,6%)	50 (0,07%)	69029 (92,1%)

Рис. 242. Стратиграфическое распределение групп керамики по технологическим признакам обработки поверхности сосуда

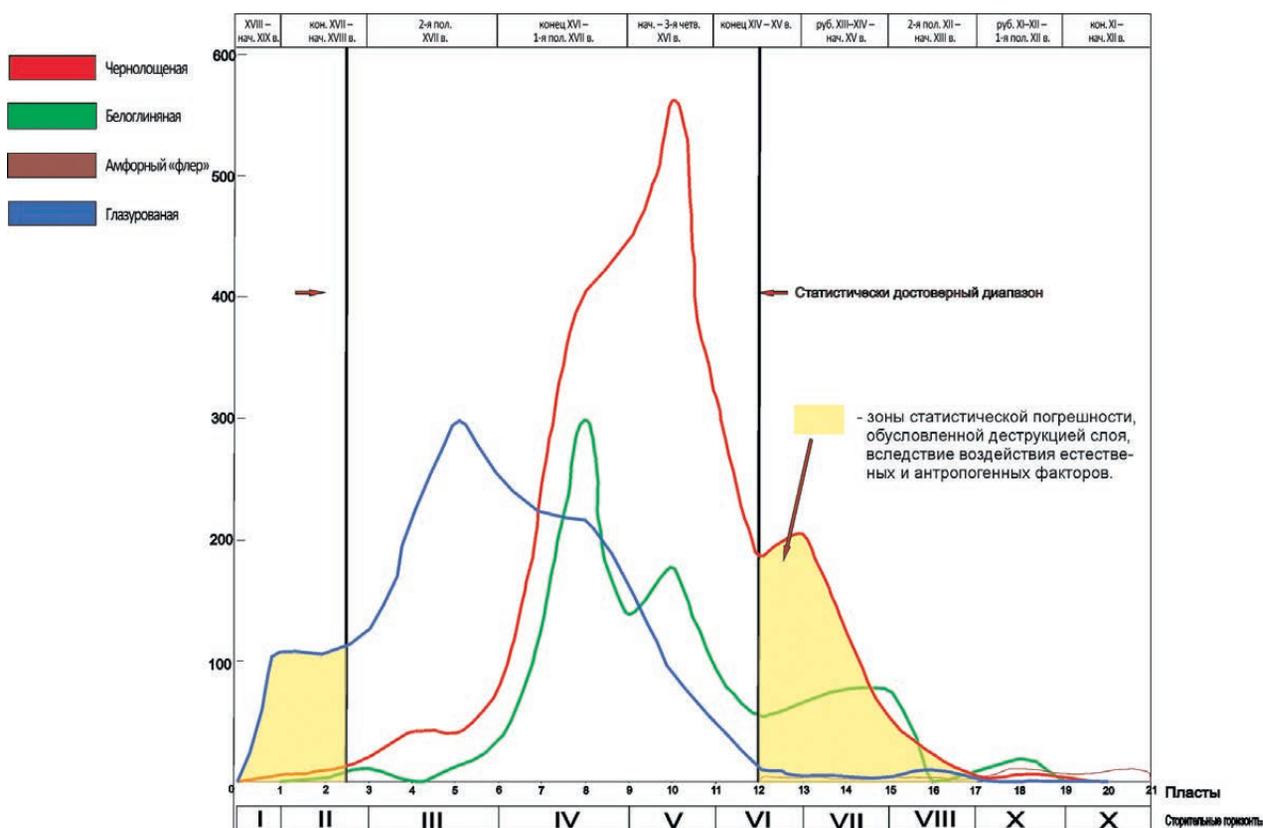

Рис. 243. График распределения основных групп керамического материала (по технологическим признакам обработки внешней поверхности)

ется раньше, вероятно, во второй половине – конце XV – начале XVI в. (Рис. 243).

Полученные нами данные не противоречат мнению Т. В. Сергиной о появлении чернолощенной керамики в Смоленске с рубежа XIV–XV вв. Причем на раннем этапе ее присутствие в общей массе керамического материала можно считать спорадическим и рассматривать его как импорт с сопредельных западных территорий. Пик бытования этой группы столовой и тарной посуды приходится, как уже отмечалось выше, на вторую половину – конец XVI в. В середине XVII столетия чернолощенная посуда практически исчезает из обихода (Рис. 243). Не вызывает сомнения и западное происхождение чернолощенной посуды в Смоленске (Сергина, 2004. С. 52–53).

Кривая распределения так называемой «белоглиняной» керамики дает пик в строительных горизонтах, датирующихся концом XVI – первой половиной XVII в., с всплесками в слоях второй половины XVI в. и нисходящей кривой в наложениях более ранних периодов (Рис. 243). Скорее всего, подобная

«размытость» количественного распределения этой группы керамического материала в культурном слое раскопа 3 объясняется некорректностью самого термина и неизбежным субъективизмом визуальных определений. Не следует сбрасывать со счетов и фактор нарушения слоя.

Кривая распределения глазурованной керамики более четко выражена. Пик ее распространения падает на вторую половину XVII столетия. А находки ее в более ранних и более поздних напластованиях выходят за рамки статистически достоверного диапазона (Рис. 243).

Наши материалы свидетельствуют о наличии глазурованной керамики в домонгольских слоях в единичных экземплярах (Рис. 242). Ее статистически значимое присутствие в культурных напластованиях Пятницкого конца фиксируется не ранее второй половины – конца XV – первой половины XVI в. с максимумом распространения во второй половине XVII в. (Рис. 243). То есть, расцвет производства глазурованной посуды в Смоленске приходится на период поздне-

го средневековья – XVI–XVII вв. Это явно противоречит утверждению Т.В. Сергиной о том, что «...расцвет поливного дела приходится на домонгольское время...» (Сергина. 2004. С. 35).

Коллекция керамики из раскопа 3 Пятницкого конца Смоленска происходящая из стратифицированных напластований культурного слоя, имеющих по совокупности ряда факторов общую датировку от конца XI до XVIII столетия, дает основания предпринять попытку посмотреть на массовый материал с несколько других позиций.

В основу обработки коллекции нами были положены два базовых понятия – **функционально утилитарное** назначение посуды (вне зависимости от четырех основных групп керамического материала, характеризующихся несколькими технологическими признаками изготовления сосудов из различных исходных формовочных масс и обработки внешней поверхности) и **различия** (если таковые прослеживаются) **в ассортименте** посуды в разные хронологические периоды.

Как известно, основную массу материала керамических коллекций из средневекового городского слоя составляют фрагменты кухонных горшков. То есть – **емкостей для приготовления пищи** либо на открытом огне (костер), либо в закрытых объемах **при высоких температурах** (печь). Разница лишь в том, что утилитарные требования к удобству использования **емкости для приготовления пищи** привели к тому, что **горшок преобразовался в кастрюлю**. Но функциональное их назначение идентично.

Принимая за отправную точку этот постулат, мы неизбежно приходим к выводу, что все остальные нюансы, имманентно присущие данному конкретному объекту и данные нам в ощущениях (тесто, обжиг, характер обработки поверхности, вариации оформления той или иной части сосуда, орнамент и т. д.), **несущественны и не имеют принципиального значения**. Если мы рассматриваем отдельно взятый сосуд как «целостный культурный объект». Но при этом отдельные выше перечисленные характе-

ристики или комбинации их могут приобретать существенное значение при анализе ассортимента посуды на разных временных отрезках. Что, тем не менее, опять же обусловлено только лишь нюансами утилитарных подходов, претерпевающих определенные изменения с течением времени.

Попробуем рассмотреть массовый керамический материал из раскопов Пятницкого конца с этих позиций. Картина ассортиментного набора кухонной и столовой посуды и его стратиграфического распределения во времени приведена на сводной таблице – Рис. 244. Итак, по строительным горизонтам.

X горизонт (конец XI – начало XII вв.) Ассортимент посуды включает всего три позиции – кухонный горшок, крышка, светильник (Рис. 245–247). При этом для кухонных горшков фиксируется следующая цепочка взаимосвязанных признаков (обусловленных опять же утилитарным подходом): **размеры + пропорция + характер абриса внешнего контура** (далее в тексте – **АВК**)³⁰. Что касается различий абриса внешнего контура в группе кухонных горшков то на этом этапе фиксируется лишь две позиции в оформлении верхней трети тулова – вертикальная (под прямым или острым углом, с профилированной шейкой) или отогнутая наружу постройка венчика (так называемый «S-овидный профиль») – **АВК 1** (Рис. 245; 9; Рис. 247; 1) и **АВК 2** (Рис. 245; 1, 3, 8, 10–12; Рис. 246; 1–3, 8–10; Рис. 247; 1–4).

При этом следует иметь в виду, что в материале любого горизонта почти всегда присутствуют единичные изделия, о функциональном назначении которых мы можем лишь догадываться. В количественном отношении, скорее всего, преобладает форма **АВК 2**. Но здесь приходится учитывать то факт, что среди десятков тысяч фрагментов горшков значительная часть была горшков значительная часть была представлена мелкими, невыразительными обломками, что делает попытки определения количественных соотношений сосудов бесперспективными³¹.

³⁰ При этом эти перемены совсем не обязательно имеют эволюционный характер. Возможны и регрессии.

³¹ Да и сами попытки установить каких горшков – группы АВК 1 или АВК 2 больше или меньше – бессмысленны. Поскольку обе группы сосуществуют и подобные подсчеты не дают никакой существенной информации.

Подробное описание керамического материала из слоя того или иного пласта было приведено выше. Поэтому отметим лишь, что в это время большинство кухонных горшков орнаментировались (комбинации линейно-волнистого орнамента). Декор помещался в верхней трети тулова, на переходе от шейки к плечикам сосуда (Рис. 245; 1, 3, 9; Рис. 246; 3, 8–10; Рис. 247; 1–4). Но встречается также прием нанесения орнамента и ниже по тулову (Рис. 246; 4, 6). Обычно на этом этапе и клеймение донцев (Рис. 247; 10–11).

IX горизонт (конец XI – первая половина XII вв.) Ассортиментный набор несколько шире. По-прежнему широко представлены неполивные кухонные горшки вариант – **АВК 2** (Рис. 249; 1–9) и **АВК 1** (Рис. 248; 1–5). Появляются кухонные сосуды с очень плавным характером оформления верхней части тулова – практически без шейки – вариант **АВК 3** (Рис. 249; 10). В наборе устойчиво присутствуют крышки и светильники (Рис. 250; 7–12). Входят в обиход миски и мисообразные сосуды (Рис. 248; 6–8). Подавляющее большинство группы неполивных кухонных горшков имели клейма на донцах (Рис. 250; 1–6). По-прежнему присутствует орнаментация на тулове ниже перехода от шейки к плечу – линейно-волнистый орнамент, иногда в сочетании с пальцевыми вдавлениями (Рис. 249; 7) и косой насечкой (Рис. 249; 2, 5). С этого горизонта отмечается переход декора на тулово – ниже максимального расширения (Рис. 249; 5). А для сосудов варианта **АВК 1** – сплошная орнаментация от верхнего края венчика по тулову (Рис. 248; 1–3). Единичными экземплярами представлены изделия на Рис. 248; 9; 249; 11–12.

Существенным здесь является небольшое расширение ассортимента за счет появления мисок и мисообразных сосудов.

VIII горизонт (вторая половина XII – начало XIII вв.) Ассортиментный набор почти тот же, что и в горизонтах X и IX. В группе неполивных кухонных горшков – сосуды вариантов **АВК 1–3** (Рис. 251; 1–10). В единичных экземплярах появляются сосуды варианта **АВК 1**, но без выраженной шейки – **АВК 4** (можно рассматривать как модификацию **АВК 1** – Рис. 251; 11). В ассортименте появляются крышки, светильники, обломки втулок для рукоятей сковород,

миски (Рис. 252; 1–6, 8, 11). В керамике этого горизонта в единичных экземплярах встречаются фрагменты ручек от неполивных горшков (Рис. 252; 7, 10), а также единичные фрагменты горлышек неполивных кувшинов (Рис. 252; 9). Характер и приемы орнаментации не меняются. Донца сосудов также с клеймами (Рис. 252; 12–14).

Отметим, что с VIII горизонта фиксируется дальнейшее незначительное расширение ассортимента посуды – это фрагменты горшков (?) с ручками и появление не глазурованных кувшинов, в группе неполивных кухонных горшков появление сосудов варианта **АВК 4** (Рис. 251; 11). Среди фрагментов мисок из этого горизонта встречен один экземпляр со следами плохо сохранившейся поливы (Рис. 252; 1). Это один из редких примеров поливной посуды домонгольского времени, так как основная масса глазурованной керамики из раскопа 3 Пятницкого конца происходит из напластований периода позднего средневековья (Рис. 242).

VII горизонт (рубеж XIII–XIV – начало XV вв.) Набор кухонной посуды этого горизонта характеризуется наличием архаических черт, свойственных предшествующему периоду. В группе кухонных неполивных горшков все так же отмечается устойчивое присутствие сосудов вариантов **АВК 1** (зачастую не ярко выраженных, «смазанных» модификаций) и **АВК 2** (Рис. 253; 1–9). Более широко используются горшки варианта **АВК 3** (Рис. 254; 1–4). Все еще достаточно редкими, нехарактерными остаются горшки варианта **АВК 4** (Рис. 254; 8), которые в следующем хронологическом периоде становятся преобладающей формой. Продолжают бытовать крышки (Рис. 255; 4), светильники (Рис. 255; 3), редко – фрагменты сковород (Рис. 255; 2). В характере нанесения декора (Рис. 253; 1–4, 8–10; Рис. 254; 1–4; Рис. 255; 9) и клейм на донцах сосудов (Рис. 255; 5–6) принципиальных изменений нет. Расширение ассортимента происходит за счет присутствия в кухонном наборе горшков с ручками – вариант **АВК 5** (Рис. 254; 5–7). При этом наличие ручек является ведущим признаком этих сосудов, так как по оформлению верхней части изделий они могут быть отнесены к одному из описанных выше четырех основных вариантов абриса внешнего контура.

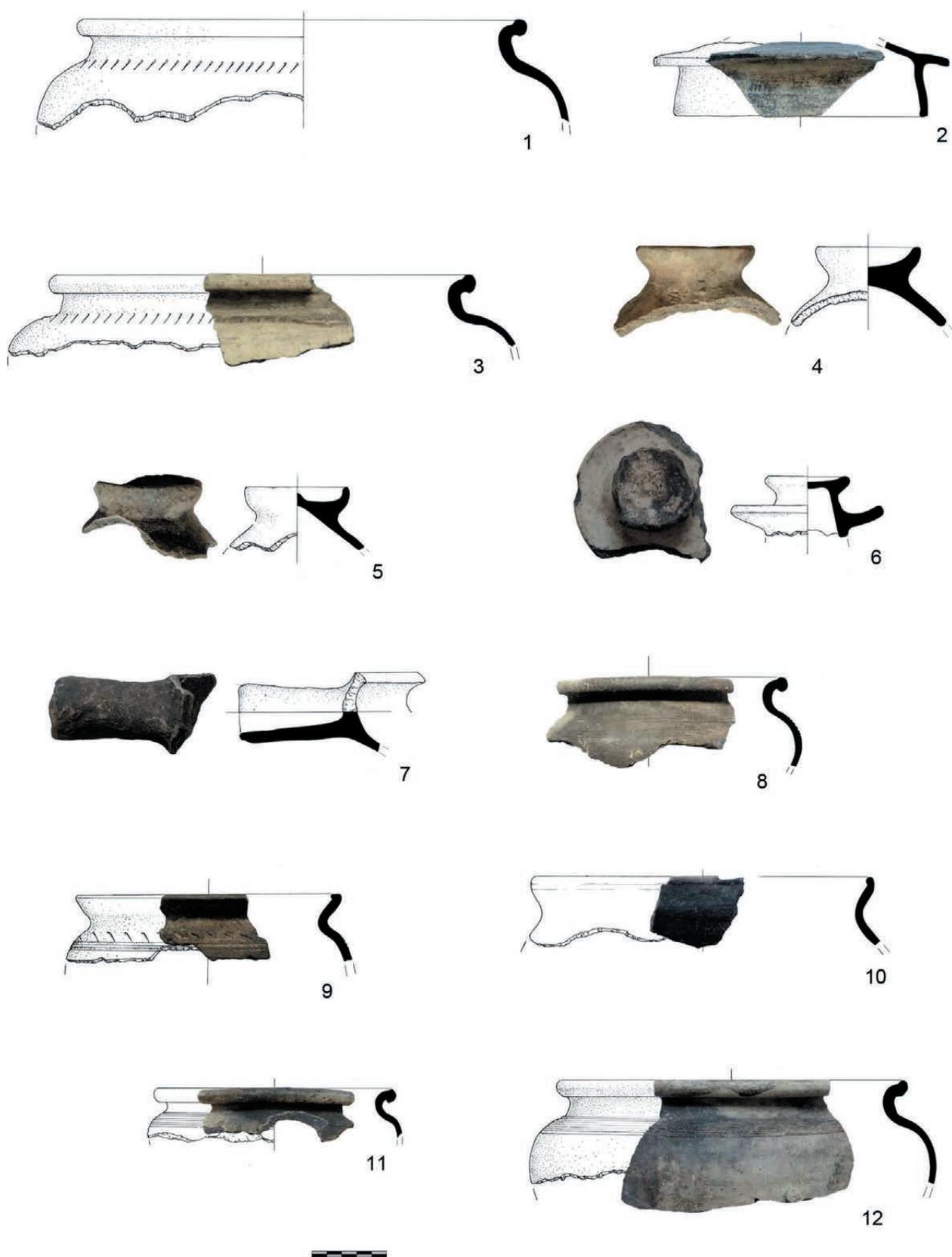

Рис. 245. Керамический материал – кухонные не поливные горшки из материковых ям раскопа 3: 1–3, 5–7 – яма 6; 4 – яма 5; 8 – яма 7; 9 – яма 8; 10–12 – яма 9 (1–3, 5, 8, 11–12 – АВК 2; 9–10 – АВК 1); 2, 4–5 – фрагменты крышек; 6 – фрагмент светильника; 7 – фрагмент керамической ручки от сковородки

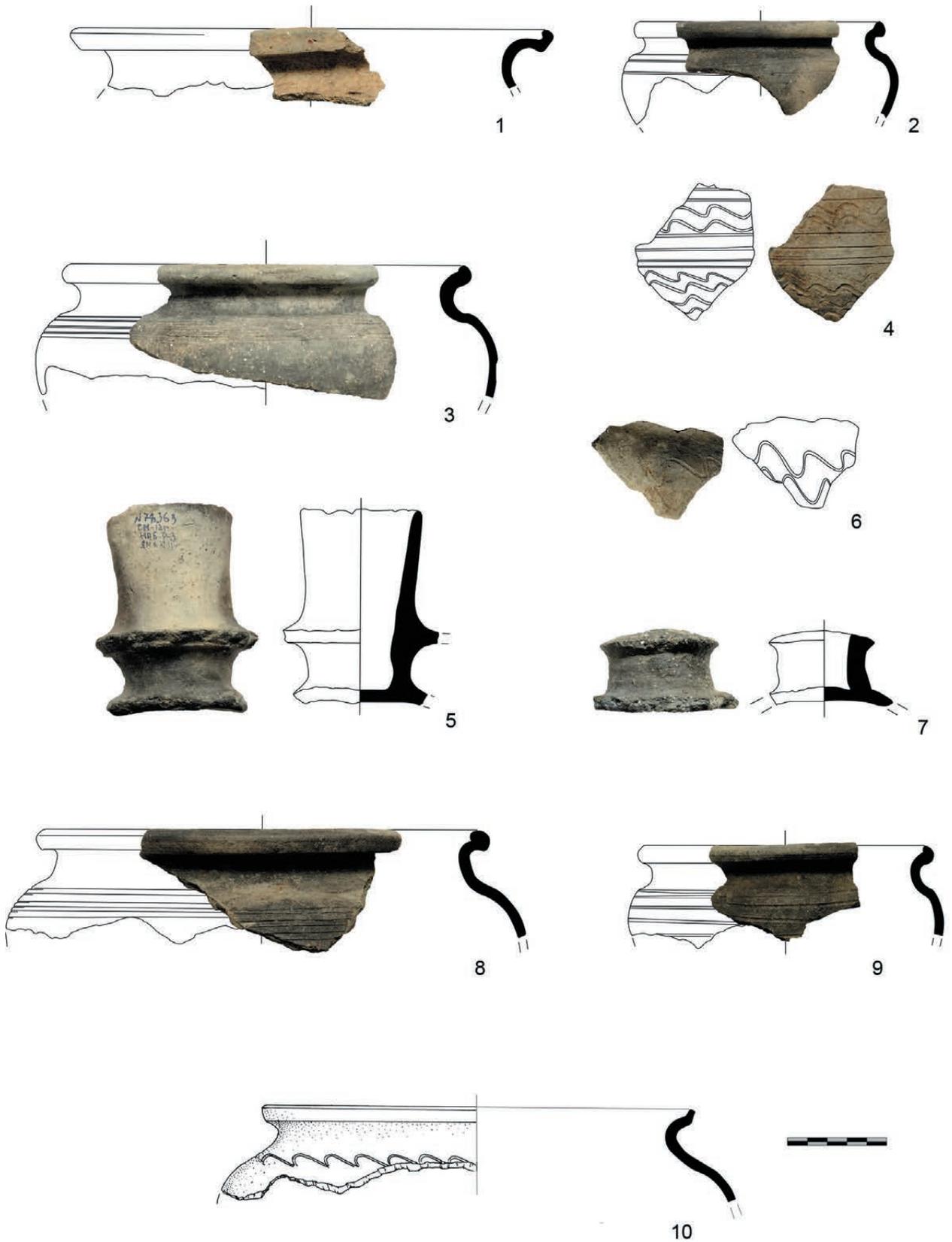

Рис. 246. Раскоп 3. Кухонная неполивная керамика из материковых ям: 1–7 – яма 11; 8–9 – яма 12; 10 – яма 13 (1–3, 8–10 – горшки АВК 2); 4, 6 – фрагменты стенок сосудов с линейно-волнистым прочерченным орнаментом; 5 – фрагмент светильника; 7 – фрагмент крышки

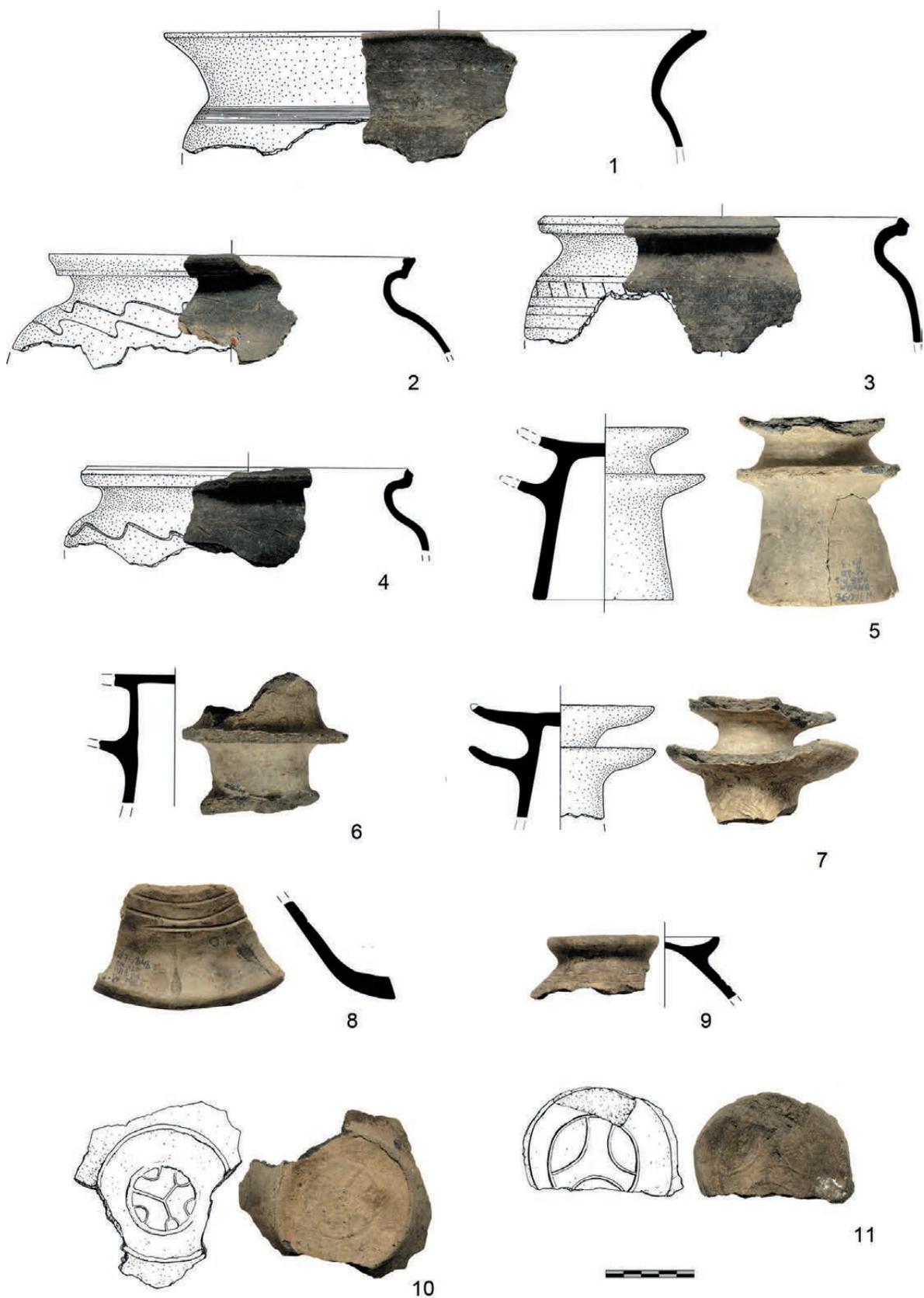

Рис. 247. Раскоп 3. Неглазурованная кухонная посуда из слоя X строительного горизонта: 1-4 – горшки (1 – АВК 1; 2-4 – АВК 2); 5-7 – фрагменты светильников; 8-9 – крышки; 10-11 – фрагменты донцев с клеймами

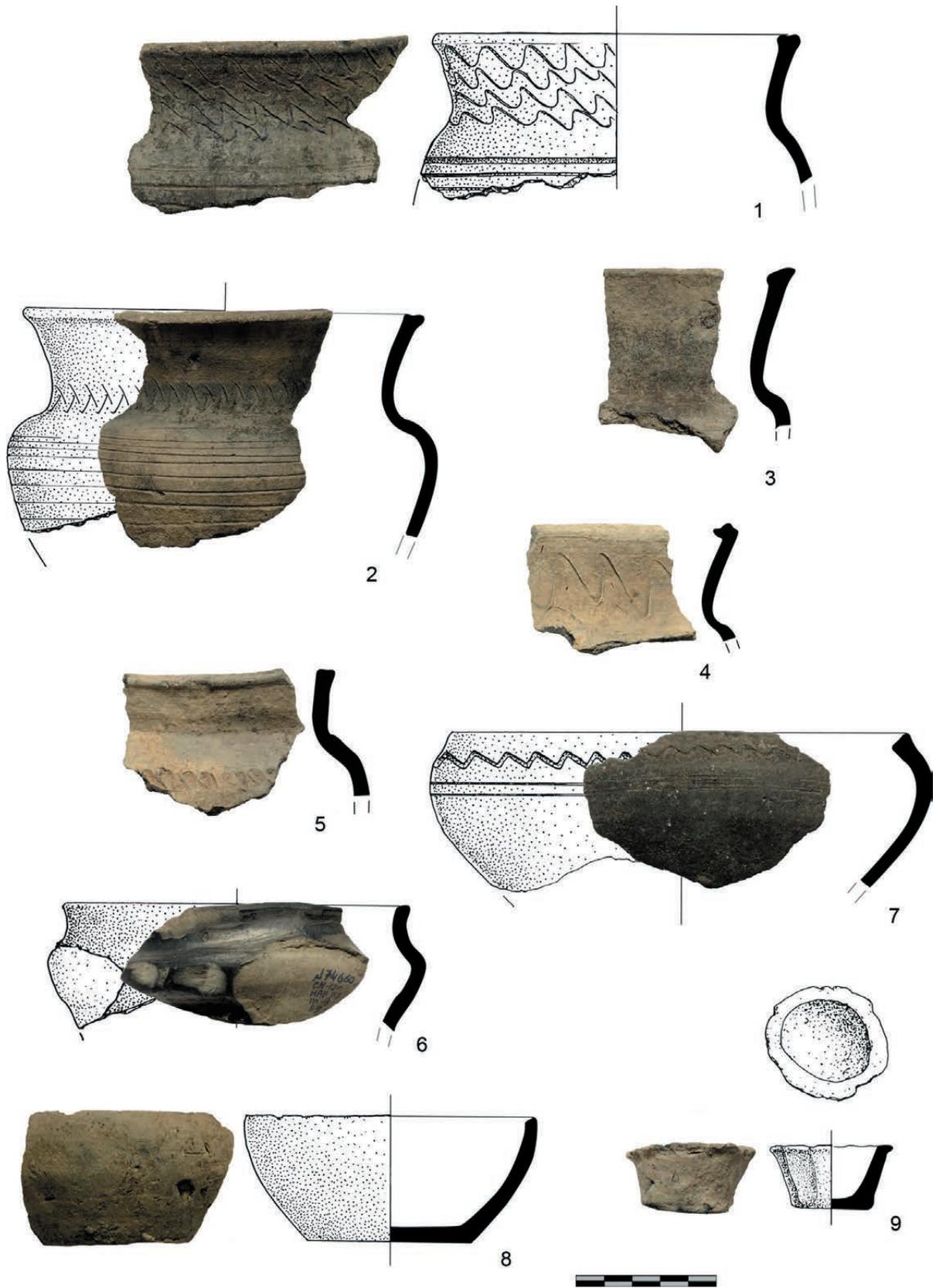

Рис. 248. Раскоп 3. Неглазурованная кухонная посуда из слоя IX строительного горизонта: 1–5 – горшки варианта АВК 1; 6–7 – мисообразные сосуды; 8 – миска; 9 – керамическое изделие неопределенного назначения

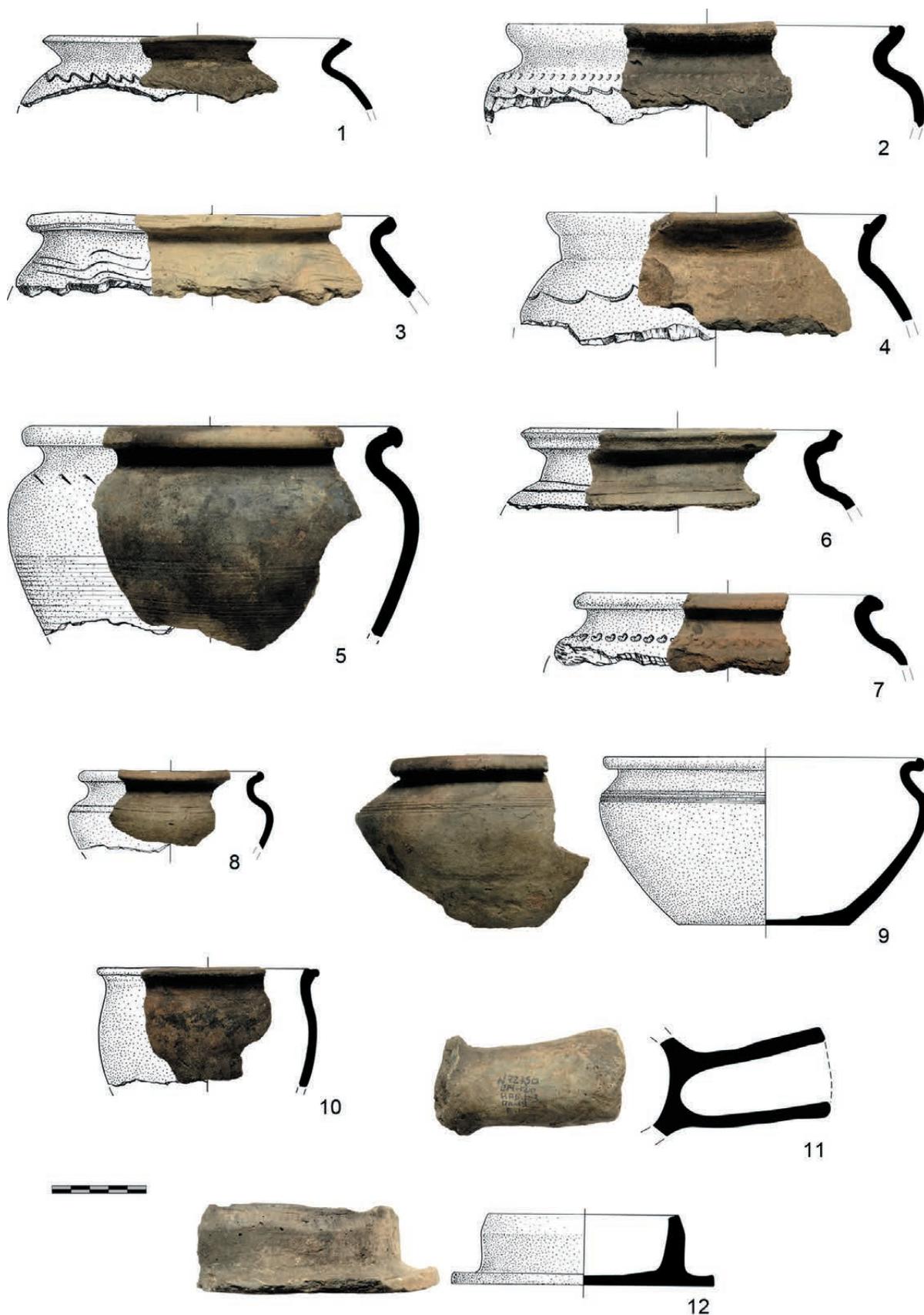

Рис. 249. Раскоп 3. Не поливные кухонные горшки варианта АВК 2 (1–9); 10 – кухонный сосуд варианта АВК 3; 11 – фрагмент ручки сковороды; 12 – планка-светильник (?)

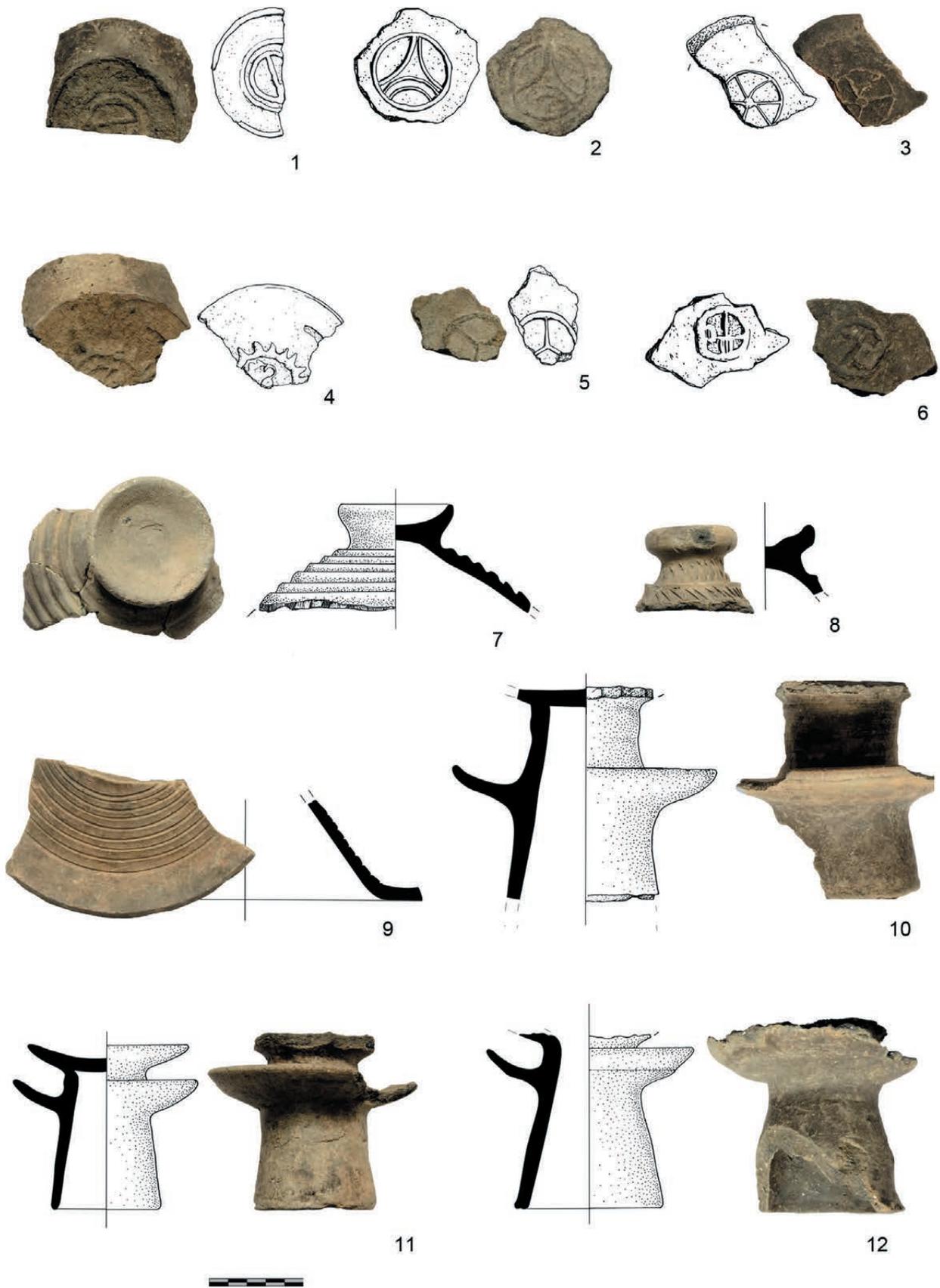

Рис. 250. Раскоп 3. Керамика из слоя IX строительного горизонта: 1–6 – донца сосудов с клеймами; 7–9 – фрагменты крышек; 10–12 – светильники

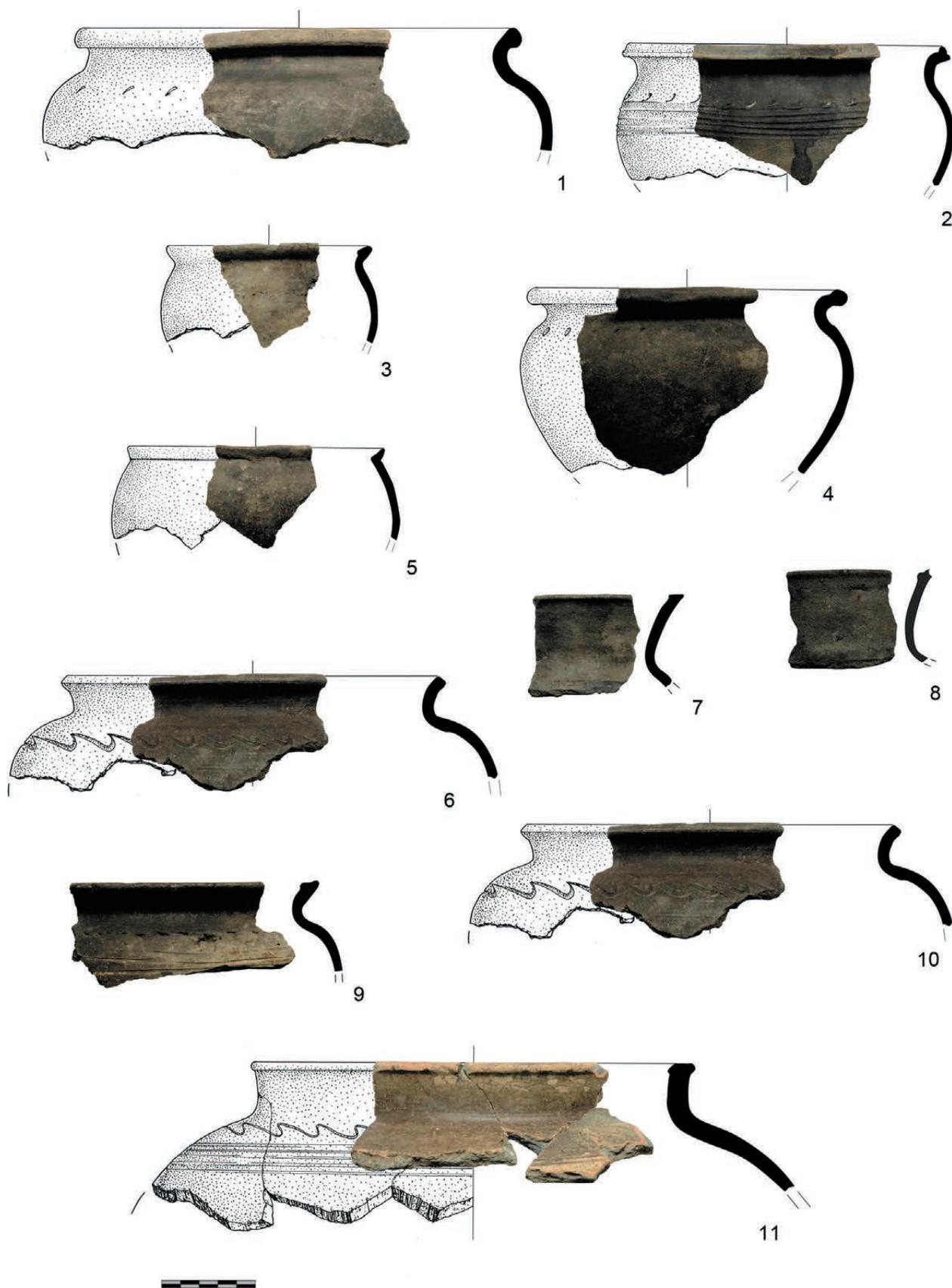

Рис. 251. Раскоп 3. Не поливные кухонные горшки из слоя VIII строительного горизонта (1–2, 4, 6 – АВК 2; 3 – АВК 3; 7–10 – АВК 1; 11 – АВК 4)

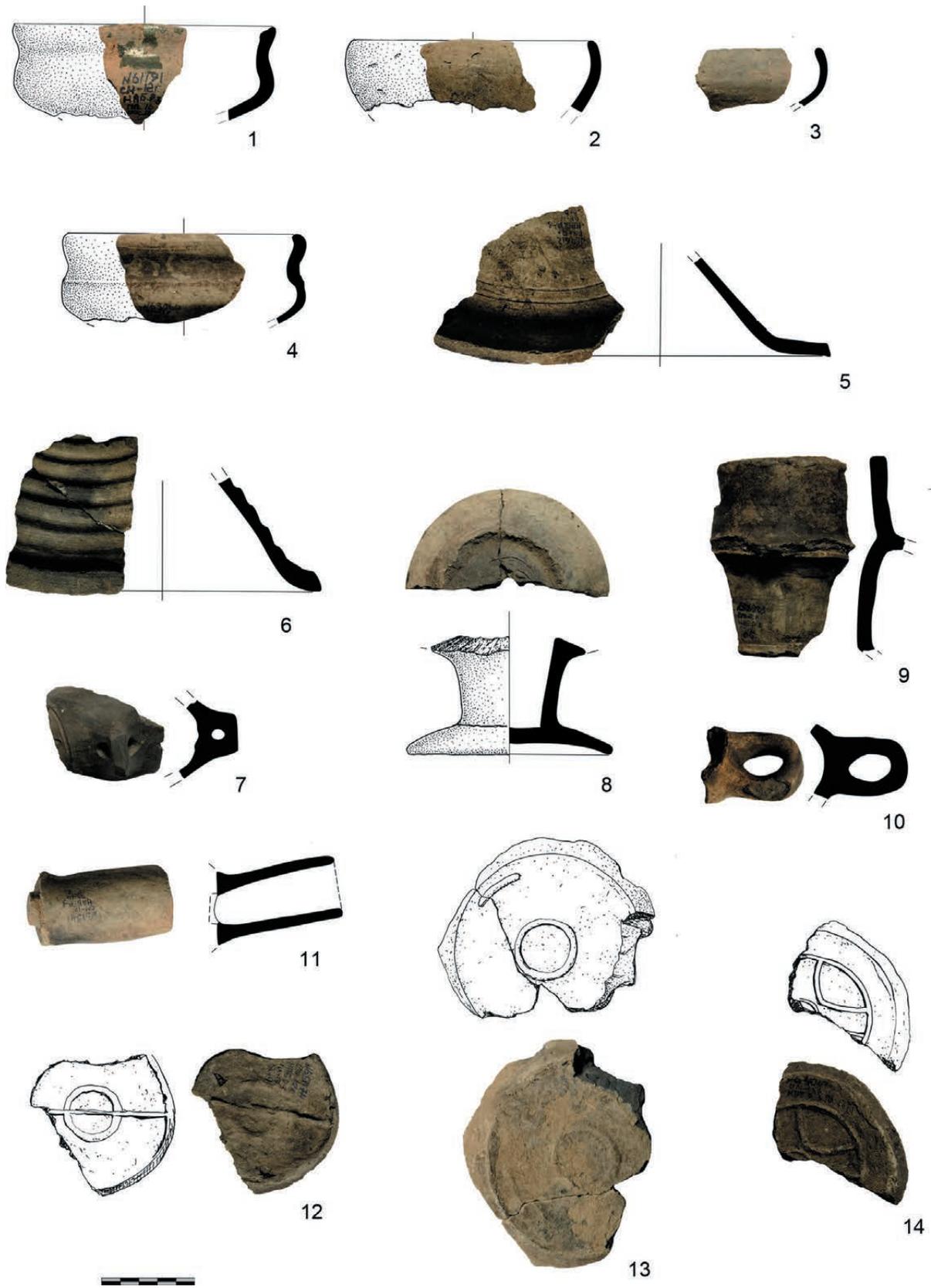

Рис. 252. Раскоп 3. Кухонная посуда из слоя VIII строительного горизонта: 1–4 – миски; 5–6 – фрагменты крышек; 7, 10 – ручки от кухонных горшков (?); 8 – фрагмент светильника; 9 – фрагмент горла не поливного кувшина; 11 – втулка для рукоятки сковороды; 12–14 – донца с клеймами

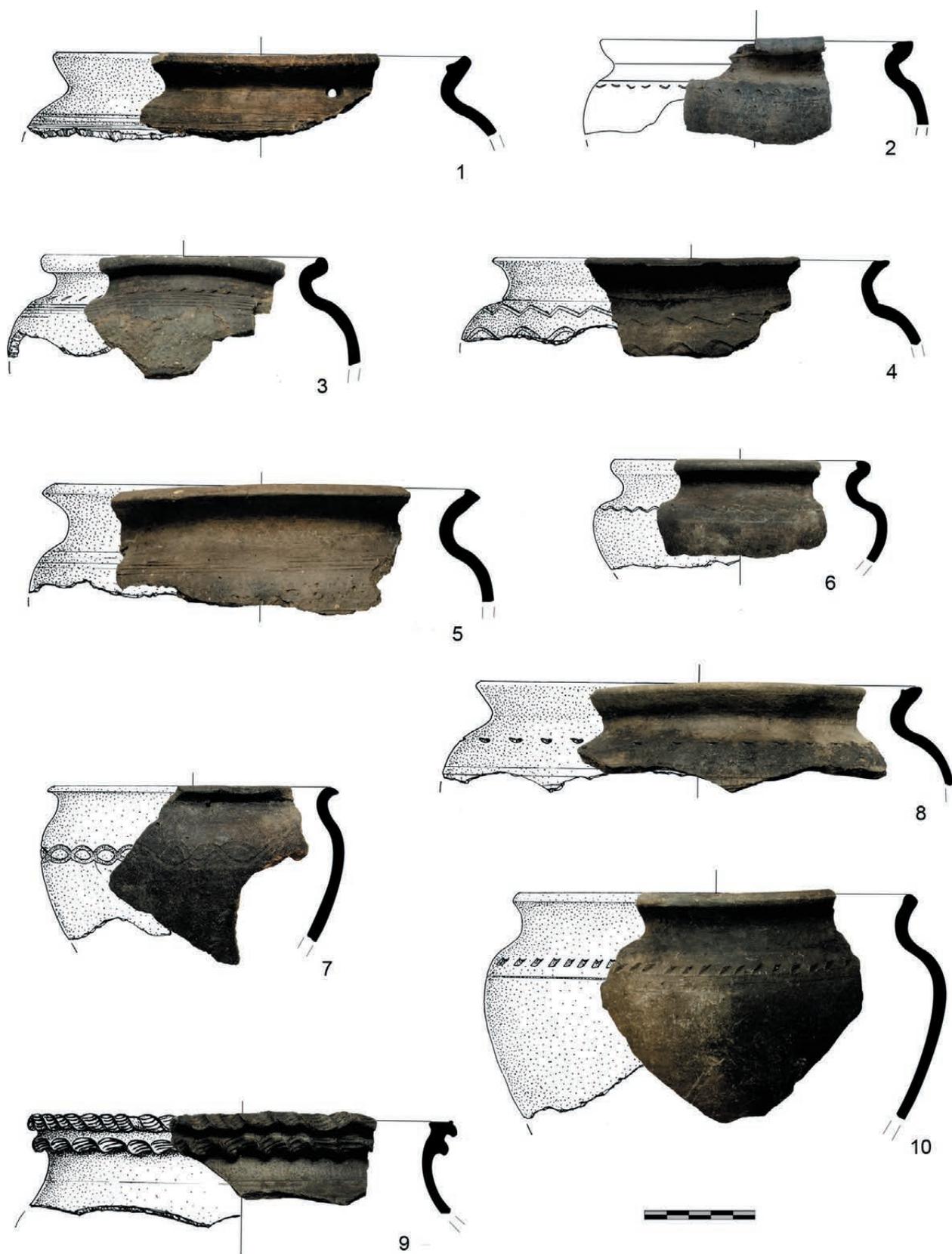

Рис. 253. Раскоп 3. Кухонные неглазурованные горшки из слоя VII строительного горизонта (1–10 – варианты АВК 1 и 2)

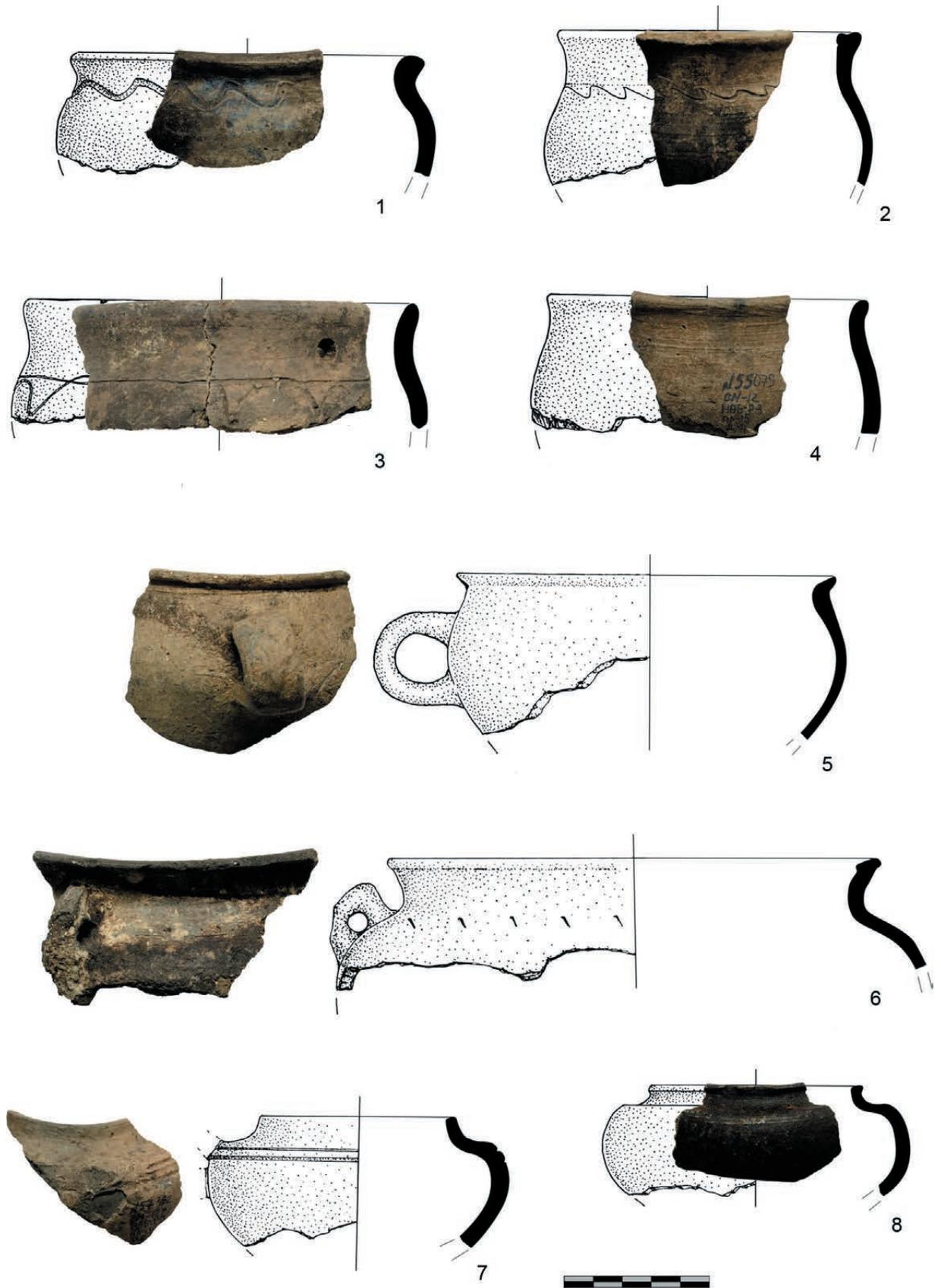

Рис. 254. Раскоп 3. Кухонные сосуды из слоя VII строительного горизонта (1–4 – вариант АВК 3; 8 – вариант АВК 4; 5–7 – АВК 5 – горшки с ручками)

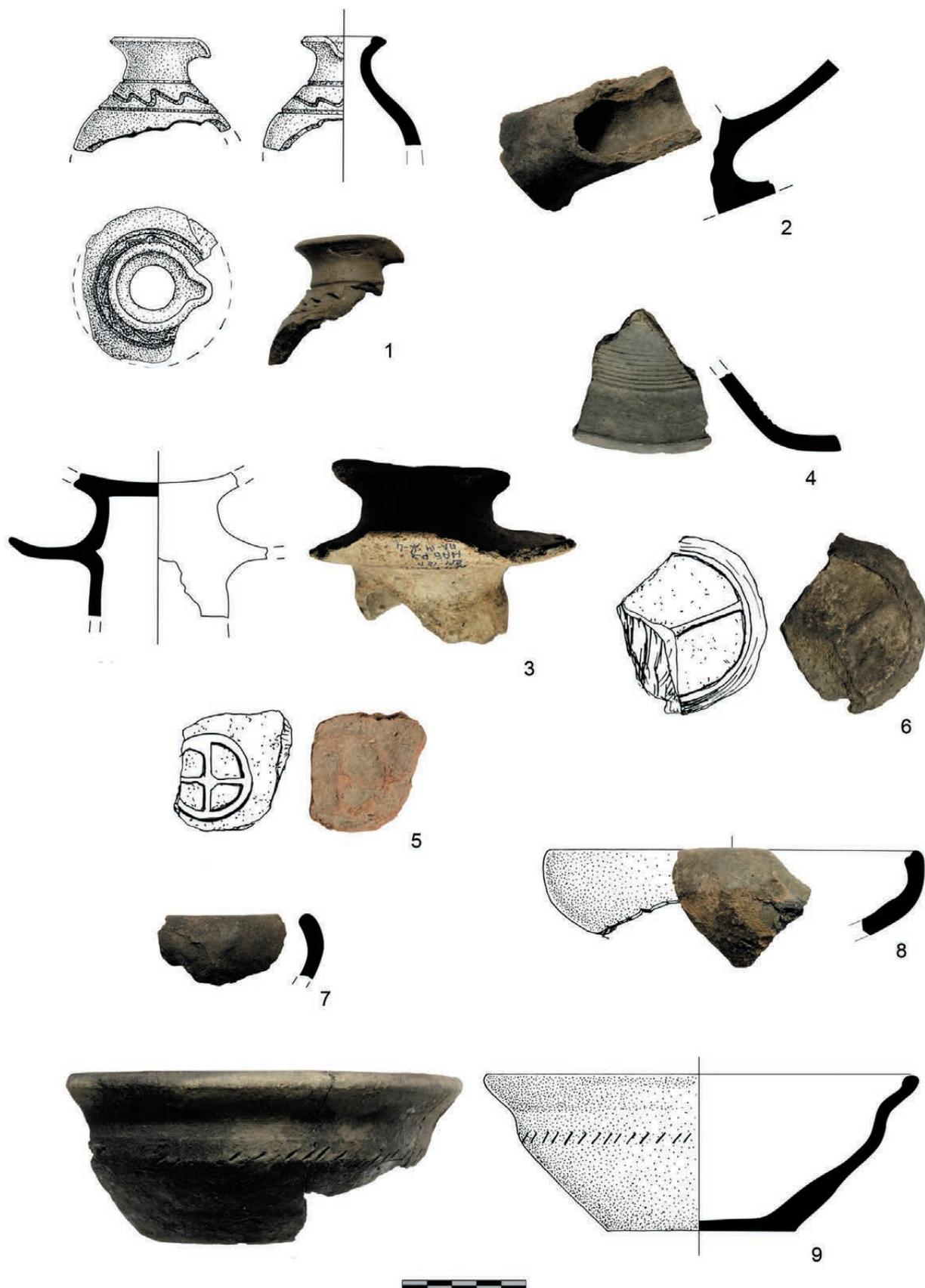

Рис. 255. Раскоп 3. Керамические изделия из слоя VII строительного горизонта: 1 – фрагмент неглазурованной кубышки; 2 – втулка от рукояти сковороды; 3 – фрагмент светильника; 4 – крышка; 5–6 – донца сосудов с клеймами; 7–9 – миски

Начиная со следующего горизонта, мы окончательно вступаем в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени – XVI–XVII – начало XVIII столетия. И здесь перемены в ассортименте наборов кухонной и столовой посуды, а также широкое распространение изделий с ярко выраженными приемами обработки внешней и внутренней поверхности сосудов, более контрастны.

VI горизонт (конец XIV–XV вв.) Группа кухонных неполивных горшков, так же как и материал предшествующего горизонта, отмечена печатью архаичности. Преобладают сосуды варианта **АВК** различных модификаций (Рис. 256; 2–10). Фиксируется исчезновение из обихода горшков варианта **АВК 1** – встречены в единичных экземплярах, как реминисценции (Рис. 256; 1). Также исчезают из состава кухонного набора горшки варианта **АВК 3** – горшки с мягкой, плавно линией оформления верхней части сосуда, практически без моделированных переходов от венчика к плечикам и от плечика к тулову, редки сосуды варианта **АВК 4**. В материале из слоя VI горизонта не встречено ни одного фрагмента сосудов варианта **АВК 5** (горшки с ручками). Менее выразительными становятся приемы орнаментации – декор присутствует только на плечиках горшков (Рис. 256; 2, 4–8, 10). По-прежнему сохраняется традиция клеймления донцев сосудов (Рис. 258; 6–9). Более разнообразными становятся формы мисок и мисообразных сосудов (Рис. 257; 1–6). При этом отмечено полное исчезновение из обихода керамических светильников. Возможно, что какие-то из мисообразных сосудов использовались в качестве приборов для освещения. Крышки сохраняют традиционную форму (Рис. 257; 8).

Происходит и расширение ассортиментного набора посуды за счет появления в обиходе групп столовой и тарной керамики черного лощения. Ее количество в слое VI горизонта достигает величины 5–5,5% от общего числа выборки (Рис. 242). Чернолощенная посуда представлена преимущественно кувшинами (Рис. 258; 1, 3–4). На чернолощенных сосудах изредка встречается линейно-волнистая орнаментация (Рис. 258; 3). Глазурованная посуда почти отсутствует (десятые доли процента от общего числа фрагментов).

V горизонт (начало – третья четверть XVI в.) Керамика из слоя этого горизонта обладает несколькими яркими чертами контрастирующими с материалом предшествующих периодов. Прежде всего, отмечается устойчивое присутствие в ассортименте кухонной, тарной и столовой посуды глазурованных изделий. Их количество в слоях горизонта достигает 4,4% от общего числа выборки (Рис. 242). Столь же широко представлена чернолощенная тарная и столовая посуда – 12–13% от общего числа фрагментов горизонта (Рис. 242). Что касается группы кухонных неполивных горшков, то здесь, наряду с присутствием прежних архаичных форм варианта **АВК 2** (Рис. 259; 1–10), в обиходе в массовом порядке появляются сосуды, абрис внешнего контура которых в верхней части изделия характеризуется низким венчиком (различных модификаций постановки и оформления края), практически отсутствующей шейкой и резким расширением тулова прямо под венчиком – вариант **АВК 6** (Рис. 260; 1–2, 4–7). Этот вариант кухонных неполивных горшков в дальнейшем вытесняет все другие варианты этой группы изделий и становится доминантным. Отметим также устойчивое присутствие в группе кухонных неполивных горшков варианта **АВК 5** (горшки с ручками – Рис. 260; 9 Рис. 261; 9–10). В этот период сходит на нет традиция орнаментации тулова сосуда – она встречается все реже, а также исчезают клейма на донцах неполивных кухонных горшков. Помимо горшков, ассортиментный набор остается прежним – миски (Рис. 261; 1–2), крышки (Рис. 261; 3–7), сковороды (Рис. 261; 11–12). Упомянем еще раз присутствие в наборе посуды не характерных, единичных изделий (Рис. 244).

В группе тарной чернолощенной посуды по-прежнему преобладают широкогорлые кувшины (Рис. 262; 1–3). Новации в ассортименте улавливаются лишь в наборе бытовой глазурованной посуды. В обиходе появляются поливные чайники и рукомои (Рис. 262; 13). К сожалению, на практике сохранность этих изделий оставляет желать лучшего. В основном нам приходится иметь дело с носиками этих изделий.

Отметим еще одну деталь, выделяющую керамику этого горизонта. В группе поливных кухонных горшков присутствует серия

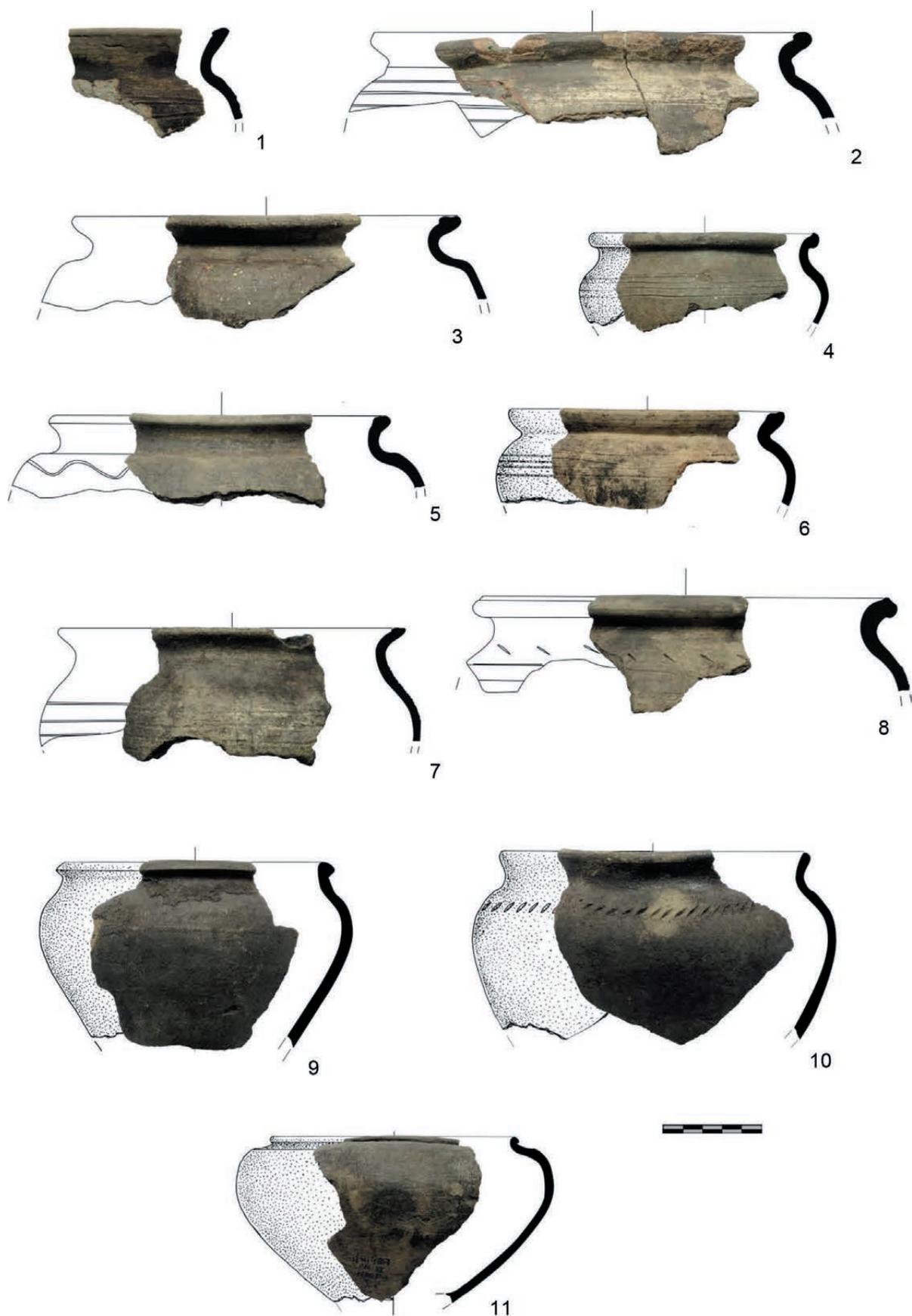

Рис. 256. Раскоп 3. Кухонные не поливные горшки из слоя VI строительного горизонта

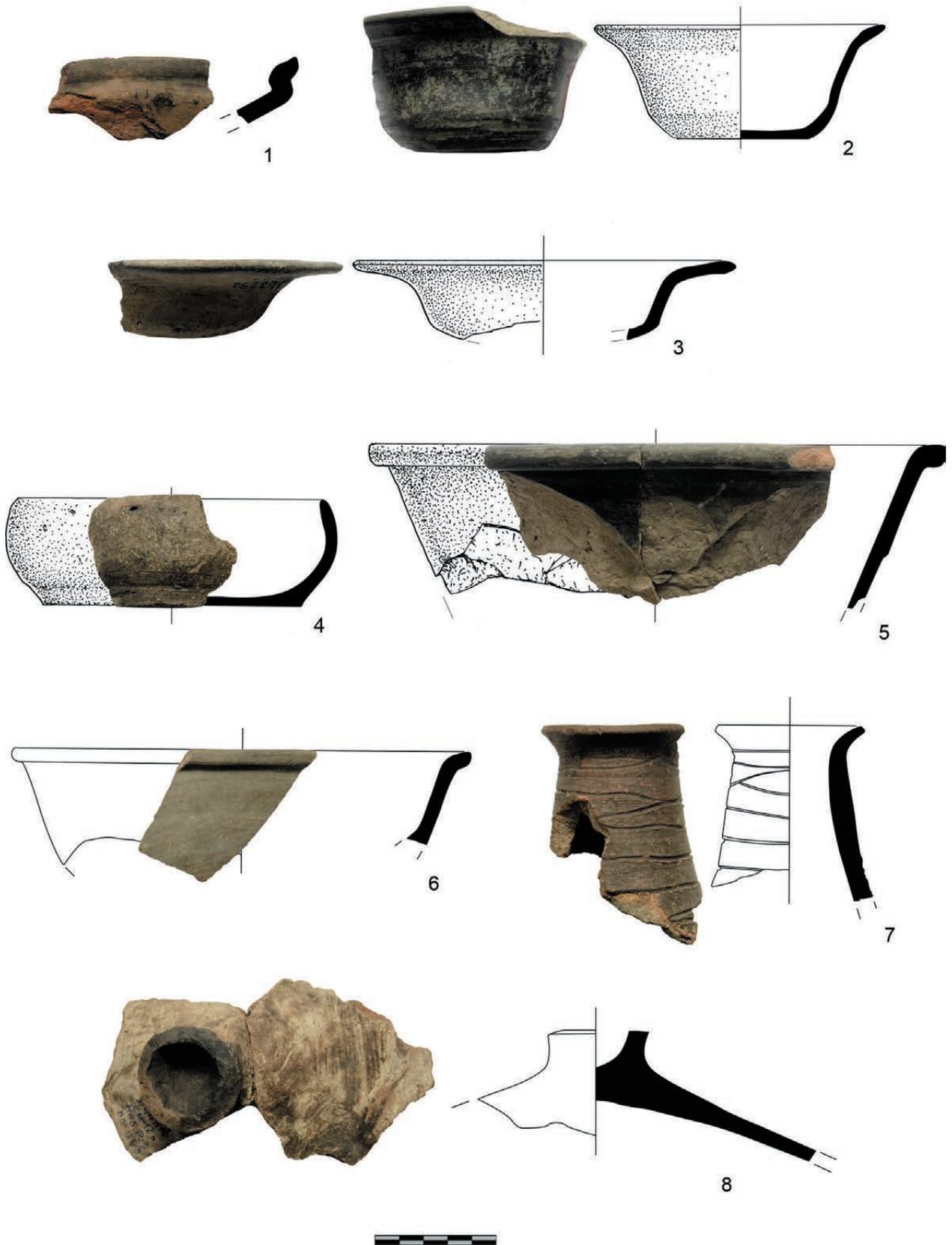

Рис. 257. Раскоп 3. Кухонная и столовая посуда из слоя VI строительного горизонта: 1–6 – миски и мисообразные сосуды; 7 – фрагмент горла не поливного кувшина (?); 8 – крышка

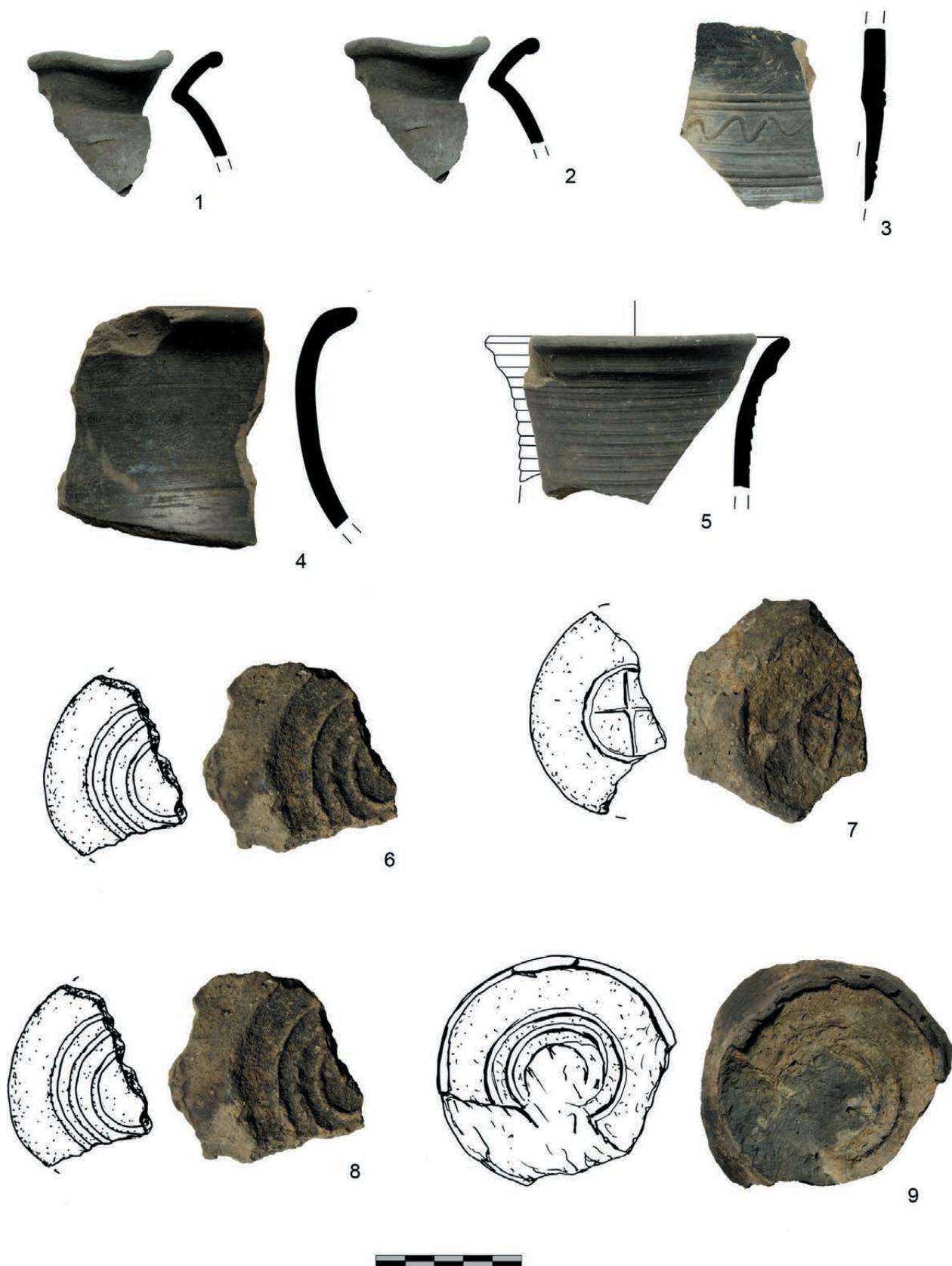

Рис. 258. Раскоп 3. Керамика из слоя VI строительного горизонта: 1–5 – фрагменты не поливных и лощеных кувшинов; 6–9 – клейма на донцах кухонных не поливных горшков

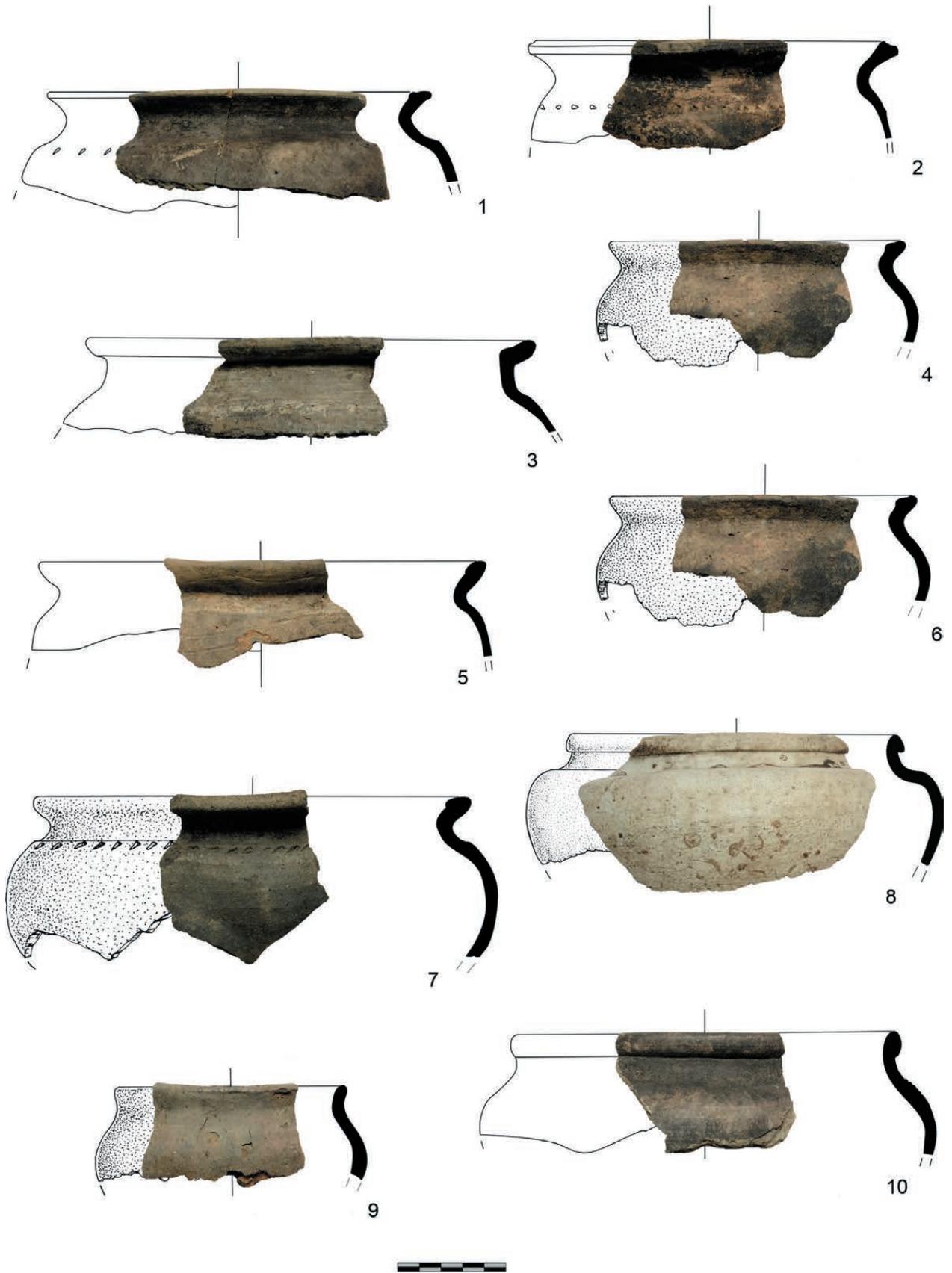

Рис. 259. Раскоп 3. Кухонные не поливные горшки из слоя V строительного горизонта

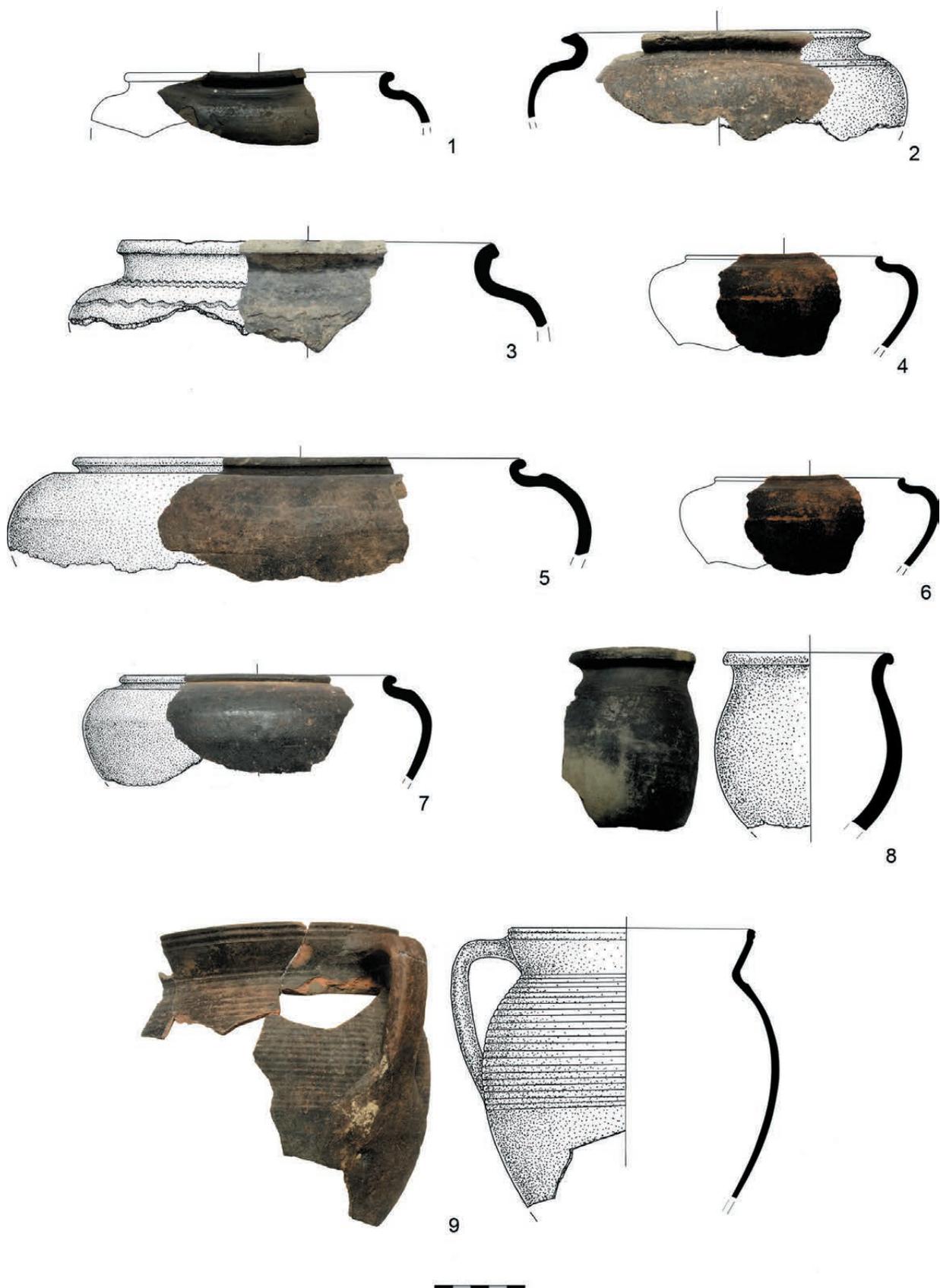

Рис. 260. Раскоп 3. Кухонные не поливные горшки из слоя V строительного горизонта (1–2, 4–7 – вариант АВК 6; 8 – единичная форма; 9 – горшок варианта АВК 5 с линейным рифленным орнаментом тулова)

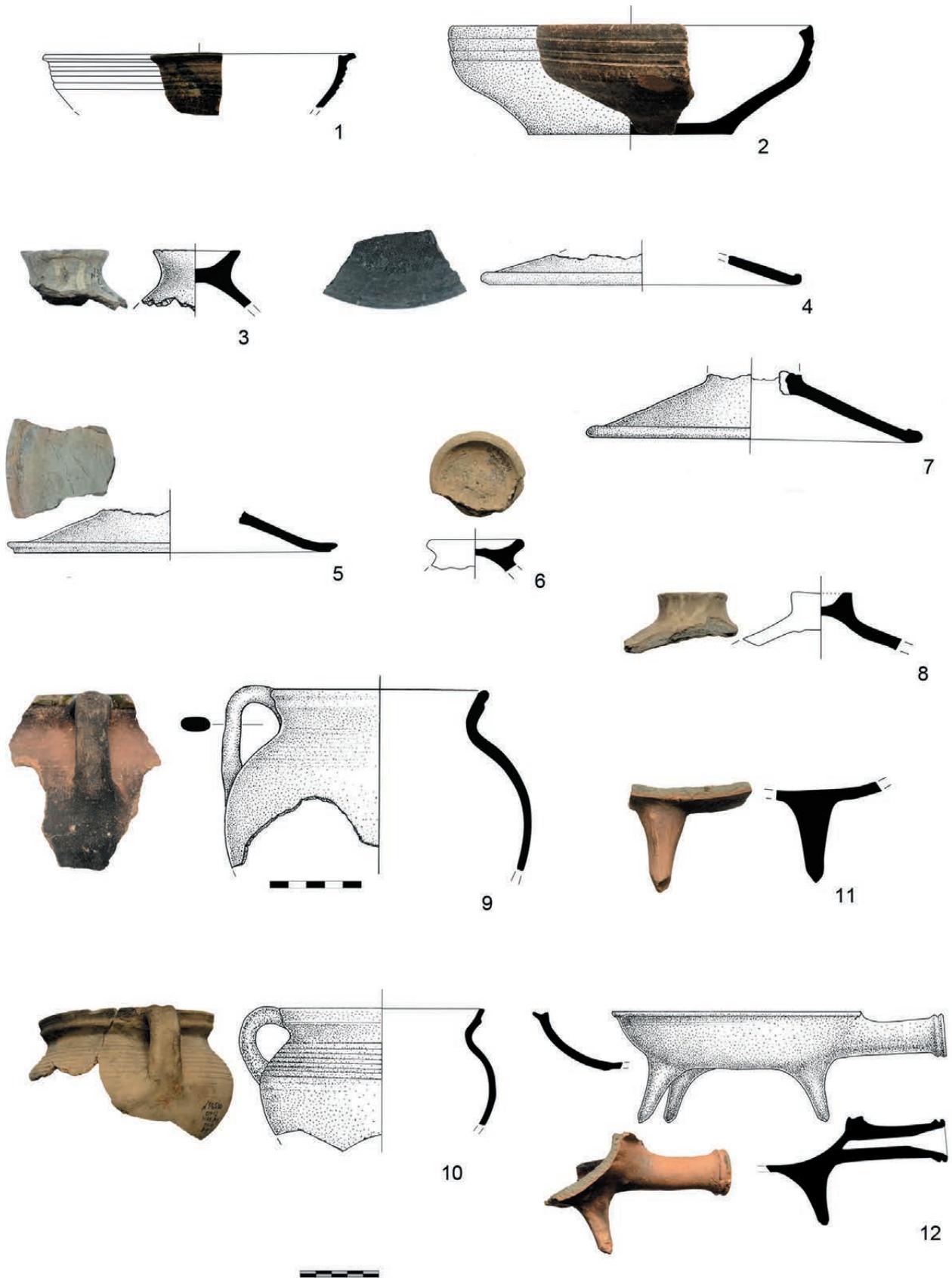

Рис. 261. Раскоп 3. Ассортиментный набор кухонной и столовой посуды из слоя V строительного горизонта: 1–2 – миски; 3–8 – крышки; 9–10 – не поливные горшки варианта АВК 5; 11–12 – сковороды

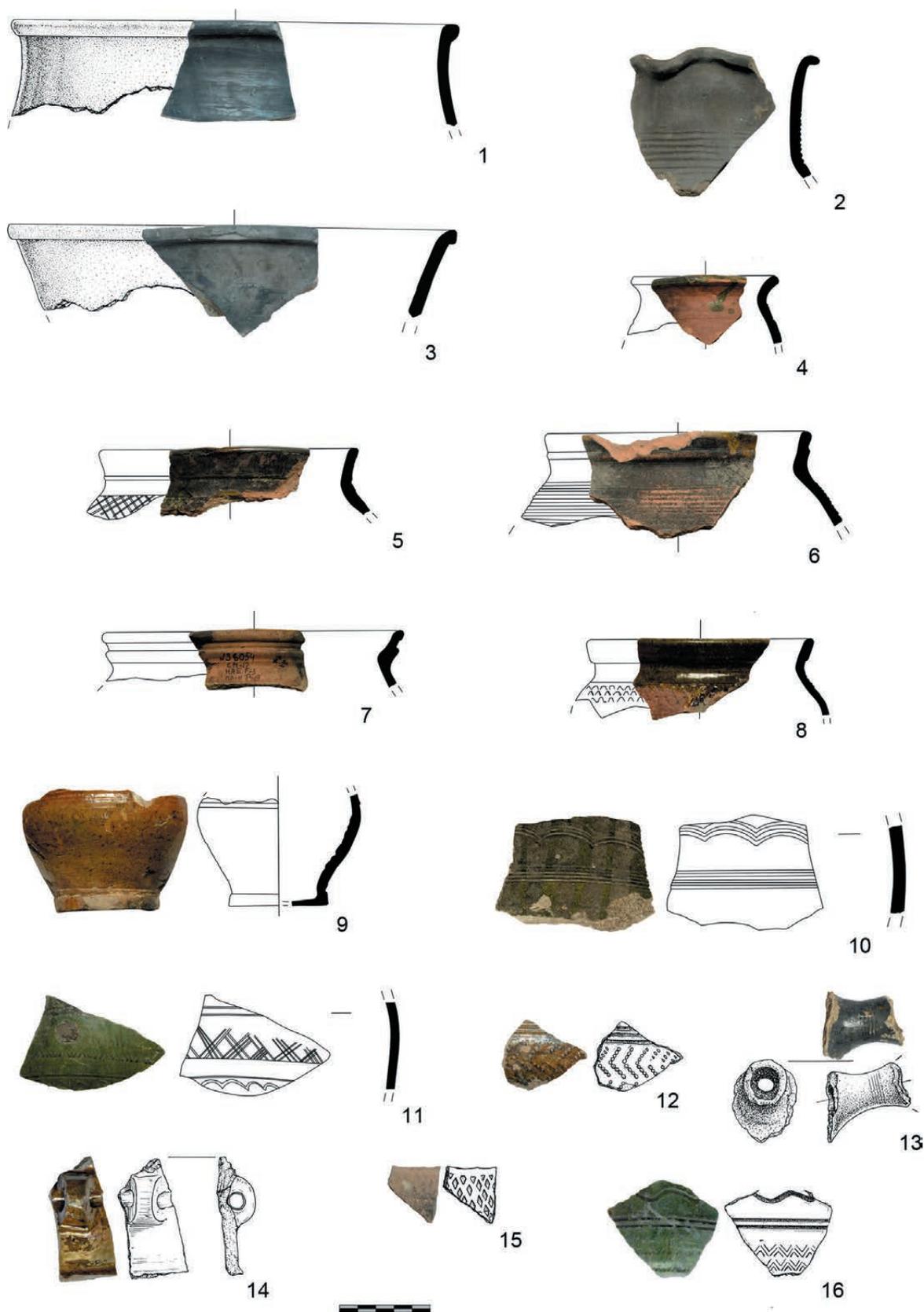

Рис. 262. Раскоп 3. Тарная и столовая чернолощенная и глазурованная посуда из слоя V строительного горизонта: 1–3 – фрагменты чернолощенных кувшинов; 4–8 – глазурованные кухонные горшки со штампованным орнаментом; 9–12, 14–16 – фрагменты орнаментированной глазурованной керамики; 13 – носик поливного чайника (рукомоя?)

изделий, тулово которых на уровне плечиков украшено пояском сплошного штампованного орнамента (различных комбинаций элементов) или глубоко врезанными сочетаниями мотивов линейно-волнистой орнаментации (Рис. 262; 4–12, 14–16). По характеру оформления верхней части эти горшки могут рассматриваться как симбиоз вариантов **АВК 1** и **АВК 6**. Изделия этой серии материала, по-видимому, немногочисленны. Они фиксируются в слоях V горизонта, присутствуют в напластованиях вышележащего IV строительного горизонта и в середине XVII в. исчезают так же внезапно, как и появились.

IV горизонт (конец XVI – первая половина XVII вв.) В керамическом наборе этого горизонта фиксируется дальнейшее расширение ассортимента, преимущественно в группе столовой посуды. По-прежнему, высок процент чернолощеной посуды (в среднем 7,5–10%, от общего количества фрагментов из пласта), но с тенденцией к убыванию (Рис. 242). А также – максимальные показатели бытования глазурованных изделий (5,3–7%). Что касается группы кухонных неполивных горшков, то они представлены фактически одной разновидностью форм – вариант **АВК 6** (Рис. 263; 1–2, 3, 6–9) и изредка встречающимися единичными не характерными изделиями (Рис. 263; 10). Орнаментация на сосудах этой группы встречается все реже, и декоративные мотивы (все те же вариации линейно-волнистого орнамента) располагаются исключительно на резко раздутых плечиках горшков (Рис. 263; 1, 4, 8, 11). Традиция клеймления донцев себя окончательно изжила. В качестве пережиточных явлений встречаются фрагменты горшков варианта **АВК 2** (Рис. 263; 4, 11).

В группе кухонной неполивной посуды продолжают бытование сосуда варианта **АВК 5** (Рис. 496; 6), а также крышки (Рис. 264; 12–14), различные варианты мисок, плошек и мисообразных изделий (Рис. 264; 1–11). Среди них встречены несколько любопытных экземпляров, венчик и тулово которых на уровне плечика декорированы пояском пальцевых зацепов и вдавлений (Рис. 264; 5–6). Отдельные экземпляры снабжены врезным линейным орнаментом по тулову (Рис. 264; 10–11; Рис. 495; 3, 7).

Чернолощеной керамика представлена фрагментами широкогорлых кувшинов

(Рис. 266; 4–5). Реже встречаются неполивные кувшины (Рис. 266; 7; Рис. 267; 4).

Расширение ассортимента наблюдается в группе столовой посуды. В обиходе появляются кубышки (Рис. 266; 1–3), редко – красноглиняные биконической формы стопки (Рис. 244), тарелки – глазурованные и неполивные (Рис. 268; 1–5). Все они имеют различные комбинации орнаментальных мотивов по верхней плоскости резко отогнутого края.

Среди материала этого горизонта, так же как в слое горизонта V, присутствует компактная группа глазурованных горшков, выделяющихся на фоне остального материала характером орнаментации. Сосуды этой серии декорированы либо от самого верхнего края венчика, либо непосредственно под ним на плечиках и ниже по тулову мотивами штампованного геометрического орнамента (Рис. 269; 1–2, 6, 8, 10–13), либо глубоко врезанной по сырой глине многорядной линейной орнаментацией, делающей поверхность горшка рифленой (Рис. 269; 3, 5, 7, 9). Есть соблазн выделить эту серию изделий в отдельный вариант абриса внешнего контура – **АВК 7**, так как вариации оформления верхней части изделий сочетают в себе приемы горшков вариантов **АВК 1**, **АВК 6** и **АВК 5**. Происхождение этой группы керамики пока остается неясным, но выглядят они в общем массиве керамического материала явно чужеродным звеном. Подобные изделия известны в городских слоях XVI – первой половины XVII в. на территории Речи Посполитой (Зданович, Трусаў. 1993. Мал. 24–27; Трусаў, Соболев, Зданович. 1993. Мал. 70, 73).

III горизонт (вторая половина XVII в.). Приступая к описанию керамического материала этого горизонта, подчеркнем, что имеются несколько специфических черт, обусловленных тем, что значительная часть материала – фрагментов и целых форм – происходит из построек так называемой «польской» усадьбы, в одной из которых на протяжении достаточно длительного времени функционировало питейное заведение, что и отразилось на ассортименте. В материалах этого горизонта сохраняется достаточно высокий процент глазурованных изделий (около 6% от общего количества выборки). Одновременно фиксируется тенденция количественного спада чернолощеной керамики – от 1,7 до 0,6% (Рис. 242).

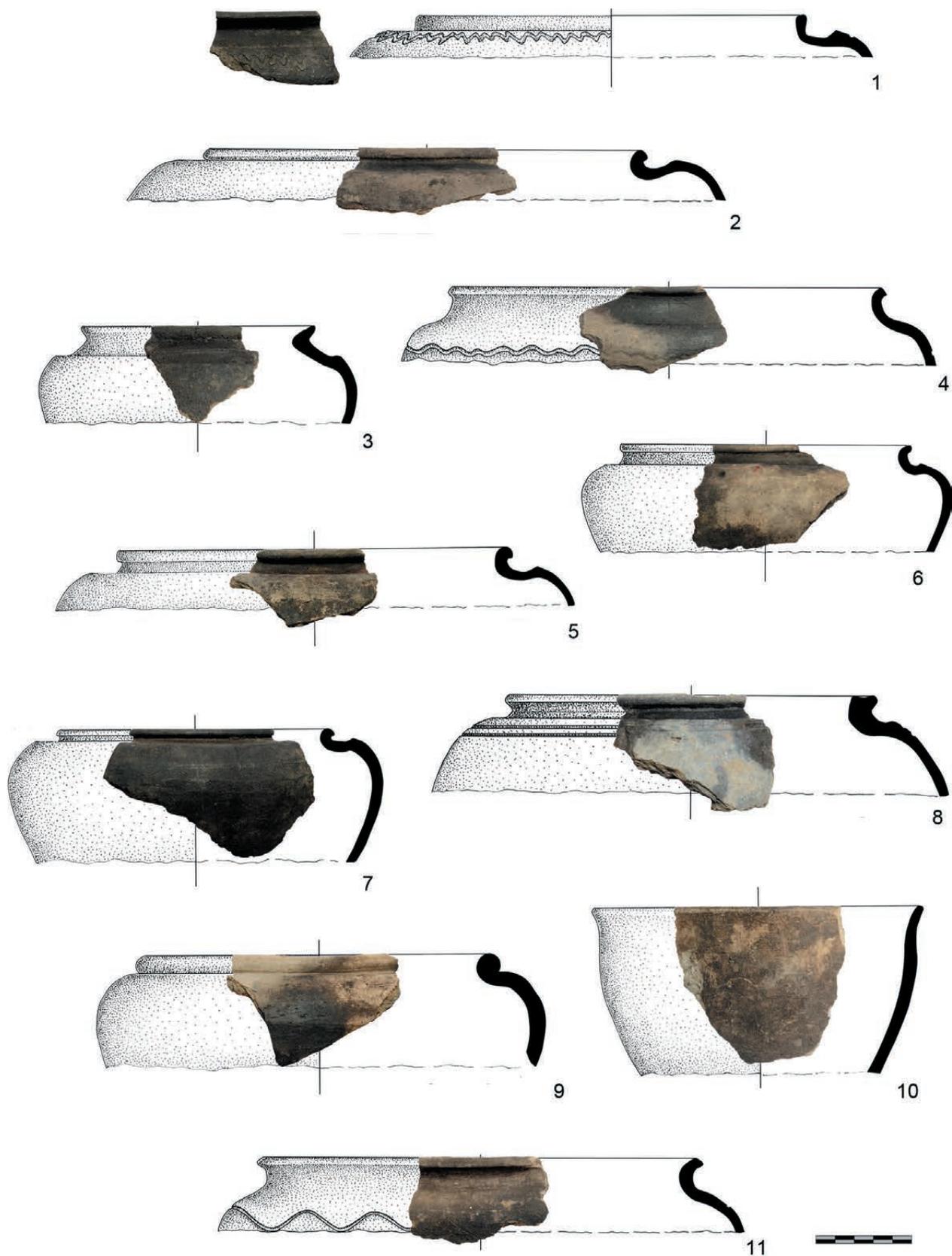

Рис. 263. Раскоп 3. Кухонные не поливные горшки из слоя IV строительного горизонта (1–2, 3, 6–9 – вариант АВК 6; 10 – единичная форма; 4, 11 – деградирующие формы варианта АВК 2)

Рис. 264. Раскоп 3. Миски, плошки, мисообразные сосуды и крышки из слоя IV строительного горизонта

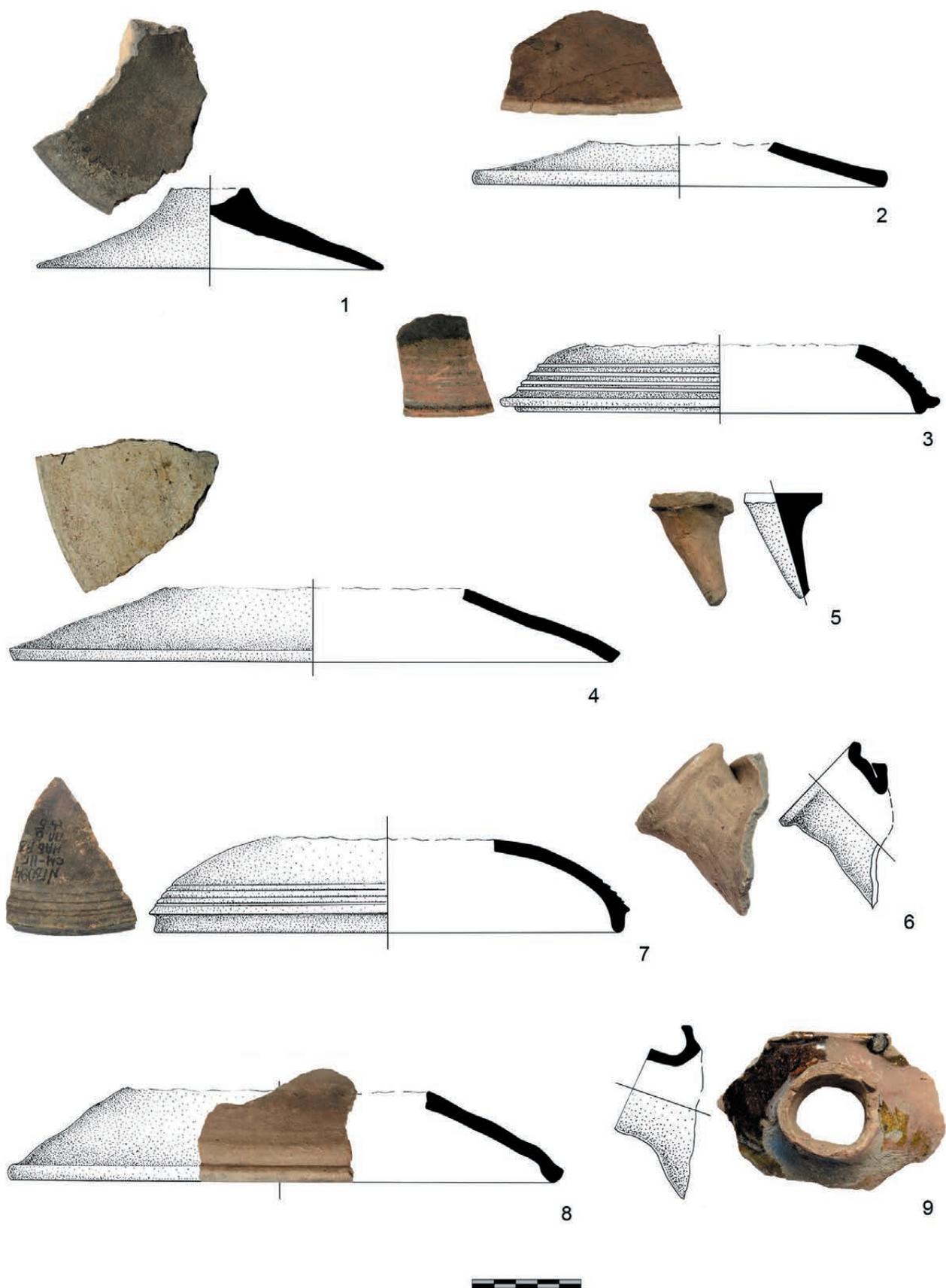

Рис. 265. Раскоп 3. Кухонная керамика из слоя IV строительного горизонта: 1–4, 7–8 – крышки; 5 – фрагмент ножки сковороды; 6, 9 – носики чайников (9 – глазурованный)

Рис. 266. Раскоп 3. Посуда из слоя IV строительного горизонта: 1–3 – кубышки не поливные; 4–5 – фрагменты чернолощеных кувшинов; 6 – горшок с ручкой (вариант АВК 5); 7 – фрагмент горла не поливного кувшина

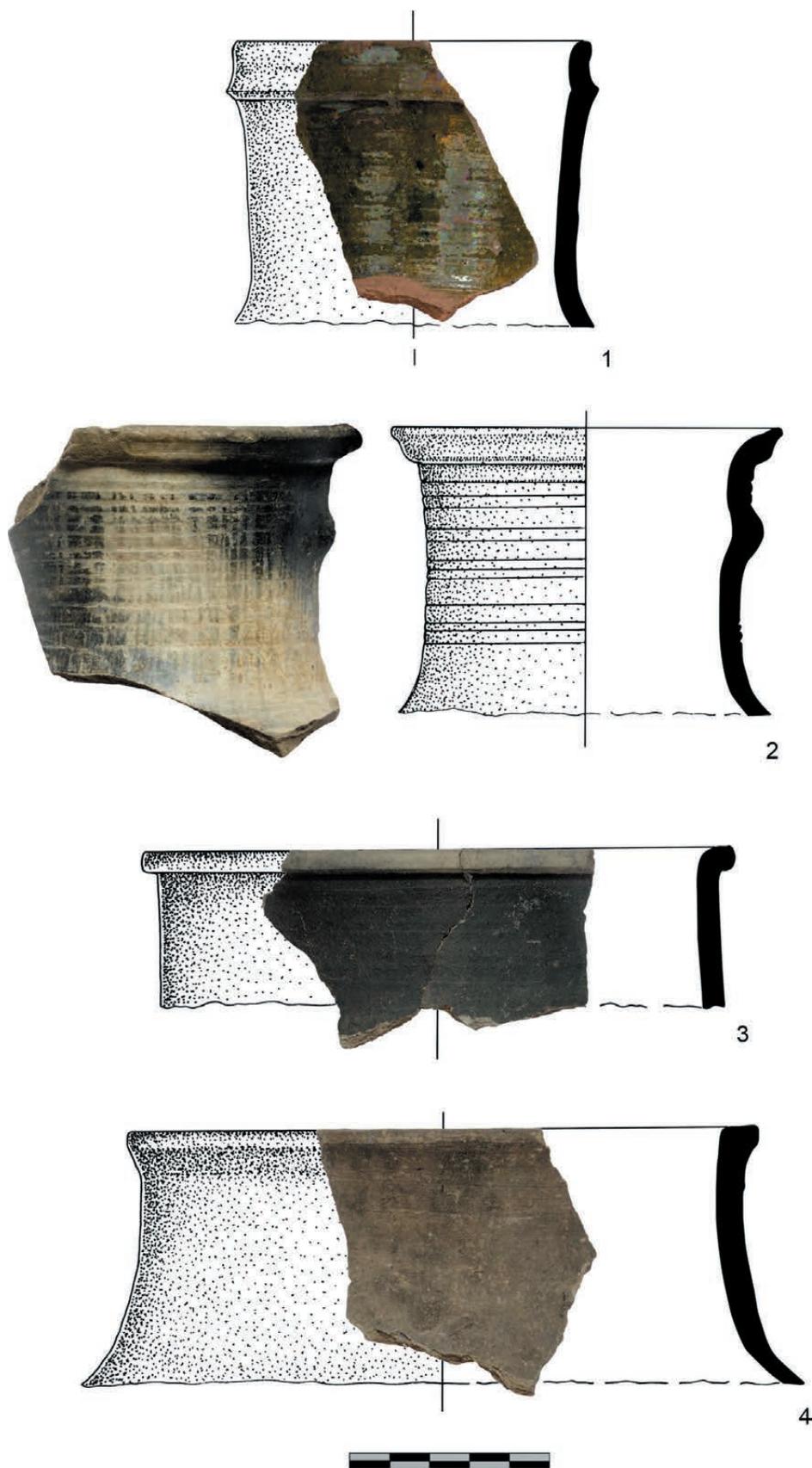

Рис. 267. Раскоп 3. Фрагменты чернolощенных и не поливных широкогорлых кувшинов (IV строительный горизонт)

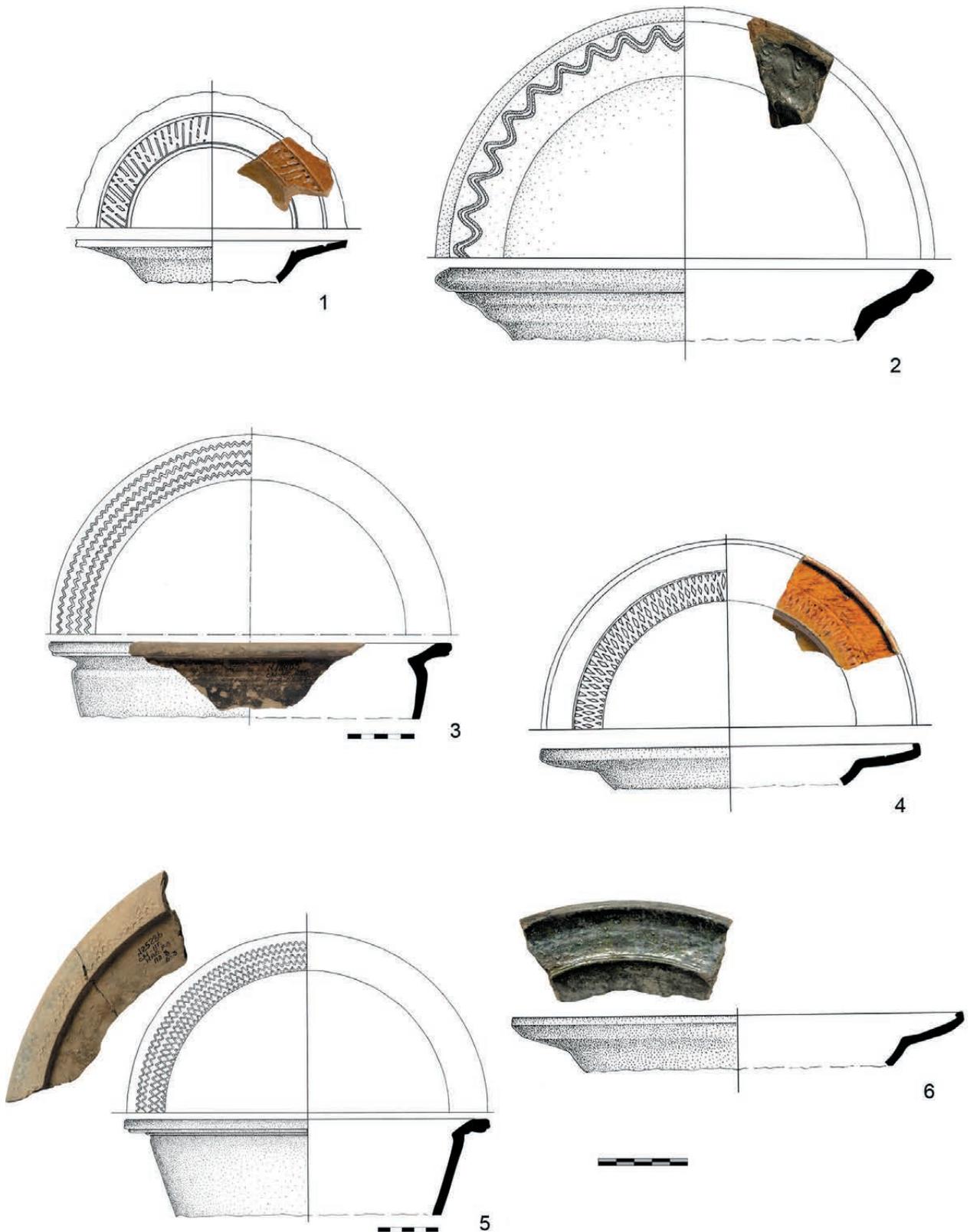

Рис. 268. Раскоп 3. Столовая посуда из слоя IV строительного горизонта – глазурованные и не поливные тарелки

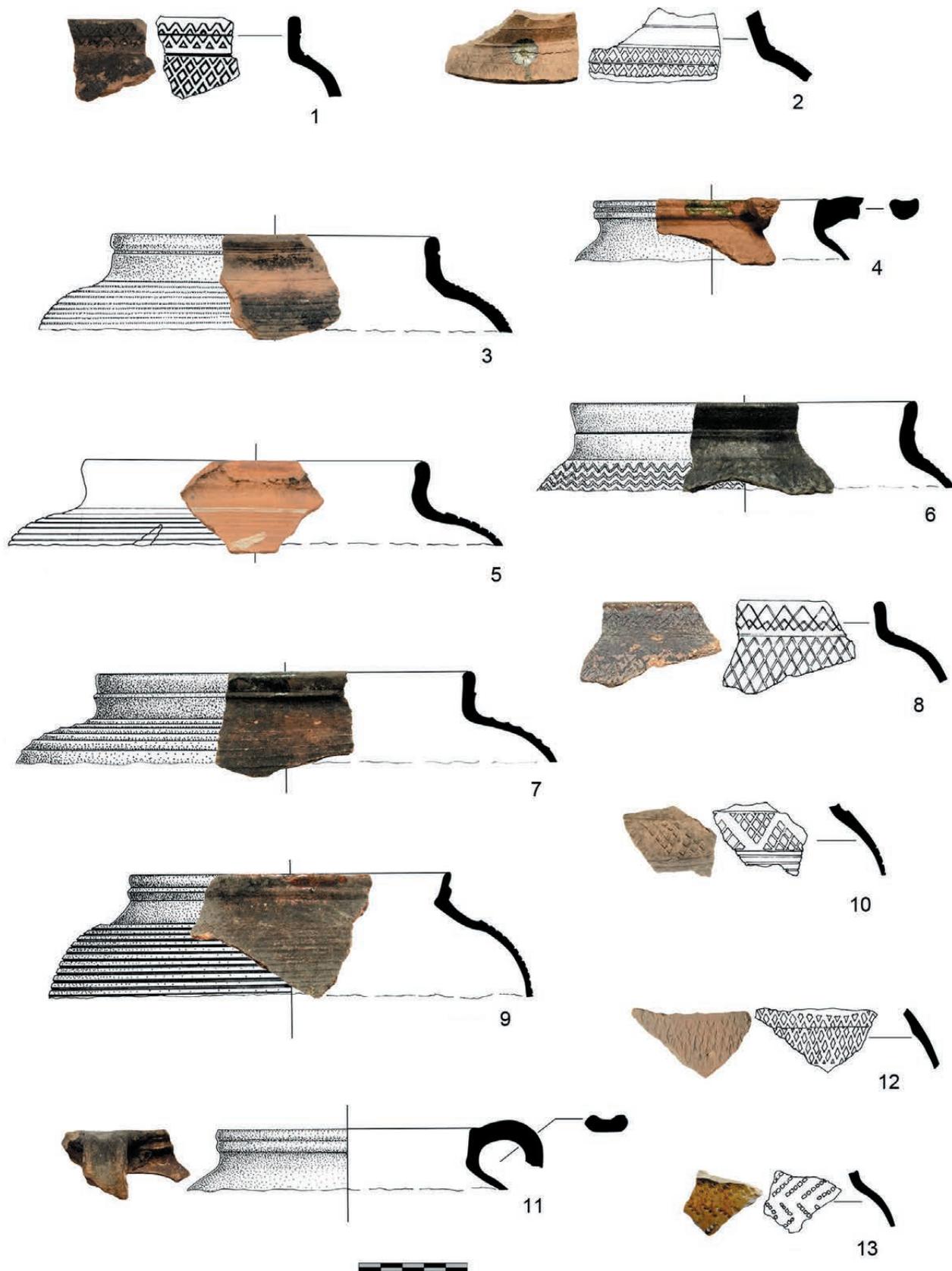

Рис. 269. Раскоп 3. Глазурованные кухонные горшки из слоя IV строительного горизонта со штампованным и рельефным орнаментом

В группе кухонных неполивных горшков абсолютно преобладают изделия варианта **АВК 6** (Рис. 270). При этом отмечается тенденция трансформации кривизны базовой линии абриса внешнего контура верхней части сосудов от того или иного угла наклона к вертикальному положению постановки венчика (Рис. 270; 6–10; Рис. 271; 4–6; Рис. 272; 2, 7). Это визуально интуитивно сближает их с охарактеризованной выше серией глазурованных кухонных горшков, декорированных геометрической штамповкой. Новации проявляются также в появлении в этой группе кухонной посуды сосудов с носиками, но без ручек (Рис. 271; 8), что делает затруднительным интерпретацию функционально-утилитарного назначения этих изделий как чайников или рукомоев. Традиционно отметим присутствие в ассортиментном наборе этой группы посуды нехарактерных форм. Это сосуды, абрис внешнего контура которых в верхней части тулова имеет форму широкого раструба (Рис. 271; 2, 7; Рис. 272; 3). Скорее всего, узко локальное бытование подобных изделий в границах усадьбы и питейного заведения при ней, продиктовано чисто утилитарными надобностями последнего. Это косвенно подтверждается наличием здесь еще одной нехарактерной серии сосудов, происходящих в основном из подпечья в помещении трактира. Но об этом чуть ниже.

На этом этапе почти полностью выходит из моды традиция декорирования кухонных горшков – фрагменты сосудов с орнаментом единичны (Рис. 271; 6, 10; Рис. 272; 2). Среди неполивной кухонной и столовой посуды в широко используются миски различных модификаций внешнего контура (Рис. 273; 1–11), крышки (Рис. 274; 1, 3–4, 6, 10–11), чайники и рукомои (Рис. 276; 11–12).

Изменение ассортимента прослеживается в группах чернолощеной и глазурованной тарной и столовой посуды. Чернолощеной тарная посуда представлена исключительно фрагментами широкогорлых кувшинов – наряду с редкими экземплярами неполивных кувшинов (Рис. 275; 6–7, 3, 8). Отдельные экземпляры этих изделий орнаментировались (Рис. 275; 7), либо декорировались многорядным прорезным линейным орнаментом – т. н. «рифленая» поверхность (Рис. 275; 8). Что касается глазурованной тарной посуды, то здесь обращает на себя

внимание появление таких модификаций абриса внешнего контура, как вертикальное высокое горло (Рис. 275; 4), в качестве эксклюзивного явления – узкогорлых бутылей (Рис. 275; 1). А в плане декора – использование приема подглазурной росписи небрежной широкой волной по внешнему контуру венчика (Рис. 275; 2). Правда, это единственный экземпляр. Что, в общем-то, не удивительно, так как технология подглазурной росписи на керамических изделиях появляется в Смоленске позже – не ранее второй четверти – середины XVIII столетия.

Основные сдвиги в расширении ассортиментного набора наблюдаются в группе столовой глазурованной посуды. Прочно входят в обиход тарелки – все глазурованные – коричневая и зеленая полива, с орнаментацией по плоской поверхности горизонтально отогнутого края (Рис. 274; 2, 5, 7–9). В быту широко используются стаканы или кружки с глазурью как внутри, так и снаружи изделий (Рис. 276; 5–6, 8–10).

И, в заключение, несколько слов о весьма своеобразном наборе сосудов (столовых?), большинство из которых происходит из развалов печей и внутреннего контура постройки, функционировавшей как трактир. Это серия горшкообразных сосудов, характерной чертой которых является наличие небольшого носика-слива (Рис. 277; 1–10). Все они небрежно, на скорую руку, сформованы из красножгущейся глины. Многие носят следы деформации формы еще на стадии обжига. О функционально-утилитарном назначении этих изделий можно только гадать. Но, создается впечатление, что эти сосуды изготавливались специально для использования в трактире и были рассчитаны на бой. Отсюда же происходит значительная серия неполивных биконических стопок, той же технологии изготовления (Рис. 276; 1–4, 7; Рис. 5, 11–13).

II горизонт (конец XVII – начало XVIII вв.). В это время принципиальных изменений в ассортиментном наборе кухонной и столовой посуды не происходит. В быту по-прежнему достаточно представительна глазурованная посуда (около 6% от выборки с пласта – Рис. 242). Практически исчезла из обихода чернолощеной керамика (менее 1% – Рис. 242). Неполивные и глазурованные кухонные горшки представлены исключи-

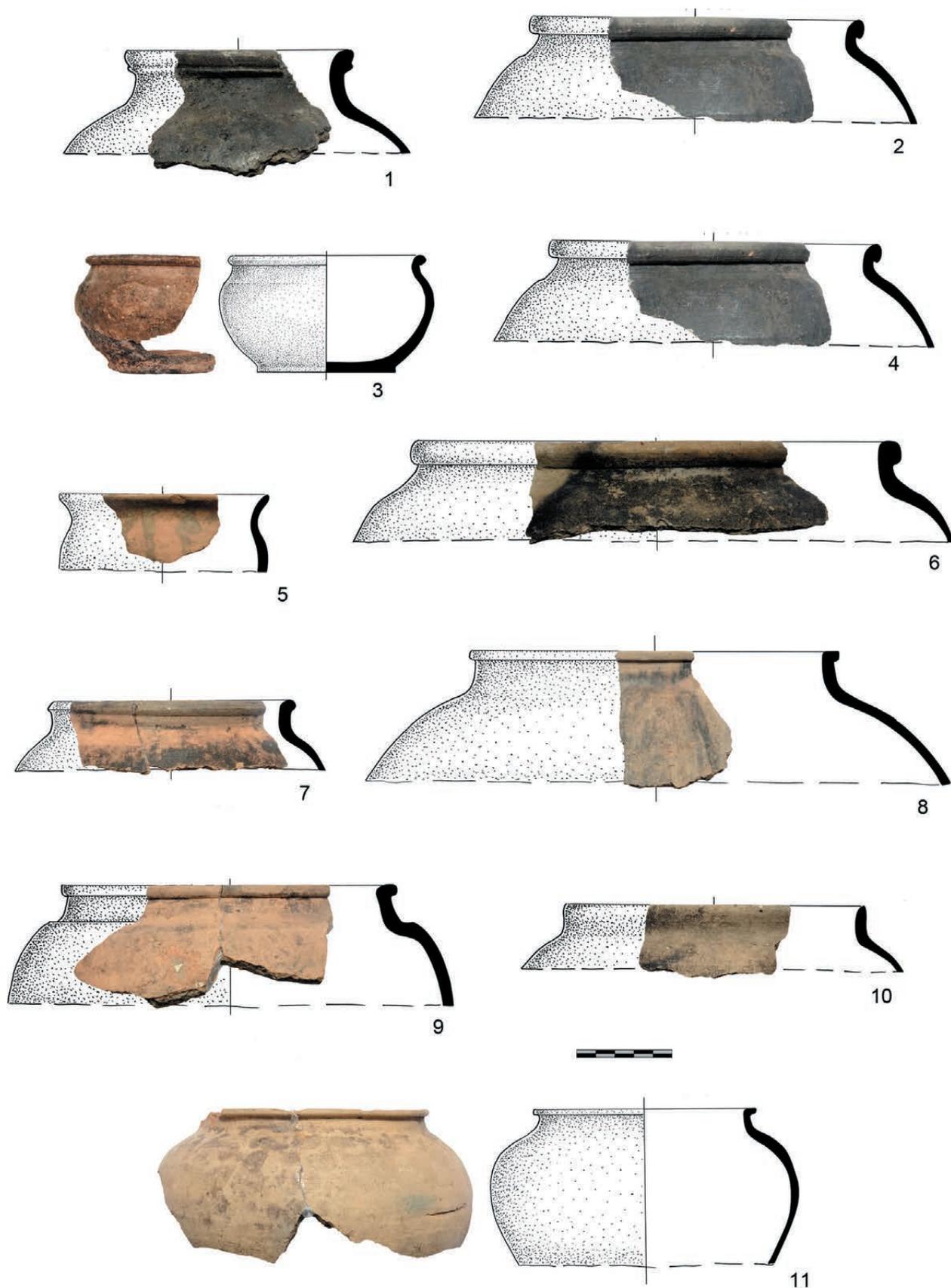

Рис. 270. Раскоп 3. Кухонные не поливные горшки из слоя III строительного горизонта

Рис. 271. Раскоп 3. Изделия группы кухонных не поливных горшков из слоя III строительного горизонта

Рис. 272. Раскоп 3. Группа не поливных кухонных горшков (вариант АВК 6) из слоя III строительного горизонта

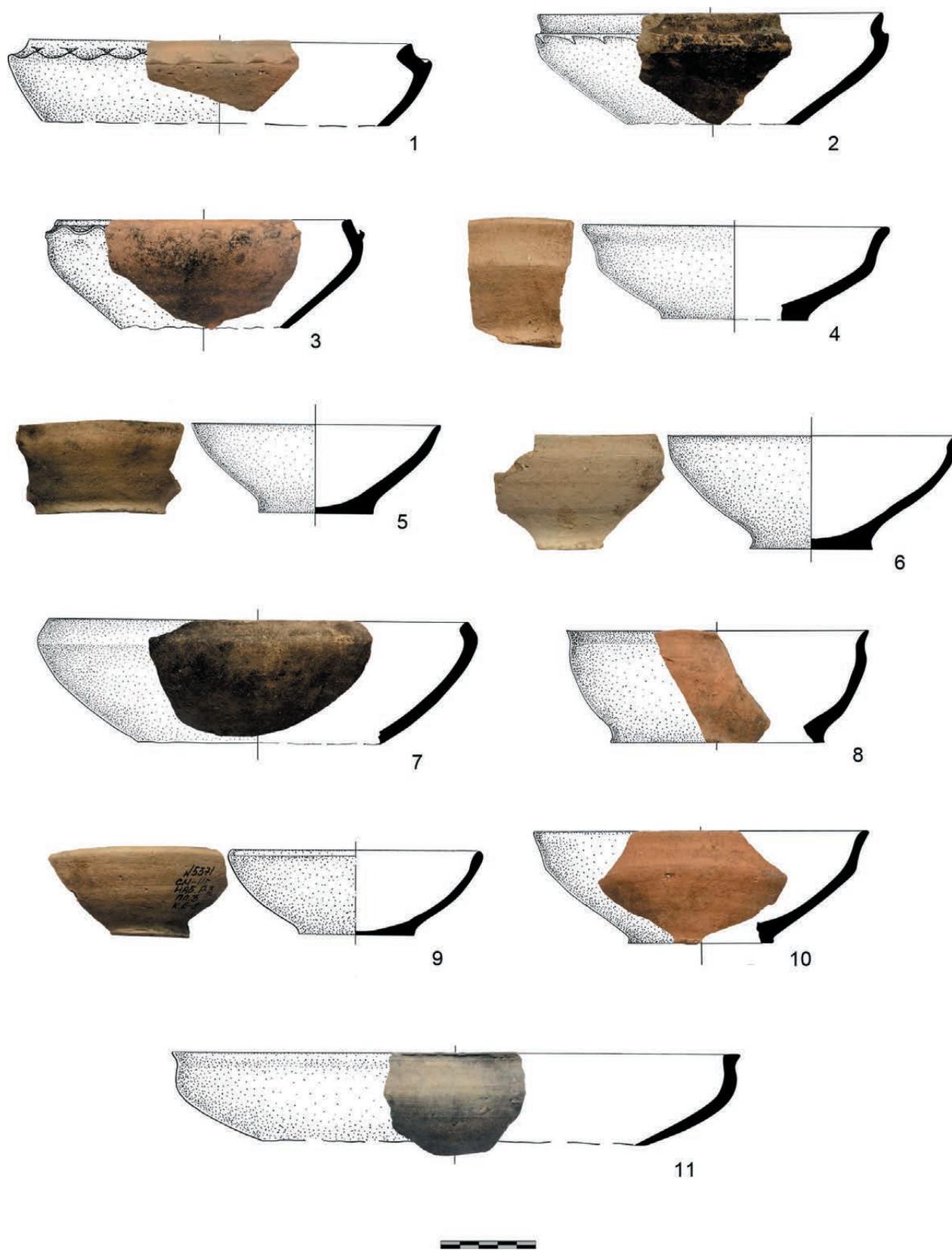

Рис. 273. Раскоп 3. Миски и мисообразные сосуды из слоя III строительного горизонта

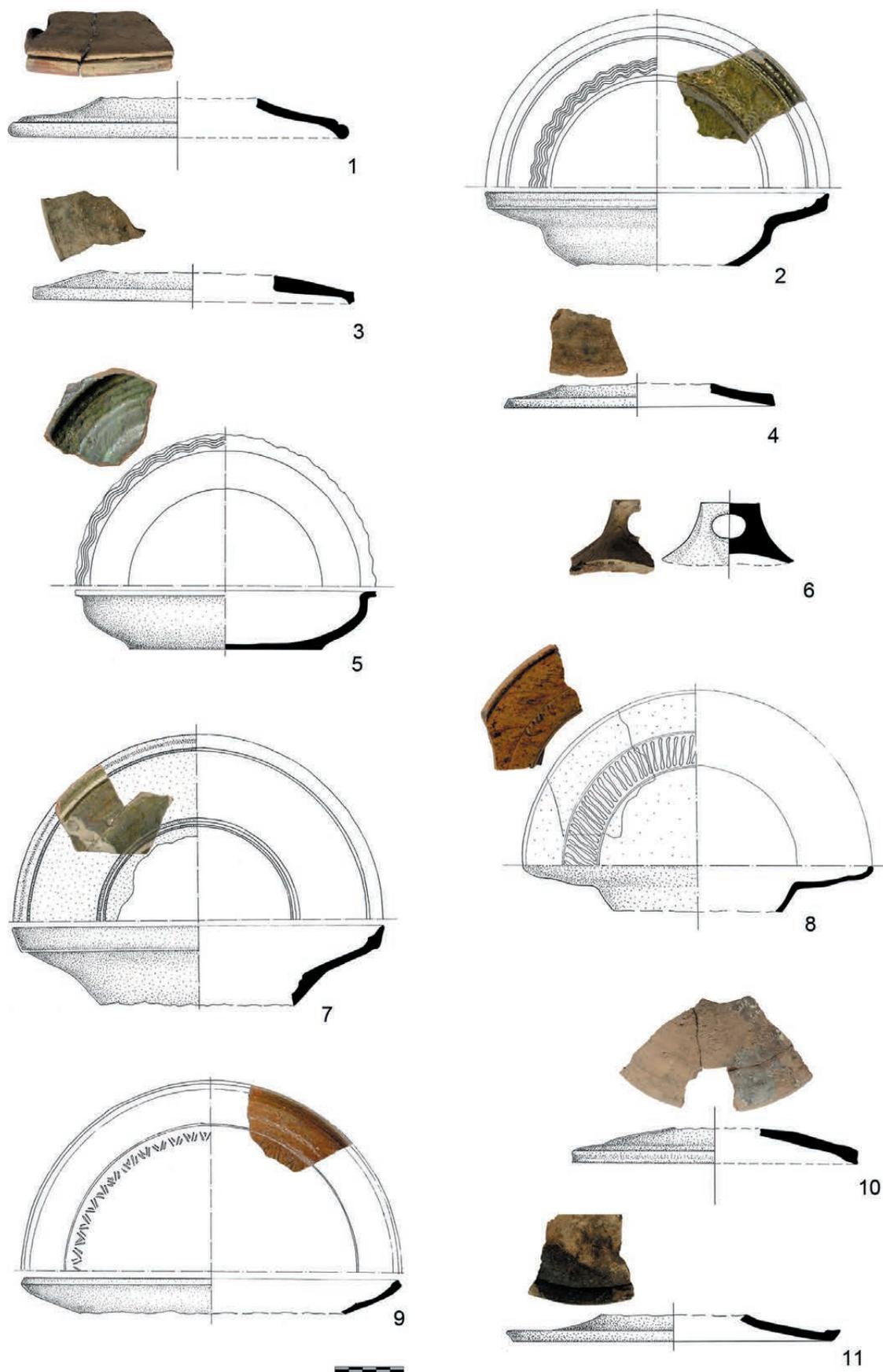

Рис. 274. Раскоп 3. Крышки и глазурованные тарелки из слоя III строительного горизонта

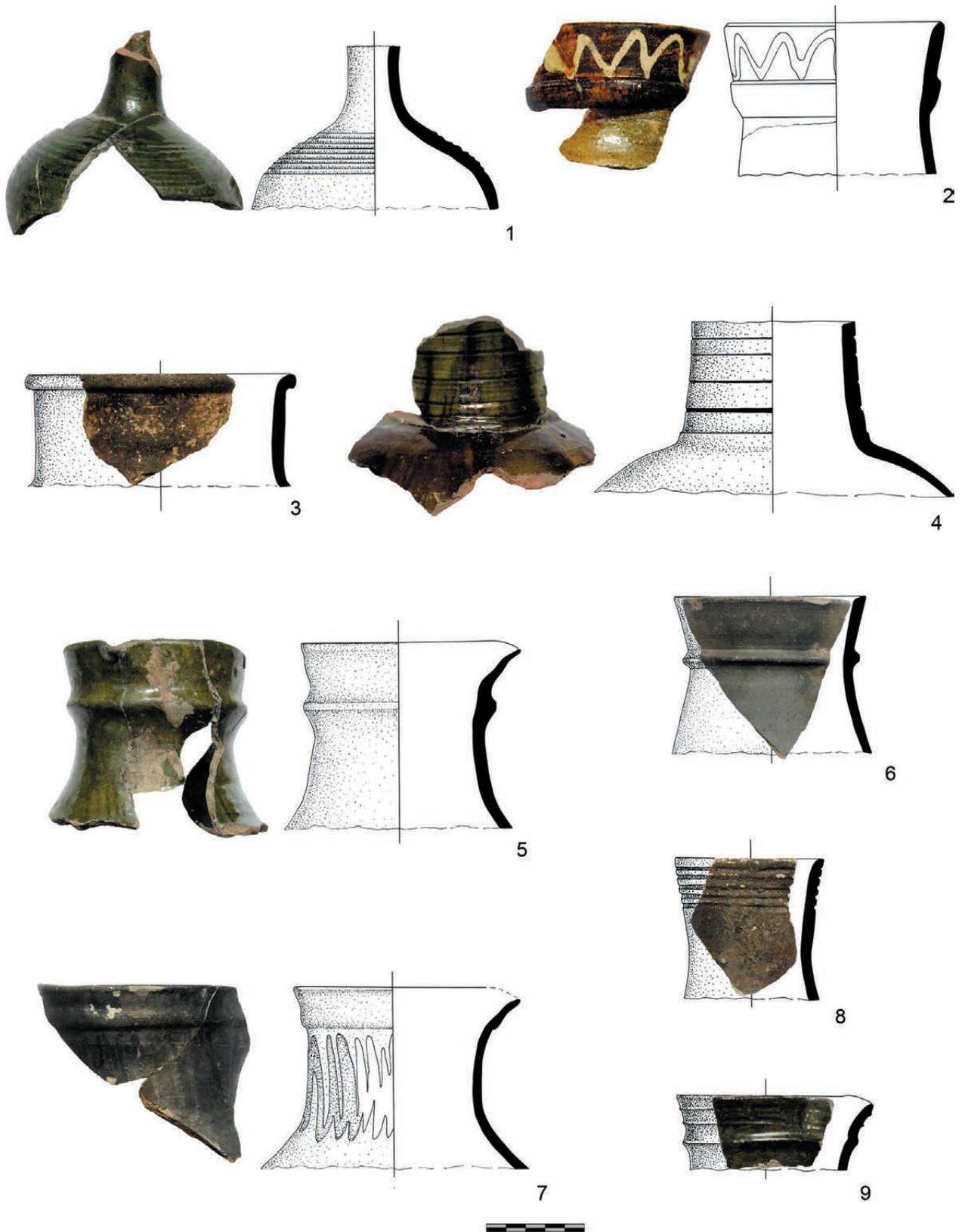

Рис. 275. Раскоп 3. Фрагменты черлощенных и глазурованных кувшинов из слоя III строительного горизонта: 1 – фрагмент горла глазурованной бутылки; 2, 4–5, 9 – поливные кувшины; 3, 8 – фрагменты не поливных кувшинов; 6–7 – черлощенные кувшины

Рис. 276. Раскоп 3. Столовая посуда из слоя III строительного горизонта: 1–4, 7 – стопки; 5–6, 8–10 – стаканы (кружки); 11–12 – фрагменты чайников или рукояев

Рис. 277. Раскоп 3. Набор столовой «трактирной» посуды из помещения питейного заведения III строительного горизонта: 1–2, 4, 6–10 – горшкообразные сосуды с носиком-сливом; 3, 5, 11–13 – стопки

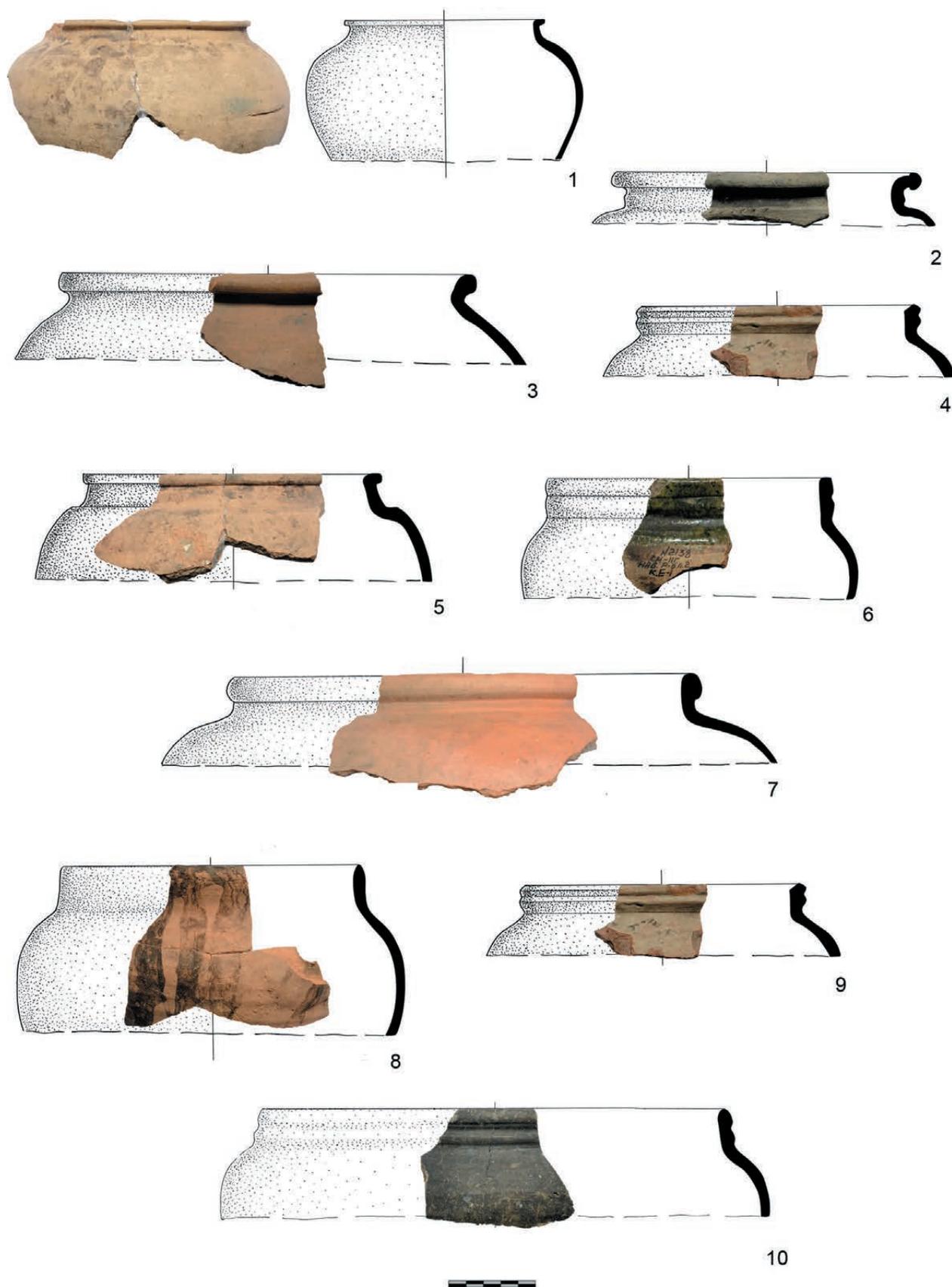

Рис. 278. Раскоп 3. Кухонные горшки из слоя II строительного горизонта (1–5, 7–10 – не поливные; 6 – глазурованный горшок)

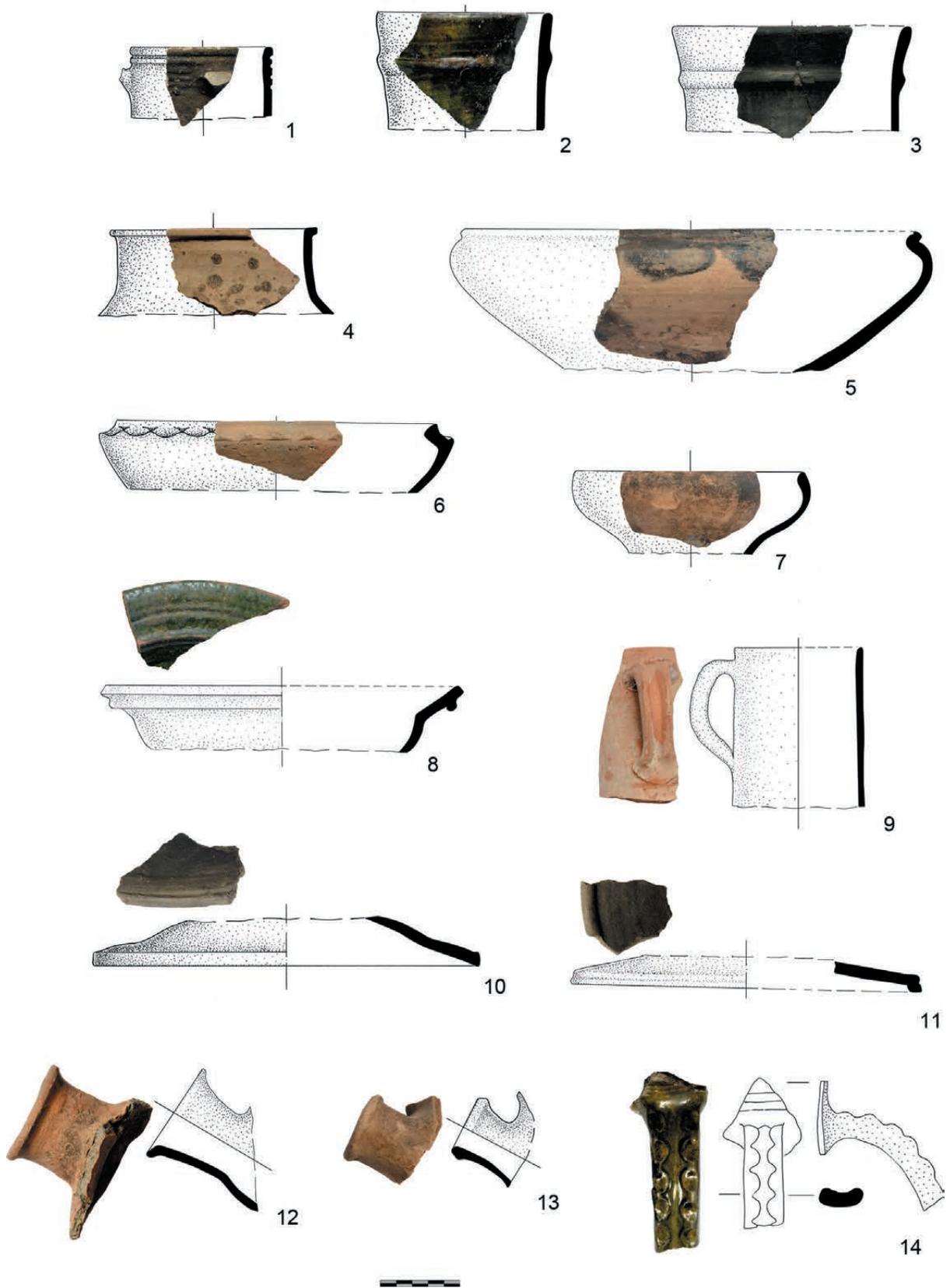

Рис. 279. Раскоп 3. Кухонная, тарная и столовая посуда из слоя II строительного горизонта: 1–4 – фрагменты не поливных, чернолощеных и глазурованных кувшинов; 5–7 – миски; 8 – глазурованная тарелка; 9 – неполивная кружка; 10–11 – крышки; 12–13 – носики чайников или ручкомоев; 14 – фрагмент ручки глазурованного сосуда

тельно различными модификациями варианта **АВК 6** (Рис. 278; 1–10). Продолжают бытовать широкогорлые кувшины – как неполивные, так и чернолощенные (в мизерном количестве) и глазурованные (Рис. 279; 1–4). По-прежнему в ходу миски (Рис. 279; 5–7), крышки (Рис. 279; 10–11), тарелки (Рис. 244; Рис. 279; 8), чайники и рукомой (Рис. 279; 12–13). Единичными экземплярами представлены керамические кружки, стаканы и стопки (Рис. 279; 9). Что не удивительно, так как в XVIII столетии в обиходе уже широко использовались изделия из стекла.³²

Подведем итоги. Анализ керамики из культурных напластований Пятницкого конца Смоленска позволяет сделать следующие выводы:

1. Коллекция керамики из раскопа 3 (с привлечением дополнительных материалов из других объектов исследования) Пятницкого конца позволяет выстроить стратиграфическую колонку использовавшейся в быту кухонной, тарной и столовой посуды в хронологическом срезе от конца XI до XVIII в. Подавляющую часть коллекции в 74956 экз. составляет керамика из наслоений периода позднего средневековья – от рубежа XV–XVI столетий до конца XVII в.

2. Основопологающим критерием в методике работы с этим материалом выбран **функционально-утилитарный подход** к керамическому материалу из городских средневековых напластований, позволяет использовать в работе в качестве вспомогательных критериев ряд технологических характеристик той или иной группы керамики и приемы статистического учета материала.

3. Для керамики Пятницкого конца Смоленска, а скорее всего, не только Смоленска, но и для керамических коллекций из культурного средневекового слоя любого древнерусского города, значимым технологическим критерием является обработка внешней поверхности сосуда. В данном случае это группы неполивной, глазурованной, чернолощенной и «белоглиняной» керамики. Выбор именно этого технологического критерия, как нам представляется, наибо-

лее оправдан в силу минимальной зависимости от субъективно-интуитивных факторов.

При этом, как уже говорилось выше, следует вынести за скобки все вопросы, связанные с группой так называемой «белоглиняной» керамики, до достижения консенсуса в терминах понятийного аппарата и получения весомой фактологической базы для каждого отдельного объекта исследований в виде статистически достоверных серий анализов, полученных с помощью естественно-научных методов.

4. Статистическая обработка материала позволила определить временные рамки появления, пика распространения и выхода из обихода чернолощенной, глазурованной и «белоглиняной» групп керамики. При этом еще раз подчеркнем, что как в данном случае, так и в целом, статистика может быть результативна только как вспомогательный инструмент, а не самоцель. Она лишь подтверждает хронологические определения в совокупности с другими факторами.

5. **Основопологающим для нас критерием** в определении форм здесь выступает **абрис внешнего контура** сосуда, жестко связанный с его утилитарным назначением. Для керамики Пятницкого конца Смоленска это варианты **АВК 1–6** (Рис. 280). Само собой разумеется, что эти варианты (**АВК 1–6**) не являются замкнутыми и допускают существование различных «плавающих» модификаций.

6. В целом же керамический набор из раскопов Пятницкого конца, встроенный в стратиграфическую колонку базового раскопа 3 на Набережной, может служить основанием для хронологических построений для всей территории древнего Смоленска и средневековых памятников ближайшей округи. Правда, при этом следует избегать соблазнов поиска широких «аналогий». Поскольку метод «аналогий» применительно к керамическому материалу предполагает сопоставление одной условности с другой заведомой условностью.

Такова ситуация, на наш взгляд, со средневековой керамологией Смоленска на сегодняшний день.

³² Мы сочли возможным не давать подробной характеристики материалу из слоя I строительного горизонта, так как, во-первых, он в значительной мере носит следы перемешанности; во-вторых, был достаточно подробно описан в соответствующих разделах книги; в-третьих, не содержит находок, дающих дополнительную или эксклюзивную информацию.

Архивные материалы

1. Авдусин Д. А. Отчет об археологических раскопках в г. Смоленске в 1951 г. Арх. ИА, Р-1, № 618.
2. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Гнездове и Смоленске. 1952 г. Арх. ИА, Р-1, № 702.
3. Авдусин Д. А. Отчет об археологических раскопках в г. Смоленске. 1954. Арх. ИА, Р-1, № 1027.
4. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездове Смоленской обл. 1955 г. Арх. ИА, Р-1, № 1111.
5. Авдусин Д. А. Отчет об археологических раскопках в г. Смоленске на ул. Соболева. 1957 г. Арх. ИА, Р-1, № 1623–1625.
6. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в г. Смоленске. 1958 г. Арх. ИА, Р-1, № 1824.
7. Авдусин Д. А. Отчет об археологических раскопках в Смоленске и Гнездове. 1959 г. Арх. ИА, Р-1, № 1971.
8. Авдусин Д. А. Отчет о работах Смоленской экспедиции (Смоленский и Гнездовский отряды) за 1972 г. Арх. ИА, Р-1, № 4927.
9. Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Пушкина Т. А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездове Смоленской археологической экспедиции. 1974 г. Арх. ИА, Р-1, № 5318.
10. Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Каменецкая Е. В. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездове Смоленской археологической экспедиции. 1975 г. Арх. ИА, Р-1, № 5913.
11. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Отчет о работе Смоленской экспедиции МГУ в г. Смоленске и Смоленском р-не Смоленской обл. 1987 г. Арх. ИА, Р-1, № 12251.
12. Асташова Н. И. Отчет Смоленской экспедиции МГУ за 1973 г. Арх. ИА, Р-1, № 5132.
13. Асташова Н. И. Отчет Смоленской археологической экспедиции ГИМ. 1982 г. Арх. ИА, Р-1, № 9548.
14. Асташова Н. И. Отчет Смоленской археологической экспедиции ГИМ. 1983 г. Арх. ИА, Р-1, № 10572.
15. Асташова Н. И. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции ГИМ в г. Смоленске в 1985 г. Арх. ИА, Р-1, № 10810.
16. Асташова Н. И. Полевой отчет Смоленской археологической экспедиции ГИМ о работах в районе Заднепровья г. Смоленска в 1986 г. Арх. ИА, Р-1, № 11580.
17. Асташова Н. И. Полевой отчет Смоленской археологической экспедиции ГИМ об археологических работах в Заднепровском р-не г. Смоленска. 1987 г. Арх. ИА, Р-1, № 12293.
18. Асташова Н. И. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции ГИМ в г. Смоленске. 1989 г. Арх. ИА, Р-1, № 13626.
19. Асташова Н. И. Отчет Смоленской археологической экспедиции ГИМ о работах в районе Заднепровья в г. Смоленске за 1988 г. Арх. ИА, Р-1, № 13967–13968.
20. Асташова Н. И. Полевой отчет о работе Смоленской археологической экспедиции ГИМ в 1990 г. Арх. ИА, Р-1, № 15566.
21. Атавин А. Г., Нигматуллин Р. А. Отчет о раскопках в г. Смоленске, ул. Metallistov, 8, в 1999 г. Архив ИА РАН. Р-1. №№ 22807, 22808, 22809.
22. Белогорцев И. Д. Сообщение о полевых исследованиях в 1952 г. на территории г. Смоленска. Арх. ИА, Р-1, № 759.
23. Гараничев В. В. Отчет об археологических разведках на территории г. Смоленска в 1994 г. Архив ИА, Р-1, № 19895.
24. Гусаков М. Г. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Смоленске в 2000 г. Архив ИА, Р-1, № 23404.
25. Зубарев Н. В. Отчет о результатах охранных археологических исследований при строительстве жилого дома по адресу: г. Смоленск, ул. Красный Ручей, ба, в 2000 г. Архив ИА, Р-1, № 23192.
26. Пронин Г. Н. Отчет о выполнении работ по теме: «Проведение научно-исследовательских спасательных археологических работ в ходе реконструкции набережной р. Днепр в г. Смоленске в 2011–2012 гг.». Архив ИА, Р-1, № 41038.
27. Сапожников Н. В. Отчет о раскопках вала в Смоленске. 1978 г. Арх. ИА, Р-1, № 7199.
28. Сапожников Н. В. Отчет о раскопках вала в г. Смоленске. 1978 г. Арх. ИА, Р-1, № 8547.
29. Сапожников Н. В. Отчет о разведках на территории Смоленска. 1980 г. Арх. ИА, Р-1, № 8719.
30. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях на городище Соборная Гора в г. Смоленске. 1983 г. Арх. ИА, Р-1, № 9345.

31. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях на городище Соборная Гора в г. Смоленске. 1984 г. Арх. ИА, Р-1, № 10591.
32. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях на городище Соборная Гора в г. Смоленске. 1985 г. Арх. ИА, Р-1, № 11053.
33. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях у здания бывшего Дворянского собрания (1825–1826 гг.) в г. Смоленске. 1986 г. Арх. ИА, Р-1, № 11523.
34. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях культурного слоя г. Смоленска в 1989 г. Арх. ИА, Р-1, № 14606–14608.
35. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Смоленска в 1990 г. Арх. ИА, Р-1, № 15328–15329.
36. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства пристройки в школе № 7 по ул. Ленина в Смоленске в 1991 г. Арх. ИА, Р-1, № 16091.
37. Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях по ул. Металлистов в г. Смоленске в 1992 г. Архив ИА, Р-1, № 17476–17477.
38. Сапожников Н. В. Отчет об исследованиях на Смядыни (ул. Б. Краснофлотская) в г. Смоленске в 1993 г. Архив ИА, Р-1, № 22687.

Литература

1. Авдусин Д. А. 1952. Археологические раскопки в Смоленске // Смоленский альманах. Кн. 10. Смоленск.
2. Авдусин Д. А. 1952. Некоторые итоги и задачи археологических исследований города Смоленска // Смоленский альманах. Кн. 11. Смоленск.
3. Авдусин Д. А. 1953. К вопросу о первоначальном месте Смоленска // ВМГУ. № 7. Сер. общ. наук. Вып. 3.
4. Авдусин Д. А. 1957. Возникновение Смоленска. Смоленск.
5. Авдусин Д. А. 1957. Смоленская берестяная грамота // СА, № 1.
6. Авдусин Д. А. 1960. Многоцветные поливные ручки ножей из Смоленска // СА, № 1.
7. Авдусин Д. А. 1962. Смоленская ротонда // Историко-археологический сборник (А. В. Арциховскому к шестидесятилетию со дня рождения). М.
8. Авдусин Д. А. 1966. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г. // СА, № 1.
9. Авдусин Д. А. 1967. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск.
10. Авдусин Д. А. 1969. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. // СА, № 3.
11. Авдусин Д. А. 1979. О Гнездове и Смоленске // ВМГУ. История, № 4.
12. Авдусин Д. А. 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово: К изучению древнерусского города. М.
13. Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Сапожников Н. В. 1977. Раскопки в Смоленске // АО 1976 г. М.
14. Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. 1985. Смоленские грамоты на бересте из раскопок 1952–1968 гг. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М.
15. Аксенов М. 1912. Историческая записка о Смоленской губернской гимназии. Смоленск.
16. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией // Т. 1–5. СПб., 1846–1853.
17. Алексеев Л. В. 1974. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА, № 3. М.
18. Алексеев Л. В. 1977. О древнем Смоленске. К проблеме происхождения, истории и топографии // СА, № 1.
19. Алексеев Л. В. 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.
20. Алексеев Л. В. 2002. Изучение древностей в дореформенной и межвоенной Смоленщине (1861–1941) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.
21. Андреев Н. В., Маковский Д. И. 1948. Доисторические и исторические памятники г. Смоленска и его окрестностей. Смоленск.
22. Археалогія Беларусі. Т. 4. 2001. Мінск.
23. Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1–2. 1997. М.
24. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. 1985. М.
25. Арциховский А. В. 1930. Курганы вятичей. М.
26. Арциховский А. В. 1945. Городские концы в древней Руси. ИЗ // Вып. 16. М.
27. Асташова Н. И. 1974. Раскопки в Смоленске // АО 1973 г. М.
28. Асташова Н. И. 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово: К изучению древнерусского города. М.
29. Асташова Н. И. 1993. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. М.
30. Асташова Н. И. 1999. Хронология Смоленских древностей // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 111. М.
31. Асташова Н. И. 2013. Некоторые итоги и задачи археологического изучения Смоленска // Край Смоленский. № 9. Смоленск.
32. Асташова Н. И., Зализняк А. А. 1998. Берестяные грамоты из раскопок в Заднепровье г. Смоленска // Историческая археология: традиции и перспективы // К 80-летию Д. А. Авдусина. М.
33. Атлас карт и схем по русской военной истории. 1946. М.
34. Афанасьева Т. В., Васильева В. И., Терешина Т. В., Шерemet Б. В. 1979. Почвы СССР. М.
35. Беларуская кафля. 1989. Мінск.
36. Беленькая Д. А. 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА, № 4. М.
37. Белогорцев И. Д. 1952. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V.

38. Белогорцев И.Д. 1952. Новые исследования древнесмоленского зодчества. Там же. Вып. 1.
39. Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В. 1980. О вятических древностях в Смоленске // СА, № 2.
40. Бобринский А. А. 1962. Древнерусский гончарный круг // СА, № 3. М.
41. Бобринский А. А. 1962. К изучению гончарной техники на территории Смоленской области // СЭ, № 2. М.
42. Бобринский А. А. 1968. О древнерусской обварной керамике // Славяне и Русь. М.
43. Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
44. Бобринский А. А. и др. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
45. Борисовская Н. А. 1992. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII вв. М.
46. Борисюк В. А. 1985. Солдатская слобода от начала до исчезновения. М.
47. Борок В. Б. 2001. Марки фарфора. Австрия. Чехословакия. Венгрия. М.
48. Борок В. Б., Дулькина Т. 1999. Марки немецкого фарфора. М.
49. Бубенько Т. С. 1988. Стеклянная посуда из Витебска // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс.
50. Бубенько Т. С. 2004. Средневековый Витебск. Витебск.
51. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. Археологические памятники древней Руси IX–X вв. Л.
52. Винклер П. П. 1992. Оружие // Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.
53. Винокурова Э. П. 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.
54. Волков И. В., Новикова Г. А. 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории г. Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
55. Волошин В. Ф., Зельтен Н. А. 1990. Словарь архитектурно-строительных терминов. Минск.
56. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. 1979. Смоленское зодчество XII–XIII вв. Л.
57. Гараничев В. В. 1994. Разведки на территории г. Смоленска // АО 1993. М.
58. Гваньини А. 1997. Описание Московии. М.
59. Геологический словарь. Т. 1–2. 1955. М.
60. Герберштейн С. Московия. 2007. М.
61. Гнутова С. В. 1990. Кресты-энколпионы домонгольской Руси // Православие в Древней Руси. Л.
62. Гнутова С. В., Зотова Е. Я. 2000. Кресты, иконы, складни. М.
63. Голубовский П. В. 1895. История Смоленской земли до начала XV в. СПб.
64. Гондиус В. 1847. Изображение атаки и обороны Смоленска 1634 г. СПб.
65. Грачев В. И. 1900. Смоленская стена // Русский архив. Кн. III. № 12. Смоленск.
66. Грачев В. И. 1909. Осада Смоленска Сигизмундом III // Памятная книжка Смоленской губернии на 1910 год. Смоленск.
67. Двуреченский О. В. 2007. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.
68. Дедюхина В. С. 1967. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
69. Дневник священника Никифора Адриановича Мурзакевича 1766–1834 гг. 2003. Смоленск.
70. Дулькина Т. И. 2003. Марки российского фарфора и фаянса 1750–1960. М.
71. Дучыц Л. У., Зайцава В. Я. 1988. Друя у XIV–XVIII ст. // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіч навук. № 3. Минск.
72. Елаховский А. П. 1826. Статистическое и историческое описание Смоленской губернии // Отечественные записки. Ч. XXV–XXVI.
73. Ершевский Б. Д. 1978. Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII – начала XIII вв. с изображениями княжеских знаков // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л.
74. Ершевский Б. Д. 1979. Об одной группе новгородских свинцовых пломб XII – первой трети XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. История. № 4. М.
75. Ершевский Б. Д. 1985. Дрогичинские пломбы: классификация, типология, хронология // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVII. Л.
76. Жолкевский С. 1835. Рукопись. Начала и успех Московской войны в царствование Е. В. Короля Сигизмунда III, под начальством Его Милости пана Станислава Жолкевского, воеводы киевского, напольного коронного гетмана // Изд. П. Мухановы. М.

77. Журжалина Н. П. 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА, № 2. М.
78. Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. 2011. Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М.
79. Зборовский Л. В. 1994. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа 1655–1656. М.
80. Зданович Н. И. 2005. Кафлярства у Беларусі. Мінск.
81. Зданович Н., Соболев В. 1990. Ляпілі мінскія гончары // Жур. «Мастацтва Беларусі». № 8. Мінск.
82. Зоц С. А. 2010. Позднесредневековая керамика из г. Владимира (по материалам раскопок 2006 г.) // Археология Подмосковья. Вып. 6. М.
83. Иванов Ю. Г. 2004. Старинные крепости России. Смоленск.
84. Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. 1991. М.
85. Исторический очерк Смоленска. 1894. СПб.
86. История Литовской ССР. С древнейших времен до 1861 года. Ч. 1. 1953. Вильнюс.
87. Каменецкая Е. В. 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. IV. М.
88. Каменецкая Е. В. 1977. О верхней дате Гнездовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. Вып. V. М.
89. Каменецкая Е. В. 1983. Керамические клейма XI–XIII вв. из Смоленска // СА, № 3. М.
90. Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья; Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. 1977. М.
91. Карамзин Н. М. 1989. История Государства Российского // Соб. соч. в 5 томах. М.
92. Каргер М. К. 1964. Зодчество древнего Смоленска (XII–XIII). Л.
93. Карнович Е. П. 1991. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М.
94. Кирпичников А. Н. 1966. Древнерусское оружие. Мечи и сабли // САИ Е1-36. Вып. 1.
95. Кирпичников А. Н. 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XII вв. // САИ Е1-36. Вып. 2.
96. Кирпичников А. Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ Е1-36. М.
97. Клейн Л. С. 2009. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.
98. Клетнова Е. Н. 1912. Доклад Московскому археологическому обществу о раскопках на Смядыни, произведенных Смоленской ученой архивной комиссией в 1909 г. // Древности. Т. IV. М.
99. Коваль В. Ю. 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // В сб. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
100. Коваль В. Ю. 1999. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // В сб. Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь.
101. Коваль В. Ю. 2009. Археологическая керамиология в России // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. В. 5. М.
102. Колчин Б. А. 1970. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. М.
103. Колчин Б. А. 1971. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. М.
104. Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
105. Колчин Б. А., Черных Н. Б. 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.
106. Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.
107. Кром М. М. 2008. Стародубская война 1534–1537 гг. // Из истории русско-литовских отношений. М.
108. Кудрявцев А. А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода // РА. № 4. М.
109. Куза А. В. 1989. Малые города Древней Руси. М.
110. Лапикова А. В. 2005. Смоленск. Свидание с городом. Смоленск.
111. Лапшин В. А. 2009. Тверь в XIII–XV вв. СПб.
112. Ласковский Ф. Ф. 1858. Материалы для истории инженерного искусства в России // Ч. 1. СПб.
113. Левашова В. П. 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 43. М.
114. Левко О. Н. 1981. Витебские изразцы XIV–XVIII вв. Минск.
115. Левко О. Н. 1984. Витебск XIV–XVIII вв. // Стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств. Минск.
116. Левко О. Н. 1992. Средневековое гончарство Северо-Восточной Белоруссии. Минск.

117. Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л. 1991. Гнездовские бусы: По материалам раскопок курганов и поселений // Смоленск и Гнездово: К истории русского города. М.
118. Лявданский А. Н. 1924. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Тр. Смоленских музеев. Вып. 1. Смоленск.
119. Лявданский А. Н. 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского университета. Т. 4. Вып. 3. Смоленск.
120. Ляпушкин И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л.
121. Ляпушкин И. И. 1971. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л.
122. Маймусов Д. Ф. 1997. Зеркало ландшафта. Смоленск.
123. Макаров Н. А., Чернецов А. В. 1988. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.
124. Мальм В. А. 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.
125. Мальм В. А., Фехнер М. В. 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 43. М.
126. Марзалюк I. A. 1998. Магілеў у XII–XVIII стагоддзях. Мінск.
127. Маслих С. А. 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.
128. Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы) VIII–XIV вв. // Археология СССР. САИ Е1–36. М.
129. Милонов Н. П. 1948. О результатах исследований в Смоленске на территории кремля // Историко-археологический сборник. М.
130. Модестов Ф. Э. 2003. Смоленская крепость. Смоленск.
131. Московская керамика // Сб. статей. 1991. М.
132. Мурзакевич А. Н. 1804. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Кн. 5. Смоленск.
133. Мясникова Н. В. 1980. К дендрохронологии Смоленска // СА. № 2. М.
134. Недошивина Н. Г. 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–III вв. // Труды ГИМ. Вып. 43. М.
135. Неклюдов М. Н., Писарев С. П. 1902. О раскопках в Смоленске // Памятная книга Смоленской губернии на 1902 г. Смоленск.
136. Никитин П. 1848. История города Смоленска. М.
137. Николаева Т. В. 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Е1–60. М.
138. Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. 1997. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М.
139. Олейников О. М. 2002. Круговая керамика Тверского Поволжья конца X – начала XIII вв. Классификация, орнаментация, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. В. 4. Тверь.
140. Орлов А. П. 1994. Монеты России 1700–1917. Каталог-справочник. М.
141. Орловский И. И. 1902. Смоленская стена 1602–1902. Исторический очерк Смоленской крепости в связи с историей Смоленска. Смоленск.
142. Орловский И. И. 1905. Достопамятности Смоленска. Смоленск.
143. Орловский И. И. 1907. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск.
144. Орловский И. И. 1909. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Вып. 1. 4. Смоленск.
145. Осипов Д. О., Соболев В. Е. 2014. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья. Вып. 10. М.
146. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. Ю. В. Гутье // ЧОИДР, кн. 1. С. 77, № 132; С. 109, № 183; С. 167, № 237. 1912.
147. Партина А. С. 1994. Архитектурные термины // Иллюстрированный словарь. М.
148. Патрик Г. К. 2009. Находки времени польской интервенции начала XVII века // «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья». Научная конференция. Калуга.
149. Патрик Г. К. 2010. Новые находки печных изразцов в Смоленске // Археология Подмосковья. Научная конференция 2009 г. М.
150. Патрик Г. К., Гусаков М. Г. 2009. Археологические признаки импорта Речи Посполитой в материалах раскопок в Смоленске // Труды XVIII Археологического съезда. М.
151. Патрик Г. К., Гусаков М. Г. 2009. Уникальный изразец из Смоленска // «Археология Подмосковья». Материалы научного семинара. Вып. 5. М.

152. Перлин Б. Н. 2002. Смоленск и его улицы. Историко-географические очерки. Смоленск.
153. Перхавко В. Б. 1996. Распространение пломб дрогочинского типа // Эл. б-ка. М.
154. Писарев С. П. 1882. О городках Смоленской губернии / Смоленский вестник. №№ 52, 54, 60, 69, 73, 76, 79, 88, 91. Смоленск.
155. Писарев С. П. 1894. Княжеская местность и храм князей в Смоленске: Историко-археологические исследования в связи с историей Смоленска. Смоленск.
156. Писарев С. П. 1894. Смоленск и его история. Смоленск.
157. Писарев С. П. 1898. Памятная книга г. Смоленска. Указатель и путеводитель. Историко-современный очерк. Смоленск.
158. Покрышкин П. П. 1904. Смоленская крепостная стена // ИАК. Вып. XII. СПб.
159. Полонская М. Ю. 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово: К истории древнерусского города. М.
160. Полубояринова М. Д. 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Новые методы в археологии // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. III // МИА, № 117. М.
161. Пронин Г. Н., Соболев В. Е. 2012. Оборонительные укрепления Смоленска XVI–XVII вв. у Молоховских ворот. Смоленск.
162. Пронин Г. Н., Соболев В. Е. 2013. Смоленские изразцы XVI–XIX вв. Смоленск.
163. Пронин Г. Н., Соболев В. Е. 2015. Спасательная археология Смоленска: открытия и проблемы // Край Смоленский. № 1. Смоленск.
164. Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г. 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск.
165. Равдина Т. В. 1975. Хронология вятических древностей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
166. Ражнев Г. В. 1993. Герб Смоленска. Смоленск.
167. Раппопорт П. А. 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52. М.
168. Раппопорт П. А. 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. М.
169. Раппопорт П. А. 1967. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // МИА. № 140. М.
170. Раппопорт П. А. 1972. «Латинская церковь» в древнем Смоленске // сб. «Новое в археологии». М.
171. Раппопорт П. А. 1976. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА. № 2. М.
172. Раппопорт П. А. 1976. Раскопки церкви на Большой Краснофлотской улице в Смоленске // Средневековая Русь. М.
173. Раппопорт П. А., Воронин Н. Н. 1979. Древний Смоленск // СА, № 1. М.
174. Розенфельдт Р. Л. 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.
175. Рыбаков Б. А. 1974. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.
176. Рындина Н. В. 1978. Древнерусская мелкая пластика. М.
177. Салов И. Н. 1958. Минерально-сырьевые ресурсы для производства строительных материалов в Смоленской области. Смоленск.
178. Сапожников Н. В. 1979. Раскопки городского вала в Смоленске // АО 1978. М.
179. Сапожников Н. В. 1979. Памятники архитектуры и древняя топография Смоленска // ВМГУ. История. № 5.
180. Сапожников Н. В. 1980. «Литовский вал» в Смоленске // КСИА. № 160. М.
181. Сапожников Н. В. 1983. Историческая топография древнего Смоленска: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М.
182. Сапожников Н. В. 1983. О раскопках в Смоленске // АО 1981 г. М.
183. Сапожников Н. В. 1985. Древний Смоленск // Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М.
184. Сапожников Н. В. 1991. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово: К истории древнерусского города. М.
185. Сапожников Н. В. 2016. Историческая топография Древнего Смоленска. Смоленск.
- 185-а. Самойлович Н. Г. 2007. Конюшенный раскоп в ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. // Материалы охранных археологических исследований. Т. 9. М.
186. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Смоленская область. 2001. М.
187. Седов В. В. 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92. М.

188. Седов В. В. 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1-8. М.
189. Седов В. В. 1975. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
190. Седов В. В. 1978. Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне. М.
191. Седов В. В. 1982. Археология СССР. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
192. Седов В. В. 2007. Изборск в раннем средневековье. М.
193. Седова М. В. 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М.
194. Сергина Т. В. 1981. Поливная посуда из Смоленска // СА. № 2. М.
195. Сергина Т. В. 1982. Поливной сосуд из Пскова // КСИА. Вып. 171. М.
196. Сергина Т. В. 1994. Керамика Смоленска XIII–XVII вв. (вопросы технологии и хронологии) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
197. Сергина Т. В. 1994. Опыт планиграфического исследования позднесредневековой городской керамики (по материалам раскопа УС–XI Смоленска) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
198. Сергина Т. В. 1996. Изразцы XV–XVII вв. из раскопок в Смоленске // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
199. Сергина Т. В. 2004. Керамика Смоленска середины XIII–XVII веков // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск.
200. Сизов В. И. 1894. Отчет о раскопках в Смоленской и Могилевской губерниях в 1890 г. // Древности. Т. XV. Вып. 2. М.
201. Сизов В. И. 1902. Длинные курганы в Смоленской губернии // Труды XI АС. Т. II. М.
202. Сизов В. И. 1902б. Курганы Смоленской губернии: Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. № 28. СПб.
203. Смоленск. Краткая энциклопедия. 1994. Смоленск.
204. Собаль В. Е. 1992. Традицыя кавальства і металлапрацоўкі сярэневяковага Менска // З глыбі вякоў. Мінск.
205. Собаль В. Е., Ткачоу М. А., Трусау А. А., Угрынович У. В. 1984. Беларуская кафля. Минск.
206. Собаль В. Е., Яницкая М. М. 1984. Шклянны посуд Мінска XII–XIX вв. // Помнікі старажытны беларускай культуры. Минск.
207. Соболева Н. А. 1981. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.
208. Спегальский Ю. П. 1972. Жилища северо-западной Руси IX–XIII вв. Л.
209. Спицын А. А. 1899. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Смоленская губерния // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2.
210. Спицын А. А. 1905. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. Вып. 15.
211. Спицын А. А. 1905. Отчет о раскопках С. А. Гатцука в 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.
212. Спицын А. А. 1905. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.
213. Спицын А. А. 1906. Отчет о раскопках, проведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии // ЗОРСА. Т. VIII. Вып. 2.
214. Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. 2000. Тысячелетие креста. М.
215. Султанов Н. В. 1894. Древнерусские красные изразцы // Археологические известия и заметки. № 12. СПб.
216. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 1956. М.
217. Третьяков В. П., Шмидт Е. А. 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л.
218. Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. И. 1993. Стары замак у Гродне. Минск.
219. Тышкевич К. П. 1865. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина. – В кн.: Древности. М.
220. Урьева А. Ф. 1991. Стратиграфия и хронология раскопа УС–V в Смоленске // Смоленск и Гнездово: К истории древнерусского города. М.
221. Успенская А. В. 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 43. М.
222. Филиппов А. В. 1938. Древнерусские изразцы. М.
223. Хозеров И. М. 1929. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода // Научные исследования СГУ. М. Вып. 3.
224. Хозеров И. М. 1945. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // КСИИМК. Вып. 11. М.
225. Цетлин Ю. Б. 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.
226. Шестаков П. Д. 1857. География Смоленской губернии. Смоленск.

227. Ширяев С. Д. 1931. Смоленск и его социальный ландшафт в XVI–XVII веке. Смоленск.
228. Шмидт Е. А. 1976. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск.
229. Шмидт Е. А. 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.
230. Шмидт Е. А. 2001. Курганы у д. Туринщина в Смоленском районе // Смоленские древности. Вып. 1. Смоленск.
231. Шмидт Е. А. 2008. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск.
232. Шупинский Иосиф. 1991. Историческое и географическое описание города Смоленска. Смоленск.
233. Щапова Ю. Л. 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА, № 55. М.
234. Щапова Ю. Л. 1969. Стекланные браслеты и датирование городского культурного слоя // СА, № 4. М.
235. Щапова Ю. Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М.
236. Щапова Ю. Л. 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.
237. Юркина Т. В. 1976. О чернолощеной керамике Смоленска XIV–XVII вв. Проблемы истории СССР. Вып. V. М.
238. Юркина Т. В. 1977. Смоленские изразцы // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М.
239. Юшко А. А. 1966. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске // Культура Древней Руси. М.
240. Яковлев И. Р., Салов И. Н. 1950. Кирпичные заводы Смоленской области и их сырьевая база. Смоленск.
241. Янин В. Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. // Т. 1–2. М.
242. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.
243. Спрайнайтис Р. 1989. Курительные трубки голландского типа XVII–XIX вв. в культурных слоях Клайпеды // *Vakarų, baltų, archeologija ir istoria. Klaipėda*.
244. Holcik St. 1978. *Stredoveke kachliarstvo*. Pallas.
245. Snore V., Zarina A. 1980. *Sena selils*. Riga.
246. Jansson J. 1984. *Grosse Rundspangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. (td. G. Arwidsson). Stockholm.

Приложение 1

А. Л. Александровский, д. г. н, вед. н. с.

Е. И. Александровская, к. г. н.

Институт географии РАН

Почвы и культурный слой Смоленска

Введение

Культурный слой и почвы древних городов помимо уникальных археологических материалов содержат также и богатейшую информацию о развитии природной среды и социально-экономических процессах, протекавших в течение длительного исторического периода. Эта информация существенно дополняет археологические данные и вносит много нового в наши знания об истории города и взаимоотношениях человека и природной среды. В полной мере это можно сказать и о почвах и культурном слое Смоленска, которые представляют собой не только памятник археологии, но и природы. В процессе строительных работ теряется не только археологическая, но историко-ландшафтная информация. Поэтому представляется важным ее сохранение и вовлечение в научный оборот, как это делается по результатам охранных археологических работ.

Раскоп 3 на Студенческой улице, исследования почв и отложений на котором проводили в 2012 г., расположен в нижней части склона левого берега Днепра. Высота поверхности над рекой 10–15 м. Предположительно это первая надпойменная терраса реки. В связи с расположением участка в подчиненном положении рельефа терраса перекрыта слоем антропогенных отложений большой мощности – 5–6 м. Превышение поверхности высокого берега над уровнем реки составляет более 60 м.

Основные стратиграфические горизонты разреза следующие. В верхней части профиля залегают светлые, бурые, насыщенные кирпичем отложения. Ниже располагаются гумусированные суглинистые отложения, и еще ниже, на погребенной почве, лежат

слои, насыщенные органическим веществом (навоз, щепка и др.). Погребенная почва отличается светлой окраской и отделяется от культурного слоя прослойкой, обогащенной древесным углем и золой.

Методы работ

Существует большое количество методов естественных наук, используемых для археологии¹. Нами применяются методы почвоведения, палеогеографии, геоморфологии, геохимии, в целом объединяемые в цикл географических исследований. Выделяются полевые и лабораторные методы.

Работа на объектах ведется на подготовленных профилях археологических раскопов. Составляются описания горизонтов культурного слоя и почв с привязкой к археологическим описаниям и рисункам профилей. Из наиболее важных горизонтов отбираются образцы, по возможности колонкой, для выполнения комплексных почвенно-геохимических и палеоботанических анализов.

Методы почвоведения позволяют сразу на объекте по строению почвенного профиля (морфологический анализ) определять тип почвы, условия ландшафта и вид угодий (лес, луг, болото, пашня, огород, залежь), наличие и величину смывости или намытости почвы и таким образом реконструировать положение исходной поверхности. Почвенный профиль представляет собой систему почвенных горизонтов, развивается за сотни и тысячи лет (зрелый почвенный профиль имеет мощность 1–2 м), антропогенные почвенные горизонты образуются несколько быстрее. Эта система горизонтов формируется под действием процессов преобразования породы на месте при участии корней и почвенной фауны, в связи

¹ Александровский А. Л., Анненков В. В., Глушко Е. В. и др. Источники и методы исторических реконструкций изменений окружающей среды. – Итоги науки и техники. Сер. Палеогеография. Т. 8. М.: ВИНТИ, 1991. – 161 с.

с процессами вымывания и отложения веществ на глубине и др., и поэтому характеризуется специфическими взаимосвязями между горизонтами.

Этим система почвенных горизонтов – почвенный профиль – резко отличается от геологических слоев и горизонтов культурного слоя. Она несет особую профильно-генетическую информацию о природной среде, которая обычно заключена в профиле исходной почвы, залегающей под культурным слоем, а также в профилях слаборазвитых почв, залегающих в толще самого культурного слоя.

Для уточнения генезиса почв и отложений применяются методы изучения их химических и физических свойств. Особо следует выделить анализ содержания фосфора как показатель концентрации остатков кости и другой органики животного происхождения (например, в культурном слое, сапропеле и др.); содержание органического вещества в естественных условиях (луг, болото) или под воздействием человека; содержание карбонатов – показатель на строительную известь.

Методы четвертичной геологии и геоморфологии позволяют оценить исходный рельеф, его роль в заложении поселений и улиц города, охарактеризовать склоновые процессы, связанные как с естественным рельефом, так и с антропогенным микро-рельефом, а также исследовать процессы изменения расчлененности рельефа и условий естественного дренажа.

Среди палеоботанических методов широко известны спорово-пыльцевой, фитолитный, карпологический. Большой интерес представляет анализ ботанического состава по остаткам древесины и древесного угля. Он позволяет устанавливать изменения климата и растительности, смены естественной растительности на антропогенные ее группировки: пашенную, пастбищную, пустырей, придорожную, развитую у жилищ.

Геохимический анализ – определение содержания макро- и микроэлементов, многие из которых являются показателями на те или иные виды хозяйственной деятельности человека, на производства и промыслы. Также эти данные характеризуют условия химического загрязнения городской среды прошлого.

Среди методов датирования можно выделить радиоуглеродный и метод относительного датирования по степени развития почвенного профиля.

Возраст отложений и почвенных горизонтов

Радиоуглеродный метод является наиболее распространенным независимым методом абсолютного датирования объектов археологии.

Вместе с тем при интерпретации ^{14}C дат, полученных по археологическим памятникам, необходимо учитывать их специфику. Преимущественно она связана с тем, что в отличие от геологических, почвенных и других объектов, для которых даты по ^{14}C уникальны по точности, для археологических имеются собственные историко-археологические определения возраста, являющиеся весьма обоснованными и точными. Поэтому: 1) в некоторых случаях между археологическими и радиоуглеродными датами возникают расхождения и противоречия; 2) в любом случае, даже при отсутствии подобных противоречий, к ^{14}C датам здесь предъявляются повышенные требования в отношении точности датирования.

Таким образом, оба метода контролируют друг друга, позволяют выявлять ошибки и совершенствовать технологию датирования.

Преимуществом ряда лабораторий, в частности Киевской лаборатории, является возможность получать даты по небольшим образцам. В основе этого установка, основанная на обычном методе датирования с использованием сцинтилляционного Вета-спектрометра, но в ней значительно уменьшены размеры реактора по спеканию с литием и другие емкости, что позволило резко сократить потери ^{14}C , происходящие в процессе анализа, и существенно уменьшить анализируемые пробы. Если для датирования на обычных установках минимальная проба составляет 2–3 г древесного угля, то на установке Киевской лаборатории она снижена до 0,3–0,5 г.

Увеличение точности датирования проводится на основе калибровочных программ, построенных на основе дендрохронологических данных.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования

Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C , ВР	Калиброванный возраст, AD/BC
Профиль 1а, 500 см, уголь	Ki – 17872	1100 ± 60	1σ 888–1013 AD 2σ 778–1025 AD
Профиль 1, 490 см, уголь	Ki – 17875	910 ± 60	1σ 1040–1173 AD 2σ 1019–1251 AD
Профиль 1, А1, 495 см, почва	Ki – 17874	1260 ± 80	1σ 669–861 AD 2σ 645–967 AD
Профиль 1, AhVt, 530–540 см, почва	Ki – 17873	3970 ± 180	1σ 2851–2207 BC 2σ 2912–1965 BC

В раскопе на ул. Студенческой для проведения радиоуглеродного анализа были отобраны образцы угля из прослоек на поверхности погребенной почвы, а также образцы почвы из верхнего и реликтового горизонтов погребенной почвы (табл. 1).

Результаты определений калиброванного возраста по данным с вероятностью 1σ (68%) следующие. По прослойке угля с поверхности погребенной почвы получены две даты: 888–1013 гг. н.э. (для 2σ (95%) – 778–1025 гг. н.э.) и 1040–1173 гг. н.э., что при небольших допущениях отвечает X в. или второй половине XI – первой половине XII в. Из двух дат, полученных для прослойки углей, залегающих на границе между погребенной почвой и культурным слоем, предпочтительной представляется вторая. Она совпадает с данными археологии.

По гумусовому горизонту А1 из погребенной почвы дата древнее, но относительно ненамного: 669–861 гг. н.э.; однако сопоставлять эту дату с какими-то веками (в частности, третья треть VII – первая половина IX в.) не следует. Даты, получаемые по гумусу, представляют собой среднее время для общей суммы гумусовых веществ, образовавшихся за все время формирования почвы. В данном случае гумусовый горизонт почвы формировался несколько тысяч лет при стабильной поверхности. При этом в гумусовом горизонте происходило обновление органического вещества. Поэтому полученная дата соответствует не середине интервала ее формирования, а последнему его

этапу, и всего на несколько сотен лет старше времени погребения.

Значительно древнее дата по реликтовому гумусовому горизонту AhVt – 3970 ± 180 лет (калиброванный возраст 2851–2207 гг. до н.э.). Подобные реликтовые горизонты в почвах и радиоуглеродные их даты описаны для Смоленской области (Толчельников, Костарев, 1989)². Время формирования этих горизонтов охватывает большие промежутки времени среднего, а может быть, и раннего голоцена. Но сами даты омоложены в результате процессов обновления гумуса в связи с тем, что гор. AhVt во время функционирования почвы лежал на относительно небольшой глубине.

Погребенная почва

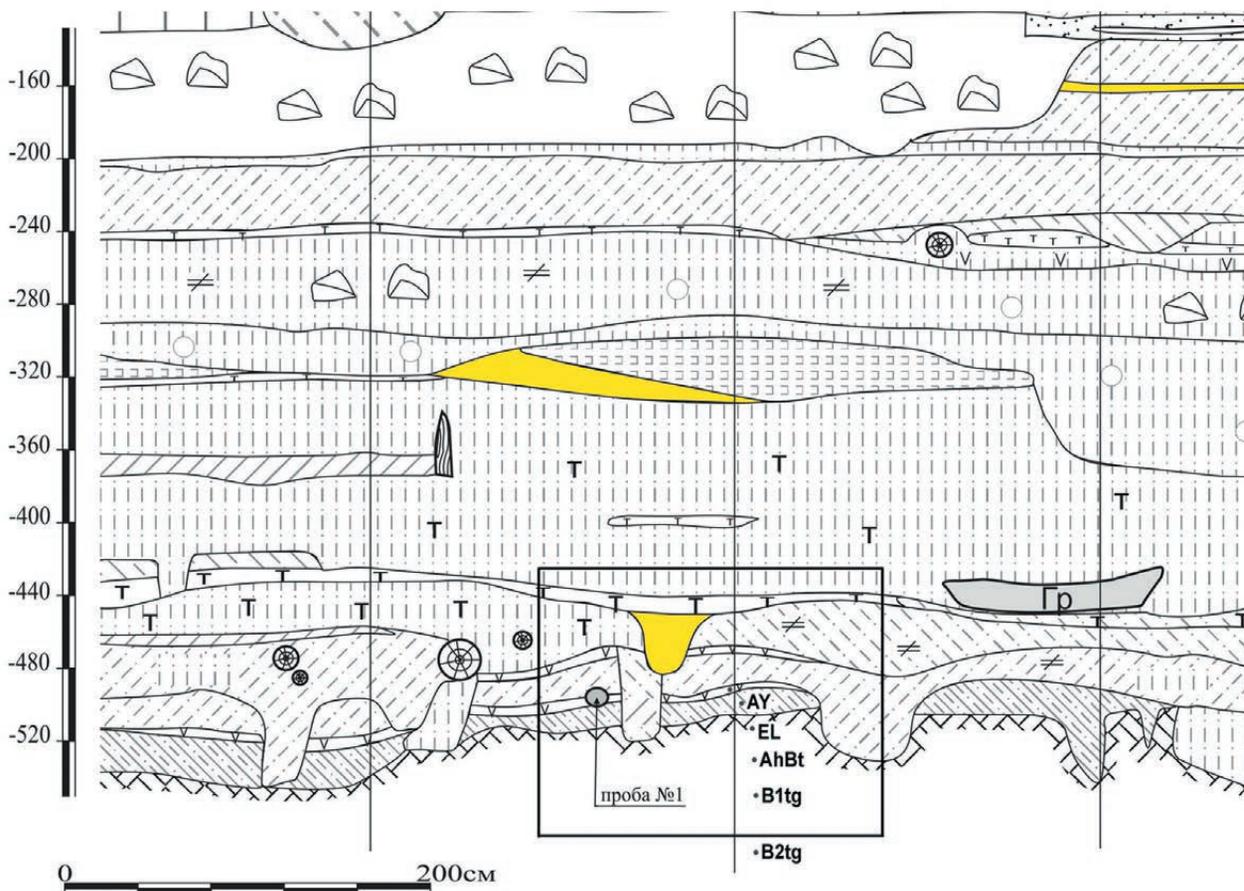
Погребенная почва, подстилающая культурный слой, вскрывается на многих участках раскопа. Однако в связи с нарушениями поверхности почвы в результате создания ям и подрезок полный профиль почвы сохранился только на небольших участках. Наиболее четко профиль погребенной почвы выражен в южной стенке раскопа, в кв. Ж4–Ж5, а также Ж8 (илл. 1).

В кв. Ж5 строение профиля почвы следующее:

Слой золы и угля на поверхности почвы, мощность до 5 см.

АУ, 0–12 см. Буровато-серый суглинок к супеси, комковатый, уплотненный, единичные угольки, переход постепенный.

² Толчельников Ю. С., Костарев А. С. Абсолютный возраст второго гумусового горизонта вторично-подзолистых почв Смоленской области. Известия Всесоюзного географ. общ-ва, 1980, т. 112, вып. 4, с. 351–355.

Илл. 1. Погребенная почва в южном профиле раскопа

EL, 12–33 см. Белесый с буровато-серым оттенком легкий суглинок к супеси, уплотненный, комковатый, переход постепенный. Зеленовато-голубоватые мелкие пятнышки вивианита.

AhBt, 33–50 см. Буровато-серый легкий суглинок с горизонтальными полосками (шли-

ры или псевдофибры). Комковато-ореховатый, уплотненный к плотному. Зеленовато-голубоватые мелкие пятнышки вивианита. Вертикальные магистральные трещины с темным заполнением. Переход постепенный, граница ровная.

Bt, 50–90 см. Буровато-белесый легкий суглинок к супеси, плотный, вертикальные магистральные трещины с темным заполнением, зеленовато-голубоватые мелкие пятнышки вивианита.

Почва дерново-подзолистая на легкосуглинистых, переходных к супесчаным отложениях (илл. 2). В результате длительного обводнения и залегания под уровнем поднявшихся вод она оглеена и обезжелезена, и поэтому характеризуется белесым оттенком во всем профиле. Посветление окраски гумусовых горизонтов AY и реликтового AhBt объясняется также и тем, что под воздействием оглеения теряется не только железо, но и гумус.

Реликтовый (второй) гумусовый горизонт AhBt располагается на характерной для него глубине 30–50 см. Местами он вы-

Илл. 2. Погребенная дерново-подзолистая почва в кв. Ж-4, 5

Таблица 2. Результаты почвенных анализов. Кв. Ж5. Смоленск

№	Образец: горизонт, глубина в см	pH _{H2O}	CaCO ₃ , %	C _{орг} , %	P ₂ O ₅ , %
1	КС №6		–	41,08*	1,43
2	КС №2		–	79,91*	–
3	Зола, угольки, 490	7,2	40,6	–	–
4	АУ, 495–500	7,4	–	1,42	0,83
5	ЕL, 510–515	7,6	–	0,40	1,21
6	AhBt, 530	7,6	–	0,44	0,54
7	B1tg, 550–560	7,5	–	0,29	0,60
8	B2tg, 580–590	7,75	–	0,31	0,76

* в данных образцах определена потеря при прокаливании, в остальных – C_{орг} по Тюрину

ражен хорошо, местами деградирован и сохранился в виде отдельных пятен. В пределах данного горизонта и всей иллювиальной толщи (горизонты Bt) прослеживаются вертикальные магистральные трещины, образующие в плане полигональную сеть. Они видны в нижней части фотографии на уровне горизонта Bt (илл. 2). Это трещины усыхания, в которые проникает более темный материал верхнего гумусового горизонта и, возможно, культурного слоя.

Залегающий в профиле дерново-подзолистой почвы лесного генезиса реликтовый второй гумусовый горизонт относится к среднеголоценовой стадии почвообразования. По данным многих исследователей, он свидетельствует о луговой или лугово-степной стадии почвообразования в среднем голоцене.

Для погребенной почвы характерны следующие физико-химические свойства (таблица 2). Она имеет нейтрально-слабощелочные значения pH.

Можно отметить, что максимальное уменьшение щелочности, выражающееся в снижении значения pH до 7,2, соответствует горизонту золы, содержащему карбонаты. Вероятно, такое изменение pH связано с наличием в данном горизонте остатков дисперсного угля, который постепенно окисляется и вызывает подкисление почвенной массы и частичную нейтрализацию карбонатов.

Содержание органического вещества в нижней части культурного слоя высокое – до 80% в слое навоза (данные определения потери при прокаливании). Наоборот, в погребенной почве органического вещества мало. Причем в реликтовом горизонте AhBt, в связи с большим его возрастом, сохранились только наиболее устойчивые ком-

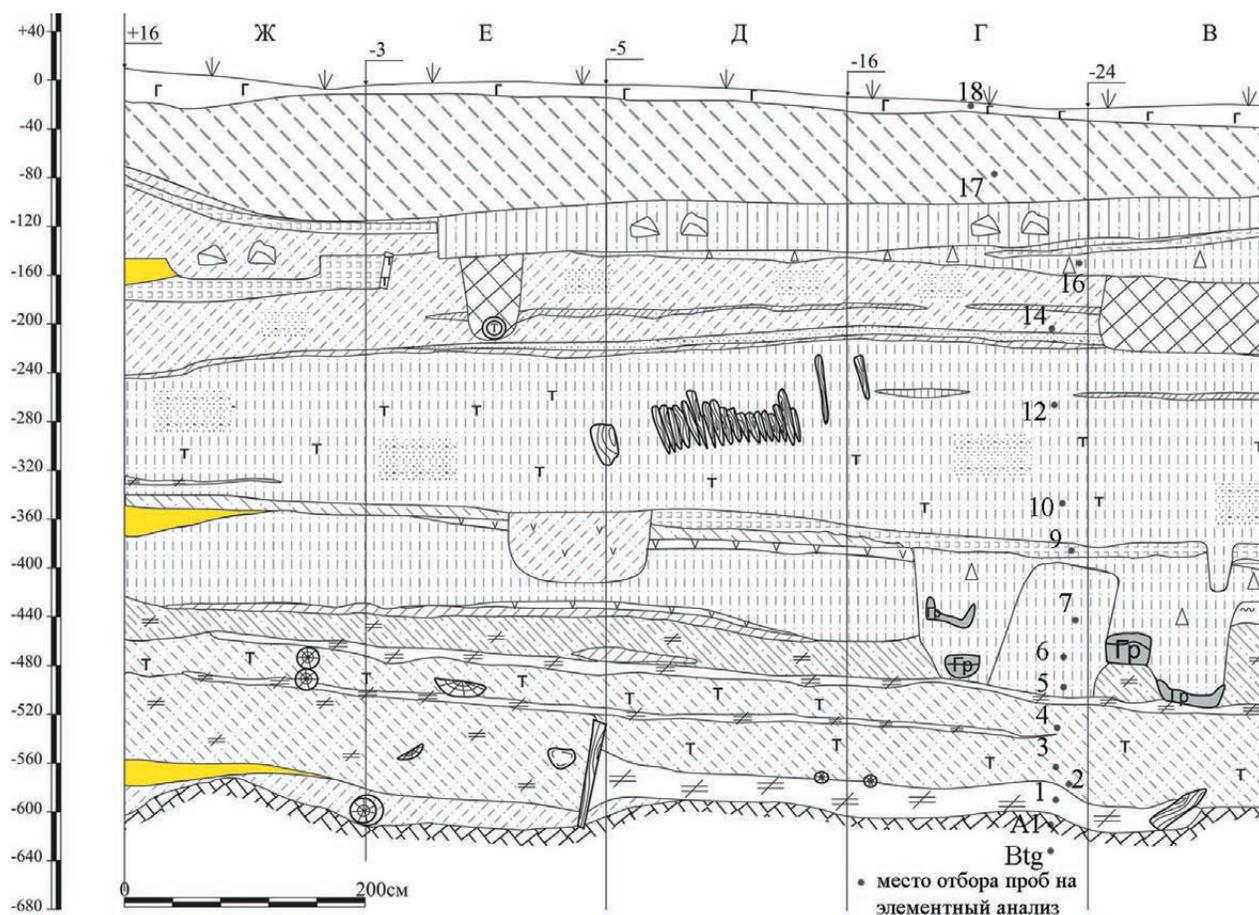
поненты гумуса, и поэтому хотя он и выделяется некоторым повышением в содержании C органического (0,44%) по сравнению с элювиальным (подзолистым) горизонтом EL (0,40%), но повышение это незначительное.

Если аномально высокое содержание фосфора в культурном слое является вполне естественным, то для подзолистой почвы столь высокие его концентрации встречаются редко. В данном случае это объясняется погребением почвы и вымыванием в нее фосфора из культурного слоя. Подвижности фосфора способствует обводненность исследуемой толщи. Фосфор может мигрировать в форме трикальцийфосфата. В погребенной почве он осаждается, в частности, в виде мелких зеленовато-голубоватых скоплений вивианита в порах и трещинах.

Культурный слой

Мощность культурного слоя на месте исследованного раскопа достигает 6 м. Накопление отложений культурного слоя здесь, в нижней части склона, в значительной степени связано со склоновыми процессами. Развитие этих процессов всецело обусловлено деятельностью человека. До появления поселения эрозия была слабой. Поэтому почва под культурным слоем в течение нескольких тысячелетий развивалась в условиях стабильной поверхности, и только с XI–XII вв. начинается активная седиментация. Средняя скорость нарастания поверхности за последние 9 веков составляет около 60 см за столетие, а до этого она не превышала 5 мм за 100 лет.

Частично толща отложений, лежащих на погребенной почве, состоит из материа-

Илл. 3. Строение западной стенки раскопа 3 и место исследованной колонки

ла, поступившего сверху по склону, частично из материала, накопившегося на месте. В частности, слой навоза и остатки деревянных построек в нижней части отложений.

Подошва отложений культурного слоя в южной стенке, особенно в средней ее части, лежит несколько выше, на глубине около 5–5,3 м, и снижается по краям. В западной стенке она снижается до глубины 6 м (илл. 3). Это связано с неровным исходным рельефом, на котором сформировалась подзолистая почва.

Нижняя часть культурных отложений, на глубине 4–6 м, представлена органическим слоем (ОС, образцы 3, 4, 6, 7). Он состоит из торфообразной массы (в основном это навоз) с щепками и примесью минеральной части. Органической массы здесь в основном более 50%. Много остатков построек из хорошо сохранившихся бревен, остатки других деревянных объектов. Такая сохранность остатков органического вещества связана с тем, что вода на месте раскопа стоит на глубине 2–3 м, а весной и выше, и это пре-

пятствует деятельности микроорганизмов, деструкторов органического вещества.

В средней части культурного слоя, на глубине 2–4 м, органики много (образцы 9, 12, 14), но меньше, чем в нижнем слое. Также встречаются остатки деревянных построек. Наверху молодой минеральный слой (МС, образец 17), много обломков кирпича, фрагментов извести. Во всей толще культурного слоя встречаются обломки древесного угля, остатки костей, керамика и другие артефакты.

Элементный состав культурного слоя

Элементный состав определен с помощью рентген-флуоресцентного метода. По археологическим данным в исследованной колонке возраст отложений может быть определен для нескольких уровней. Прослойка извести на глубине 389 см (образец 9) датируется временем строительства стены в 1596–1602 гг. Основание культурного слоя (образец 1) и по археологическим и по радио-

Таблица 3. Содержание макроэлементов (оксиды в %) в почвах и культурном слое

Образец	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	K ₂ O	CaO	MnO	Fe ₂ O ₃
Кларк	0,5	1,1	10	75	0,2	0,2	0,02	1,7	1,5	0,1	4,5
5 *	0,32	1,81	7,49	59,02	0,68	0,83	0,025	2,43	7,15	0,106	4,63
70	0,84	1,71	7,16	60,96	1,13	0,60	0,032	2,20	6,26	0,055	3,74
130	0,38	1,40	7,48	61,40	1,14	2,99	0,012	2,61	6,53	0,082	2,94
220 МС	0,26	1,07	5,48	79,50	0,52	0,73	0,006	1,86	2,01	0,027	1,29
270	0,92	1,01	4,99	58,63	3,27	3,21	0,065	2,35	5,52	0,128	1,86
345	0,14	1,51	7,81	60,23	2,78	1,02	0,061	2,84	5,06	0,191	3,58
380 изв	0,39	2,37	7,17	54,97	1,34	1,31	0,078	2,47	13,86	0,081	2,87
440	0,21	1,73	5,04	52,75	4,72	1,83	0,050	2,28	8,60	0,219	2,72
470	0,33	1,92	4,56	52,37	4,22	1,71	0,056	2,06	7,94	0,168	2,66
495	0,13	1,17	2,35	<u>36,01</u>	2,36	7,44	0,068	1,23	7,44	0,110	2,87
530 ОС	0,01	1,02	<u>0,83</u>	<u>31,80</u>	3,71	8,35	0,073	<u>0,51</u>	8,65	0,129	<u>1,16</u>
563	0,50	0,99	5,41	53,57	3,39	2,38	0,043	2,11	6,20	0,159	2,05
573 навоз	0,41	1,07	<u>0,66</u>	<u>26,77</u>	7,42	7,86	0,128	<u>0,35</u>	10,27	0,111	<u>1,37</u>
580	0,60	0,88	6,22	58,14	1,33	3,47	0,061	2,19	4,42	0,062	2,17
А1-595	0,70	1,29	8,84	71,83	3,18	0,39	0,008	2,51	1,95	0,081	2,36
Vtg-650 Исходн Почва	0,62	1,25	10,10	74,43	1,33	0,42	0,034	2,59	<u>0,84</u>	0,037	2,85

углеродным данным относится ко второй половине XI – первой половине XII в. Залегающий ниже балласта слой (образец 16) относится ко времени не ранее XVIII в.

Состав макроэлементов культурного слоя существенно трансформирован по сравнению с исходным в результате активной хозяйственной деятельности человека. Вместе с тем в нем продолжают действовать многие процессы естественной природы. Колебания в содержании марганца в культурных слоях во многом определяется застоем воды (в этом случае марганец становится подвижным и легко выносятся) или хорошей аэрацией (в этом случае марганец теряет подвижность и накапливается). С этим же связана потеря железа почти во всей толще по сравнению с верхними слоями.

Аномально повышено в культурном слое содержание фосфора, серы и кальция. Основным источником поступления кальция является известь, широко используемая в строительстве и других хозяйственных нуждах. В результате этого существенно меняется геохимическая среда. Исходная кислая реакция почвенного раствора меняется на щелочную. В результате меняется подвижность элементов. Многие из них становятся малоподвижными, сохраняются на месте, что позволяет судить об интенсивности

деятельности человека в прошлом. Высокое накопление кальция в нижних горизонтах, относящихся ко времени задолго до начала широкого каменного строительства, может быть связано с поступлением золы, в которой кальций находится в составе пирогенного кальцита. Так, в прослойке золы на поверхности погребенной почвы карбоната кальция (кальцита) около 40% (см. табл. 1).

Фосфор накапливается в культурном слое в основном за счет поступления остатков костей животных, а также другой органики животного происхождения.

Большой интерес представляет накопление в культурном слое серы. Причем особенно много SO₃ в нижнем мокром органическом слое (ОС). Процесс этот естественный, и идет он в условиях переувлажнения. Подъем грунтовых вод осуществляется в результате накопления культурного слоя и общего подъема уровня поверхности города, а также выравнивания поверхности и ослабления дренажа. Как и во многих других случаях (железо, марганец), процесс этот микробиологический.

В исходной почве содержание большинства макроэлементов снижено или близко к кларку. Повышенное содержание циркония характерно для почв, в которых повышено содержание циркониевого песка.

Таблица 4. Содержание микроэлементов (мг/кг) в почвах и культурном слое

Образец	Ni	Mn	Cu	Zn	As	Pb	Rb	Sr	Zr	Возраст
Кларк	99	1000	30	76	2	13	70	384	162	Век
5	26	1060	329	452	8	204	66	144	263	(20)
70	19	550	305	330	9	217	67	168	285	(19)
130	16	820	42	99	6	44	79	146	294	18
220 МС		270	13	34		12	51	89	351	18
270	12	1280	50	212		21	58	129	284	17/18
345	23	1910	117	175	7	45	95	154	350	17
380 известь	10	810	79	92		19	88	176	237	16/17
440	14	2190	300	304	6	32	62	153	217	16
470	15	1680	173	297	6	31	58	142	244	15–16
495	21	1100	207	274	5	21	40	122	152	15
530 ОС	5	1290	37	198		7	17	69	73	14–15
563	14	1590	68	220		17	63	138	248	14
573 навоз	8	1110	43	211	0	0	5	54	20	13
580	16	620	35	194	0	22	85	144	286	11/12
А1–595	15	810	30	97	0	21	107	174	449	Возр
Втg-650 Исходная Почва	10	370	13	32	0	17	87	116	505	

Накопление микроэлементов также отражает характер деятельности человека. В слое XI–XII веков отчетливо заметно повышение содержания цинка, что могло быть связано, например, с разделкой рыбы. Известно, что цинк активно накапливается в чешуе, коже, жабрах и плавниках рыб вместе с умеренными количествами меди и свинца.

В слоях XVII–XV веков содержание цинка, меди, свинца и мышьяка повышается в еще большей степени. Соединения мышьяка со свинцом и просто мышьяковистые соединения могли использоваться при борьбе с вредителями в саду и огороде. Кроме того, мышьяк является примесью свинцовых, медных, серебряных, реже цинковых руд и мог попадать в почву, если рядом была выплавка цветных металлов или другая металлообработка.

Свинцовые краски – белые, желтые, оранжевые и красные – широко использовались с XVII века как кроющие, защищающие; в основном свинцовые белила.

Медный купорос применялся как для борьбы с сельскохозяйственными вредителями, так и в качестве основы для многих красок, обладающих и противоплесневым действием.

Повышенное содержание мышьяка может быть объяснено примесью этого элемен-

та в металлических предметах, переплавляемых в этом месте, или существованием здесь кожевенных промыслов, так как в выделке особых кож в качестве депиляторов применялись минералы мышьяка.

Повышенное содержание в верхних слоях XIX–XX веков цинка, меди и свинца может быть связано с накоплением отходов как металлических предметов, так и красок. Широко известны свинцовые белила и свинцовый сурик. Наиболее распространенными медными красками были: известковая синяя, состоявшаяся из растворов медного купороса, нашатыря и гашеной извести, и известковая зелень, состоящая из медного купороса, мышьяковистой кислоты и известкового молока. Медные краски кроме синих и зеленых могли быть фиолетовыми, коричневыми, черными и даже красными. Это всем известный сурик – окисная медь. Мышьяковыми красками являются кроме упомянутой выше добавки реальгар и аурипигмент.

Антракология

(определение породы деревьев по строению древесного угля)

Образцы отобраны из углистого прослая в основании культурного слоя в южной стенке в кв. Ж4–5 (профиль 1) и из гумусового

горизонта погребенной почвы в кв. Ж 7, 8, 9 (профиль 2).

Количество фрагментов пород деревьев следующее.

Профиль 1. Южная стенка

Кв. Ж 4, 5, уголь и зола на поверхности погребенной почвы, 910 ± 60 л.н.

Дуб	17	
Ясень	4	
Вяз	1	
Кольцепоровые	4	дуб или ясень
Ель	1	
Хвойные	2	
Рассеяннопоровые	5	
Неопределенные	4	

Кв. Ж5, 1100 ± 60 л.н.

Ель	2	
Кольцепоровые	3	дуб или ясень
Неопределенные	4	

Профиль 2

Кв. Ж 7, 8, 9 – угольки из гумусового горизонта погребенной почвы, 1260 ± 80 (дата по гумусу)

Дуб	1
Вяз	1
Клен	1
Рассеяннопоровые	4
Неопределенные	4

Полученные результаты относятся к двум хронологическим уровням – гумусовому горизонту погребенной почвы и слою угля и золы, залегающему на поверхности этого гумусового горизонта.

Среди 44 фрагментов древесного угля, для которых удалось определить породу дерева или тип древесины, резко преобладают широколиственные породы: дуб, ясень, вяз, клен, всего 32 фрагмента (73%). Хвойных – 5, из них ели – 3. Фрагменты угля рассеяннопоровых, в количестве 9, отличалась плохой сохранностью. Поэтому мелколиственные (береза, осина, ива, ольха и др.), обычно преобладающие среди рассеяннопоровых, не определены. Максимально возможное их количество не превышает девяти фрагментов, и следовательно, доля их невелика.

Полученные результаты показывают, что на месте раскопа в период появления города (XI–XII вв.) лесная растительность была представлена широколиственными породами. Вероятно, здесь была дубрава, с неболь-

шим участием хвойных (ель) и вторичных мелколиственных пород.

Заключение

Исходный ландшафт реконструируется как широколиственный лес из дуба с ясенем и елью на дерново-подзолистых почвах, сформированных на аллювиально-делювиальных суглинках первой надпойменной террасы. Возможна примесь вторичных (мелколиственных) древесных пород. Имеющийся в погребенной почве реликтовый темноцветный гумусовый горизонт, вероятно, свидетельствует о среднеголоценовой стадии формирования луговых или лугово-черноземных почв под остепненными лугами.

По данным радиоуглеродного датирования начало накопления культурного слоя на месте раскопа относится ко второй половине XI – первой половине XII в. либо к X в. С археологическими совпадает первая дата – XI–XII вв.

Нижняя часть культурного слоя, которая постоянно находится под уровнем грунтовых вод, характеризуется высоким, до 80%, содержанием органического вещества. Здесь сохранились прослойки навоза, а также щепы и другие остатки древесины. Слои, расположенные выше, исходно имели такой же состав, но в связи с периодическим или постоянным его обсыханием органическое сохранилось здесь в меньшей степени. Только в верхней части исследуемой толщи, накопившейся в период каменного строительства, антропогенные отложения становятся минеральными.

В результате деятельности человека в культурном слое накопилось большое количество химических элементов, тяжелых металлов и др. Их источниками были металлургия и металлообработка, применение элементов в быту, например для борьбы с грызунами. Ландшафтно-геохимические методы не только помогают в исторической реконструкции тех или иных древних производств или быта горожан далекого прошлого, но и позволяют делать предположения об их здоровье и поведенческих реакциях.

Приложение 2

Л. В. Яворская, к. и. н.

Лаборатория естественнонаучных методов ИА РАН

Результаты археозоологического исследования коллекции костей животных, полученных в ходе археологических исследований на раскопе № 3 (Набережная в г. Смоленске)

Сотрудниками Смоленской экспедиции ИА РАН собрана коллекция костных остатков, полученных при археологических исследованиях на раскопе № 3 на Набережной Днепра (Студенческой набережной) общей численностью 14 544 фрагмента. Археозоологическое исследование костных остатков животных из культурных напластований средневекового города проводится впервые.

На данном раскопе, расположенном вблизи отсутствующего ныне участка крепостной стены Смоленска, зафиксированы культурные напластования, датируемые с конца XI по XVIII–XIX века. В исследуемых культурных напластованиях раскопщиками выделено 10 строительных горизонтов, в соответствии с которыми проводится и археозоологическое исследование. Кости животных собраны и сгруппированы по пластам, начиная с 11-го и до предматериковых напластований 20-го пласта, и датируются, соответственно, концом XI – второй половиной XVI в. Археозоологическому исследованию подвергались материалы с каждого пласта, и лишь затем результаты группировались по соответствующим строительным (а значит, и культурно-хронологическим) горизонтам. К особенностям исследуемой выборки следует отнести несколько аспектов. Из-за специфики рельефа Набережной с 12-го пласта и ниже в рамках каждого пласта наблюдается два типа культурных отложений: более высокие северные участки состоят из темно-серого суглинка и датируются позднее, чем южные, низинные участки, которые содержат уже древнерусский темно-коричневый слой и датируются не позднее XIII века. Такая ситуация сложилась для 12-го и 13-го пластов. Уже с 14-го пласта и ниже большую часть раскопа занимает темно-коричневый слой и, соответственно, материалы древнерусского времени.

Поскольку костные остатки собирались целиком с пласта, то на этапе археозоологического исследования уже невозможно было отделить материалы южной и северной частей раскопа. Поэтому для археозоологических материалов из пластов 12–13, составлявших 7-й строительный горизонт, принята широкая дата – XIV – начало XVI в. В остальных случаях принималась датировка, соответствующая заполнению основной части раскопа. Помимо этого, 5-й строительный горизонт формировался в пластах 9–11, но для археозоологического исследования были представлены лишь материалы из пласта 11. Поэтому материалы горизонта 5 не отражают всех костных остатков, заполнявших культурные напластования данного периода.

Исследование проводилось по методической схеме, разработанной в ИА РАН (Антипина, 2004). На количественном уровне зафиксированы и проанализированы следующие характеристики:

- естественная сохранность кости или фрагмента,
- таксономическая принадлежность,
- анатомическая принадлежность,
- степень прирастания эпифизов или состояние костной ткани костей, отражающее возраст животного,
- для зубов – степень стирания жевательной поверхности,
- относительный размер для всех костей взрослых животных – маленькая, средняя или крупная,
- для серий промерных костей – общепринятые промеры, позволяющие оценить пропорции кости,
- патологии,
- следы погрызов хищниками и грызунами,
- следы огня и воздействия высокой температуры,

Таблица 1. Основные параметры археозоологической коллекции раскопа № 3 (абсолютное число фрагментов и %)

Культурно-хронологические горизонты	Млекопитающих		Определенных	Других классов		Всего остатков	Доля определенных (%)	ИР*
	неопределимых			Птиц	Рыб			
	крупных	средних						
Горизонт 5	284	51	1609	7		1951	82,7	18,7
%	14,6	2,6	82,5	0,4		100,0		
Горизонт 6	528	139	3772	19	2	4460	85,0	20,4
%	11,8	3,1	84,6	0,4	0,04	100,0		
Горизонт 7	338	101	3059	27	4	3529	87,6	21,4
%	9,6	2,9	86,7	0,8	0,1	100,0		
Горизонт 8	198	90	2371	27	7	2693	89,3	21,9
%	7,4	3,3	88,0	1,0	0,3	100,0		
Горизонт 9	88	29	1394	6	3	1520	92,3	15,8
%	5,8	1,9	91,7	0,4	0,2	100,0		
Горизонт 10	7		383	1		391	98,2	12,2
%	1,8		98,0	0,3		100,0		
ВСЕГО	1443	410	12588	87	16	14544	87,3	19,6
%	9,9	2,8	86,6	0,6	0,1	100,0		

*ИР – Индекс раздробленности, см. в тексте выше.

- следы разрубов и надрезов лезвием ножа,
- следы обработки кости.

Измерялся также объем (в куб. дм), который занимает остеологический материал. Этот параметр используется для оценки степени раздробленности костей – ИР (индекс раздробленности), делением общего числа костей в конкретной выборке на занимаемый ими объем.

Структура и общие параметры изученных коллекций с двух участков представлены в таблицах 1 и 2. Таблицы 3, 4 дают информацию о таксономическом составе остеологического материала по культурно-хронологическим горизонтам.

Все выборки костей животных из заполнения культурно-хронологических горизонтов достаточно представительны: самая маленькая из горизонта 10 содержала около 400 фрагментов, самая крупная из горизонта 6 – около 4,5 тысячи (Таблица 1). По самым основным или общим параметрам следует отметить некоторую схожесть в заполнении костями животных культурных напластований разных горизонтов. Во всех выборках численно преобладают остатки млекопитающих – 82–98% (Таблица 1). Доли костей птиц и рыб невелики

и чаще всего не превышают 1% ни в одной из выборок, что характеризует обычную ситуацию для древнерусского средневекового города (Таблица 1). Размах значений индекса раздробленности костных остатков из разных горизонтов невелик и располагается в пределах от 15 до 22 фрагментов на 1 куб. дм. Такая раздробленность отражает обычную «кухонную» разделку туш животных (от 10 до 70 фрагментов в 1 куб. дм, Антипина, Моралес, 2006). Следует указать лишь, что индексы, полученные по материалам всех исследуемых горизонтов, невысоки, то есть костные фрагменты в выборках довольно крупные, нет остатков ремесленного производства из костей, нет и мелкого мусора (Таблица 1). Кости животных в данном случае представляют собой типичные «кухонные» остатки с многочисленными следами искусственного дробления, порубами, на них видны погрызы собак и следы воздействия огня и высокой температуры. По данным, полученным археологами, на территории данного участка города превалировала неплотная жилая застройка почти во все исследуемые периоды, и в культурный слой выпадали крупные фрагменты кухонных остатков мясных туш. Судя по неизменному индексу раздроблен-

Таблица 2. Соотношение остатков домашних и диких млекопитающих в археозоологической коллекции раскопа № 3 на Набережной (ул. Студенческой) в г. Смоленск

Горизонты	Домашние		Дикие		Всего количество фрагментов
	Количество фрагментов	%	Количество фрагментов	%	
Горизонт 5	1604	99,7	5	0,3	1609
Горизонт 6	3748	99,4	24	0,6	3772
Горизонт 7	3033	99,2	26	0,8	3059
Горизонт 8	2335	98,5	36	1,5	2371
Горизонт 9	1362	97,7	32	2,3	1394
Горизонт 10	378	98,7	5	1,3	383
ВСЕГО	12460	99,0	128	1,0	12588

Таблица 3. Видовой набор остатков домашних млекопитающих по горизонтам. Раскоп № 3-2012, Набережная (Студенческая), г. Смоленск (количество фрагментов и %)

Горизонты	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Собака	Кошка	ВСЕГО
Горизонт 5	1190	54	124	231	5		1604
%	74,2	3,4	7,7	14,4	0,3		100,0
Горизонт 6	2813	62	321	537	14	1	3748
%	75,1	1,7	8,6	14,3	0,4	0,03	100,0
Горизонт 7	2146	50	268	547	19	3	3033
%	70,8	1,6	8,8	18,0	0,6	0,1	100,0
Горизонт 8	1647	51	231	389	17		2335
%	70,5	2,2	9,9	16,7	0,7		100,0
Горизонт 9	977	50	143	182	9	1	1362
%	71,7	3,7	10,5	13,4	0,7	0,1	100,0
Горизонт 10	305	16	27	28	2		378
%	80,7	4,2	7,1	7,4	0,5		100,0
ВСЕГО	9078	283	1114	1914	66	5	12460

ности, назначение данного участка города не изменялось в разные периоды.

Неопределимые кости, которые достоверно диагностируются как остатки млекопитающих, были разделены нами на две размерные группы – остатки крупных по размерам млекопитающих (подразумеваются крупный рогатый скот и лошадь) и остатки средних млекопитающих (подразумеваются мелкий рогатый скот и свинья). Их взаимные соотношения в каждой выборке примерно одинаковы: остатков крупных млекопитающих примерно втрое больше, чем средних (Таблица 1).

Как уже указывалось, в коллекции преобладают остатки млекопитающих. Среди них основное место занимают костные фрагменты домашних видов (97,7–99,7%). Кости диких животных присутствуют во всех выборках, но доля их невелика – от 0,3 до 2,3% (Таблица 2). Более высокие значения –

1,5 и 2,3% – характерны для нижних горизонтов 8 и 9, связанных уже с древнерусским периодом. Однако такая тенденция – увеличение в совокупности костей млекопитающих доли диких к более ранним напластованиям – обычна для древнерусского города: из известных нам коллекций эта тенденция хорошо прослеживается в Новгороде, Ростове Великом, Ярославле (Антипина, Лебедева, 2012).

В таксономической структуре домашних видов представлены виды, традиционные для древнерусского города: крупный рогатый скот, лошадь, свинья, овца, коза, собака и кошка (Таблица 3).

В остеологическом спектре домашних видов преобладают остатки копытных – мясных животных. Среди них первое место со значительным преимуществом неизменно занимает крупный рогатый скот, доля костей которого в выборках составляет

Таблица 4. Видовой набор остатков диких млекопитающих. Раскоп № 3-2012, Набережная (Студенческая), г. Смоленск (количество фрагментов и %)

	Лось	Кабан дикий	Бобр	Заяц	Всего
Горизонт 5		3		2	5
Горизонт 6	12	8	3	1	24
Горизонт 7	9	9	2	6	26
Горизонт 8	20	12	2	2	36
Горизонт 9	16	13	2	1	32
Горизонт 10	1	4			5
ВСЕГО	58	49	9	12	128
%	45,3	38,3	7,0	9,4	100,0

от 70 до 75% (небольшая по численности костей выборка из горизонта 10 (20 пласта) в расчет не берется, внимание сосредоточено на относительно крупных выборках, число костей в которых выше 1000 фрагментов). На втором «месте» – остатки свиньи (13,4–16,7%), далее – мелкого рогатого скота (7,7–10%), а последнее место занимают остатки лошади (1,7–3,6%) (Таблица 3). Кухонными остатками в этих спектрах являются кости трех доминирующих видов. Кости лошади, судя по степени раздробленности и следам искусственного воздействия, имеют и кухонное и не кухонное происхождение. Останки собак и кошек немногочисленны (Таблица 3) и не имеют отношения к мясному потреблению.

Общее количество остатков диких млекопитающих в коллекции невелико – 128 фрагментов. Набор видов обычен для древнерусских городов: лось, дикий кабан, заяц, бобр. Наиболее многочисленны в остеологическом спектре остатки лося (45% от общего количества остатков диких млекопитающих) и дикого кабана (38,3%) (Таблица 4). Однако было бы некорректным интерпретировать факт доминирования остатков этих видов в остеологическом спектре как свидетельство значительной численности этих животных в природе. Высокие доли костей лося и дикого кабана в культурных напластованиях города означают, что у населения была потребность и возможность добывать именно этих животных в большем количестве, чем все остальные виды. На костях всех диких животных зафиксированы следы кухонной разделки и зубов собак, что подтверждает кухонное происхождение остатков.

В течение длительного времени в древнерусском городе различные участки ме-

няют свое назначение и, соответственно, изменяется наполнение культурного слоя массовым археологическим материалом, который извлекается при раскопках. Для данного участка памятника мы не можем «замерить» интенсивность заполнения культурных слоев костями животных, выше объяснялось, что этого не позволяет выявленная специфика накопления массового материала в местности «под уклоном», где в разных частях раскопа в материалах одного пласта выявлены культурные напластования разного времени. Однако при изменении назначения участка в определенные периоды изменяется не только интенсивность накопления костей, но и доли остатков основных четырех видов мясных домашних копытных могут оказаться различными. Для выявления этих отличий решено было сравнить остеологические спектры в двух выборках из культурно-хронологических горизонтов. В горизонт 6 попали материалы пластов 12 и 13, глубина их залегания –4,20...–4,60 м. На глубине более 1 м (–5,40...–5,80 м) залежали материалы из пластов 18 и 19, образовавшие горизонт 9. Обе выборки представительны по числу костных фрагментов в них.

Как видно из таблицы 5, иерархия остатков мясных домашних видов на данном участке Смоленска обоих периодов традиционна, как в целом для городов Древней Руси. Особенностью данного участка можно считать невысокую долю остатков лошади в остеологических спектрах обоих горизонтов, но чуть более высокую долю крупного рогатого скота по отношению к сводному спектру древнерусских городов. Следует отметить, что несмотря на то, что между этими строительными горизонтами накопился 1 метр культурного слоя, принципиальных

Таблица 5. Сравнительный анализ спектров остатков мясных домашних видов древнерусских городов

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Всего	Всего костных фрагментов на горизонт
Горизонт 6	75,4	1,7	8,6	14,4	100,0	3748
Горизонт 9	72,3	3,7	10,6	13,5	100,0	1362
Сводный спектр древнерусских городов*	66,8	6,2	10,4	16,6	100,0	

* Сводный спектр древнерусских городов по Антипиной Е.Е., 2005.

изменений в их заполнении костями основных домашних видов не обнаруживается, поскольку иерархия видов и доли каждого из них в остеологическом спектре почти не изменились. Следовательно, никак не изменилось основное жилое назначение данного участка города.

Археозоологическое исследование материалов из археологических раскопок в Смоленске по современной методической схеме проведено впервые. На данном участке древнего города исследованием выявлен общий для древнерусских городов характер

заполнения культурных напластований костями домашних животных, обычный видовой набор остатков диких. Исследование показало, что назначение данного участка города – жилая застройка с характерным для нее выпадением костных остатков в культурный слой – не изменялось на протяжении нескольких веков. Для понимания специфики заполнения данного участка города костями животных необходимо продолжение археологических работ и археозоологических исследований коллекций из других районов древнего Смоленска.

Литература:

- Антипина Е. Е., 2004. Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. М. Языки славянской культуры. С. 182–239
- Антипина Е. Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры. С. 181–190.
- Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. 2012. Растения и животные // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия. Глава 7. М.: ИА РАН. С. 144–229.
- Антипина Е. Е., Моралес А., 2006. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. № 3 (27). Новосибирск. С. 67–81.

Заключение по результатам дендрохронологического исследования

Обработка образцов проводилась в дендрохронологической лаборатории Института географии РАН в соответствии с общепринятыми методическими требованиями древесно-кольцевого анализа (Шиятов и др., 2000; Cook, Kairiukstis, 1990). Спилы были отшлифованы либо зачищены лезвием. Затем годовые кольца посчитаны и размечены по десять, пятьдесят и сто лет. Измерения ширины годовых колец производились по двум радиусам на установке LINTAB с точностью 0,01 мм с использованием программного обеспечения TSAP (Rinn, 1996).

Образцы вначале подвергались перекрестной датировке с образцами из того же объекта. Затем, также путем перекрестного датирования, привязывались к хронологии, имеющей календарную привязку. Для датирования образцов из сосны использовалась шкала, составленная из образцов древесины дома купца Данненштерна в Риге – кораблестроителя, успешного экспортёра леса из Восточной Европы («Данненштерн Хаус»). Хронология находится в открытом доступе в международном банке данных ITRDB. Она была продлена за счет образцов из раскопок в г. Смоленске на пл. Победы 2010 г. Общая протяженность хронологии – 1387–1739 гг. Для датирования более раннего этапа использовалась хронология по живым деревьям сосны из Звенигорода, покрывающая период 1735–2010 гг. Для датирования образцов из дуба использовалась плавающая хронология по образцам из раскопок в г. Смоленске на пл. Победы 2010 г. продолжительностью 137 лет и оканчивающаяся примерно в 1620-х – 1630-х годах.

При помощи программного пакета TSAP-Win Scientific нами осуществлялось визуальное совмещение графиков погодичного прироста отдельных образцов. Результаты выполненной синхронизации проверялись показателями нескольких статистических коэффициентов: коэффициента синхронности (Gkl, Gleichlaeufigkeit), коэффициента

корреляции Пирсона (CC, Cross Correlation), индекса перекрестного датирования (CDI, Cross-Dating Index). Коэффициент Gkl (Huber, 1943; Eckstein, Bauch, 1969) фактически представляет собой не что иное, как давно используемый, в том числе и в отечественной дендрохронологии, показатель сходства или сходных интервалов (Сх), показывающий процент совпадающих увеличений и уменьшений прироста для двух серий годовых приростов (Колчин, Битвинскас, 1972. С. 88; Битвинскас, 1974. С. 64). Коэффициент корреляции Пирсона (CC) также показывает сходство двух древесно-кольцевых рядов, но его значение может быть завышено (увеличиваться без фактического увеличения сходства) при наличии возрастного тренда в обеих сериях годовых колец. Индекс перекрестного датирования (CDI) является интегральным показателем, рассчитываемым для двух серий ширины годовых колец с учетом длины интервала пересечения на основе нескольких статистических параметров: коэффициента синхронности (Gkl), коэффициента корреляции (CC), t-статистики критерия Стьюдента для сглаженных и несглаженных серий (Baillie, Pilcher, 1973).

Полученные результаты относительной датировки образцов дополнительно проверялись при помощи программы COFESHA (Holmes, 1983).

Эта программа «разделяет» каждый древесно-кольцевой ряд на последовательные 50-летние сегменты таким образом, что каждый следующий сегмент включает в себя половину предыдущего (25-летнее взаимное перекрытие сегментов). Затем осуществляется расчет корреляции этого сегмента с мастер-хронологией в текущей позиции, 10 предыдущих и 10 последующих позициях со сдвигом в 1 год, и в случае наличия лучшей корреляции в другой позиции выдается предупреждение.

В качестве мастер-хронологии в данном случае выступает осредненный ряд измере-

ний, построенный по всем остальным образцам комплекса. Эта процедура позволяет выявить возможные ошибки измерения и датирования, а также «ложные» и «выпавшие» кольца, т. е. те годы, в которые у образца либо образовалось 2 кольца (визуально, а не в действительности), либо не образовалось ни одного (возможно, лишь на части окружности кольца) (Шиятов и др., 2000. С. 44–45). В результате для каждого древесно-кольцевого ряда датировку получают несколько его отдельных сегментов. Совпадение датировок нескольких сегментов является независимым подтверждением корректности датировки всей серии,

при несовпадении датировок сегментов возникает подозрение в неправильной датировке всей серии.

Использование указанных критериев оценки в полной мере корректно только в том случае, если взаимное перекрытие сопоставляемых между собой образцов (а значит, и их биологический возраст) составляет не менее 100 лет. К сожалению, большинство образцов (29 из 49) содержали менее 60 годичных колец. Такие образцы сложно датировать однозначно, поэтому мы приводили несколько возможных датировок. Также мы поступали при низких коэффициентах сходства.

Литература:

- Битвинскас Т. Т. Дендроклиматические исследования. Л., 1974.
- Колчин Б. А., Битвинскас Т. Т. Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В., Круглов В. Б., Мазепа В. С., Нурзбаев М. М., Хантемиров Р. М. Методы дендрохронологии. Красноярск, 2000.
- Baillie, M. G. L., J. R. Pilcher (1973) A simple cross-dating program for tree-ring research // Tree-Ring Bulletin 33:7–14.
- Cook E. R., Kairiukstis L. A. (1990) Methods of Dendrochronology: applications in the environmental sciences. Kluwer, Dordrecht, 394 p.

Таблица. Датировка спилов с деревянных сооружений раскопа 3 по ул. Студенческой, 6, (Набережная) в г. Смоленск, 2011–2012 гг.

Спил №	Пласт №	Элемент деревянного сооружения	Квадрат №	Глубина от точки репера	Порода	Число годовичных колец	Датировка *	t-value / CDI **	Надежность	Другие датировки	Примечание
1	0	Лага под настил	В-7	-197	сосна	33	1813	2,2 / 17	низкая	1689, 1626, 1464	короткая серия
2	2	Столб желоба	Е-1	–	сосна	61	1833	3,2 / 22	сред- няя	1651, 1619, 1528, 1447	
3	3	Столб желоба	Е-1	–	сосна	71	1833	3,2 / 22	сред- няя	1491	
4	4	Бревно постройки	Г-6	-266	сосна	55	1878	3,8 / 26	низкая	1585, 1726	короткая серия
5	3	Постройка № 4, бревно венца	Д-7	-258	сосна	16	–	–	–		очень короткая серия
6	4	Постройка № 1, бревно с основа- ния лестницы	В-5 В-6	-275	сосна	55	1447	3,4 / 22	низкая	1666, 1527	короткая серия
7	4	Постройка № 1, бревно венца	Д-6	-257	сосна	61	1512	3,5 / 21	сред- няя	1475, 1567	
8	4	Постройка № 1, бревно венца	Д-4	-263	сосна	58	1720	3 / 17	низкая	1431, 1609	короткая серия
9	4	Постройка № 2, с бревна нижнего венца	Б-7	-270	сосна	55	1731	3,6 / 23	низкая	1584, 1628	короткая серия
10	5	Постройка № 5, столб	Д-8	–	сосна	52	1750	2,9 / 18	низкая	1624, 1424	короткая серия
11	5	Постройка № 5, столб	Д-7	–	сосна	49	1642	3,9 / 31	низкая	1747	короткая серия
12	5	Постройка № 2, с бревна нижнего венца	А-6	-264	сосна	62	1716	2,8 / 20	сред- няя	1542	
13	5	Постройка № 5, столб	В-8	–	–	–	–	–	–		нет образца
14	5	Постройка №1, столб (стул)	Е-4	–	сосна	69	1583	3,2 / 22	сред- няя	1664, 1718	
15	6	Столб, отдельно стоящий	А-3	–	сосна	36	1582	3,4 / 28	сред- няя	1729, 1643	короткая серия, но совпа- дение с другими датами
16	6	Столб, отдельно стоящий	А-3	–	сосна	32	1702	3,8 / 26	низкая	1505, 1691	короткая серия
17	7	Постройка № 1, столб (стул)	В-4	–	сосна	62	1619	2,8 / 18	сред- няя	1509	

Спил №	Пласт №	Элемент деревянного сооружения	Квадрат №	Глубина от точки репера	Порода	Число годовичных колец	Датировка *	t-value / CDI **	Надежность	Другие датировки	Примечание
18	7	Постройка № 1, столб (стул)	Б-4	-	сосна	61	1692	2,2 / 16	низкая	1509, 1572, 1647	низкие коэффи- циенты сходства
19	11	Столб, отдельно стоящий	Ж-4	-	дуб	136	<u>-2</u>	2,4 / 13	высо- кая		
20	11	С бревна настила	Г-6	-399	дуб	79	<u>-12</u>	5,8 / 45	высо- кая		
21	11	Настил, с лаги	В-6	-395	сосна	92	1682	3,1 / 19	сред- няя	1446, 1740	низкие коэффи- циенты сходства
22	11	Настил, с лаги под ним	В-7	-395	сосна	58	1562	3,7 / 27	низкая	1501, 1626	короткая серия
23	11	Бревно, отдельно лежащее	Б-7	-408	дуб	68	<u>-3</u>	2,6 / 16	сред- няя		низкие коэффи- циенты сходства
24	14	Постройка № 14, бревно венца	Ж-1	-481	сосна	39	1493	2,9 / 23	низкая	1745, 1558	короткая серия
25	7	Столб, отдельно стоящий	Б-10	-	сосна	50	1529	4,6 / 32	низкая	1443, 1644	короткая серия
26	5	Бревно с венца постройки	Б-10	-293	сосна	28	-	-	-		очень короткая серия
27	15	Бревно постройки	Ж-2	-477	сосна	142	1544	17	сред- няя		коэффи- циенты сходства
28	13	Постройка № 9, бревно венца	Е-6	-450	сосна	87	1655	3,7 / 20	сред- няя	1607, 1748	
29	15	Постройка № 9, бревно с венца	Ж-5	-482	сосна	49	1642	3,5 / 25	низкая	1504, 1494	короткая серия
30	14	Постройка №12, бревно венца (за- валинка)	Д-6	-465	сосна	63	1645	2,9 / 21	сред- няя	1706, 1687	
31	15	Бревно постройки	Г-7	-480	сосна	37	1659	5 / 35	низкая	1574, 1471	короткая серия
32	17	Столб, отдельно стоящий	Г-6	-	сосна	75	1517	3,2 / 18	сред- няя	1561, 1627	
33	17	Столб, отдельно стоящий	В-8	-	дуб	50	<u>-24</u>	2,4 / 17	сред- няя		короткая серия
34	16	Бревно постройки	Г-4	-516	сосна	51	1506	3,1 / 21	низкая	1651, 1526	короткая серия
35	18	Столб, отдельно стоящий	Г-8	-	сосна	41	1662	3,1 / 20	низкая	1577	короткая серия
36	18	Столб, отдельно стоящий	В-6	-	дуб	41	<u>-15</u>	3 / 20	сред- няя		короткая серия

Спил №	Пласт №	Элемент деревянного сооружения	Квадрат №	Глубина от точки репера	Порода	Число годовичных колец	Датировка *	t-value / CDI **	Надежность	Другие датировки	Примечание
37	19	Столб, отдельно стоящий	Г-5	-	сосна	24	-	-	-	-	очень короткая серия
38	19	Столб, отдельно стоящий	В-7	-	сосна	30	1565	4,4 / 22	низкая	1572, 1457	короткая серия
39	19	Столб, отдельно стоящий	Д-8	-	сосна	36	1457	3,3 / 22	низкая	1420, 1663	короткая серия
40	20	Столб частокола	Е-1	-	сосна	44	1679	3,1 / 23	низкая	1453, 1507	короткая серия
41	22	Столб частокола	Е-1	-	сосна	51	1726	3 / 19	низкая	1446, 1552, 1652	короткая серия
42	-	Столб, отдельно стоящий	Ж-6/ Е-6	-	дуб	129	<u>0</u>	4,8 / 27	высокая		
43	21	Столб, отдельно стоящий	Д-7	-607	дуб	90	<u>0</u>	3,6 / 23	высокая		
44		Столб, отдельно стоящий	В-7	-638	дуб	100	<u>0</u>	4,4 / 27	высокая		
45		Столб, отдельно стоящий	Г-8	-632	сосна	49	1600	4,2 / 34	низкая	1754	короткая серия
46		Столб, отдельно стоящий	Д-6	-	сосна	34	1675	3,4 / 28	низкая	1644	короткая серия
47		Столб, отдельно стоящий	А-10	-638	сосна	31	1686	4,8 / 37	низкая	1627, 1577	короткая серия
48	21	Постройка № 20, бревно с нижнего венца, северная сторона	А-9	-604	сосна	65	1581	2,9 / 19	низкая	1562, 1606	низкие коэффициенты сходства
49	=	Постройка № 19, центр бревна западной стенки сруба	В-6	-674	-	-	-	-	-		нет образца

* Датировка приводится на основании наибольших показателей коэффициентов сходства t-value и CDI, а также на основании проверки в программе COFESHA. Относительные датировки (для образцов из дуба) приведены жирным подчеркнутым шрифтом. На основании предыдущих исследований нулевой год относительной шкалы (0) примерно соответствует 1620–1630 гг.

** t-value – среднее значение коэффициентов t-value BP и t-value H из программы TSAP.

Приложение 4

В. В. Зайцев, с. н. с.

Отдел нумизматики Государственного Исторического музея

Монеты из раскопок в Смоленске

Нумизматическая коллекция, собранная в ходе проведения археологических работ на участках раскопок 3 и 4, включает 220 экз. монет. Наиболее ранними из них являются пражские гроши (4 экз.) и подражание золотоордынскому дангу.

Подражание представляет собой фальшивую монету, предназначенную для обращения. Оно отчеканено на медной пластине с оловянистым покрытием, придававшим некогда монете «серебряный» блеск. Исследование поверхностного слоя состава металла, выполненное в лаборатории ГИМ экспертом А. В. Будниковым на рентгенофлуоресцентном энерго-дисперсном анализаторе «Призма М (Au)», выявило помимо медной основы присутствие значительного количества олова (46,48%) и ртути (4,33%). Эти данные показывают, что «плакирование» медной основы монеты было осуществлено с использованием оловянной амальгамы. Обе стороны монеты несут на себе грубую имитацию арабской легенды.

Серебряные подражания джучидским дангам получили широкое распространение в русских землях в конце XIV – начале XV в. К этому же времени следует относить и подделки под них. Место чеканки подражания джучидскому дангу, являющемуся наиболее ранней монетой коллекции, в настоящее время установить невозможно. Хотя по ряду причин, касающихся фактуры монеты, не может вызвать сомнений факт изготовления ее в русских землях, однако скорее в южных регионах, а не в самом Смоленске.

Пражские гроши с именем короля Вацлава IV (1378–1419) участвовали в денежном обращении на значительной территории Восточной Европы. Особое распространение эти монеты получили в землях Великопольского княжества Литовского. Выпадение в слой этих монет в Смоленске может быть датировано в рамках всего XV в.

Количество монет, относящихся к XVI в., резко возрастает – 118 экз., что свидетельствует о расцвете городской жизни на иссле-

дованном раскопками участке в этот период. На это же указывает и мощность культурного слоя этого времени. Особенно это относится к участку раскопа 3, где в пластах 3–5 встречен нумизматический материал только XVI в. Следует также отметить, что находки этого столетия представлены исключительно русскими монетами. Среди них полностью преобладают медные пула. Это монеты, чеканенные в Твери, Москве, Пскове, Новгороде. Имеются также две серебряные денги Ивана IV (1533–1584), чеканенные до 1547 г., и одна серебряная копейка Бориса Годунова (1598–1605), чеканенная на рубеже XVI–XVII вв.

В XVII и в начале XVIII в. на местном рынке параллельно обращаются русские монеты и монеты некоторых европейских государств, прежде всего Речи Посполитой, представленные в находках примерно равным количеством экземпляров. Помимо монет польской и литовской чеканки в «западной» части коллекции присутствуют мелкие билонные номиналы, изготовленные в прибалтийских владениях Швеции, и монеты герцогства Пруссии.

Ниже приводится описание всех монет из раскопа 3 с сохранением нумерации полевой описи, но сгруппированных по странам-эмитентам и по возможности расположенных в хронологическом порядке.

Раскоп 3

Русское подражание джучидскому дирхаму

№ 991. Двустороннее подражание золотоордынскому дангу, медь со следами лужения или серебрения. Конец XIV – начало XV в. Пласт 13. Кв. В-1, гл. -445 см.

Чешское королевство

№ 867. Вацлав IV Люксембург (1378–1419). Пражские гроши (2 монеты, скрепленные окислами), серебро (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 23, № 4). Пласт 11. Кв. Е-7, гл. -405 см.

№ 1096. Вацлав IV Люксембург (1378–1419). Пражский грош, серебро (*Рябцевич В. Н.*, 1995. Табл. 23, № 4). Пласт 13. Кв. Е-1, гл. -451 см.

№ 1252. Вацлав IV Люксембург (1378–1419). Пражский грош, серебро (*Рябцевич В. Н.*, 1995. Табл. 23, № 4). Пласт 14. Кв. Б-1 (на детском погребении), гл. -464 см.

Россия

№ 36. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 401). П/м.

№ 50. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 1. Кв. Ж-6, гл. -207 см.

№ 379. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 6. Кв. В-1, гл. -320 см.

№ 682. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 9. Кв. В-5, гл. -375 см.

№ 752. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 10. Кв. Б-5, гл. -387 см.

№ 829. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 11. Кв. А-8, гл. -411 см.

№ 676. Большое московское пуло с изображением крылатой сирены. 1533–1535 гг. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 403). Пласт 9. Кв. А-1, гл. -365 см.

№ 237. Большое московское пуло плохой сохранности, 1533–1535 гг. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202. № 401, 403). Пласт 5. Кв. В-9, гл. -288 см.

№ 710. Маленькое пуло с изображением двуглавого орла. Конец XV – первая треть XVI в. Пласт 9. Кв. Ж-5, гл. -366 см.

№ 993. Маленькое пуло с изображением двуглавого орла. Конец XV – первая треть XVI в. Пласт 13. Кв. А-4, гл. -444 см.

№ 446. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 6. Кв. Е-6, гл. -320 см.

№ 601. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 8. Кв. Ж-6, гл. -348 см.

№ 611. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 8. Кв. Е-6, гл. -344 см.

№ 673. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 9. Кв. Г-6, гл. -366 см.

№ 746. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 10. Кв. В-1, гл. -386 см.

№ 825. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 11. Кв. В-5, гл. -404 см.

№ 1015. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 13. Кв. В-8, гл. -452 см.

№ 1040. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 13. Кв. А-7, гл. -447 см.

№ 903. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 12. Кв. А-7, гл. -428 см.

№ 1014. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 13. Кв. Б-7, гл. -454 см.

№ 1036. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 13. Кв. А-9, гл. -453 см.

№ 1044. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 13. Кв. Б-8, гл. -448 см.

№ 1047. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 13. Кв. Б-8, гл. -448 см.

№ 1239. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 13. Кв. Б-7, гл. -447 см.

№ 1279. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 14. Кв. Б-8, гл. -470 см.

№ 1282. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358). Пласт 14. Кв. Б-8, гл. -469 см.

№ 1293. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 358).

№ 182. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 4. Кв. Ж-7, гл. -271 см.

№ 355. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 6. Кв. Б-4, гл. -301 см.

№ 399. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 6. Кв. Д-7, гл. -304 см.

№ 466. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 7. Кв. Ж-3, гл. -325 см.

№ 571. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 8. Кв. Г-6, гл. -352 см.

№ 600. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 8. Кв. Е-6, гл. -345 см.

№ 602. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 8. Кв. Е-6, гл. -343 см.

№ 606. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 8. Кв. А-8, гл. -349 см.

№ 615. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 8. Кв. Е-5, гл. -346 см.

№ 723. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайду-*

ков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 9. Кв. А-2, гл. -378 см.

№ 990. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 13. Кв. А-8, гл. -446 см.

№ 997. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 13. Кв. В-7, гл. -447 см.

№ 1262. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 14. Кв. А-6, гл. -466 см.

№ 1263. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 14. Кв. А-6, гл. -467 см.

№ 1268. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 193. № 360). Пласт 14. Кв. А-8, гл. -470 см.

№ 550. Тверское пуло с изображением птицы, вправо. Вторая половина XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 194. № 362). Пласт 8. Кв. Ж-1, гл. -353 см.

№ 1299. Тверское пуло с изображением птицы, вправо. Вторая половина XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 194. № 362). Пласт 14. Кв. В-8, гл. -479 см.

№ 1296. Новгородское пуло с изображением женской головы в венце с тремя зубцами. Первая половина XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 209. № 438). Пласт 14. Кв. Б-8, гл. -471 см.

№ 537. Псковское пуло с изображением двуглавого орла. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 211. № 446). Пласт 8. Кв. Ж-2, гл. -354 см.

№ 753. Псковское пуло с изображением двуглавого орла. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 211. № 446). Пласт 10. Кв. Б-4, гл. -390 см.

№ 819. Псковское пуло с изображением двуглавого орла. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 211. № 446). Пласт 11. Кв. В-5, гл. -402 см.

№ 871. Псковское пуло с изображением двуглавого орла. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П. Г.*, 1993. С. 211. № 446). Пласт 11. Кв. Д-9, гл. -412 см.

№ 181. Иван IV Грозный (1533–1584). Денга 1535–1547 гг., Московский денеж-

ный двор, серебро (Мельникова А. С., 1989. Табл. 1). Пласт 4. Кв. Ж-7, гл. -274 см.

№ 295. Борис Федорович Годунов (1598–1605). Копейка 1603 г., серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 3. 8–5). Пласт 5. Кв. Ж-9, гл. -295 см.

№ 603. Борис Федорович Годунов (1598–1605). Копейка 1600 г., серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 3. 4–2). Пласт 8. Кв. Б-8, гл. -342 см.

№ 274. Михаил Федорович (1613–1645). Копейка, серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 8). Пласт 5. Кв. В-9, гл. -284 см.

№ 291. Михаил Федорович (1613–1645). Копейка, серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 8). Пласт 5. Кв. Д-10, гл. -291 см.

№ 365. Михаил Федорович (1613–1645). Копейка, серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 8). Пласт 6. Кв. В-8, гл. -304 см.

№ 687. Михаил Федорович (1613–1645). Копейка, серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 8). Пласт 9. Кв. Г-2, гл. -368 см.

№ 48. Алексей Михайлович (1645–1676). Копейка, серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 12). Пласт 1. Кв. Ж-8, гл. -209 см.

№ 368. Алексей Михайлович (1645–1676). Копейка 1645–1654 гг., серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 12). Пласт 6. Кв. Г-8, гл. -307 см.

№ 385. Алексей Михайлович (1645–1676). Копейка 1645–1654 гг., серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 12). Пласт 1. Кв. Ж-8, гл. -209 см.

№ 108. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 3. Кв. Е-2, гл. -251 см.

№ 152. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 4, Кв. Б-4, гл. -271 см.

№ 173. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 4. Кв. Ж-5, гл. -267 см.

№ 191. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова

А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 4. Кв. Ж-10, гл. -266 см.

№ 232. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 5. Кв. Б-1, гл. -288 см.

№ 256. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 5. Кв. А-6, гл. -287 см.

№ 263. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 5. Кв. Г-9, гл. -286 см.

№ 273. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 5. Кв. Ж-9, гл. -281 см.

№ 276. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 6. Кв. Б-7, гл. -303 см.

№ 328. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 6. Кв. Б-3, гл. -303 см.

№ 346. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 6. Кв. Б-7, гл. -306 см.

№ 376. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4).

№ 398. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 6. Кв. А-4, гл. -303 см.

№ 400. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 6. Кв. А-4, гл. -305 см.

№ 403. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная псковская копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 217, рис. 5). Пласт 6. Кв. А-4, гл. -312 см.

№ 555. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 8. Кв. А-5, гл. -348 см.

№ 122. Медная монета XVI–XVII вв. плохой сохранности. Пласт 3. Кв. Ж-7, гл. -249 см.

№ 306. Медная монета XVI–XVII вв. (?) плохой сохранности. Пласт 4. Кв. Ж-3, гл. -280 см.

№ 380. Медная монета XVI–XVII вв. плохой сохранности. Пласт 6. Кв. Е-2, гл. -303 см.

№ 899. Медная монета XVI–XVII вв. плохой сохранности. Пласт 12. Кв. В-7, гл. -437 см.

№ 998. Медная монета XVI–XVII вв. плохой сохранности. Пласт 13. Кв. В-7, гл. -446 см.

№ 243. Федор Алексеевич (1676–1682). Копейка, серебро. Московский денежный двор (Мельникова А. С., 1989. Табл. 13). Пласт 5. Кв. В-3, гл. -281 см.

№ 114. Петр I (1682–1725). Денга (1/2 копейки) 1706 г., медь (Уздеников В. В., 1992. С. 316. Группа I/Б-г). Пласт 3. Кв. Ж-5, гл. -246 см.

№ 4. Петр I (1682–1725). Полушка (1/4 копейки) 1719 г., медь (Уздеников В. В., 1992. С. 317. Группа II/А-в). Пласт 0. Кв. Д-8, гл. -150 см.

№ 77. Александр I (1801–1825). 2 копейки 1811 г. СПб, медь (Уздеников В. В., 1992. С. 327. Группа XIII/А-а). Пласт 2. Кв. А-1, гл. -233 см.

Речь Посполитая (королевство)

№ 332. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Три гроша польских («трояк»), 1623 г., серебро (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 51, № 6). Пласт 6. Кв. В-8, гл. -308 см.

№ 348. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Полтора гроша польских («чех»), 1622 г., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 42, № 2). Пласт 6. Кв. Е-2, гл. -310 см.

№ 358. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Полтора гроша польских («чех»), 1622 г., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 42, № 2).

№ 354. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Полтора гроша польских («чех»), 1623 г., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 42, № 2). Пласт 6. Кв. Д-7, гл. -308 см.

№ 388. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Полтора гроша польских («чех»), 1622 г., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 42, № 2). Пласт 6. Кв. Е-2, гл. -304 см.

№ 371. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Солид (шеляг) литовский, 1620–21 гг., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 37, № 6). Пласт 6. Кв. Г-7, гл. -303 см.

№ 353. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Два денария литовских («двуденар»), 1620–21 гг., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 37, № 3). Пласт 6. Кв. Г-5, гл. -304 см.

№ 557. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Два денария литовских («двуденар»), 1621 г., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 37, № 3). Пласт 8. Кв. Б-2, гл. -350 см.

№ 558. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Два денария литовских («двуденар»), 1621 г., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 37, № 3). Пласт 8. Кв. В-9, гл. -352 см.

№ 563. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Два денария литовских («двуденар»), 1620 г., биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 37, № 3). Пласт 8. Кв. Д-4, гл. -344 см.

№ 204. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) польский, 1664 г., медь (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 58, № 4). Пласт 4. Кв. Г-10, гл. -275 см.

№ 228. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) польский, 1666 г., медь (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 58, № 4). Пласт 5. Кв. Ж-4, гл. -283 см.

№ 329. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) польский 1659–1668 гг., медь (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 58, № 4). Пласт 5. Кв. В-3, гл. -300 см.

№ 88. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660–1667 гг. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 2. Кв. Д-8, гл. -228 см.

№ 106. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660 г. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 3. Кв. Г-1, гл. -252 см.

№ 111. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660–1667 гг. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 3. Кв. Е-2, гл. -262 см.

№ 127. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1666 г. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 3. Кв. Ж-8, гл. -248 см.

№ 154. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660 г. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 4. Кв. Б-4 (постройка № 1), гл. -275 см.

№ 205. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660 г. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 4. Кв. Г-10, гл. -273 см.

№ 219. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1665 г. (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 4. Кв. Г-8, гл. -270 см.

№ 227. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1663 г. (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 5. Кв. Г-2, гл. -287 см.

№ 268. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1664 г. (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 4. Кв. Ж-3, гл. -273 см.

№ 342. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660–1667 гг. (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 5. Кв. А-4, гл. -294 см.

№ 377. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660–1667 гг. (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 5. Кв. А-4, гл. -294 см.

№ 241. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) 1659–1668 гг., медь (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 58, № 3, 4). Пласт 5. Кв. Д-3, гл. -283 см.

№ 269. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) 1659–1668 гг., медь (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 58, № 3, 4). Пласт 5. Кв. В-9, гл. -283 см.

Шведская Прибалтика

№ 463. Густав II Адольф Ваза (1621–1632). Солид (шиллинг) города Риги, конец 20-х – начало 30-х гг. XVII в., биллон (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 98, № 6). Пласт 7. Кв. В-9, гл. -332 см.

№ 383. Кристина Августа Ваза (1632–1654). Солид (шиллинг) ливонский, 30–50-е гг. XVII в., биллон (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 99, № 2). Пласт 6. Кв. Г-7, гл. -308 см.

Герцогство Пруссия

№ 396. Георг Вильгельм (1619–1640). Драйпёлькер 1627 г., биллон (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 95, № 7). Пласт 6. Кв. В-9, гл. -305 см.

№ 574. Георг Вильгельм (1619–1640). Солид (шиллинг), биллон (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 95, № 6). Пласт 8. Кв. В-7, гл. -348 см.

№ 655. Георг Вильгельм (1619–1640). Солид (шиллинг), биллон (*Рябцевич В.Н.*, 1995. Табл. 95, № 6). Пласт 9. Кв. А-5, гл. -374 см.

Раскоп 4

Россия

№ 10. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт «0».

№ 11. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт «0».

№ 13. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт «0».

№ 106. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 2.

№ 108. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 2.

№ 116. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 2.

№ 117. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 2.

№ 139. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 2.

№ 162. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 3.

№ 231. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 4.

№ 342. Большое московское пуло с изображением орла с распластанными крыльями. Вторая четверть XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202. № 401). Пласт 6.

№ 105. Московское пуло с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (*Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 202, 203. № 405). Пласт 2.

треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 358). Пласт 8.

№ 364. Тверское пуло с изображением птицы, влево, с цветком в клюве. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 358). Пласт 8.

№ 9. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт «0».

№ 149. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 3.

№ 151. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 3.

№ 179. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 3.

№ 207. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 220. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 222. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 225. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 233. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 234. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 241. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 242. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 272. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 275. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 277. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 4.

№ 293. Тверское пуло с изображением птицы, влево. Вторая треть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193. № 360). Пласт 5.

№ 244. Тверское пуло с изображением птицы, вправо. Середина – вторая половина XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 193–194. № 361). Пласт 4.

№ 260. Тверское пуло с изображением птицы, вправо. Середина – вторая половина XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 194. № 362). Пласт 5.

№ 259. Новгородское пуло с изображением человеческой головы в венце с тремя зубцами. Первая половина XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 209. № 438). Пласт 5.

№ 267. Новгородское пуло с изображением человеческой головы в венце с тремя зубцами. Первая половина XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 209. № 438). Пласт 5.

№ 271. Новгородское пуло с изображением человеческой головы в венце с тремя зубцами. Первая половина XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 209. № 438). Пласт 4.

№ 109. Псковское пуло с изображением двуглавого орла. Вторая четверть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 211. № 446). Пласт 2.

№ 152. Псковское пуло с изображением двуглавого орла. Вторая четверть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 211. № 446). Пласт 3.

№ 187. Псковское пуло с изображением двуглавого орла. Вторая четверть XVI в. (Гайдуков П. Г., 1993. С. 211. № 446). Пласт 3.

№ 157. Пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 3.

№ 159. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 3.

№ 164. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 3.

№ 167. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 3.

№ 218. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 4.

№ 226. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 4.

№ 230. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 4.

№ 232. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 4.

№ 238. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 4.

№ 253. Пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 5.

№ 301. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 6.

№ 365. Маленькое пуло плохой сохранности, XVI в. Пласт 8.

№ 236. Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки) 1535–1547 гг., Московский денежный двор, серебро (Мельникова А. С., 1989. Табл. 1). Пласт 4.

№ 13. Борис Федорович Годунов (1598–1605). Копейка, серебро (Мельникова А. С., 1989. Табл. 3). Пласт «0».

№ 1. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт «0».

№ 2. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт «0».

№ 4. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт «0».

№ 5. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт «0».

№ 7. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт «0».

№ 8. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт «0».

№ 79. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 1.

№ 128. Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 2.

№ 118. Алексей Михайлович (1645–1676).

Медная денга (1/2 копейки) 1655–1663 гг. (Мельникова А. С., 1989. С. 215, рис. 4). Пласт 2.

№ 12. Фальшивая монета, имитирующая полушку Петра I, чеканенную в 1718–1722 гг., медь. Пласт «0».

№ 16. Анна Иоанновна (1730–1741). Денга (1/2 копейки) 1738 г., медь. Пласт «0».

№ 70. Анна Иоанновна (1730–1741). Денга (1/2 копейки) 1731 г., медь. Пласт 1.

№ 15. Анна Иоанновна (1730–1741). Полушка (1/4 копейки) 1734 г., перечеканенная из копейки 1727–1728 гг., медь. Пласт «0».

№ 110. Анна Иоанновна (1730–1741). Полушка (1/4 копейки) 1735 г., медь. Пласт 2.

№ 17. Елизавета Петровна (1741–1761). Копейка 1758 г., медь. Пласт «0».

№ 102. Павел I (1796–1801). Деньга (1/2 копейки) 1798 г., медь. Пласт 1.

№ 135. Александр II (1855–1881). 1 копейка 1879 г., медь. Пласт 2.

Речь Посполитая (королевство)

№ 75. Сигизмунд III Ваза (1587–1632). Солид (шеляг) литовский, фрагмент, биллон (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 37, № 6). Пласт 1.

№ 134. Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1666 г. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 57, № 3). Пласт 2.

Шведская Прибалтика

№ 6. Кристина Августа Ваза (1632–1654). Солид (шиллинг), Рига, 1648 г. (Рябцевич В. Н., 1995. Табл. 99). Пласт «0».

Библиография:

Гайдуков П. Г. 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI в. М.

Мельникова А. С. 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М.

Рябцевич В. Н. 1995. Нумизматика Беларуси. Минск.

Уздеников В. В. 1992. Монеты России 1700–1917. М.

Содержание

Введение	5
Краткий очерк истории археологических изысканий в Смоленске	7
Природно-ландшафтная характеристика зоны археологических работ	9
Обобщенная характеристика антропогенных напластований на Подоле Смоленска	10
Глава 1	
Стационарные археологические исследования. Раскоп 3	12
Преамбула	12
Общая характеристика стратиграфии культурного слоя	12
Строительные горизонты (характеристика, инвентарь и датировка)	18
Кладбище	176
Глава 2	
Раскоп 4. Преамбула	185
Стратиграфия и датировка культурного слоя	185
Деревянная застройка	188
Глава 3	
Аналитический обзор материалов раскопок Пятницкого конца Смоленска (вместо заключения)	204
Архивные материалы	298
Литература	300
Приложение 1	
<i>Александровский А. Л., Александровская Е. И.</i> Почвы и культурный слой Смоленска	307
Приложение 2	
<i>Яворская Л. В.</i> Результаты археозоологического исследования коллекции костей животных, полученных в ходе археологических исследований на раскопе № 3 (Набережная в г. Смоленске)	316
Приложение 3	
<i>В. В. Мауковский.</i> Заключение по результатам дендрохронологического исследования	321
Приложение 4	
<i>В. В. Зайцев.</i> Монеты из раскопок в Смоленске	326

Научное издание

**Георгий Николаевич Пронин,
Валентин Енисеевич Сობоль**

**Древний Смоленск.
Археология Пятницкого конца
Выпуск 2**

Верстка: В. Б. Степанов

Художники: Е. В. Дубина, Т. А. Папенкова, А. В. Пожилов

Компьютерная обработка материалов: Ю. А. Соловьёва, А. В. Кирсанов

Подготовка иллюстраций: В. Б. Степанов

Подписано в печать 19.06.2020

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 39,0. Уч.-изд. л. 36,5

Тираж 300 экз. Заказ № 272

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано ИП Чувашова Наталья Владимировна

Адрес: 125635, г. Москва, ул. Новая дом 3

E-mail: rostest-iv@inbox.ru

Тел.: +7(903)511-04-26

ISBN 978-5-94375-280-3

9 785943 752803